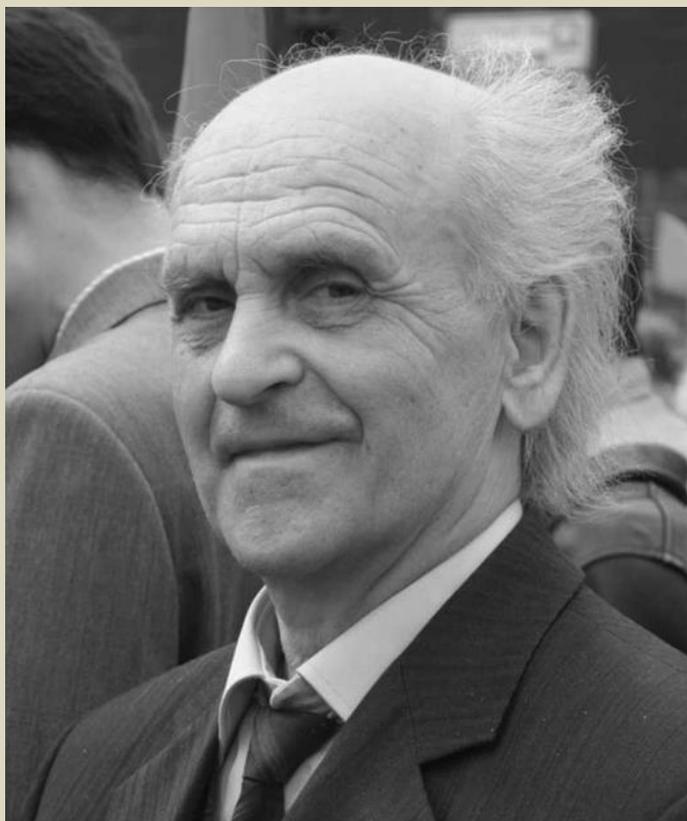

В. А. ВАЗЮЛИН

СТАТЬИ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ

Отсканированные страницы + слой распознанного текста + интерактивное оглавление
v. 1.0 (08.01.2019)

Электронная Библиотека
Международной Логико-Исторической Школы (МЛИШ)

ЗА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО

В. А. Вазюлин

Проблема соотношения исторического и логического — одна из важнейших проблем диалектической логики. В последние годы эта проблема в целом и отдельные ее аспекты (такие, в частности, как отношение логики истории науки к логике теории науки; место, роль, логический механизм взаимодействия исторических и теоретических знаний в процессе обучения и исследования и т. д.) привлекает к себе все большее внимание. Исключительную пользу для ее всестороннего решения приносит и может принести в дальнейшем обращение к классическим образцам диалектической мысли, которые мы находим в трудах Маркса, Энгельса, Ленина. Их изучение — задача весьма сложная, и ясно, что в этом трудном деле могут быть допущены неточности в решении ряда вопросов даже самым глубоким исследователем. Ниже речь пойдет о некоторых неточностях в трактовке взглядов Маркса и Энгельса на проблему исторического и логического, которые (неточности) влияют в ряде случаев на самую постановку вопроса и приводят к противоречиям.

Общезвестно, что любой труд, любое исследование не могут быть поняты достаточно глубоко, если не принимаются во внимание исторические условия его создания, цели и задачи автора, ибо тогда закрываются двери, ведущие к специфическому содержанию произведения. Между тем, когда речь идет о таких работах, как экономические рукописи 1857—1858 гг. («Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie»), «К критике политической экономии», «Капитал», «Теории прибавочной стоимости», этот методологический принцип не всегда учитывают в полной мере. Отступления от него имеют место в работах как философов, так и экономистов.

Характеристика проблемы исторического и логического в советской литературе опирается главным образом на замечательные рассуждения К. Маркса во введении к рукописям 1857—1858 гг. (раздел «Метод политической экономии») и рецензию Ф. Энгельса на произведение Маркса «К критике политической экономии». Трактовка последних определяет постановку проблемы у философов-марксистов и пути ее дальнейшей разработки. Отсюда ясно, как важно строгое и точное толкование этих работ. Выраженные в них взгляды на рассматриваемый вопрос принято считать тождественными (см., например, работы Б. А. Грушина, Э. В. Ильенкова и др.). Однако, если обратить внимание на контекст упомянутых трудов Маркса и Энгельса, если выявить те различные конкретные цели, которые ставили перед собой великие мыслители, можно будет обнаружить разницу в постановке и освещении ими проблемы исторического и логического. Их взгляды по существу идентичны, ибо они относятся к одной и той же проблеме исторического и логического, но внимание сосредоточено на различных ее сторонах.

Представление о том, что Маркс и Энгельс обращаются к одной и той же стороне проблемы, приводит к неверному заключению о проти-

воречии между взглядами Маркса и взглядами Энгельса по этому вопросу. Обычно это неверное представление проявляется в том, что, не замечая специфики воззрений Маркса, их отождествляют с положениями Энгельса. Это свидетельствует не только о недостаточном понимании контекста «Введения» к рукописям 1857—1858 гг., но и о том, что не выявлены условия применимости воззрений Энгельса. Основная цель Ф. Энгельса состоит в определении главной задачи политико-экономического исследования К. Маркса и способов ее решения. Понимание капиталистической общественно-экономической формации в процессе ее возникновения, развития и гибели предполагало прежде всего воспроизведение *развитых* буржуазных отношений и критику их литературного отражения. «Политическая экономия (речь идет о всей существовавшей к тому времени политико-экономической науке, в том числе и буржуазной. — В. В.) есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому развитые буржуазные отношения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 489).

Следовательно, политэкономия как наука, отражающая экономический строй капиталистического общества, становится возможной лишь тогда, когда возникает современное буржуазное общество, когда уже имеются развитые буржуазные отношения, — без этого нет и науки политэкономии. Зачатки буржуазной экономической науки имеются уже в работах Петти, Буагильбера. Физнократы «в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, изд. 2-е, стр. 12). А. Смит превратил буржуазную политэкономию в систему экономических знаний. Вершины она достигла в трудах Д. Рикардо. Деятельность названных экономистов относится к разным стадиям развития капитализма. Однако Ф. Энгельс характеризует их с точки зрения, строго определенной задачей рецензии: все они в той или иной мере подвергали исследованию развитые буржуазные отношения и их зародыши. Таким образом, Энгельс в прямом соответствии со своей целью отвлекается от рассмотрения различных стадий развития капитализма, от рассмотрения перехода феодализма в капитализм и принимает во внимание лишь те специфические стороны капитализма, которые сохраняются, воспроизводятся на высшей ступени развития. При этом само возникновение развитых буржуазных отношений и их отражение в политико-экономических трудах предстает в сугубо определенном аспекте: выделяются только те стороны низших стадий капитализма, которые сохраняются, воспроизводятся во всем последующем закономерном его развитии.

Отсюда необходимо вытекает признание полного совпадения исторической и логической последовательности при воспроизведении именно *внутренних, сущностных* отношений процесса развития, ибо сама история изучается лишь с точки зрения того, что сохраняется, воспроизводится на высшей стадии развития; от специфики предшествующих стадий мысль (в общем и целом) отвлекается. Для получения такого мыслительного образа развития капитализма не имеет существенной разницы, будет ли предмет изучаться исторически или логически. Энгельс так и пишет, что историческая форма критики буржуазных отношений и их литературного отражения оказалась бы «в лучшем случае только более популярной» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 497). Следовательно, никакого нового знания, никаких новых закономерностей объекта изучения исторический способ в этих условиях не вскрывает. Логический способ в данном отношении совпадает с историческим. «При этом методе, — пишет Энгельс, — мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а

действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, ишли свое разрешение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 497—498). «Мы видим, — продолжает на стр. 499 Ф. Энгельс, — что при этом методе логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью». В данном случае логический способ по своей сути одновременно оказывается историческим, а исторический — логическим.

В соответствии с целью рецензии Ф. Энгельс не останавливается подробно на различии исторического и логического способов исследования и изложения, но лишь указывает, что они не тождественны даже в том случае, если процесс развития изучается с точки зрения того, что воспроизводится на его зрелой стадии и если в общем и целом происходит отвлечение от специфики менее развитых стадий. Для исследователя, который руководствуется этой задачей, отличие исторического способа от логического заключается в том, что первый не может освободиться от исторических случайностей, скачков и зигзагов, ибо он следует за хронологией событий и рассматривает их литературные отражения по мере появления последних на свет. Второй же способ отвлекается от исторических случайностей, скачков и зигзагов, рассматривает каждый момент исторического процесса в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, «своей классической формы» (там же, стр. 497). В силу отвлечения от исторических случайностей и т. п., благодаря возможности взять каждый момент процесса развития в его «полной зрелости» и «в классической форме», исторический процесс предстает перед умственным взором исправленным, но исправленным соответственно его собственным законам развития. Но при том и другом способах воспроизводится в конечном счете процесс развития от простого к сложному. Исследователь, применяющий логический способ, когда принимается во внимание в первую очередь степень обнаружения сущности в явлении, отвлекается от хронологии событий, в противоположность историческому способу, при котором мысль воссоздает законы исторического процесса через хронологическое описание явлений.

Однако означает ли это, что происходит отвлечение от всякой временной последовательности? Видимо, нет. Если временная последовательность обнаружения явлений на поверхности при логическом способе опускается, то не может быть предана забвению временная последовательность внутренней структуры процесса развития от простого к сложному. Причем последняя изучается в этом случае лишь постольку, поскольку она сохраняется, воспроизводится на зрелой стадии развития предмета.

В связи с тем, что в конце 50-х годов XIX в. не существовало истории буржуазного общества, или во всяком случае она находилась еще в зародышевом состоянии и работа по ее созданию представлялась не-обозримой, Энгельс оставляет в стороне вопрос о новых моментах познания капитализма, которые могут быть получены в результате написания истории буржуазного общества и истории буржуазной политической экономии. Поэтому он лишь указывает, что исторический способ отличается от логического обнаружением исторических случайностей и исторической формы. Все внимание сосредоточено на доказательстве того, что и при отсутствии такой работы исследователь способен вскрыть сущность развития буржуазного производства (в первом приближении)¹. Поэтому

¹ Нельзя не заметить, что завершение работы Маркса по изучению стадий развития капитализма, полное объяснение их специфики произошло после написания рецензии Энгельса. Так, например, в полной мере исторический момент в определении машины был учтен не в 50-х, а в начале 60-х годов прошлого века.

в рецензии Энгельса центр тяжести лежит в выявлении единства логического и исторического способов критики политэкономии. Соответственно, в работах марксистов, посвященных проблеме исторического и логического, исследуется прежде всего *единство* исторического и логического, подчеркивается, что историческое и логическое в общем и целом совпадают, что как история науки (исторический способ), так и теория науки (логический способ) в общем и целом движутся за развитием самого объекта.

Различие теории науки и истории науки исследуется недостаточно, оно обычно лишь отмечается. Различную последовательность движения мысли, например, в истории экономических учений и в экономической теории К. Маркса, как она зафиксирована в «Капитале», сводят к историческим случайностям. Стремление опереться здесь на Энгельса не оправдано, ибо мы видели, что он в рассматриваемой рецензии преследовал строго определенную конкретную цель и потому рассматривал отношение исторического и логического в строго определенном аспекте. Однако это обстоятельство не полностью принимается во внимание. Различие исторического и логического, в том числе историческая форма, фактически сводится к историческим случайностям. При таком подходе остается непонятной необходимость существования собственно исторических наук, специфика их предмета, то новое знание, которое они дают для понимания внутренних законов процесса развития в отличие от теории науки.

Каков познавательный, научный смысл истории науки, помимо того, что она дает то же самое, что теория, только более популярно, в форме проявления необходимости через случайности? Имеет ли история науки какое-то гносеологическое значение, помимо того познавательного эффекта, которое дает знание исторических случайностей, и если да, то какое именно, при условии, что *теория этой науки уже создана*? Возможно ли свести историческую форму только к историческим случайностям, скачкам и зигзагам?

М. М. Розенталь, например, следующим образом характеризует существо соотношения исторического и логического: «Для логического как воспроизведения истории познания (и истории вообще. — В. В.) характерны две важнейшие черты: 1) сжатое сокращенное воспроизведение исторического, очищенное от всего случайного и второстепенного, освобожденное от конкретной исторической формы развития познания; в логическом историческое, так сказать, сконденсировано, переплавлено, преобразовано; 2) логическое воспроизводит историческое на высшей основе, т. е. на основе достигнутой современным уровнем познания, оно перерабатывает историческое с точки зрения современной, наиболее развитой ступени познания» (М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 182). Содержание первой черты охватывается очевидным образом формулой: логическое — то же самое, что историческое, но очищенное от всякого рода скачков, зигзагов, случайностей. Раскрывая ее содержание, автор совершенно справедливо указывает, что исторически случайное для внутренних законов данного процесса развития (в этом случае для внутренних законов движения логического познания) может быть необходимым с точки зрения законов развития других процессов: Вторая черта рассматривается в дальнейшем главным образом с той стороны, что «...достигнутая сейчас ступень познания есть та вышка, с которой можно правильно понять закономерности самой истории» (там же, стр. 188). Основные элементы этого взгляда, по-видимому, таковы: в высшей ступени развития сохраняются все необходимые условия и стороны возникновения и существования предмета. Стороны и условия, исчезнувшие на высшей стадии развития, не являются необходимыми, для нее относятся к категории исторически случайного, хотя и могут быть необходимыми с точки зрения других законов.

Э. В. Ильенков в своем весьма цельном исследовании диалектической логики прямо пишет: «...логическое рассмотрение высшей степени развития предмета, уже развившейся системы взаимодействия, выявляет картину, в которой сохраниены все действительно необходимые условия ее возникновения и эволюции и отсутствуют все более или менее случайные, чисто исторические условия ее возникновения» (Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., Академиздат, 1960, стр. 195).

В работе Б. А. Грушина «Очерки логики исторического исследования» (М., «Высшая школа», 1961) подробно исследуется единство и различие исторического и логического способов. Сама сущность их понимается своеобразно. Указывается на действие логического способа в условиях неприменимости исторического и, наоборот, на действие исторического в условиях неприменимости логического. В условиях же полной применимости того и другого способов использование каждого из них дает одинаковый результат (это следует из определения конечной цели обоих способов на стр. 176). В таком случае после осуществления теоретического исследования исторический способ применяется с целью проверки результатов логического способа, а также с целью популяризации этих результатов (стр. 206) и потому ничего нового в понимание сущности процесса он не вносит.

Очевидно, что с точки зрения вышеупомянутых авторов историческое рассмотрение не может ничего прибавить для понимания необходимых условий возникновения предмета. Следовательно, для понимания внутренних законов высшей степени развития необходимо обращаться только к ней, отвлечение от специфики предшествующей стадии не скажется существенно на исследовании внутренних законов высшей стадии.

Не случайно многие пособия по истории науки ограничиваются в основном историческими иллюстрациями или дают более или менее точное описание фактов, не показывая четко того нового знания, которое рождается в результате изучения истории науки, не вскрывая самую структуру закономерного развития ее истории. Сказанное относится даже к таким работам, как «Химия и пути ее развития» Б. Н. Мечешуткина (Л., изд. АН СССР, 1937), «История экономических учений» И. Г. Блюмина (М., «Высшая школа», 1961). И. Г. Блюмин, например, как правило, считает достаточным выявить новые положения, содержащиеся в той или иной работе К. Маркса и Ф. Энгельса по сравнению с их предшествующими произведениями, без объяснения причин выдвижения именно этого, а не другого положения, именно в данное, а не в другое время, именно в этой, а не в какой-либо другой форме. Он не указывает на то новое знание, которое дает знакомство с историей политической экономии. Из текста на стр. 59 с очевидностью следует, что автор в понимании проблемы исторического и логического ограничивается формулой: логическое есть историческое, очищенное от исторических случайностей. Он по существу сводит все аспекты проблемы к одному и при этом подчеркивает лишь момент единства исторического и логического. «Энгельс писал, — замечает И. Г. Блюмин, — что с чего начинается история, с того же должен начаться ход мыслей, а его дальнейшее движение будет представлять собою не что иное, как ограждение исторического процесса... Он писал, что Маркс начинает свой анализ с экономической структуры буржуазного общества, с того, с чего начинается история, т. е. с товара».

Но в каких работах Маркс начинает с товара? В «К критике политической экономии» и в «Капитале». В рукописи же 1857—1858 гг. (работа, непосредственно предшествующая названному) Маркс не начинает, а заканчивает ее главой о товаре. Причем эта глава занимает всего полторы страницы. С точки зрения И. Г. Блюмина последовательность рассмотрения капитализма в рукописи может быть только случайной.

если она отличается от последовательности его рассмотрения в «Капитале». Однако, как нам представляется, не все необходимые условия возникновения процесса развития сохраняются в его результате, в высшей стадии его развития. К этому выводу приходит исследователь, если он не сводит все стороны проблемы исторического и логического к аспекту, подчеркнутому Энгельсом в рассмотренной рецензии, и учитывает ту сторону вопроса, которая отмечена Марксом в «Введении» к рукописи 1857—1858 гг. Ход мыслей при изложении окончательных результатов систематического исследования предмета может закономерно отличаться от хода мыслей в процессе исследования. Лишь в изложении окончательных результатов возможно начать с действительной исходной точки развития предмета. В процессе же исследования необходимо начинать с более сложных сторон предмета. К. Маркс пишет по данному поводу: «Они (физиократы. — В. В.) рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в элементарной форме, так же, как историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 43). Из этого, в частности, следует, что метод изложения окончательных результатов (логическое) по своему существу не только совпадает, но и отличается от процесса исследования (исторического). Следовательно, не ко всем условиям применимы приведенные И. Г. Блюминым слова Энгельса.

Но чем объясняется такое несовпадение хода мыслей и хода развития самого предмета? Как оно возникает, при каких условиях? Абсолютизация одной стороны гениальной формулы Энгельса не позволяет автору поставить этот вопрос. На первый взгляд, может показаться, что проблема специфики исторического познания излагается в «Очерках логики исторического исследования» Б. А. Грушина. Однако при более близком знакомстве оказывается, что автор считает отношение «наука—история науки» таким, которое не касается логики исторического исследования, «...поскольку там речь идет не о логике истории, а о истории логики» (Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М., «Высшая школа», 1961, стр. 30). Но правомерно ли неисторически рассматривать логику исторического исследования? Не выступают ли в таком случае некоторые моменты исторического исследования не как развивающиеся, а как неизменные?

Сведение при всех условиях различия между историческим и логическим к историческим случайностям, зигзагам и скачкам дает о себе знать и в смешении истории с ее протекающими во времени качественно своеобразными этапами (см. работу Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса», стр. 193—219).

Неисторический подход к высказываниям классиков марксизма по методологическим вопросам приводит в ряде случаев к противоречиям. Так, Б. А. Грушин в упомянутой книге на стр. 206, говоря об условиях работы К. Маркса над «Капиталом», цитирует известные слова Ф. Энгельса: «...нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как отсутствует всякая подготовительная работа. Таким образом, единственно уместным был логический способ рассмотрения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 498). На странице же 207, характеризуя условия применимости исторического способа, автор пишет: «Приступая к логическому воспроизведению капиталистической системы, а следовательно, к логической критике политической экономии, Маркс — еще до такого исследования и с целью такого исследования — анализирует гигантский материал по истории науки политической экономии. «Теории прибавочной стоимости» исторически предшествуют «Капиталу». Таким образом, с одной стороны, Б. А. Грушин полагает, что К. Маркс, работая

над «Капиталом», не мог писать историю политической экономии и должен был пользоваться логическим способом, как единственно возможным, а с другой, чтобы написать «Капитал» и прежде чем использовать логический способ, К. Маркс должен был исследовать историю политической экономии, т. е. с точки зрения Б. А. Грушина (и в этом мы согласны с ним) применить исторический способ. Следовательно, по мнению автора, создавая «Капитал», Маркс не мог писать историю политической экономии и одновременно, чтобы создать «Капитал», Маркс не мог не написать ее.

Противоречие исчезает, если учесть ряд исторических обстоятельств. Во-первых, слова Ф. Энгельса не относятся непосредственно к «Капиталу». В рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» Ф. Энгельс характеризует исследование буржуазной экономии на основании этой работы, представляющей фактически лишь введение к изложению взглядов К. Маркса на собственно капитал, и на основании главы о капитале из рукописи Маркса 1857—1858 гг. Маркс в этот период предполагал завершить исследование капиталистических экономических отношений, подготовив к печати рукопись главы о капитале. Однако в дальнейшем выяснилось, что для завершения изучения капитала необходим дополнительный гигантский труд, который занял многие годы. После 1859 г. Маркс проделал истинные «бесконечную работу». И именно после написания рецензии Энгельса им было окончательно разработано учение о ступенях развития капитализма (простой кооперации, мануфактуре и особенно машинном производстве), завершено создание учения об абсолютной и относительной прибавочной стоимости и соответствующих исторических периодах буржуазного способа производства, написаны колоссальные «Теории прибавочной стоимости», мыслившиеся в 1859 г. лишь как исторический экскурс к первой теоретической части «Капитала», подобно тем историческим экскурсам, которыми Маркс сопровождал каждую главу «К критике политической экономии».

Обычно, характеризуя проблему исторического и логического, прежде всего основываются на высказываниях К. Маркса о методе политической экономии во «Введении» к рукописям «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie» и письмах о «Капитале». При этом не отмечают того, что в контексте рассуждений Маркса центр тяжести перемещается на иной, нежели у Энгельса, аспект соотношения исторического и логического, ибо Маркс преследовал в данном случае иную конкретную цель. Отождествление различных аспектов этой проблемы приводит, как мы видели, к противоречиям. Нужно отметить, что Энгельс в рецензии на произведение «К критике политической экономии» характеризует в общей форме противоположность метода Гегеля методу Маркса, но не сравнивает непосредственно взгляды Маркса и Гегеля на историческое и логическое. Исторический и логический способ критики рассматриваются в ней безотносительно к идеалистическому методу Гегеля и к лишенным историзма воззрениям буржуазных политэкономов; рецензия подчеркивает лишь их положительное содержание как способов развития политэкономии.

Иную задачу ставит перед собой Маркс в рассуждении о методе политической экономии. Обосновывая диалектико-материалистический взгляд на процесс восхождения от абстрактного к конкретному, Маркс противопоставляет его, с одной стороны, гегелевскому, с другой стороны, неисторическим, метафизическим методологическим принципам буржуазных политэкономов. С последовательно материалистической точки зрения Маркса, «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, изд. 2-е, стр. 727). Поэтому в процессе восхождения все время имеется в виду реальный субъект (в данном случае развитое бур-

жуазное общество), как предпосылка, как нечто самостоятельное, и происходит переработка созерцания и представлений в понятия» (там же). Гегель же в соответствии с идеалистическими воззрениями полагаю, что «реальное следует понимать как результат себя в себе синтезирующего (*des sich in sich zusammenfassenden*), в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления» (там же).

Отсюда естественно вытекает разница в трактовке вопроса о категориях. «Простейшая экономическая категория, — развивает свой взгляд К. Маркс, — например меновая стоимость, предполагает население, — население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого. Напротив, как категория, меновая стоимость ведет допотопное существование» (там же). Для идеалистического сознания, не принимавшего во внимание ни того, что существует реальный субъект, который должен «постоянно витать в нашем представлении как предпосылка», ни того, что в самом процессе восхождения от абстрактного к конкретному продолжается переработка созерцания и представлений в понятия, такое ограниченное понимание движения мысли от абстрактного к конкретному служит основанием для утверждения, будто переход сознания от одной категории к другой и есть процесс появления самого реального конкретного. В связи с этим Маркс и задает вопрос: «Однако не имело ли место также независимое историческое или естественное существование этих простых категорий до существования более конкретных категорий?» (там же, стр. 728).

Очевидно, что речь идет о том: не существуют ли в самой реальной материальной действительности простые отношения, фиксируемые сознанием в простых категориях, раньше более конкретных отношений? Иначе говоря, существуют ли стороны данного конкретного целого до появления этого целого? Поскольку «при развитии экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект — в данном случае современное буржуазное общество, — и что категории выражают поэтому формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта» (там же, стр. 732), то указанный вопрос принимает такую форму: существуют ли отдельные стороны современного буржуазного общества до появления этого общества? Все примеры К. Марксом подобраны именно в этом плане: выясняется возможность существования меновой стоимости, денег и т. п. до капитализма и те изменения, которые они приобретают с возникновением буржуазного строя. Например, «деньги, — пишет К. Маркс, — могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 483). Но если имелись деньги и не было капитала, наемного труда, то не ясно ли, что речь идет о деньгах до появления капиталистического общества. При капитализме деньги становятся отношением, подчиненным капиталу, наемному труду и т. д. Между тем у Энгельса рассматривались разные способы воспроизведения именно развитого капиталистического общества, современниками которого были К. Маркс и Ф. Энгельс. У Маркса же проводилось сравнение с добуржуазными и небуржуазными формами производства.

Маркс подчеркивает связь различных общественных форм в противоположность тем буржуазным экономистам, «которые смазывают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные» (там же, стр. 732), отмечает своеобразие различных общественных форм по отношению к капитализму. С другой стороны, если в лице иных ученых буржуазная экономическая наука не отождествляла свою эпоху с прошлым, то ее критика прежнего, именно — феодального

общества, с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, с которой христианство выступало по отношению к язычеству или протестантизм по отношению к католицизму» (там же, стр. 732). Понятно, что здесь Маркс в противовес этому показывает единство буржуазной общественной формы с предыдущими (причем как черту, общую для всякого процесса развития). В противоположность буржуазным экономистам Маркс сравнивает современное ему капиталистическое общество с добуржуазными общественными формами и различия между первым и последним называет историческими. Поэтому историческая последовательность определяется как последовательность смены сторон различных общественных форм в противоположность разделению сторон в развитии буржуазном обществе.

Возвращаясь к приведенному выше примеру, историческая последовательность — переход от денег, как они существовали до капитализма, к деньгам, как они существуют при капитализме. Логическая последовательность есть переход от денег, модифицированных появлением капитала, наемного труда и т. д., к самому капиталу и т. д. Эти два типа переходов и совпадают и не совпадают друг с другом в самой сущности. Или, например, если сравнивается феодализм и капитализм, рассматривается переход феодализма в капитализм, то сначала должна быть изучена феодальная земельная рента, ибо именно она господствует в средневековье, затем возникновение капитала и превращение феодальной земельной ренты в буржуазную. Эту последовательность К. Маркс и называет в данном случае исторической. Если же исследование направляется на развитые буржуазные отношения, на их специфику, то изучение должно быть начато с капитала, как господствующего в буржуазном обществе отношения, и продолжено рассмотрением капиталистической земельной ренты. Такую последовательность, исходя из контекста работы Маркса, в нашей литературе называют логической последовательностью.

Итак, историческое, согласно взгляду К. Маркса, выраженному в введении к рукописям 1857—1858 гг., есть отношение процесса развития, предшествовавшего данному процессу развития к последнему, или переход от одного качества к другому (т. е., в рассматриваемом случае, отношение добуржуазных экономических отношений к буржуазным, что по существу тождественно переходу добуржуазных отношений в буржуазные). Историческая последовательность — последовательность, в которой те или иные стороны играли решающую роль в предшествующем и современном качестве развития (сравнивается данное качество с предшествующим ему качеством, буржуазное общество — с предшествующими общественно-экономическими формациями). Логическая последовательность в таком случае — последовательность субординированных специфических отношений внутри данной зрелой ступени развития, т. е. субординация специфических сторон внутри данного качества (внутри капитализма). В высказываниях К. Маркса об исторической и логической последовательности имеется в виду сущность исторического процесса. Действительно, разве, например, переход от господства земледелия и подчиненного положения промышленности при феодализме к господству промышленности и подчиненному положению земледелия при капитализме, который Маркс называет историческим переходом, есть поверхность процесса развития?

Употребление в данном смысле терминов «историческая и логическая последовательность» необходимо приводит к выводу, что в данном аспекте историческое от логического отличается не только историческими случайностями, зигзагами и скачками, но и необходимыми чертами. Поэтому нельзя абсолютизировать тот аспект проблемы, который выделяется Ф. Энгельсом в соответствии с целями рассмотренной нами рецензии, и отождествлять этот аспект со всей проблемой в целом.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают одну и ту же *единую* проблему, но с разных сторон.

В самой сущности процесса развития имеет место закономерное единство и различие между переходом от старого качества к новому и уже созревшим новым качеством, между переходом к новому и самим новым. Поэтому и последовательность рассмотрения сторон первого не только имеет необходимое единство с последовательностью рассмотрения сторон второго, но и закономерные (а не случайные) различия. Переход, возникновение — переход от чего-то к чему-то, он не сводится лишь к тому, что формируется. Поскольку же старое качество имеет свою специфическую и необходимую взаимосвязь внутренних сторон, а новое качество — иную, свою специфическую и необходимую взаимосвязь этих сторон, то переход от старого качества к новому означает перестройку специфических и необходимых взаимосвязей старого качества. Очевидно, что рассматриваемое так возникновение нового качества должно включать в себя и специфические закономерности старого качества. Последовательность рассмотрения возникновения нового качества будет с необходимостью отличаться от последовательности рассмотрения сторон зрелого нового качества. Возникновение капитализма — переход от специфических законов феодализма к специфическим законам капитализма. Во взаимоотношениях сторон уже возникшего капитализма не сохраняются специфические законы феодализма. Таким образом, из контекста работы К. Маркса вытекает формула: логическое отличается от исторического не только историческими случайностями, но и особыми закономерностями.

Эта формула при единстве взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на сущность отношения исторического и логического свидетельствует о том, что Энгельс, отвлекаясь в своей рецензии от рассмотрения исторической формы, однако, не приравнивал ее к случайностям, нарушающим ход исторического процесса. Такая интерпретация взглядов классиков марксизма направляет внимание на специфические закономерности истории науки, процесса исследования, которые затем исчезают в теории науки, в результате исследования, но без которых были бы невозможны ни эта теория, ни этот результат и которые необходимы для понимания самой сущности теории.

Знакомство с литературой, трактующей проблему исторического и логического, позволяет заметить, что все авторы ставят ее фактически как отношение *результатов* исследования к развитию действительного предмета. Это не случайно, ибо сравнивается движение мысли только в «К критике политической экономии» и «Капитале» с развитием капиталистических отношений. Однако, если не исследуются рукописи К. Маркса в целом (а не только введение к рукописям 1857—1858 гг.), то метод исследования предстает лишь в своем результате, ускользает отличие способа исследования от способа изложения. Как известно, в «К критике политической экономии» и «Капитале» К. Маркс подводит итог многолетним исследованиям, излагает достигнутые результаты. Отсюда не следует, конечно, что изучение этих работ ничего не дает для понимания способа исследования Маркса. Этот способ сохраняется в них, но в «снятом» виде. От него остается то, что ему обще со способом изложения результатов исследования и исчезает то, что отличает его от изложения. А ведь сам К. Маркс не отождествлял их: «...способ изложения, — писал он, — не может по форме (мы переводим слово «formell» не в значении «формальный», а в другом его смысле: «по форме») не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 23, стр. 21).

Способ изложения и способ исследования в самой своей сущности не только едины, но и различны. Выше в другой связи приводились слова К. Маркса о необходимости для всех наук в их историческом развитии решать вопрос в сложной форме, прежде нежели они решили его в элементарном виде. Но этот закономерный этап исследования исчезает в изложении окончательных результатов, которое начинается с действительного «исходного пункта» развития предмета. Именно различие способа исследования от способа изложения отсутствует в «К критике политической экономии» и «Капитале», ибо они есть завершение исследования.

В нашей литературе проблема исторического и логического ставится лишь как вопрос об отношении именно и только тех сторон процесса исследования, которые сохраняются в процессе изложения, к развитию исследуемого материального предмета, вещи, процесса. Но ведь реальный процесс исследования никогда не совершается лишь в том виде, какой он приобретает в процессе изложения готовых результатов. Такая постановка проблемы с самого начала оказывается препятствием к изучению особенностей исследовательской работы К. Маркса и Ф. Энгельса до того ее этапа, когда стало возможным в полной мере изобразить действительное движение предмета исследования. Описанные выше неточности в постановке проблемы исторического и логического в известной мере влияют на направление и степень ее разработки, а также и на характер изучения комплекса связанных с ней вопросов. Ибо, если способ изложения (результат, логическое) есть способ исследования (процесс, историческое), только очищенный от случайных шагов исследования, то изучение специфики исследования по отношению к изложению в трудах и рукописях Маркса, предшествовавших «К критике политической экономии» и «Капиталу», не может вызвать серьезного интереса.

Но если отличие исторического (способ исследования) от логического (способ изложения) и логического от исторического составляют не только исторические случайности, то возможно понимание исследования как процесса, имеющего по отношению к процессу изложения и общие, и специфические закономерности.

Кафедра истории марксистско-ленинской философии философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 — 1964

ФИЛОСОФИЯ

В. А. ВАЗЮЛИН

К ВОПРОСУ О «МЕХАНИЗМЕ» РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Нарастающая лавина научных исследований в современную эпоху: проникновение науки во все более отдаленные от непосредственно окружающей человека среды области требуют, в частности, дальнейшей детализации изучения «механизма» развития теории. Чрезвычайная сложность и многосторонность теоретического познания заставляют нас выделить для рассмотрения лишь некоторые вопросы. Ниже мы остановимся на своеобразии процесса теоретического познания сравнительно с его результатом и на специфических противоречиях развивающейся теории, исчезающих тогда, когда она принимает более или менее законченный вид. Такого рода противоречия относятся к области субъективной диалектики. Они не имеют непосредственного аналога в объективной действительности и на поверхности проявляются так же, как формальнологические противоречия, хотя и не являются ими.

В нашей литературе¹ эти противоречия нащупываются, но, к сожалению, не указываются отчетливо ни их источник, ни их стороны. М. М. Розенталь сам, видимо, чувствует недостаточную определенность своего решения. Изложив свои взгляды по данному вопросу, он пишет: «Может быть, после сказанного некоторые читатели хотели бы сделать еще один вывод, а именно тот, что нет смысла считать рассмотренные выше противоречия логическими, поскольку за такими противоречиями скрываются объективные диалектические противоречия действительности»². И далее, не выдвигая никаких дополнительных аргументов, автор лишь предостерегает читателя, что такой вывод был бы неправильным.

Выводы советских авторов по проблемам диалектической логики в значительной мере строятся на материале «Капитала» К. Маркса. В настоящее время уже имеются глубокие работы, раскрывающие логику «Капитала». Однако осознанно или неосознанно в них почти ничего не говорится о логических проблемах в других политэкономических

¹ См., например, М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. Соцэк-гиз, 1960; П. В. Копнин. Диалектика как логика. Изд-во Киевского ун-та, 1961.

² М. М. Розенталь. Ук. соч., стр. 341.

трудах К. Маркса, ибо предполагается, что логика «Капитала» исчерпывает всю логику исследования К. Маркса. Выходит, что обращение к предшествующим работам великого мыслителя будто бы не может дать ничего существенно нового по сравнению с рассмотрением логики «Капитала». Нам представляется, что логика исследования К. Маркса до написания «Капитала» имеет ряд существенных моментов, которые нельзя обнаружить, анализируя только «Капитал».

Попытка выявить специфику этой логики по сравнению с логикой «Капитала» тотчас же приводит к вопросу о специфике процесса возникновения теории по сравнению с ее результатом. Очевидно, речь идет об одном из аспектов проблемы исторического и логического. Историческое — возникновение теории, процесс исследования в отношении к объекту, логическое — возникшая теория, результат исследования в отношении к объекту. Возникновение и развитие теории есть переход от старого качества знания к новому, возникшая теория есть возникшее новое знание.

Рассмотрим специфику логики перехода от старой теории к новой по сравнению с логикой новой теории, или специфику перехода от менее глубокого уровня теорий к более глубокому. При этом необходимо предварительно подчеркнуть следующие обстоятельства. Одна из основных (если не основная) закономерностей развития теории — осмысление фактов в процессе критики уже сложившегося объяснения системы понятий. Новая теория, как и всякий более глубокий уровень ее, не образуется непосредственно из фактов, а только через посредство переработки старой теории или прежнего уровня новой теории. Поэтому связь теории с фактами отнюдь не проста и не непосредственна, а сложна и опосредована, опосредованность же связи растет по мере развития теории. Не случайно, что в современной физике, все более удаляющейся от мира, непосредственно доступного человеку, и вынужденной строить все более сложные цепи рассуждений, связывающих теорию с экспериментом, с фактами, получило права гражданства разделение на «теоретиков» и «экспериментаторов».

Известно, что формы общественного сознания, идеологии, хотя и определяются в конечном счете развитием материальных условий жизни общества, имеют относительно самостоятельные закономерности развития по отношению к отражаемому ими экономическому базису и обратно воздействуют на него. Аналогичное положение мы наблюдаем и в развитии познания, мышления, теории, исследования. Научная теория вырастает и развивается в конечном счете в рамках определяющего влияния материальной общественной практики и доставляемых ею фактов. Но она обладает и своими собственными, в известной мере самостоятельными закономерностями по отношению к данному уровню общественной практики и к изучаемому конкретному объекту.

Отрицание относительно самостоятельных закономерностей развития формы общественного сознания, идеологий, научной теории означает забвение их специфики. До геркулесовых столбов в этом вопросе доходят вульгаризаторы и позитивисты, сводящие теорию к голым фактам или их поверхностному описанию. Обращение к исследованию относительно самостоятельных закономерностей развития научной теории позволяет обнаружить ее специфику по сравнению с простым описанием, с экспериментальным исследованием, по сравнению с данным уровнем общественной практики и выбить оружие из рук вульгаризаторов и позитивистов.

В дальнейшем мы остановимся на относительно самостоятельных закономерностях логики перехода к новой теории (или к ее более-глу-

бокому уровню), специфичных для нее сравнительно с логикой результата этого перехода.

Процесс исторического исследования (историческое) — переход от незнания к знанию, от знания менее глубокого к знанию более глубокому. Результат теоретического исследования (логическое) — знание, более глубокое знание. В результате теоретического исследования не сохраняется одна из противоположностей процесса (незнание, менее глубокое знание) и специфическое единство этих противоположностей (незнания и знания, менее глубокого знания и более глубокого знания). В нем сохраняется только одна из противоположностей и при этом в преобразованном виде, ибо другая противоположность исчезает.

Логика «Капитала» — логика изложения по преимуществу результата исследования. К. Маркс в «Капитале» изображает предмет, уже в основном известный ему. Поэтому для читателя «Капитала» закономерности процесса исследования выступают в том виде, в каком этот процесс сохраняется в результате. Однако функционирующий результат не только не сохраняет всех необходимых условий и сторон процесса, но, более того, попытка воспроизвести процесс на основании данных результата неизбежно приводит к пониманию некоторых сторон процесса, прямо противоположному действительности. Говоря о происхождении денег из товара, Маркс отмечает, что с завершением процесса возникновения денег «создается впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого содействия со своей стороны товары находят готовый образ своей стоимости в виде существующего вне их и наряду с ними товарного тела»³.

Этот тип отношения процесса и результата Маркс распространяет на все соотносительные определения. «Такие соотносительные определения представляют собою вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король»⁴. Соотносительность определений, понятий — одна из важнейших черт мышления, отражающего предметы в их развитии, взаимосвязи, взаимоотношении.

Итак, понимание процесса развития, базирующееся на рассмотрении только его результата, неизбежно содержит ряд моментов, прямо противоположных действительному процессу развития. Понимание логики процесса исследования К. Маркса на основании только изучения «Капитала» (результата исследования) еще недостаточно для глубокого и всестороннего исследования логики Маркса.

Изучение логики предшествующих «Капиталу» работ сравнительно с логикой «Капитала» нужно для более правильного понимания ее и выявления логики перехода К. Маркса от знания менее глубокого к знанию более глубокому, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д.

Взаимоотношение процесса и результата развития данного объекта изучения не тождественно взаимоотношению процесса и результата их исследования. Исследование может быть направлено или на результат развития, или на его процесс, или на то и другое. Понимание развиваю-

³ К. Маркс. Капитал, т. I, 1951, стр. 99 — 100.

⁴ Там же, стр. 64.

шегося предмета, если с ним встречаются впервые, начинается с результата его развития, с его более сложных форм, а не с процесса, не с более простых форм предмета. При этом мышление фактически или сознательно исключает рассмотрение более простых форм предмета. Маркс указывает по этому поводу: «Они (физиократы. — В. В.) рассматривают, стало быть, вопрос в сложной форме, прежде чем они разрешили его в элементарной форме; так историческое развитие всех наук только через множество перекрещивающихся и окольных путей приводит к их действительной исходной точке. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем она заложила его фундамент»⁵.

В предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» Маркс снова возвращается к этой мысли: «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет, в то время как анализ гораздо более содержательных и сложных форм ему удался, по крайней мере, приблизительно. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела». Маркс непосредственно вслед за этим добавляет: «К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должно заменить сила абстракции»⁶.

Может возникнуть мнение, что применение микроскопа, химических реактивов и т. п. в естественных науках позволяет избавиться от необходимости двигаться в познании предмета вначале от сложного к простому в нем. Обратимся к примеру из истории естествознания. Известно, что первоначально были познаны законы классической механики и лишь затем создана новая механика. Любопытно, что именно классическая механика оказалась предельным случаем квантовой механики, а не наоборот. А это значит, что именно законы квантовой механики справедливы для области, охватываемой законами классической механики, но с известными ограничениями, т. е. с усложнениями. Следовательно, законы классической механики могут быть объяснены с точки зрения законов квантовой механики в качестве их частного случая, т. е. с определенными усложнениями.

Мысль Маркса до написания «Капитала» также движется от сложных сторон предмета к простым. Например, к пониманию товара как исходной клеточки буржуазного общества Маркс приходит довольно поздно, лишь после написания рукописи 1857—1858 гг., и выражает это положение впервые в первом опыте систематического изложения для печати своих политэкономических взглядов — в «К критике политической экономии». То же самое справедливо и в отношении последовательности познания К. Марксом форм стоимости. Маркс в письме к Энгельсу, характеризуя разницу в решении проблемы стоимости в «К критике политической экономии» и в первом томе «Капитала», пишет: «В первом изложении... я избегаю трудности развития тем путем, что собственно анализ *выражения стоимости* даю только тогда, когда это выражение выступает в развитом виде, как денежное выражение»⁷. Следовательно, в «К критике политической экономии» уже рассматривается наиболее сложная форма стоимости, но еще отсутствует учение о менее развитых формах ее. Стало быть, Маркс

⁵ К. Маркс. К критике политической экономии, 1949, стр. 46.

⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 3—4.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма, 1948, стр. 189.

в «К критике политической экономии» до известной степени абстрагируется от процесса возникновения денег. Он не рассматривает «механизм» перехода от товара к деньгам. Сознание может двигаться последовательно от простых сторон своего объекта к более сложным лишь после того, как исследование предмета в основных чертах закончено. «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение»⁸. Действительное же движение, развитие, если оно прогрессивно, — движение от простого к сложному.

Таким образом, познание необходимо начинается с изучения результата развития и отвлекается (познать все сразу невозможно) от процесса развития. В результате исчезают следы некоторых сторон процесса, эти стороны превращаются в свою противоположность. Поэтому представление о процессе на основании исследования результата развития предмета будет содержать черты, прямо противоположные сторонам познаваемого объекта. Только путем рассмотрения истории, процесса развития предмета устраняются эти противоположные действительности представления. Так изучение логики предшествовавших «Капиталу» работ сравнительно с логикой «Капитала» помогает глубже понять логику процесса исследования К. Маркса в «Капитале».

Как отмечалось выше, процесс исследования есть переход от незнания к знанию, от знания менее глубокого к знанию более глубокому, переход от старого качества знания к новому, единство и взаимоисключение этих противоположностей; результат исследования — более глубокое знание, качественно новое знание. Таким образом, процесс исследования отличается от результата прежде всего тем, что в последнем исчезает незнание, менее глубокое знание и противоречие между незнанием и знанием, между менее глубоким и более глубоким знанием. В результате сохраняется только одна сторона единства противоположностей — знание, более глубокое знание, — причем в преобразованном виде, ибо противоположности едины и исчезновение одной из них есть вместе с тем преобразование другой.

Моменты известной приближенности знания скрыты в результате исследования и обнаруживаются лишь тогда, когда он становится исходным пунктом нового процесса. Старое качество предмета (в том числе познание) имеет свою специфическую необходимую связь сторон, отличную от специфической необходимой связи сторон нового качества. Это же верно и относительно разных уровней исследования. Поэтому вскрыть закономерности перехода от одного уровня познания, исследования к другому, более глубокому нельзя, если обращать внимание только на то, что сохраняется в результате исследования, и на необходимую связь его (результата) сторон. Необходимо также обнаружить специфический и необходимый строй менее глубокого уровня исследования и те его стороны, которые исчезают на более глубоком уровне. Именно эти исчезнувшие на новом уровне моменты исследования составляли одну (исчезнувшую) из сторон противоречия перехода к новому знанию, процесса исследования. Обычно же внимание привлекает лишь знание, сохраняющееся на новом, более глубоком уровне исследования. А исчезнувшие моменты менее глубокого уровня лишь упоминаются, но не изучаются в их единстве с сохраняющимся знанием.

⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 19.

Естественно в борьбе с релятивизмом подчеркивать именно сохраняющееся знание. Но разве столь же правомерна передача на откуп всякого рода идеалистическим направлениям факта исчезновения отдельных моментов старых теорий в новых теориях?

Таким образом, одно из основных отличий процесса исследования от его результата заключается в противоречии процесса исследования, исчезающем в результате, в противоречии между незнанием и знанием, между менее глубоким и более глубоким знанием. Исчезновение в результате исследования не только противоречия процесса исследования, но и ряда сторон менее глубокого знания свидетельствует о том, что исчезнувшее знание составляло одну из сторон противоречия процесса исследования, что без него исчезает и это противоречие. Если сохранение, преемственность старой и новой теории свидетельствует о точном отражении данного объекта, то исчезновение некоторых сторон старой теории указывает на приблизительность этого отражения, на существование в старой теории моментов, не соответствующих данному предмету. Именно наличие в старой теории положений, не соответствующих каким-либо сторонам ее объекта, и существование в новой теории положений, правильно, точно объясняющих те же стороны того же объекта, образуют противоречие в объяснении одних и тех же сторон одного и того же предмета исследования.

Известно, что даже прекрасное овладение законами формальной логики не спасает ученого от противоречий самому себе, исчезающих, когда построение теории завершается. Естественно заключить, что помимо формальнологических противоречий, т. е. таких противоречий, которые возникают в силу неряшливости, недисциплинированности ума, в силу тех или иных индивидуальных особенностей познающего субъекта и могут сохраняться в результате, а также помимо противоречий самого объекта изучения (они неизбежно должны сохраниться в результате исследования), существуют в познании также особого рода диалектические противоречия. От формальнологических эти противоречия отличаются тем, что они порождаются, во-первых, внутренними законами развития познания; во-вторых, они исчезают в результате познания; в-третьих, они поэтому не могут быть обнаружены путем изучения только результата познания. Этих противоречий нет в самом данном предмете изучения, иначе они не исчезли бы в результате познания. Непосредственно они ничего в данном предмете не отражают. Объективны они лишь в конечном счете, ибо происходят в результате взаимодействия особого тела природы — мозга человека (человека, представляющего собой целостный организм) — с остальной природой в процессе материальной общественной практики.

Обычно фиксируют лишь одну сторону противоречия процесса исследования, а именно ту, в которой точно отражается объект. Но с этих позиций на противоречие процесса познания можно в лучшем случае лишь указать, а не вскрыть его логическую природу в отличие от противоречия самого изучаемого материального предмета.

Из сказанного выше следует, что это логическое противоречие процесса познания может существовать лишь при том условии, что старая теория, менее глубокое знание в объяснении своего предмета выходит за пределы своей применимости и начинает объяснять со своей точки зрения то, что возможно адекватным действительности образом объяснить лишь с позиций более глубокого знания. Речь идет об экстраполяции старого уровня знания на пределы действия более глубокого, нового уровня познания. Без такой экстраполяции невозможен переход от известного к неизвестному, ибо всегда неизвестное вначале

нельзя объяснить иначе, как пытаясь применить к нему известное. Новизна явления нельзя постигнуть иначе, как по мере обнаружения невозможности применить к нему старые теоретические концепции. Границу, сферу применимости известного невозможно определить точно, пока познающий не выйдет за ее пределы, т. е. пока не познает неизвестного.

П. Ланжевен очень четко писал о необходимости распространения понятий классической механики на атомные и субатомные объекты: «В этом случае мы поступили так, как поступают физики во всех тех случаях, когда им приходится столкнуться с совершенно новым явлением: мы попытались объяснить неизвестное с помощью уже известного и использовать в данном случае представления, оказавшиеся пригодными для объяснения других явлений. Другого пути не существует, и лишь неудача такой попытки заставляет пересмотреть проблему с самого начала и искать выхода на пути создания совершенно новых представлений»⁹.

М. М. Розенталь, приведя на стр. 290 книги «Принципы диалектической логики» эти слова Ланжевена, подвергает их сомнению. М. М. Розенталь полагает: «Слова о том, что «другого пути не существует», представляются нам слишком категоричными. Нам кажется, что положение диалектического материализма о том, что качественно специфическим объектам присущи свои особые закономерности, предохраняет до некоторой степени от силы инерции в познании и ориентирует на сознательное исследование своеобразных законов движения этих объектов»¹⁰. Иными словами, экстраполяция известного на неизвестное — всего лишь сила привычки, инерции мышления. Трудно согласиться с этим утверждением. Применение положения о качественной несводимости нового явления предполагает знание о том, что ученый имеет дело именно с новым предметом. Но ведь именно экстраполяция известного на неизвестное и неудача ее позволяют выяснить новизну явления.

Как свидетельствует история физики за последние 150 лет, значение всех принципиально новых явлений, открытых в это время, осознавалось лишь спустя 20—30 лет в процессе неудачных попыток применить к ним прежние теоретические концепции. Экстраполяция представления о веществе с объяснения массы на объяснение теплоты породила учение о теплороде. И именно в процессе критики теории теплорода возникло понимание того, что теплота является не веществом, а энергией и что она подчиняется качественно своеобразным законам. Теория теплорода после этого исчезла, но она была необходима в процессе физического познания.

Такова же природа и судьба учения об электрических жидкостях после выявления качественной несводимости законов электричества к законам простого механического движения. Еще пример. Теория относительности возникает уже в тот период, когда идея о сводимости всех физических явлений к механическим потеряла доверие передовых физиков (в том числе и Эйнштейна). Однако становление теории относительности происходит в процессе обнаружения противоречий старой механической теории и нового объяснения новых фактов, противоречий, одной стороной которых является экстраполяция механической теории за область ее применения. Понятие эфира возникло как резуль-

⁹ П. Ланжевен. Избр. произв. Статьи и речи по общим вопросам науки. ИЛ, 1949, стр. 351.

¹⁰ М. М. Розенталь. Ук. соч., стр. 290.

тат экстраполяции механических представлений за область их применимости. Но именно трудности и неудачи в интерпретации световых явлений при помощи представлений об эфире дали возможность не только отбросить его, но и выявить те пункты, где следует искать новое теоретическое объяснение. Эйнштейн и Инфельд весьма прозрачно показывают, как попытка применить классическое преобразование координат и скоростей к световым явлениям, придя в противоречие с другими принципами, достаточно проверенными фактами, позволила точно выявить исходные принципы теории относительности и потребовала изменения принципа классического преобразования в случае его применения к световым явлениям¹¹.

Эта удивительная живучесть «силы инерции» мышления настораживает. Возникает предположение: является ли экстраполяция известного на неизвестное лишь силой привычки механически мыслящих ученых или имеет более глубокую основу? Если отвергнуть это предположение, то покажется удивительным, что знание диалектического материализма и стремление его придерживаться не предохранили крупного физика П. Лауэнгеда от приведенного категорического утверждения в столь важном для него вопросе. Еще более интересно, что при сравнительном изучении «Капитала» и «К критике политической экономии» величайшего мастера и первооткрывателя материалистической диалектики К. Маркса обнаруживается, как мы попытаемся показать ниже, такое же противоречие процесса познания, исчезающее в «Капитале». Выше было приведено свидетельство самого К. Маркса о том, что в «К критике политической экономии» проблему выражения стоимости он ставит, рассматривая только денежное, т. е. завершенное, выражение стоимости, где трудность выражения уже разрешена, и опускает сам процесс разрешения трудности. Маркс пытается непосредственно вывести деньги из стоимости. Более простые формы стоимости еще не рассматриваются и развернутом виде в «К критике политической экономии». Денежное выражение стоимости экстраполируется на сферу действия стоимости простого товара и простых форм его выражения. «Труд отдельного человека, чтобы иметь своим результатом меновую стоимость (так еще называет Маркс стоимость. — *V, V*), должен иметь своим результатом всеобщий эквивалент, т. е. выражение рабочего времени отдельного человека как всеобщего рабочего времени или выражение всеобщего рабочего времени как рабочего времени отдельного лица»¹². Иными словами — труд, чтобы породить стоимость, должен вместе с тем породить денежные свойства товара.

Далее же Маркс говорит: «Исключительная меновая торговля — первоначальная форма процесса обмена, — представляет собою начало превращения потребительных стоимостей в товары, а не товаров в деньги»¹³.

В «Капитале» доказывается, что для существования стоимости товара отнюдь не обязательно, чтобы она обладала только денежной формой выражения; стоимость товара может существовать и в других формах выражения (простой, полной, всеобщей). Углубление познания привело Маркса к созданию им учения о формах стоимости, к устранению экстраполяции высшей (денежной) формы проявления содержания (стоимости) на область, где на самом деле действуют менее развитые формы содержания (Маркс устраняет также известное отжде-

¹¹ См. А. Эйнштейн и Л. Инфельд. Эволюция физики. Гостехиздат, 1956, стр. 177 — 178.

¹² К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 17.

¹³ Там же; стр. 38.

ствление высшей формы проявления содержания с самим содержанием).

Мы склонны утверждать, что экстраполяция известного за область его применимости, на неизвестное — необходимый момент логики процесса исследования, момент, составляющий одну из сторон противоречия процесса познания. Забвение этой стороны означает, что ученый, стремящийся к осознанию процесса познания, опускает одну сторону специфического противоречия процесса исследования. Тогда ускользает от него и определенность противоречия именно как субъективно логического, не имеющего непосредственного аналога в данном предмете исследования.

Экстраполяция имеющегося знания на область неизвестного обязательно в тех или иных отношениях представляет собой выход за пределы его применимости, и тем больше этот выход, чем больше отличается подлежащая познанию область от познанной. Следовательно, такая экстраполяция — некоторая абсолютизация истины. Можно заметить, что экстраполяция известного на неизвестное содержит правильное понимание неизвестного, поскольку в нем, как показывает результат исследования, имеется единство, общность сторон с ранее известным. Но она содержит и неправильные представления о неизвестном, поскольку, как показывает также результат исследования, неизвестное отличается от известного. Такого рода экстраполяция в широком смысле — единство обеих сторон. Экстраполяция же этого типа в узком смысле — вторая из сторон. Но в процессе преодоления этой экстраполяции описанное выше логическое противоречие возникает не потому, что существует первая сторона, а потому, что экстраполяция в узком смысле слова вступает в противоречие с правильным объяснением того же самого. Ниже мы будем говорить только об узком смысле такой экстраполяции.

Возникает искушение охарактеризовать описанную абсолютизацию, экстраполяцию истины как ошибку или заблуждение.

Как представляется, ни тот, ни другой термин в этом случае не был бы верен. Ошибка или заблуждение вызывается, во-первых, индивидуальными, случайными причинами (например, недисциплинированностью, неряшливостью ума); во-вторых, ошибка или заблуждение есть «расхождение субъективного образа действительности с его объективным прообразом», «исторически обусловленное, а потому и исторически преодолеваемое». «Типичными формами заблуждения являются религия и философский идеализм»¹⁴.

Верно, на наш взгляд, авторы статьи «Заблуждение» отмечают, что эти иллюзии возникают «как представления, соответствующие узкой практике (низкому уровню развития культуры как материальной, так и духовной)». Они, «естественно, подтверждаются этой практикой, а истинное осознание действительности в ее революционном развитии делается для индивида, действующего в качестве агента узко прагматической деятельности, не только излишним, но и прямо вредным». «Марксистско-ленинская теория познания показала, что проблема заблуждения — это не только и даже не столько чисто теоретическая, сколько широко социальная проблема, полное решение которой совпадает с коммунистическим преобразованием всех общественных условий труда, в том числе и труда ученого, т. е. с преодолением товарно-капиталистической формы труда также и внутри науки»¹⁵.

¹⁴ «Философская энциклопедия», 1960, т. 2, стр. 144 — 145.

¹⁵ Там же, стр. 147.

Если так определить заблуждения, логические ошибки, то описанная выше экстраполяция (известного на неизвестное) не может быть отнесена ни к тем, ни к другим. От логических ошибок и заблуждений она отличается, во-первых, тем, что вызвана отнюдь не случайными, не индивидуальными причинами. С исторически неизбежными заблуждениями или ошибками она имеет то общее, что вызвана необходимыми причинами. Однако если последние заблуждения (религия, идеализм) исторически преходящи, ибо вызваны низким уровнем развития практики, то описанная экстраполяция — необходимая внутренняя черта всякого процесса исследования, пока она существует. Это составляет второе отличие ее от заблуждений и ошибок.

С авторами статьи можно согласиться, когда они пишут: «Абсолютизация ограничено верных представлений, превращающая их в заблуждения, вовсе не есть имманентно присущее природе человека свойство, а только исторически преходящая тенденция сознания, возникающая на почве строго определенных исторических условий»¹⁶. Но согласиться с ними возможно лишь при том условии, что под заблуждениями подразумеваются религия, идеализм и все их разновидности и проявления.

Однако переход от одной относительной истины к другой никогда и нигде не совершается без того, чтобы он не заключал выхода старой относительной истины за пределы ее применимости. Отсюда неизбежно возникает противоречие старой относительной истины с новой относительной истиной. Когда же новая относительная истина сформировывается, экстраполяция старой относительной истины за действительную сферу ее приложения устраняется и субъективно-диалектическое противоречие исчезает. Без этого выхода за пределы применимости старой относительной истины нельзя даже установить границу между ней и новой относительной истиной.

Та экстраполяция, которую мы имеем в виду, есть необходимый кусочек фантазии, отлета от действительности в каждом понятии, в каждом обобщении. «...И в самом простом обобщении, — пишет В. И. Ленин, — в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек фантазии»¹⁷. Такой «кусочек» фантазии возникает именно потому, что познание не зеркально-мертвый акт, а процесс.

В работах отдельных советских философов в силу упрощенческого подхода гносеологическая функция фантазии в научном познании, хотя она и имеет важнейшее значение, оказалась на положении забытой Золушки.

Известно, что В. И. Ленин оценивает фантазию в научном мышлении как «качество величайшей ценности»¹⁸, говорит о наличии «кусочка» фантазии в любом обобщении, полностью солидаризируется с писаревской характеристикой мечты полезной, усиливающей энергию, и разделяет взгляд Д. И. Писарева на пустую мечтательность, которая уводит «совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может привести»¹⁹. Вместе с тем В. И. Ленин борется против «стирания грани между теорией науки, приблизительно отражающей объект, т. е. приближающейся к объективной истине, и теорией произвольной, фантастической, чисто условной, например, теорией религии или теорией шахматной игры»²⁰.

¹⁶ «Философская энциклопедия», т. 2, стр. 146.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 370.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 284.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 476; Д. И. Писарев. Избр. соч., т. 2, Гослитиздат, 1935, стр. 124—125.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 297.

Таким образом, В. И. Ленин различает необходимые «кусочки» фантазии в теории, приблизительно верно отражающей объект, от чисто условной, сугубо фантастической теории религии и ей подобных построений.

Эти «кусочки» фантазии в форме экстраполяции известного на неизвестное не только необходимо возникают в процессе познания, но и составляют одну сторону его внутреннего, движущего познание вперед, противоречия. Экстраполяция известного на неизвестное — активно действующий в понятии, обобщении, суждении, умозаключении, в гипотезе «кусочек» фантазии. Известно, что уже в начале и в процессе познания какого-либо предмета исследователь стремится в фантазии представить себе, предвосхитить результат исследования, сущность предмета. Именно эта сторона вытекает из слов Писарева. Однако это предвосхищение не может не быть предвосхищением в фантазии, ибо строится на основе вначале ограниченных данных (например, представление о движении Солнца во времена Птолемея), а потому неизбежно заключает в себе не только моменты правильного отражения предмета, но и моменты, противоречащие действительной сущности данного предмета. Лишь в ходе дальнейшего развития познания выделяются моменты противоречащего действительности отражения его, содержавшегося в предвосхищении дальнейшего пути познания. Только в результате познания полностью отделяются «кусочки» фантазии от адекватного отражения предмета. Познание вечно приближается к соответствию с действительностью. Моменты несоответствия отражения, познания отражаемой действительности составляют одну сторону внутреннего противоречия процесса познания, вторую сторону которого образует отражение, адекватное данному исследуемому предмету.

Если исследование начинается с результата развития, с моментов относительного покоя, неизменности в предмете, а процесс развития предмета в общем и целом представляется делом будущего исследования, то предвосхищение в познании всего предмета в целом будет содержать «кусочки» фантазии, поскольку на основании знания результата развития предмета стараются представить не только результат, но и процесс. Ряд моментов процесса представляется в прямо противоположном действительности виде: как неизменные.

Ученый, сознательно и правильно пользующийся диалектико-материалистическим мировоззрением и методом, способен совершенно верно предвосхитить главное направление будущего исследования.

Предвосхищение в главном не будет фантастическим, уводящим от действительности. Однако поскольку он, пока исследование не завершилось, не может полностью точно определить действительную границу действия процесса и результата и взаимоотношение сторон первого, то и в его предвосхищении будут содержаться «кусочки» фантазии. Чем более точным и глубоким будет выявление действительного «механизма» развития познания, в том числе и «кусочков» фантазии, возникающих при тех или иных условиях, тем больше возможности для более точного предвосхищения, предвидения дальнейшего пути познания предмета.

Идеализм не имеет ничего общего с теми элементами, «кусочками» научной фантазии, которые имеют место в научном исследовании. Поэтому было бы неправильно отождествлять эти «кусочки» фантазии в научном исследовании с идеализмом, который уводит исследователя от реальной действительности в мир фантазии.

Экстраполяция известного на неизвестное, в отличие от фантазии,

являющейся произвольным сочетанием в сознании различных сторон действительности, имеет закономерную структуру. Если познание движется от явления к сущности и исследователь стремится предвидеть его конечный пункт, то он неизбежно, делая вывод на основании ограниченного круга явлений, представит себе поверхностно ряд сторон сущности, т. е. в этих и только в этих отношениях примет являющееся за существенное. Например, гениальнейший мыслитель и величайший мастер диалектико-материалистического метода К. Маркс в период формирования своих политэкономических взглядов в работе «Наемный труд и капитал» еще полностью не разграничивает понятия труда и рабочей силы, прибавочной стоимости и прибыли, в частности, менее глубокие стороны (продажа труда рабочим и прибыль) иногда выступают в качестве более глубоких, существенных (продажа рабочей силы рабочим и прибавочная стоимость). В процессе перехода к более глубокому пониманию обнаружится противоречие между являющимся, понятием в сознании как сторона существенного, и правильным осознанием явления в качестве явления. В конечном итоге экстраполяция являющегося на существенное исчезнет, а вместе с ней исчезнет и внутреннее противоречие данного процесса движения познания. Также и в движении знания от единичного к особенному и всеобщему, от формы к содержанию, от случайного к необходимому, предвидение результата будет включать не только правильное понимание будущего, но и экстраполяцию знания единичного, формы, случайного за область его действительного применения, где на самом деле функционирует всеобщее, содержание, необходимость и т. п. Поэтому познающий субъект, в основном правильно предвидя будущее знание, в представлении о нем неизбежно принимает некоторые единичные стороны предмета за стороны всеобщие, некоторые случайные стороны предмета — за стороны необходимые, некоторые стороны формы — за стороны содержания. От типа известного знания и типа неизвестного зависит и конкретная форма экстраполяции.

Таким образом, экстраполяция в отмеченном выше смысле, — как представляется, одна из необходимых противоположностей развития исследования, а именно та, которая исчезает в результате. Основным (или одним из основных) отличием процесса познания от результата, взятым с точки зрения относительно самостоятельных закономерностей развития теории, является противоречие между незнанием и знанием, между менее глубоким и более глубоким знанием. В этом противоречии одна сторона отражает предмет с точки зрения более глубокого уровня знания, а другая, будучи экстраполяцией (здесь термин употреблен в широком смысле) менее глубокого уровня знания, на более глубокий, содержит не только правильное понимание, соответствующее более глубокому уровню, но и моменты абсолютизации менее глубокого знания. В результате исследования последние исчезают (новые моменты абсолютизации в нем обнаруживаются и устраняются в ходе последующего процесса познания, где прежний результат играет роль исходного пункта).

В. А. В А З Ю Л И Н

ПРОТИВОРЕЧИЕ И ЕГО ОТОБРАЖЕНИЕ В «КАПИТАЛЕ» К. МАРКСА

Диалектические противоречия существуют как в самой материальной действительности, так и в отражающем ее мышлении. «Капитал» К. Маркса содержит непревзойденные по глубине и систематичности развернутое изображение движения диалектических противоречий.

На первый взгляд представляется наиболее целесообразным начать рассмотрение темы, сформулированной в названии статьи, с определения диалектического противоречия. Но краткое определение противоречия в лучшем случае лишь указывает на суть дела. Действительно, полное воспроизведение противоречия, исчерпывающее формулирование и доказательство противоречивости вещей самих по себе получается только в процессе раскрытия сущности науки в целом.

В дальнейшем мы попытаемся показать, каким образом, в каких формах, видах, на каких уровнях диалектическое противоречие выступает в процессе мыслительного воссоздания **уже познанного развивающегося предмета науки, взятой в ее целом**. Следовательно, мы остановимся лишь на рассмотрении одного типа диалектических противоречий. Главной задачей логического исследования диалектического противоречия мы считаем выяснение его роли и места в общей системе развивающегося научного мышления, в системе субординированных категорий диалектики. Под этим углом зрения и бу-

дет далее рассматриваться «Капитал» К. Маркса. Какова же система субординированных категорий диалектики в «Капитале»? Если иметь в виду теоретические части великого произведения К. Маркса, то логика «Капитала» подразделяется на сферу бытия, сущности самой по себе, явления и действительности. При этом, конечно, К. Маркс в противоположность Гегелю интерпретирует движение мышления не как тождественное его предмету, а в качестве процесса отражения предмета, независимого от мышления. Структура «Капитала» отличается от логики Гегеля также и в чисто логическом отношении. Мы отметим в данном случае лишь то, что ближайшим образом относится к теме статьи.

Если все теоретические части «Капитала» образуют большой виток спирали, то сфера бытия, которой в общем и целом соответствует отдел о товаре и деньгах, сама представляет собой виток спирали. По нашему мнению, она в свою очередь, так сказать, состоит из бытия, сущности самой по себе, явления и действительности.

К. Маркс рассматривает капитализм как исторически преходящий общественно-экономический строй, выясняет неизбежность его гибели и необходимость социалистической революции. Следовательно, предмет (капитализм) берется в его отрицании более развитым предметом (коммунистической формацией). Поэтому исследование логики предмета (капитализма) включает в себя в качестве существенного момента изучение логики вызревания предпосылок более развитого предмета (коммунистической формации), логики отрицания капитализмом самого себя. Заметим также, что мы фиксируем, главным образом, так сказать, «объективную логику» и отвлекаемся от «субъективной логики» «Капитала». В самом произведении диалектическое противоречие отображается в единстве обоих названных аспектов, причем господствует, преобладает в теоретических частях «Капитала» первый аспект.

Сфера бытия большого витка спирали «Капитала» охватывает отдел о товаре и деньгах, учению о сущности самой по себе соответствует процесс производства капитала; учению о явлении — обращение капитала; учению о действительности — процесс производства и обращения капитала, взятый в целом.

Бытие предмета есть не что иное как необходимые предпосылки существования предмета. Категории, в которых отображается сфера бытия, есть категории мышления, обнаруживающиеся в простейшей данности предмета. Предмет на этом уровне познается мышлением в его элементарности. Затем исследование проникает в сущность предмета и последняя фиксируется как таковая, в чистом виде, независимо от форм ее проявления. «Поверхность» предмета, поскольку в ней выступает сущность, есть явление. Его осмысление возможно лишь на основе познания сущности. **Полное единство** сущности и явления и формы, вытекающие из этого единства, образуют действительность предмета. Такова заключительная стадия логического (в отличие от исторического) воспроизведения развивающегося предмета.

Бытие предмета в «Капитале» — товар и деньги. Товар и деньги в их полном развитии, т. е. в качестве господствующих отношений общества, есть непосредственно данный капитализм. Маркс рассматривает в «Капитале» в первом отделе «Товар и деньги» — товар и деньги именно **капиталистического** общества, но вместе с тем они не есть собственно капитал вообще, не есть также товарный и денежный капитал.

Очень важно подчеркнуть, что К. Маркс начинает рассмотрение товара, существующего в капиталистическом обществе. Вместе с тем, изображая товар, он первоначально отвлекается от собственно капитала. Неверно было бы сказать, что К. Маркс исследует товар докапиталистического общества. Маркс берет товар, существующий при капитализме, товар в его наивысшем развитии, и абстрагируется вначале от специального рассмотрения его капиталистических модификаций. То обстоятельство, что изучается товар именно капиталистического, а не какого-либо другого общества, дано именно непосредственно.

Вместе с тем и товар и деньги имеют сущность, отличную от капитала. Они существуют и **до и после** капитализма. **Бытие** капитала оказывается само особым предметом, а потому в нем должны быть, в свою очередь, выделены сферы бытия, сущности, явления, действительности. И в самом деле. Потребительная стоимость есть бытие товара; стоимость — сущность товара, формы

стоимости (в том числе и денежная) — явления товара; процесс обмена товаров, деньги или обращение товаров — действительность товара.

Логика «Капитала» представляет собой, таким образом, большой виток спирали; логика товара и денег — малый виток спирали, являющийся началом большого витка. Рассмотрим сначала малый виток.

Как положение товара в капиталистическом обществе, так и его изображение в «Капитале», противоречиво: товар есть товар и вместе с тем товар есть бытие капитала, элементарная форма капиталистического богатства, зародыша капитализма. При этом рассмотрение товара как товара определяется его положением именно при капитализме, ибо главный предмет исследования — капитал.

Товар и тогда, когда раскрывается его бытие, и когда Маркс излагает сущность, явление и действительность товара, везде вместе с тем есть **бытие** капитала. Противоречие развивается. Углубляется также противоречие товара как товара, которое не существует в «Капитале» и в капиталистическом обществе, взятом в чистом виде, отдельно от первого противоречия. Сначала первое из названных противоречий есть противоречие между бытием товара как товара и товаром как бытием капитала. Потребительная стоимость должна быть понята и в виде бытия товара как товара и в виде бытия товара как капиталистического товара. Затем противоречие выступает как противоречие между **сущностью** товара как товара и товаром как **бытием** капитала. Стоимость есть и стоимость товара как товара, и стоимость непосредственно данного капиталистического товара. Далее обнаруживается противоречие между **явлением** товара как товара и товаром как **бытием** капитала. Формы проявления стоимости есть вместе формы проявления стоимости и товара как такового и капиталистического товара. Наконец, противоречие завершается в противоречии между **действительностью** товара как товара и товаром как **бытием** капитала (капитал возникает в обращении товаров и вне его). Здесь осуществляется переход к сущности капитала.

На протяжении всего этого пути движения мышления противоречие имеет разную глубину обнаружения и различные формы.

1. ПРОТИВОРЕЧИЕ В СФЕРЕ БЫТИЯ ТОВАРА

В дальнейшем мы будем характеризовать последовательность, формы и т. п., в которых диалектические противоречия выступают для сознания читателя, строго следующего за изложением К. Маркса.

К. Маркс начинает с определения простейшего отношения предмета — товара. То обстоятельство, что товар есть простейшее отношение капитализма, дается непосредственно, т. е. не доказывается. Это естественно, ибо доказательство может быть дано лишь раскрытием всех остальных отношений предмета, среди которых товар является простейшим. Таким образом, полное доказательство простейшего отношения в качестве такового достигается только в процессе и результате развертывания всей системы понятий, характеризующих предмет. В начале же изложения утверждения о простейшем отношении и его факторах представляются непосредственно данными.

Рассмотрение простейшего отношения открывается изучением одного из его факторов в известной изолированности от другого. При этом мы будем иметь в виду, что автор «Капитала» уже исследовал предмет и достиг полного понимания специфических связей и места тех или иных сторон предмета. Это понимание еще не воспринимается читателем в полной мере. Пока первый фактор (потребительная стоимость) берется сам по себе, остается неясным ответ на вопрос: почему К. Маркс начинает именно с этого фактора простейшего отношения.

Затем осуществляется переход ко второму фактору (к меновой стоимости и стоимости) и сразу же обнаруживается, что первый фактор существовал и может существовать до второго. Второй же фактор не существует без первого. При этом сначала К. Маркс отмечает **внешнюю связь** первого фактора со вторым. Потребительная стоимость лишь при определенных условиях служит носителем меновой стоимости.

Констатируя внешнюю связь первого фактора со вторым, К. Маркс приступает к анализу второго фактора. Поскольку простейшее отношение в целом берется непосредственно, постольку его второй фактор также изучается в этих общих рамках.

Связь между непосредственно данными первыми факторами кажется простой пропорцией. Меновая стоимость

Товара предстает в виде пропорции, в которой одно количество какой-либо потребительной стоимости обменивается на известное количество другой потребительной стоимости. Таким образом, второй фактор выступает в виде простого количественного отношения непосредственно данных качеств.

Существование устойчивой внутренней связи непосредственно данных качеств представляется невозможным, ибо количественное отношение изменяется с каждой переменной места и времени. Однако при более внимательном изучении выявляется след внутренней связи.

В самом деле одно определенное количество соизмеряется со многими разными определенными количествами, т. е. разные определенные количества равны друг другу. Например, X сапожной ваксы обменивается на квартал пшеницы, или на U шелка и т. д.

Следовательно, в различных определенных количествах содержится нечто одинаковое, общее, выражающееся в равной величине.

Если, далее, взять два различных соизмеряющихся определенных количества, то уравнение их показывает, что оба они заключают общее, которое не есть ни первое, ни второе из них.

Внутренняя связь нащупана. Правда, она еще не определена сама по себе и, следовательно, с этой стороны непосредственно качественна. Но тем не менее как мера, как внутреннее единство количества и качества, общее обнаружилось. Качество здесь уже не потребительная стоимость, а общее различных определенных количеств, общее, само имеющее величину. Образовалось противоречие между представлением случайности количественного соотношения и обнаружением внутреннего, общего, постоянного. **Это — противоречие между непосредственно данным и сущностью.** Противоречие возникло, и оно может быть окончательно разрешено только тогда, когда на основании найденного общего будет объяснен факт постоянного изменения меновой стоимости в зависимости от времени и места. Маркс разрешает это противоречие, показывая, что движение цен через промежуточные звенья определяется законом стоимости. **Следовательно, чтобы полностью понять разрешение этого противоречия, необходимо пройти путь от сущности к действительности.**

Подмеченное общее равной величины, мера, когда автор «Капитала» приступает собственно к ее рассмотрению самой по себе, предстает просто отрицанием сферы бытия (в данном случае потребительной стоимости).

«Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров»¹.

Определение сущности, лишь как отрицания бытия, — первое определение сущности в самой себе.

Маркс исследует чувственно данный предмет — товар. Поэтому, отвлекшись от потребительной стоимости, он обращается к товару, данному в живом созерцании, и находит, что у товаров сохраняется тогда лишь одно свойство — быть продуктами труда. Здесь особенно ясно видно, что движение мысли не является движением чистой мысли, что движение от мысли к мысли есть одновременно движение от ощущений, созерцания, от реального объекта, данного в живом созерцании, к мышлению.

Следовательно, мышление, взятое в чистом виде, предстает лишь как совокупность **результатов** познания. Действительное движение мысли совершается лишь тогда, когда мышление выступает моментом процесса познания мира в ходе его преобразования, т. е. в единстве с чувственной материальной практикой.

Поэтому логика в ее специфической определенности всегда имеет дело с **результатами** познания. Это относится и к диалектической логике, коль скоро последняя берется лишь в ее специфике, в отличие от гносеологии, т. е. как обобщение истории процесса познания.

Со стороны мыслительного момента сущность является теперь уже не просто отрицанием бытия, а **существенным тождеством**. «Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 45.

² Там же, стр. 46.

Существенное тождество не есть голое, абстрактное тождество. Оно само, внутри себя содержит различие. «Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех прозрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты»¹.

Различие имеется уже в самой сущности, но как простое отрицание, как «не» существенного тождества. В самом деле, абстрактный, одинаковый труд, т. е. существенное тождество, здесь определяется как труд безотносительный к форме затраты, т. е. просто отрицательно.

Дальнейшее углубление в рассмотрение сущности заключается в том, что сущность изображается как **существенная разность**. Труд, создающий стоимость, помимо того, что он одинаковый труд, также средний труд, или труд, совершающийся при общественно средних условиях. В последнем определении труда форма затраты рабочей силы присутствует уже не в качестве простого «не», а входит в самое сущность, ибо средние условия — это **общественно средняя полезная** затрата рабочей силы, общественно средняя производительность труда. Вместе с тем общественно средняя производительность труда предполагается данной, не создаваемой абстрактным трудом, и следовательно, безразличной к труду, образующему стоимость.

Существенная разность оказывается тождеством (одинаковым трудом) и различием (полезным характером труда) в их безразличии друг к другу.

Раскрывая отношение продуктов труда как отношение простого и сложного труда, Маркс определяет фактически **существенную противоположность**. Он изображает безразличие тождества и различия в едином. Тождество и различие безразличны друг другу и не существуют друг без друга. Нет простого труда без сложного и сложного без простого. Вместе с тем простой труд не есть сложный, а сложный не есть простой.

Следующим шагом мысли, углубляющейся в предмет, было бы, абстрактно говоря, раскрытие **противоречия в**

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 46.

сущности. К. Маркс показывает, что общественно необходимый труд изменяется при достаточном накоплении изменений производительной силы труда. Действительно, стоимость образуется количеством труда, совершающегося «при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»¹.

Изменившиеся условия производства и уровень умелости труда, став господствующими в данном обществе, приводят к изменению количества труда, создающего стоимость. Эти же количественные изменения, достигнув определенного уровня, устраняют производственные отношения, при которых господствует абстрактный труд, создающий стоимость.

И в то же время мы знаем из предшествующего изложения, что абстрактный труд не зависит от полезного характера труда. Абстрагирование от изложения противоречия в сущности в таком случае совершенно необходимо, ибо воссоздается товар как бытие капитала, а значит, товар должен рассматриваться как нечто данное. Естественно, что и стоимость берется здесь как данное. Следовательно, сущность товара предполагается неизменной, и она действительно более или менее постоянна для определенной эпохи. Итак, если имеется постоянная сущность, то максимально глубоко она раскрывается в категории «существенная противоположность».

Все изложение сущности товара ведется в рамках и является моментом изображения товара в целом. Создание картины противоречий товара в целом, т. е. противоречий потребительной стоимости и стоимости, начинается с характеристики одной из сторон противоречия, а именно той, которая может существовать до и без другой стороны. Причем эта сторона выступает непосредственно, связь ее с другой стороной товара присутствует в неявном виде, определяя способ и характер выделения черт рассматриваемой стороны. Затем устанавливается **внешняя** связь первой стороны со второй (потребительная стоимость может быть носителем меновой стоимости). Далее раскрывается вторая сторона товара, его сущность, — независимо от первой стороны, являющейся предпосылкой и вместе с тем одним из факторов това-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 47.

ра. Мысль здесь идет от сущности как голого отрицания первой стороны через существенное тождество, к существенному различию, затем к существенной разности и, наконец, к существенной противоположности. Противоречивость **сущности** бытия предмета как сущности самой по себе не рассматривается, ибо она берется как данная.

До сих пор стороны товара разбирались в их относительной самостоятельности. Это такая самостоятельность, при которой стороны, выступая независимыми друг от друга, сохраняют в неявном виде моменты связи, зависимости друг от друга. В явном виде констатируется преимущественно внешняя связь.

Теперь рассмотрение отношения потребительной стоимости и стоимости вступает в новую фазу. Происходит возвращение от сущности к первой стороне товара, но уже на основе сущности, познанной самой по себе. «...Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости»¹.

При этом сущность предполагается постоянной. Первая сторона товара, в которой и через которую она проявляется (потребительная стоимость), также принимается в качестве неизменной.

Если постоянно и то, **что** проявляется, и то, **через что** оно проявляется, то речь не может идти о первоначальном возникновении и развитии форм проявления сущности, но только об анализе уже существующих одновременно форм. Маркс не рассматривает возникновения и развития форм стоимости, он исследует существование этих форм в капиталистическом обществе, **когда все эти формы имеются налицо.**

Поэтому здесь не может идти речь ни о **собственно противоречии** между потребительной стоимостью и стоимостью, ни о воздействии стоимости на потребительную стоимость, ни о воздействии потребительной стоимости на стоимость. Речь идет о **проявлении** стоимости в потребительной стоимости.

Чтобы сущность проявилась, необходимо сущностное отношение, где членами отношения является одна и та

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 56—57,

же сущность. В стоимостном отношении товары по субстанции стоимости не различаются, все товары есть сгустки одной и той же субстанции; различаются они лишь количеством субстанции, функцией, выполняемой в существенном отношении, и натуральной формой.

Маркс характеризует **функционирование** стоимости, **изменение функциональных отношений** двух факторов товара **на основе постоянства сущностного, субстанциального отношения**. Функциональные отношения служат предметом внимания К. Маркса и **с качественной и с количественной стороны**.

Весьма важно заметить, что формы сущности в первой главе выступают не только как абстрагированные от действительности, в которой все эти формы уже есть, но также как фиксированные, неподвижные. Переход одних форм сущности в другие есть **единство** фиксированных моментов.

Действительно, Маркс лишь во второй главе разбирает **процесс** обмена товаров. В первой же главе **процесс** обмена товаров еще не стал объектом внимания автора «Капитала», хотя формы проявления излагаются в последовательности, соответствующей их возникновению в истории. Поэтому **процесс** развития функций товара еще не обсуждается. Именно вследствие этого Маркс пока не вскрывает собственно противоречивости функций. Детально выясняется функциональное различие и противоположность, но отнюдь не собственно противоречие.

Простейшая форма проявления сущности есть сущностное отношение двух различных вещей.

В этой форме прежде всего констатируется функциональное различие членов отношения (один товар выражает свою стоимость, в другом она выражается). Функциональное различие образует, так сказать, чисто функциональные формы (относительную и эквивалентную).

Функционально различные члены отношения выступают затем как нераздельные и в то же время исключающие друг друга моменты. Относительной формы стоимости нет без эквивалентной, и наоборот. Вместе с тем относительная и эквивалентная формы всегда распределяются между разными товарами.

Один и тот же член отношения может изменить свою функциональную форму на противоположную, но он не может иметь обе противоположные формы в одно и то

же время в одном и том же отношении. «...Один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга»¹.

Функциональная форма члена отношения зависит от его места в данном проявлении сущности.

Охарактеризовав в целом функциональные формы выражения сущности, К. Маркс берет сначала активную форму (прежде с точки зрения содержания, а затем — количества), после чего переходит к пассивной функциональной форме и вновь воссоздает простейшую форму выражения сущности в целом.

О дальнейшем изображении формы выражения сущности в данной статье достаточно сказать следующее. Противоположность функций предстает, во-первых, в простейшей, случайной форме, во-вторых, в форме дурной бесконечности (один товар выражает свою стоимость в бесконечном ряде других товаров, и бесконечный ряд товаров выражает стоимость одного товара), в-третьих, в форме «истинной» бесконечности (все товары имеют единую и единственную форму выражения стоимости); в-четвертых, форма истинной бесконечности закрепляется за определенной индивидуальностью, единичностью (денежная форма стоимости).

Вместе с развитием противоположности растет и укрепляется видимость, будто товар обладает эквивалентной формой не вследствие своей функции в стоимостном отношении товаров, а вследствие своей натуральной формы. Одна из функциональных форм, таким образом, приобретает все более прочную видимость натуральной формы, непосредственно, чувственно воспринимаемой формы, или единичности предмета. В силу этого противоположная эквивалентной форме относительная форма сущности предстает в рамках объективной видимости уже не активной, а пассивной формой.

Во второй главе «Капитала» К. Маркс исследует уже не фиксированные моменты процесса обмена, а **сам процесс** обмена. Стоимость и потребительные стоимости по-прежнему предполагаются постоянными. Процесс же есть движение. В чем же заключается движение, если компоненты его постоянны качественно и количественно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 58.

В начале и в конце движения? Товар до процесса обмена — лишь **возможность** товара. В процессе движения обмена он превращается в действительный товар. Его окончательное превращение в действительность есть гибель его как товара. Именно во второй главе К. Маркс **впервые рассматривает товар в движении**. Правда, это движение происходит на основе уже сформировавшихся условий возможности существования товара как товара и превращения возможности товара в действительность. Следовательно, помимо компонентов, все условия протекания процесса уже предполагаются имеющимися налицо.

Процесс, движение здесь — превращение реальной возможности в действительность. То, что превращается (товар), имеет два фактора: потребительную стоимость и стоимость. Превращение из возможности в действительность одного фактора предполагает, что второй фактор уже превратился в действительность. Превращение же в действительность второго фактора в свою очередь предполагает, что первый фактор уже стал действительностью.

Впервые именно здесь Маркс приходит к необходимости отобразить в «Капитале» собственно противоречие.

Итак, одно превращение совершается, если прежде совершилось другое превращение, а это последнее совершается, если уже совершилось первое — по схеме: «*A* может совершиться, если уже совершилось *B*»; «*B* может совершиться, если уже совершилось *A*».

Процесс обмена есть противоречие. Противоречащие стороны **предполагают и исключают друг друга в одно и то же время и в одном и том же отношении.**

Однако нельзя сказать еще, что здесь противоречащие стороны **порождают и уничтожают** друг друга в одно и то же время, в одном и том же отношении, ибо потребительная стоимость и стоимость товара в обмене не создаются, а только реализуются.

В нашей литературе не отмечаются эти два уровня отображения противоречия. Между тем различать их существенно важно.

Итак, только здесь появляется изображение собственно противоречия. Какие же категории выступают в таком случае на первый план? Процесс (обмена) осмысливается читателем на основе уже пройденного пути. Это

было движение от поверхности, не освещенной знанием сущности, к рассмотрению сущности самой по себе и, наконец, «возвращение» к поверхности. Но теперь уже к тем ее моментам, которые «пронизаны светом» сущности. Последние представляют собой явление сущности, а не бытие. Точно так же, как бытие еще не есть явление.

Сам процесс есть единство сущности и явления, т. е. действительность.

Следовательно, собственно противоречие выступает в малом витке спирали, образующем отрезок другого, большого витка спирали, только на уровне отображения **действительности** бытия предмета. В начале главы о процессе обмена К. Маркс изучает процесс (обмена) при предположении постоянства его компонентов и условий. Но это есть именно процесс. Обращаясь к практике, К. Маркс показывает, что противоречие процесса (обмена) разрешается прежде, чем оно осмысливается.

Во-первых, речь идет именно о процессе обмена в целом, а не о чем-либо другом, о целостности, тождественной самой себе; во-вторых, процесс есть **тождество** взаимоисключающих целостностей. Во втором обстоятельстве обнаруживается **атрибутивность** процесса. Атрибут и представляет собой тождество процесса и отрицания его сторонами друг друга.

Но процесс обмена имеет различные формы (например, обмен товара на товар, обмен одного товара на многие и т. д.). Эти формы, взятые как моменты целостности процесса, являются модусами, т. е. видами, способами существования атрибута.

Затем К. Маркс переходит к рассмотрению изменения процесса в целом. Он сжато логическим способом характеризует его возникновение. Речь идет не о процессе, совершающемся уже при готовых его условиях, вследствие чего компоненты процесса только реализуются, но ни компоненты, ни процесс не появляются впервые.

Здесь речь идет о первоначальном этапе развития процесса обмена. «Непосредственный обмен продуктов, с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее. Форма эта, как мы видели: x товара $A = y$ товара B . А форма непосредственного обмена продуктов такова: x предмета потребления $A = y$ предмета потребления B . Здесь вещи

А и В до обмена не являются товарами, товарами они становятся лишь благодаря обмену»¹.

Следовательно, противоречие в возникающем процессе не существует потенциально до самого процесса, до отношения, а создается отношением. Противоречие же в существующем, возникшем процессе, имеется потенциально до процесса и по преимуществу не создается самим процессом, но только обнаруживается в нем.

То же самое верно относительно сущности: **сущность возникающая существует лишь в отношении, сущность возникшая не создается отношением, а проявляется в нем.** Маркс, соответственно задаче изучения именно капитала, не останавливается подробно на возникновении процесса обмена товаров, проведя, однако, общее, принципиальное различие между возникшим процессом обмена товаров и его возникновением.

Исследовав процесс обмена, К. Маркс в третьей главе («Деньги или обращение товаров») воссоздает «механизм» функции законченной формы разрешения противоречий процесса.

Первая функция денег — быть мерой стоимостей. В первой главе К. Маркс показал, что деньги представляют собой непосредственно-всеобщую форму проявления сущности (стоимости). Однако там ее форма была раскрыта в ее «спокойном» существовании. В третьей главе она рассматривается в качестве функционирующей. Быть непосредственно-всеобщей формой проявления сущности в **процессе** оказывается первым ее действием. Стоимость товара может быть выражена в золоте реально или идеально. Следовательно, непосредственно-всеобщая форма проявления стоимости до реального отношения (товаров) остается в потенции. Поскольку в обществе в целом обмен товаров на деньги становится необходимостью, постольку возможность реального обмена товаров на золото включает необходимость их действительного обмена. Но это значит, что возможность оказывается действительной возможностью, содержит свое отрицание. Золото служит, с одной стороны, всеобщим воплощением стоимости, с другой стороны, оно металл. Как всеобщее воплощение стоимости золото выражает величину стоимости (внутреннее качество). Как металл,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 97.

золото представляет собой определенное количество металла (это — внешнее количество).

Если определенное внутреннее количество воплощается во внешнем количестве при изменяющихся условиях, то они могут не совпадать друг с другом. Таково количественное несовпадение величины стоимости и цены.

Более того, вещь может иметь цену, не имея стоимости. Здесь имеет место уже не количественное несовпадение, а качественное противоречие: цена — **выражение стоимости** в золоте; вещь же может иметь выражение стоимости в золоте, не имея стоимости, т. е. не выражая стоимости.

Стоимость товаров до реального обмена их на золото представляет собой действительную возможность. В реальном обмене действительная возможность становится действительностью.

Итак, в логическом плане первая функция денег — **действие** их в качестве **действительной возможности**. В превращении действительной возможности в действительность противоречия процесса осуществляются и разрешаются. Движение есть вообще осуществление и разрешение противоречия.

Деньги выступают в своей второй функции как средство обращения. Из первой главы известно, что товар обладает внутренней противоположностью стоимости и потребительной стоимости, что развитие форм проявления стоимости приводит к раздвоению товара на товар и деньги, причем товар оказывается представителем потребительной стоимости, а деньги — стоимости. Внутренняя противоположность получила заверщенное выражение во внешней противоположности.

Коль скоро появляется задача изображения **процесса** обращения товаров, становится необходимым глубже рассмотреть названные противоположности. До совершения обмена товар реально, действительно, является потребительной стоимостью и идеально, в возможности, стоимостью, деньги же реально представляют всеобщее воплощение стоимости, а идеально, в возможности — потребительную стоимость. Следовательно, из двух противоположностей (стоимости и потребительной стоимости) одна из них возможна на первом полюсе (на стороне товара) и действительна на другом полюсе

(на стороне денег), наоборот, вторая противоположность действительна на первом полюсе и возможна на другом.

Итак, имеются два полюса: то, что возможно на одном полюсе, то действительно на другом, а то, что действительно на первом полюсе, то возможно на втором. Между возможностью и действительностью внутри каждого полюса имеется противоположность, каждая из них по отношению к другой **своя** противоположность. Также противоположны друг другу и полюса.

Как же происходит процесс обмена товаров?

«Процесс обмена товара осуществляется... в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфозов — превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар»¹.

В первой метаморфозе ($T—D$) одна противоположность одного полюса превращается из возможности в действительность, а другая противоположность этого полюса из действительности в возможность. Во второй метаморфозе ($D—T$) осуществляется противоположное движение.

Кроме того, продажа товара со стороны его продавца есть « $T—D$ », а со стороны владельца денег « $D—T$ ». «...Превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар»².

Итак, в одной и той же метаморфозе противоположности превращаются друг в друга одновременно во взаимно противоположных направлениях.

Мы видим, что в товарном обращении каждая метаморфоза является одновременно куплей и продажей. Вместе с тем существует и расчленение купли и продажи во времени, расчленение, предполагающее их внутреннее единство. Характеризуя такое положение, К. Маркс пишет следующее: «Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, процессов достигает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 115.

² Там же, стр. 118.

определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса»¹.

В обращении товаров деньги как средство обращения служат смене, превращению форм друг в друга. Функция оказывается относительно самостоятельной по отношению к функционирующему материалу (золоту). Последний может быть заменен знаком, символом, так как функционирующий материал служит мимолетным средством замещения. Материал оказывается несущественным для действия функции. Если при рассмотрении функции денег как меры стоимости выступила на передний план категория **действительной возможности**, то в функции денег как средства обращения речь идет прежде всего о **возможной действительности**, так как золото может функционировать не только само, но и через своих заместителей.

Третья и завершающая функция — деньги как деньги. Деньги действуют в таком случае не как чисто идеальные, т. е. не действительно возможные, и вместе с тем деньги не могут быть замещены каким-либо незолотым материалом, но должны иметься в виде золота, т. е. деньги не есть, так сказать, чистое средство обращения, чистая возможная действительность. Следовательно, деньги — единство снятой действительной возможности и снятой возможной действительности. Назовем это единство условно «действительной действительностью».

Однако деньги как деньги, исполняя роль средств платежа, вступают в непосредственное противоречие сами с собой. «Функция денег как средства платежа заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи взаимно погашаются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или как мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар»².

Итак, «действительная действительность» при определенных условиях есть и чистая «действительная действительность» и чистая возможная действительность.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 124 .

² Там же, стр. 149.

Деньги как деньги существуют в трех функциях — кровяница, средства платежа и мировых денег.

В функции сокровища деньги образуют относительно застывшее единство возможной действительности и действительной возможности.

В функции средств платежа они представляют собой единство возможной действительности и действительной возможности и непосредственное отрицание этого единства чистой действительной возможностью.

В функции всемирных денег «способ их существования становится адекватным их понятию»¹.

Все функции денег предполагаются в виде снятых моментов всемирных денег. Лишь здесь во всемирных деньгах функционирование полностью адекватно сущности и только теперь субстанция (стоимости) выражается полностью. Изучение функций денег как моментов, как «снятых» функций мировых денег привело бы к тому, что на авансцену вышли бы категории субстанции, причинности, взаимодействия. Рассмотрением денег заканчивается малый виток спирали.

Следующий, второй раздел первого тома «Капитала» — «Превращение денег в капитал» — с одной стороны, относится к бытию капитала, а с другой — к сущности. В нем трактуются вопросы становления сущности предмета (капитала). К. Маркс выделяет становление сущности в особый отдел, а не включает его в первый или в последующий отделы.

Итак, речь идет о сфере, переходной между бытием и сущностью. Она является завершением сферы бытия (капитала), началом сферы сущности (капитала), т. е. и относится и не относится к малому витку спирали.

Изучение сферы бытия большого витка спирали возвращает нас вновь к малому витку, который предстает теперь уже не сам по себе, а как отрезок большого витка.

Бытие капитала состоит в том, что товарное обращение является всеобщим, господствующим. Бытие капитала противоречиво: оно есть непосредственное существование капитала, а не опосредствованное, и вместе с тем это бытие является бытием именно данного определенного предмета, т. е. опосредствовано им. Однако то, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 153.

представляет собой капитал, еще не определено. Уже до специального рассмотрения бытия большого витка очевидно, что если малый виток спирали одновременно является бытием большого витка, то естественно существование следующих противоречий. Бытие малого витка есть одновременно не только оно само, но также какое-то иное бытие. Качество, количество, мера бытия одного предмета есть одновременно бытие другого предмета. Точно также и сущность, явление, действительность одного предмета выступает вместе с тем бытием другого предмета.

В категориях сущности, явления, действительности отражается именно опосредование, связь, а не непосредственное как это имеет место в сфере бытия. (Конечно, это не значит, что бытие, с одной стороны, и сущность и т. д., с другой, отделены друг от друга абсолютной разграничительной линией.)

Итак, опосредование, связь есть одновременно непосредственное. Опосредствованное (сущность, явление, действительность) данного предмета представляет собой вместе с тем непосредственное существование другого предмета. Причем, поскольку главным предметом исследования К. Маркса был капитал, постольку изображение товара и денег осуществляется прежде всего с точки зрения решения основной задачи. Поэтому малый виток спирали и категории, в которых он отражается, берутся лишь в той степени, в какой это необходимо для изображения большого витка, т. е. в качестве подчиненных, преобразованных большим витком спирали.

Отмеченное выше противоречие обнаруживается, например, в определении К. Марксом стоимости и субстанции стоимости. Так, К. Маркс, характеризуя то общее, что остается у продуктов труда, если отвлечься от потребительной стоимости, пишет: «Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости»¹. Из хода мысли К. Маркса, предшествующего этому его утверждению, читателю становится ясным, что стоимость не является чем-то природ-

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 46.

ным и существующим при любой общественной форме. Здесь же стоимость и производящий ее абстрактный труд кажутся тратой **природного** вещества и энергии (нервов, мускулов и т. д.), происходящей при **любой** общественной формации. В экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс уже во введении определяет исторический характер труда: «Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, ни один из которых не является более господствующим... Безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным... Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в самой современной из существующих форм буржуазного общества — в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстракция категории «труд», «труд вообще», труд *sans phrase*, этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной»¹.

Бытие большого витка спирали имеет качество, количество, меру. Качество капитала — товарное обращение, количество — **господство** товарного обращения, мера — **господство, всеобщность товарных отношений**. Бытие предмета — не более и не менее как предпосылка, сохраняемая и воспроизводимая движением самого предмета. К. Маркс в первом отделе («Товар и деньги») не рассматривает исторические предпосылки капитала. «Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля»². Но простое товарное производство не воспроизводится движением капитала и поэтому оно не интересует К. Маркса.

Конечный результат развития предпосылки образует первую форму проявления сущности предмета. «Этот последний продукт товарного обращения (деньги. — В. В.) есть первая форма проявления капитала»³.

К. Маркс переходит к отображению логическим способом становления сущности собственно предмета, или

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 730—731.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 157.

³ Там же.

большого витка спирали. Становление сущности оказывается противоречивым. Становящаяся сущность — уже сущность и одновременно еще бытие.

Существование капитала в сфере бытия выражается формулой $D—T—D'$. «Таким образом, $D—T—D'$ — есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения¹. Исходный и конечный пункт качественно тождественны и различаются лишь количественно. Поскольку начало и конец процесса качественно тождественны, постольку процесс бесконечен в этом отношении. Очевидно, что он бесконечен и количественно. Сначала кажется, что это движение чисто количественное. Но так представляется только сначала. Капитал ($D—T—D'$) существует исключительно в непрерывном движении. Первоначально авансированная стоимость именно в движении, в отличие от возросшей стоимости является **капиталом**. Точно также и возросшая стоимость есть капитал только в движении ее возрастания. Стоимость в движении $D—T—D'$ соотносится уже не с товарами, не с деньгами как таковыми, она соотносится сама с собой. «Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 фунтов стерлингов»².

Стоимость отражается в категории субстрата, а D , T и D' есть его состояния. Субстрат сам по себе — нечто неопределенное и он целиком присутствует в своих различных состояниях. Мы полагаем, что такое понимание вытекает также из следующего утверждения К. Маркса: «Те самостоятельные формы — денежные формы, — которые стоимость товаров принимает в процессе простого обращения, только опосредствуют обмен товаров и исчезают в конечном результате движения. Напротив, в обращении $D—T—D$ и товар и деньги функционируют

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 166.

² Там же, стр. 165—166.

лишь как различные способы существования самой стоимости...»¹. Стоимость относится к самой себе в самодвижении, в самопорождении. Субстрат существует здесь только в отталкивании от самого себя, в отрицательном соотношении с самим собой. Стороны соотношения берутся исключительно в соотношении друг с другом. Субстрат оказывается сущностью, но сущность фиксируется еще в сфере непосредственного. Это противоречивое положение. Наличие субстрата как сущности, т. е. в его самодвижении, в соотношении лишь с собой противоречит непосредственному, в котором стороны отношения имеются как таковые и вне отношения. Действительно, непосредственное проявление капитала в обращении противоречит всем законам природы товарного обращения, в коем стоимость в масштабах общества не может самовозрастать ни тогда, когда обмениваются эквиваленты, ни тогда, когда обмениваются неэквиваленты. Капитал не может возникнуть из обращения.

Капитал не может возникнуть из обращения, вместе с тем он не может возникнуть и вне обращения, ибо если дано только товарное обращение, то вне его остается лишь отношение товаровладельца к своему товару. «Товаровладелец может создавать своим трудом стоимости, но не возрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда...»². На наш взгляд, было бы ошибочно полагать, что у Маркса здесь идет речь о простом товарном производстве самом по себе. Маркс исходит из товарного обращения и показывает, какое отношение вне обращения товаров непосредственно соответствует товарному обращению как таковому. Это отношение товаровладельца к собственному товару. Итак, капитал не возникает ни в обращении, ни вне обращения. Однако капитал ($D—T—D'$) в обращении существует. Он возникает и в обращении и вне обращения.

Капитал не может возникнуть ни из денег как таковых, ни из превращения формы товара в форму денег, ни из превращения формы денег в форму товара. Следовательно, изменение происходит в товаре, покупаемом в акте $D—T$. Необходима покупка такого товара, потреб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 164.

² Там же, стр. 176.

ление которого было бы созданием стоимости. Им является рабочая сила или способность к труду. Как все остальные товары, она имеет стоимость.

Если потребительная стоимость есть непосредственность товара, стоимость — сущность товара, движение $D—T—D'$ —самодвижение субстрата капитала и если рассматривается переход к сущности капитала, то этот переход осуществляется при наличии такой **непосредственности** (товара), которая одновременно является **возможностью самодвижения субстрата, т. е. возможностью сущности**. Превращение такой непосредственности из возможности в действительность и есть сущность (капитала).

Далее К. Маркс исследует собственно сущность большого витка спирали. Сущность (капитала) предстает нам двойственной. Такова она и в действительности: с одной стороны, она оказывается процессом труда, с другой, процессом возрастания стоимости. Легко впасть в соблазн и заявить, что Маркс берет здесь труд вообще просто как существующий в любом обществе. Между тем дело обстоит сложнее. Изображение процесса труда вообще отражает одну сторону именно капиталистического производства сначала в отвлечении от процесса возрастания стоимости. Следовательно, К. Маркс руководствуется именно и только положением данной стороны, именно и только внутри качественно и исторически определенного предмета (капитализма), т. е. пользуется логическим способом. Процесс труда выступает носителем процесса возрастания стоимости. Первый процесс служит предпосылкой второго и сохраняется в снятом виде в процессе возрастания стоимости. Мы уже отмечали, что предпосылка предмета, поскольку она сохраняется и воспроизводится движением предмета, есть его бытие. В данном случае бытие образует сторону собственно сущности. Итак, имеется собственно бытие и бытие в сфере сущности, точно так же, как сущность присутствует в сфере собственно сущности.

Природа сущности двойственна. Процесс труда вначале определяется К. Марксом во внешней связи с процессом возрастания стоимости (связь носителя и носимого) и, значит, во внутреннем безразличии друг к другу. Поскольку фиксируется именно внешняя связь бытия и сущности внутри сферы сущности, постольку бытие

(процесс труда) оказывается несущественной, а сущность (процесс возрастания стоимости) существенной стороной двойственной природы сущности.

Рассматривая превращение денег в капитал, К. Маркс зафиксировал **непосредственно** форму проявления сущности. Капитал определялся в качестве существующего в обращении, **в бытии, предметности** труда. Это было единство бытия и сущности в бытии. Теперь внимание сосредоточивается на труде вообще и на возрастании стоимости как **деятельности, беспокойстве, движении** труда. «Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из из формы движения в форму предметности»¹. Следовательно, сфера сущности отрицает бытие вообще, сохраняя его в качестве своего момента. Непосредственное в сфере сущности и как сторона сущности предстает несущественным, противостоящим существенному.

Закончив определения процесса труда и процесса возрастания стоимости, К. Маркс обращается к рассмотрению постоянного и переменного капитала. При этом происходит как бы возвращение к труду вообще, но труд берется не в отвлечении от процесса возрастания стоимости, а выясняется роль различных факторов процесса труда вообще в процессе образования стоимости². Если стоимость средств производства **переносится** на стоимость продукта благодаря полезной форме труда, то движение труда, взятого в отвлечении от этой формы, создает новую стоимость. В движении мысли от процесса труда к процессу возрастания стоимости К. Маркс воспроизводил второй процесс как носимый и определяемый первым. В переходе мысли от исследования процесса возрастания стоимости к исследованию постоянного и переменного капитала процесс труда выступает специально со стороны его действия в процессе образования стоимости продукта.

Итак, бытие в сущности и сущность определяются не в их безразличии, а точнее не в их внешней связи друг

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 200.

² См. там же, стр. 220.

с другим, не как несущественное и существенное. Несущественное (процесс труда вообще) снимается и сохраняется в своей «снятости», как момент сущности. В главе о постоянном и переменном капитале К. Маркс излагает именно «преломление» процесса труда вообще в процессе образования стоимости продукта. Происходит отрицание отрицания бытия в сущности. В логическом плане мы имеем дело с категорией видимости. Под видимостью подразумевается в данном случае не нечто противоположное действительности, недействительное, а вполне определенный тип соотношения сторон сущности предмета.

В следующей главе К. Маркс приравнивает постоянный капитал нулю и рассматривает переменный капитал в соотношении его с самим собой, норму прибавочной стоимости.

Капитал, авансированный на куплю рабочей силы (например, $v=90$ ф. ст.), как и стоимость купленной рабочей силы — величины постоянные. «Но в самом процессе производства вместо авансированных 90 ф. ст. выступает действующая рабочая сила, вместо мертвого — живой труд, вместо неподвижной — текучая величина, вместо постоянной — переменная. Результатом является воспроизводство v плюс прирост v . С точки зрения капиталистического производства весь этот процесс есть самодвижение превращенной в рабочую силу первоначально постоянной стоимости. Последней приписывается весь процесс и его результат. Поэтому, если формула: 90 ф. ст. переменного капитала, или увеличивающаяся стоимость, представляется чем-то противоречивым, то она лишь выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству»¹.

v является одной стороной видимости. В отношении $\frac{\Delta v}{v}$ (где $\Delta v = m =$ прибавочной стоимости) видимость соотносится с собой, а не с чем-то другим. Отношение видимости к самой себе есть то, что Гегель назвал бы рефлексией².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 226.

² К. Маркс употребляет термин «рефлексия». Он различает вещи рефлексированные и вещи непосредственно данные. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 44.

Переменный капитал существует лишь в движении, как момент движения, самовозрастания. Авансированный переменный капитал только в процессе производства является действительным переменным капиталом. **Самодвижение** стоимости уже исследовалось в отделе «Превращение денег в капитал», но там оно было взято со стороны его результата в его **непосредственной** форме, в **бытии, предметности**. Здесь же самодвижение рассматривается со стороны собственно процесса движения, беспокойства.

Итак, мысль К. Маркса идет от изображения самодвижения, самоопосредствования в его непосредственной форме, к самодвижению в сфере опосредствования, где непосредственность снята.

Авансированный и возросший переменные капиталы в качестве переменного капитала существуют исключительно в их текучести, в соотношении, в их «взаимовозвращении» друг в друга.

Следовательно, переменный капитал есть непосредственность только как соотношение, как возвращение. Непосредственность состоит в простом отсутствии непосредственности, т. е. непосредственность заключается в том, что она не есть непосредственность. Такова «внутренняя» рефлексия.

Изложив отношение $\frac{\Delta v}{v}$, необходимого и прибавочного времени, К. Маркс рассматривает зависимость его от длины рабочего дня при данной величине необходимой части рабочего дня. Рефлексия (самодвижение стоимости в процессе производства) изучается уже не как соотношение с собой, а в зависимости от внешнего, извне данного (длины рабочего дня). Так, пределы длины рабочего дня отчасти определяются физической организацией человека. Вместе с тем извне данное (длина рабочего дня) само полагается рефлексией. Это внешняя рефлексия действительно, длина рабочего дня берется только как время самодвижения стоимости и, кроме того, данная его величина представляет собой результат борьбы рабочих и капиталистов.

В главе «Норма и масса прибавочной стоимости» в логическом аспекте выступает на первый план единство, снятыми моментами которого является внутренняя и внешняя рефлексия. Этим завершается исследование

абсолютной прибавочной стоимости. Абсолютная и относительная прибавочная стоимость — формы одной исторически определенной сущности.

При исследовании абсолютной прибавочной стоимости К. Маркс предполагает неизменными общественные и технические условия труда. Логическое исследование этой формы прибавочной стоимости в общем и целом (но и только) воспроизводит развитие капитализма на почве унаследованных и еще непретворенных условий.

Производство прибавочной стоимости представляется **тождественным** самому себе. Именно эта тождественность служит определяющей для специфики абсолютной прибавочной стоимости. Тут подчеркивается уже не отношение просто сущности (капитала) к самой себе, через отношение к иной сущности (к иному способу производства).

Сущность представляется тождественной себе. Однако это — не тождество без различия. Напротив, различие в тождестве есть, но оно еще не выступает явно как выходящее за пределы сущности. Действительно, так как природа капитала в **движении**, в **самовозрастании** стоимости, и так как производство абсолютной прибавочной стоимости происходит за счет удлинения рабочего дня, которое имеет предел, то чисто количественное изменение длины рабочего дня, а тем более законодательное установление длины рабочего дня приводит к изменению формы производства прибавочной стоимости. Таким образом, форма сущности определяется тождественностью сущности самой себе, но это — не сущность без различия, а сущность с различием.

Формой производства прибавочной стоимости, являющейся отрицанием абсолютной прибавочной стоимости, служит относительная прибавочная стоимость. Она создается путем сокращения необходимого рабочего времени. «...Если при исследовании производства прибавочной стоимости в той ее форме, в какой мы ее до сих пор рассматривали, способ производства был предположен нами как нечто данное, то теперь, для понимания производства прибавочной стоимости путем превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически унаследованной, существующей форме и лишь увеличивает его продол-

жительность. Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости»¹.

Итак, эту форму сущности определяет постоянное необходимое возникновение ее отличия от самой себя. Именно благодаря непрерывным переворотам в способе производства только и возможно созидание этой прибавочной стоимости.

Форму сущности образует **существенное отличие** сущности от самой себя. Однако одновременно капиталистический способ производства остается капиталистическим производством при всех этих изменениях. Маркс, исследуя понятие относительной прибавочной стоимости, еще не показывает, что названные изменения ведут к отрицанию самого капитализма. Следовательно, существенное различие не есть различие без тождества, тождество содержится внутри различий, но определяющим для данной формы сущности является существенное различие.

Затем К. Маркс развертывает логику различных способов производства относительной прибавочной стоимости. Наиболее простой из них — простая кооперация, при которой «многие дополняющие друг друга рабочие совершают одинаковую или однородную работу»². Применение большего числа рабочих в каком-либо процессе труда образует логический и исторический пункт возникновения капиталистического способа производства. «Что касается самого способа производства, мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена.

Итак, сначала разница чисто количественная»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 325.

² Там же, стр. 339.

³ Там же, стр. 333.

Способ производства сохраняет тождественность самому себе. Различие чисто количественное, внешнее ему. Следовательно, здесь выступают тождество и различие в их безразличии друг к другу, а это есть не что иное, как **разность**.

Возникновение разделения труда внутри кооперации превращает ее в мануфактуру. Мануфактура происходит либо путем объединения различных самостоятельных ремесел, либо путем разложения данного ремесла на отдельные операции. Ремесло служит исходным пунктом мануфактуры и остается ее основой, без которой существование мануфактуры невозможно.

Одновременно развивающееся внутри кооперации разделение труда разлагает ремесло. «...Мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы. Ее собственный узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самою созданными потребностями производства»¹.

Ранее мы видели, что производство прибавочной стоимости первоначально оставляет нетронутым прежний способ производства и приводит исключительно к количественным изменениям его. Ремесло представлялось тождеством. Простая кооперация внесла количественные, внешние ремеслу преобразования. Теперь картина меняется. Хотя ремесло сохраняется, остается по-прежнему основой способа производства, тем не менее развитие мануфактуры уже исключает ремесло само по себе, приводя к его качественным преобразованиям.

Если ремесло и простая кооперация представляли собой в логическом плане тождество и различие в их безразличии друг к другу, то ремесло и мануфактура находятся в отношении **противоположности**. Противоположность — такое отношение тождества и различия, в котором они исключают и одновременно предполагают друг друга, иначе говоря, находятся в отрицательном единстве. Мануфактура имела своим базисом ремесло, а из ремесла с необходимостью выростала мануфактура.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 381.

Одновременно ремесло как таковое исключает существование мануфактуры, а мануфактура разлагает ремесло.

Следовательно, каждая сторона противоположности существует лишь постольку, поскольку имеется другая и вместе с тем каждая из них является таковой при исключении другой стороны.

Самодвижение капитала в мануфактурной форме его производства встречается со многими препятствиями. Пожалуй, важнейшим из них является отсутствие объективного остова, независимого от рабочих, вследствие чего капитал вынужден постоянно бороться с нарушениями дисциплины со стороны рабочих, с нарушениями действия совокупного механизма процесса труда. Одновременно один из наиболее развитых продуктов мануфактуры — мастерская для производства орудий труда, создавая машины, упраздняет ремесло и мануфактуру.

Машинное производство на первых порах основывается на мануфактуре. Машины изготавливаются мануфактурным способом. Противоположность перерастает в собственно противоречие тогда, когда начинается производство машин машинами. Машинное производство машин устраняет ремесло и мануфактуру в качестве базиса производства. Следовательно, нечто (ремесло и мануфактура), порождая другое (производство машин и создание машин машинами), упраздняется порождаемым. Первое предполагается вторым лишь постольку, поскольку оно уничтожается вторым.

Если прежде порождаемое исключало порождающее и одновременно включало его в себя в качестве безразличной к себе основы, то в собственно противоречии порождаемое предполагает порождающее исключительно в уничтожении последнего. В самом деле. Машинное производство, совершающееся на адекватном ему базисе, не является ремеслом и мануфактурой, вместе с тем оно возникает из ремесла и мануфактуры, а значит едино с ними. Такое единство состоит в упразднении и полном подчинении производством машин машинами ремесла и мануфактуры. Только теперь унаследованный капитализмом способ труда преобразуется коренным образом и противоречие прежнему способу труда достигает наибольшей зрелости. Собственно противоречие есть наивысшая форма развития противоречия, менее развитыми формами которого были тождество, различие, разность.

противоположность. Непосредственная форма сущности ($D—T—D'$) была противоречием в себе. Существенное тождество содержало различие в качестве различия тождества. Различие имело внутри себя своим моментом тождество. Разность и противоположность — также определенные формы противоречий сущности предмета.

К. Маркс фиксирует развитие противоречий сущности предмета не только по отношению к предшествующему развитию, но и по отношению к предмету более развитому, нежели исследуемый. «...Развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»¹.

Отрицание капитализмом самого себя обнаруживается уже в качестве абстрактной возможности кризисов в противоречиях товара и денег. Но как зародышевая форма отрицания исследуемого предмета эти противоречия могут быть поняты лишь после рассмотрения более развитых противоречий. В непосредственной форме проявления сущности (капитала) **не видно ни качественных, ни количественных пределов самодвижения сущности.** В $D—T—D'$ прогресс капитала и качественно и количественно бесконечен. Установление того факта, что самовозрастание стоимости осуществляется благодаря потреблению рабочей силы, приводит к определению **качественного предела** самодвижения сущности. Пределы изменения длины рабочего дня и количество применяемых рабочих при неизменности необходимого рабочего времени есть **количественный предел** самодвижения сущности **относительно безразличный к ее качественному пределу.** Количественные изменения, достигнув определенного уровня, приводят к изменению качества самодвижения сущности (переход к относительной прибавочной стоимости). Здесь обнаруживается единство количественного и качественного предела капитализма, или мера его отрицания. Рассмотрение изменений на основе меры отрицания есть изучение сущности отрицания капитализмом своей сущности.

Общественный характер труда в простой кооперации есть неразвитая форма отрицания сущностью (капитализма) самой себя. Разность (единство безразличных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 499.

друг к другу тождества и различия) представляет собой одновременно и форму отрицания исследуемой сущностью прежнего процесса и отрицание ею самой себя. Мануфактура упрочивает общественный характер труда. Отрицание сущностью самой себя осуществляется в форме противоположности. Однако и там общественный характер труда представляется простой случайностью, ибо отсутствует объективный остов, который объединял бы работников в процессе труда. Машинное производство, и особенно его развитая форма — система автоматических фабрик, порождая этот объективный остов процесса труда, делает техническим законом общественный характер труда. Собственность же на средства производства сохраняется частной. Маркс убедительнейшим образом доказывает, что капиталистический характер развития производства оказывается враждебным рабочим, что капитализм своим развитием готовит силу, способную его уничтожить и вынуждает ее к этой борьбе.

Итак, необходимость отрицания сущностью самой себя устанавливается только на уровне собственно противоречия. К. Маркс пользуется в «Капитале» логическим способом раскрытия противоречий. Однако логическое исследование развития противоречий сущности предмета в общем и целом соответствует истории предмета. Так, например, производство абсолютной прибавочной стоимости характерно для того периода развития предмета (капитала), когда он уже возник и развивается на унаследованной основе, а производство относительной прибавочной стоимости соответствует периоду, для коего характерно именно преобразование унаследованной основы.

Логика отображения противоречий сущности К. Марксом коренным образом отлична от логики Гегеля даже в чисто логическом аспекте. У Гегеля фигурирует сущность вообще, а не исторически возникшая и исторически преходящая сущность определенного предмета. Напротив, в «Капитале» исследуется именно эта последняя сущность. Отсюда логическое развитие противоречий сущности в логике Гегеля не является историческим процессом. Гегель здесь изменяет принципу историзма. Обнаружив основные логические моменты развития противоречия, Гегель представил их как процесс развертывания, а не развития сущности, в то время как К. Маркс

логически воспроизводит сущность в процессе отрицания ею иной, менее развитой сущности и отрицания, разложения этой определенной сущностью самой себя.

Изобразив абсолютную прибавочную стоимость в отвлечении от относительной, затем переход от первой ко второй и относительную прибавочную стоимость, К. Маркс как бы возвращается от относительной прибавочной стоимости к абсолютной. Он рассматривает их единство. Так как абсолютная прибавочная стоимость с логической точки зрения выступает конкретным тождеством, а относительная прибавочная стоимость — конкретным различием (разностью, противоположностью, противоречием), то их единство оказывается единством конкретного тождества и конкретного различия (разности, противоположности, противоречия). Это единство тождества сущности самой себе и отрицания сущностью самой себя есть **основание**. В рефлексии сущность также соотносится сама с собой, но на этом уровне еще не было выделено ни существенное тождество, ни существенные различия, разность, противоположность, противоречие, ни отрицание сущностью себя как данной, определенной сущности, т. е. отрицание ею себя как таковой.

Основание, рассмотренное в определенном аспекте, является **тождеством** конкретного тождества сущности самой себе и конкретного различия (разности, противоположности, противоречия) сущности с собой. «С известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной. Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она предполагает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования самого рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня»¹.

Однако в **движении** сущности дает о себе знать **различие** единства конкретного тождества и конкретного различия (разности и т. д.), т. е. различие в основании.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 519.

«...Если обратить внимание на движение прибавочной стоимости, это кажущееся тождество исчезнет»¹.

Лишь в единстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости прибавочная стоимость — в полной мере основание, а абсолютная и относительная прибавочная стоимость — ее формы. Отличие их друг от друга и позволяет характеризовать их в качестве форм. Но одного этого обстоятельства недостаточно для определения формы. Форма — всегда форма чего-то, т. е. положенная, основанная чем-то иным. Форма предполагает сущность как основание.

К. Маркс не исследует сначала прибавочную стоимость в чистом виде в отвлечении от формы, а затем абсолютную и относительную прибавочную стоимость. Он начинает изучение производства прибавочной стоимости сразу с абсолютной прибавочной стоимости. Следовательно, К. Маркс берет сущность как оформленную. Сущность не есть нечто неоформленное. Форма не есть нечто внешнее относительно сущности. Форма есть способ существования сущности. Форма в данном случае есть существенная форма, или форма сущности.

Задача выяснения единства форм сущности выдвигает вопрос об отличии форм сущности от их единства. Если отвлечься от формы сущности, то останется неоформленная, неопределенная материя². Под таким углом зрения рассматривается К. Марксом в главе четырнадцатой производительный труд. Одновременно неопределенная материя предполагает форму, а форма материю. Материя выступает безразличным основанием формы, а форма — безразличным обоснованным.

Материя и форма и самостоятельны и находятся в отношении основания и обоснованного.

В пятнадцатой главе главными категориями являются форма, содержание и их отношение. Здесь К. Маркс прослеживает изменение в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости. В отношении — форма — со-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 519.

² Понимание материи как противоположности формы не следует смешивать с пониманием материи как противоположности сознания. Понимание материи как противоположности формы впервые введено Аристотелем, употреблялось Гегелем и в материалистически преобразованном виде используется К. Марксом в «Капитале»,

держание происходит якобы возвращение к отношению «форма — сущность». Но в отношении формы и сущности члены отношения тождественны в их непосредственном различии друг от друга. В отношении «форма — материя» выступает **самостоятельность** формы и материи в их безразличном единстве. В отношении «форма — содержание» оба прежних отношения снимаются: возникает тождество опосредствованных различий и опосредствованные различия тождества. Содержание есть оформленная материя. Форма есть материализованная форма. Действительно, в главе пятнадцатой К. Маркс уже характеризует не непосредственное единство прибавочной стоимости и ее форм и не прибавочную стоимость вообще в отвлечении от ее форм, и не формы в их безразличном единстве с прибавочной стоимостью вообще. В этой главе производство прибавочной стоимости выступает оформленным содержанием: оно фиксируется в зависимости от различной комбинации действия величины рабочего дня, интенсивности труда, производительности труда. Сами эти факторы представляют собой материализованную форму.

В следующем шестом отделе («Заработная плата») К. Маркс от сферы сущности переходит к сфере явления, после чего вновь во всех остальных отделах первого тома «Капитала» исследует сущность предмета. Возможно, что основной причиной анализа заработной платы именно в первом томе «Капитала» была практическая необходимость, не дожидаясь окончания работы над последующими томами, показать решающую форму проявления, на которой «покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии»¹.

Рассмотрение логики «Капитала» в качестве логики с большой буквы заставляет нас связывать логику шестого отдела с логической проблематикой третьего тома «Капитала» К. Маркса. Процесс производства прибавочной стоимости, будучи рассмотрен в его постоянном возобновлении, непрерывной связи является процессом воспроизводства. В таком случае каждая предыдущая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 550.

стадия процесса служит основанием каждой последующей. Если производство возобновляется в одном и том же масштабе, то одно и то же содержание основания повторяется дважды, сначала как основание, затем как обоснованное. Основание и обоснованное тождественны и по содержанию и по форме. Соотношение основания и обоснованного не изменяет их содержания, внешне ему, формально. Вместе с тем в формальном соотношении основания содержание претерпевает известное изменение. «Хотя оно (простое воспроизводство. — В. В.) есть простое повторение процесса производства в неизменном масштабе, тем не менее эта простая повторяемость и непрерывность придают процессу новые черты, или, скорее, устраняет те, которые кажутся характерными для него как для единичного акта»¹.

Основание оказывается основанием целиком созданным своим собственным движением. Так, уже простое воспроизводство в конце концов превращает всякий капитал в накопленный капитал, т. е. капитализированную прибавочную стоимость, и постоянно воссоздает отношение рабочего и капиталиста.

При простом воспроизводстве капитала вся прибавочная стоимость служила фондом потребления капиталиста. Применение прибавочной стоимости в качестве капитала есть его накопление, или его расширенное воспроизводство. Здесь содержание последующего процесса производства отлично от содержания предыдущего. **Содержание основания оказывается отнюдь не тождественным содержанию обоснованного.** Новый процесс производства начинается с иного, более развитого исходного пункта.

К. Маркс не интересуется способ, характер, конкретное единство предыдущего и последующего производства. Существенно только то, что исходным пунктом движения капитала служит прибавочная стоимость. Следовательно, содержание основания и обоснованного рассматриваются в их соотносительности друг с другом как различные и безразличные друг другу. Различие между предыдущим и последующим процессами производства внешне, количественно; производство капитала расширяется, но не изменяется по своей сущности.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 579.

Другой характер носят изменения органического строения капитала, т. е. строения по стоимости, поскольку оно определяется техническим строением капитала. Развитие производительных сил имеет непреодолимую тенденцию к увеличению массы средств производства, приводимых в движение прежней массой рабочей силы, и к сокращению рабочей силы, приводящей в движение прежнюю массу средств производства. Отношение рабочей силы к средствам производства уменьшается с развитием производительных сил, стремясь к нулю, как к своему пределу. Вследствие этого, хотя и много медленнее, стремится к нулю отношение переменного капитала к постоянному. Следовательно, чем в большей степени развиваются производительные силы, тем жестче и уже простор, который предоставляется им капиталистическими производственными отношениями. (Противодействующие обстоятельства не устраняют решающего характера этой тенденции).

Маркс рисует обстоятельную картину изменений капиталистического производства в процессе относительного роста постоянной и уменьшения переменной части капитала. Капитал концентрируется и централизуется. Основное средство развитого капиталистического накопления — рост производительных сил — с железной необходимостью все больше и больше подрывает в конечном счете решающее условие существования рабочего — продажу рабочей силы, поскольку с увеличением производительной силы труда растет промышленная резервная армия, а значит, и давление капитала на занятую часть рабочего класса. «...Относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием богатства. Но чем больше эта резервная армия... тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда... Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления. Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 659.

Эти изменения ведут к упразднению самого капиталистического производства. Капитализм, возникнув на определенном уровне развития производительных сил, превращает их в средство своего движения, вызывает к жизни все новые и новые силы производства. Последние в свою очередь приводят к существенным изменениям строения капитала (относительно уменьшают переменный капитал и относительно увеличивают капитал постоянный). Капитализм, оставаясь тождественным самому себе, одновременно вырабатывает свое собственное отрицание. Здесь мы имеем дело с **полным основанием**, в котором сняты формальное и реальное основания. В полном основании основание и обоснованное существенно тождественны друг другу и вместе с тем существенно, внутренне отличны друг от друга. Выше уже рассматривалось противоречие и отрицание сущностью самой себя. Однако тогда речь шла о процессе как единичном акте, теперь же фиксируется процесс в его постоянном возобновлении, в котором он и предстает по отношению к самому себе основанием и обоснованным.

Исследование отношения основания «возвращается» к анализу противоречия, но на более высоком уровне.

Рассмотрение логики основания есть одновременно изучение логики отрицания данного процесса, взятого в его постоянном возобновлении, и отрицания самого этого возобновления как такового.

Следующий шаг рассмотрения противоречий в «Капитале» заключается в исследовании противоречивости **условий**. Условия, являясь именно условиями **чего-то**, во-первых и сначала, представляются непосредственным, бытием. Например, товар и деньги в отвлечении от собственно капитала. Во-вторых, обнаруживается соотношение с тем, условием чего является данное непосредственное. Только характеристика превращения денег в капитал позволила понять товар и деньги собственно в качестве условий. Это пока еще условия, хотя и необходимые, но не достаточные. Достаточное условие (наличие собственников средств производства и рабочей силы, свободной в двояком смысле) представляет собой и условие и содержание того, условием чего оно служит. Однако до рассмотрения движения основания все условия (в том числе и достаточное) представляются непосредственно данными, т. е. безусловными.

Изучение основания показывает, что оно воспроизводит своим собственным движением необходимые и достаточные условия своего существования. Следовательно, непосредственность условий снимается. С точки зрения Гегеля на этом должно быть закончено изучение сферы сущности. Но если сущность раскрывается в качестве определенной и притом исторически определенной, то становится необходимым исследовать, как возникла непосредственность условия, совпадающего с основанием, т. е. каково первоначальное возникновение данного предмета. Первоначальное возникновение предмета воссоздается не историческим, а логическим способом: о нем судят лишь постольку и настолько, поскольку и насколько можно говорить о возникновении, имея дело с движением уже возникшего предмета.

Задача здесь заключается не в изучении возникновения товара и денег, ибо хотя они и образуют необходимые условия существования капитала, но при наличии товаров и денег капитал существует не всегда. Напротив, без наличия свободного рабочего, лишенного средств производства, и собственников, обладающих средствами производства, капитал не существует, при наличии этих условий он возникает с необходимостью. Поэтому процесс первоначального накопления капитала не может быть ничем иным, как личным освобождением рабочего, отделением от него средств производства, и сосредоточением у противоположного рода товаровладельцев денег, средств производства и жизненных средств. Исторически определенный предмет не только возникает, развивается, но и гибнет. К. Маркс не рассматривает специально тот более развитый предмет, который возникает на основе исследуемого. Он пользуется и тут логическим способом.

Возникновение и развитие данного предмета есть и отрицание им самого себя. Развивающийся предмет своим собственным развитием подрывает свое существование и совпадающие с ним условия. Подытоживающим определением тенденции развития предмета от его возникновения до гибели К. Маркс заканчивает изложение собственно теоретических вопросов в первом томе «Капитала». (Последняя глава посвящена критике одной из теорий колонизации, в ней в отрицательной форме поясняется ряд ранее изложенных им положений.)

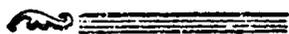
Во втором томе «Капитала» воссоздается явление капитала, в третьем томе — его действительность. Полностью отображение противоречия логическим способом осуществляется тогда, когда воспроизводят также и эти сферы. Однако основное, главное для решения проблемы противоречия содержится уже в первом томе «Капитала».

Исследование К. Марксом в «Капитале» противоречия коренным образом отличается и методологически, и логически от всех домарксистских трактовок этой проблемы. Но качественное различие не исключает, а, напротив, необходимо предполагает связь, преемственность. Исключительно важно в полной мере учитывать не только противоположность, но и связь логики «Капитала» с логикой Гегеля. В. И. Ленин, специально отмечая это обстоятельство, писал: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля»¹.

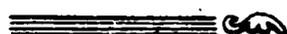
«Капитал» был создан К. Марксом не посредством наложения схемы логики Гегеля на конкретный материал, а в процессе и результате строго научного, добросовестнейшего и тщательнейшего изучения фактически данного предмета. Однако, мы полагаем, что логика Гегеля обладает рациональными моментами в большей степени, чем принято считать, и с этой точки зрения оказывается возможным обнаружить такие особенности логики «Капитала» сравнительно с логикой Гегеля, которые без этого или скрыты совсем или представляются недостаточно отчетливо.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 — 1968

В. А. ВАЗЮЛИН

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ В «КАПИТАЛЕ» К. МАРКСА

«Капитал» — труд жизни К. Маркса, вершина его творческой деятельности. Величие гения К. Маркса с особенной силой проявилось в поразительной глубине и цельности «Капитала». Прошли многие десятилетия со времени выхода «Капитала» в свет, но он по-прежнему остается на переднем крае науки. Огромный интерес представляет, в частности, исследование проблемы диалектического противоречия в «Капитале», ибо, на наш взгляд, в мировой научной литературе нет более глубокого, последовательного, развернутого отражения диалектического противоречия.

Реальное противоречие, как известно, существует в движении. Мышление, воспроизводящее движение и противоречие, должно быть движущимся, развивающимся. Вследствие этого в «Капитале» нет застывших определений, каждое определение получает полную доказательную силу только в единстве со всеми остальными. Полное изображение противоречия дается К. Марксом лишь всем контекстом науки. Поэтому логически воссоздать противоречие — значит выразить в совокупности логических категорий квинтэссенцию развития науки во всех ее необходимых связях и сторонах. Действительно, диалектическое противоречие в «Капитале» раскрывается в системе и системой субординированных категорий диалектики, или, иначе говоря, отражение противоречия в «Капитале» есть система субординированных категорий диалектики, взятая в аспекте категории противоречия. Далее мы остановимся на процессе мысленного отражения противоречия лишь с точки зрения отражаемого предмета.

Система категорий диалектики в «Капитале» К. Маркса имеет как общие черты с систематическим развитием диалектического метода в логике Гегеля, так и коренные отличия от него. Идеализм, отсутствие подлинного историзма, неспособность понять качественную специфику различных этапов в истории общества и мышления, телеологизм, абсолютизация «дела логики» и принципиально обусловленная неспособность исследовать «логику дела» — все эти основные ограниченности в понимании логики Гегеля блестяще преодолеваются К. Марксом. В наиболее развитом виде этот процесс представлен в «Капитале».

Диалектическая логика К. Маркса — новая, высшая ступень в истории логики. Материалистическое понимание движения мышления, по-

следовательный историзм в изучении мысли, создание логики определенного предмета, «логики дела» — ее важнейшие характеристические черты. Далее мы попытаемся вкратце показать, что эта принципиальная новизна логики «Капитала» существенным образом сказывается на логической структуре отражения К. Марксом диалектического противоречия. Вместе с тем К. Маркс применяет в исследовании капитала все рациональное содержание гегелевской логики. По словам Ф. Энгельса, гегелевский метод в его идеалистическом виде был совершенно непригоден для развития всего комплекса экономических наук в их внутренней связи. «Тем не менее из всего наличного логического материала он был единственным, который можно было по крайней мере использовать»¹.

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» весьма категорически указывает: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля»².

Общий ход движения мысли К. Маркса в первых трех, теоретических, томах «Капитала» таков: от непосредственно данного капитала (от капиталистического товара и денег) исследователь переходит к сущности капитала как таковой, независимо от форм ее проявления (к процессу производства капитала); затем К. Маркс, продолжая углублять рассмотрение капитала, начинает возвращаться к его «поверхности», но теперь «поверхность» фиксируется не непосредственно, а на основе познанной сущности, т. е. как явление сущности. Дальнейшее движение к «поверхности» капитала на основе познанной сущности приводит к характеристике форм, вытекающих из единства производства и обращения, из единства сущности и явления капитала, т. е. к действительности капитала. Таким образом, развитие мысли К. Маркса в «Капитале» представляет собой отрицание отрицания или как бы виток спирали.

Преодолевая коренную ограниченность логики Гегеля, К. Маркс рассматривает логический процесс не как процесс развития логических категорий из самих себя, не как процесс образования реального предмета, а как отражение предмета, существующего независимо от мышления. Логическое движение в «Капитале» не является умозрительной схемой, оно постоянно корректируется предметом, существующим вне и независимо от теоретически относящегося к нему субъекта. Переработка чувств в понятия берется К. Марксом в противоположность Гегелю не как видимость, или инобытие логического процесса, целиком полагаемое мышлением, а как действительная предпосылка, из которой мышление исторически возникает, и как процесс, под решающим воздействием которого развивается уже возникшее мышление. Принципом логики «Капитала» является проверка каждого шага исследования фактами, практикой.

Диалектико-материалистический, последовательно исторический характер воззрений великого основоположника марксизма позволили ему в ходе конкретного политэкономического исследования поднять логику на более высокую ступень и в сугубо логическом плане.

Мы отметили, что в «Капитале» прежде всего рассматриваются товар и деньги капиталистического общества, в товаре и деньгах капиталистического общества капитал дан непосредственно. Но при этом Маркс еще не исследует товарный и денежный капитал. Товар на «поверхности» выступает прежде всего в качестве потребительной стоимости. Потребительная стоимость оказывается непосредственно данным то-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 496.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162

варом, бытием товара. Стоимость есть сущность товара. Формы стоимости — явления стоимости. Процесс обмена товаров и деньги или обращение товаров — действительность товара. Следовательно, начальный отрезок ранее рассмотренного нами витка спирали (товар и деньги) сам представляет собой виток спирали, отрицание отрицания.

Далее, Маркс в противоположность Гегелю исследует предмет в качестве исторически преходящего, отрицающего себя своим собственным движением. Принципиальная новизна логики «Капитала» заключается в раскрытии логики отрицания собственным развитием предмета самого этого предмета. В таком отношении весь капитал предстает с точки зрения вызревания в нем предпосылок более развитого общества и отображается в категориях непосредственного знания (качества, количества, меры).

Особенно сложна логика первых двух отделов «Капитала». Например, товар есть непосредственно данный капитал, т. е. бытие капитала; одновременно товар как товар имеет бытие, сущность, явление, действительность. Следовательно, его существование (а значит, и изображение) противоречиво: виток спирали существует и рассматривается в качестве отрезка большего витка спирали. Так, стоимость есть одновременно и сущность товара как товара и относится к бытию капитала. Кроме того, уже в товаре обнаруживаются зародыши отрицания капитализмом самого себя.

Остановимся на последовательности диалектических противоречий и формах, в которых они выступают для сознания читателя, строго следующего за развитием мысли К. Маркса в «Капитале». К. Маркс начинает изображение противоречий с рассмотрения простейшего отношения, его сторон, или факторов. Противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, между бытием и сущностью (товара как товара) имеется уже при рассмотрении Марксом бытия товара, т. е. потребительной стоимости. Бытие (потребительная стоимость) изучается, с одной стороны, само по себе, в отвлечении от сущности, стоимости. С другой стороны, в неявном, специально не фиксируемом виде бытие рассматривается в единстве с сущностью. Это неявное единство с сущностью сказывается в том, что Маркс выделяет в понятии потребительной стоимости. А он фактически (это еще неявно для читателя) выделяет только то, что характеризует потребительную стоимость как потребительную стоимость товара (причем товара капиталистического общества), а не потребительную стоимость вообще. Затем Маркс переходит от характеристики бытия к определению второй стороны противоречия. При этом он прежде всего устанавливает внешнюю связь двух противоречащих сторон: потребительная стоимость при определенных условиях служит носителем стоимости. Отметив это обстоятельство, Маркс приступает к изучению второй стороны противоречия самой по себе. Она выступает в виде простого, чистого количества, количественной связи, пропорции обмениваемых потребительных стоимостей. Следовательно, сущность непосредственно выступает количественно, причем существование внутренних связей представляется на первый взгляд невозможным, так как количественное отношение изменяется с каждой переменной места и времени. Однако более внимательный анализ позволяет «нащупать» внутреннюю связь, сущность. В различных определенных количествах исследователь обнаруживает нечто постоянное, одинаковое, общее равной величины, которое не есть соизмеряющиеся количества потребительных стоимостей, а нечто иное, скрытое за меновыми стоимостями. Такое рассмотрение

второй стороны противоречия само противоречиво. Вторая сторона, стоимость, сущность выступает здесь как общее равной величины, она рассматривается сама по себе, в отвлечении от первой стороны. Вместе с тем опять-таки в неявном, специально нефиксируемом виде имеется единство ее с первой стороной: общее равной величины существует в пропорции различных обменивающихся потребительных стоимостей. Кроме того, и вторая сторона и неявно в ней присутствующее единство с первой стороной выступают непосредственно.

Помимо этого противоречия образовалось противоречие между представлением случайности количественного соотношения потребительных стоимостей и обнаружением внутреннего, общего, постоянного разных количеств. Чтобы полностью проследить и понять разрешение этого противоречия, необходимо пройти весь путь развития мысли Маркса от сущности товара до его действительности.

Противоречие двух сторон простейшего отношения обнаруживается при рассмотрении второй стороны самой по себе, внутри этой стороны. Вторая сторона противоречия — стоимость — первоначально определяется только как простое отрицание первой. «Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров»³. Если отвлечься от потребительной стоимости, то у существенно данных товаров остается лишь свойство быть продуктами труда. «Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду»⁴.

В категориальном аспекте вторая сторона теперь является существенным тождеством, подчеркивается тождество различных видов труда. Так как это тождество определено здесь лишь как безотносительность к конкретному, полезному труду, к форме полезной затраты, то тождество содержит не вне, а внутри себя различие: тождество потому и есть тождество, что оно не есть различие полезных конкретных форм труда, т. е. различие, так сказать, образует природу тождества. Однако это различие здесь есть лишь простое отрицание. Стоимость фиксируется и в отвлечении от первой стороны, то есть от потребительной стоимости, и в отрицательном единстве с ней, причем такое отрицательное единство составляет положительное содержание второй стороны.

Дальнейшее рассмотрение второй стороны самой по себе показывает, что первая сторона находится во второй уже не отрицательно, а положительно и вместе с тем безразлично ко второй стороне. В самом деле, труд, созидающий стоимость, есть одинаковый, средний труд, труд, совершающийся при общественно средних условиях. Средние условия, так сказать, результируются в общественно средней полезной затрате рабочей силы, общественно средней производительности труда. Следовательно, форма затраты рабочей силы присутствует в определении труда, созидающего стоимость, уже не чисто отрицательно, а положительно. Вместе с тем общественно-средняя производительность труда предполагается данной и значит, безразличной к труду, образующему стоимость.

Характеристика К. Марксом простого и сложного труда, взятая в логическом аспекте, движется, главным образом, в рамках категории

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 46.

существенной противоположности. По сравнению с предшествующим изложением новое тут с логической точки зрения заключается в рассмотрении единства безразличных сторон в сущности. Тождество и различие безразличны друг другу, но они безразличны в едином и не существуют друг без друга. Простой труд не есть сложный, а сложный не есть простой, однако нет простого труда без сложного и сложного без простого; сложный труд представляет собой помноженный простой труд.

В первой главе К. Маркс не исследует еще самой развитой формы противоречия товара, ибо товар фиксируется как непосредственно данный капитал, а потому и сущность товара должна быть раскрыта как данная, постоянная для определенной исторической эпохи.

От исследования бытия и сущности товара в их относительной самостоятельности Маркс переходит к рассмотрению непосредственного, бытия на основе познанной сущности, т. е. к изучению проявления стоимости в потребительной стоимости, к формам проявления стоимости. И сущность (стоимость) и то, в чем она проявляется (потребительная стоимость), исследуются в качестве данных, одновременно существующих. К. Маркс анализирует существование форм стоимости в капиталистическом обществе, когда все эти формы имеются налицо. Он определяет формы функционирования сущности, стоимости на основе постоянства сущностного, стоимостного отношения. Функциональные формы выступают в первой главе «Капитала» как неподвижные. Лишь во второй главе Маркс разбирает процесс обмена товаров. В первой же главе процесс развития функций еще не стал объектом рассмотрения. Поэтому анализ собственно противоречивости функций пока отсутствует. Но подробно исследуется различие функциональных форм (относительной и эквивалентной формы стоимости). Функционально различные члены отношения выступают затем как противоположности. Относительная форма стоимости не существует без эквивалентной и наоборот, но «один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга»⁵.

Противоположность функций предстает перед читателем «Капитала» в необходимом порядке усложнения ее форм. Во-первых, в простейшей, случайной форме. Во-вторых, в форме «дурной бесконечности», являющейся первым отрицанием первой формы (полная, или развернутая форма стоимости). В-третьих, в форме «истинной» бесконечности, актуально существующей бесконечности, или отрицании отрицания случайной формы (товарный мир получает единую и единственную форму выражения стоимости). В-четвертых, всеобщая форма выражения сущности, стоимости «срастается» с определенной индивидуальностью, единичностью. (Роль всеобщего эквивалента закрепляется за одним вполне определенным товаром — в чистом виде — за золотом.) В этой форме завершается развитие объективной видимости товара, состоящей в том, что способность товара быть эквивалентом кажется определяемой не его местом и ролью в стоимостном отношении, а его натуральной формой.

Во второй главе К. Маркс рассматривает процесс, движение обмена. Причем вначале он берет компоненты процесса постоянными в начале и конце движения. Товар, являющийся до процесса обмена возможным товаром, становится в процессе обмена действительным, реальная возможность превращается в действи-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 58.

тельность. Превращение из возможности в действительность двух противоположных факторов (потребительной стоимости и стоимости) совершается таким образом, что превращение из возможности в действительность одного фактора происходит в том случае, если второй фактор уже стал действительностью. И наоборот, действительность второго фактора имеет своим необходимым предварительным условием превращение в действительность первого фактора. Лишь на этом уровне теоретического воспроизведения товара К. Маркс непосредственно встает перед задачей отображения собственно противоречия. Противоречащие стороны процесса обмена в одно и то же время в одном и том же отношении предполагают и исключают друг друга. Но поскольку компоненты процесса (потребительная стоимость и стоимость) даны, поскольку они не возникают в процессе, постольку стороны противоречия не выступают как порождающие и уничтожающие друг друга в одно и то же время в одном и том же отношении. К. Маркс показывает далее, что отмеченное противоречие существует и разрешается практически.

От определения сформировавшегося процесса Маркс переходит к изучению его возникновения. В уже существующем, возникшем процессе (обмена) стороны противоречия (бытие — потребительная стоимость и сущность — стоимость) не создаются процессом, а только обнаруживаются. Иначе обстоит дело в возникновении процесса (обмена). В возникновении процесса обмена сущность товара не существует до отношения, до процесса. Говоря о непосредственном обмене продуктов, Маркс замечает: «Здесь вещи *A* и *B* до обмена не являются товарами, товарами они становятся лишь благодаря обмену»⁶. Следовательно, здесь стоимость не существует до непосредственного обмена. Итак, сущность возникающая существует лишь в отношении, сущность возникшая не создается отношением, а проявляется в нем.

Так как главная задача, стоящая перед К. Марксом, — исследование капитала, то он не останавливается подробно на возникновении процесса обмена, проводя, однако, общее, принципиальное различие между возникшим процессом обмена товаров и его возникновением.

В последней главе первого отдела «Деньги, или обращение товаров» он излагает функцию процесса (обращения товаров), взятого в целостности его компонентов и при наличии готовых условий процесса.

От исследования противоречий в сфере собственно бытия капитала (товара и денег) Маркс переходит к изучению становления сущности капитала. До сих пор противоречия рассматривались в общих рамках бытия, непосредственности капитала, и это накладывало отпечаток на исследование противоречия. Здесь же Маркс впервые констатирует специально противоречие собственно предмета изучения (капитала) в самом себе: капитал есть самовозрастание, самодвижение стоимости, покоящаяся стоимость не есть капитал, в процессе самодвижения стоимость соотносится лишь с собой. «Она отличает себя, — пишет Маркс, — как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 фунтов стерлингов»⁷.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 97.

⁷ Там же, стр. 165—166.

Таким образом, сущность относится лишь к себе самой, она и является собой и отличает себя от себя в одно и то же время в одном и том же отношении. Сущность еще дана вместе с тем непосредственно. Самодвижение стоимости совершается в обращении. Маркс далее задается вопросом: откуда происходит, где образуется самодвижение стоимости, т. е. капитала, в поверхностной сфере, в обращении или не в этой сфере, вне ее? Мы касаемся в данной статье лишь объективной логики, поэтому отметим только, что К. Маркс, отвечая на поставленный им вопрос, устанавливает следующее: самодвижение предмета не может совершаться вне поверхностной сферы (обращения). Вместе с тем самодвижение предмета образуется в сфере сущности (в процессе производства капитала).

Дальнейший шаг исследования заключается в обнаружении противоречия сущности предмета (капитала), взятой самой по себе.

До сих пор фиксировалось противоречие между отношением человека к природе, потребительной стоимостью, и отношением людей друг к другу, стоимостью в сфере бытия, в сфере результатов, предметов, трудовой деятельности. Теперь противоречие выступает в сфере деятельности, беспокойства, движения труда, в сфере производства. Противоречие потребительной стоимости и стоимости сохраняется в снятом виде и выступает прежде всего как противоречие труда вообще и процесса возрастания стоимости. Противоречие в сущности сначала представляется безразличием и внешней связью этих сторон, из которых труд вообще есть несущественное в сущности, процесс возрастания стоимости — существенное в сущности.

Не рассматривая более подробно изображение К. Марксом противоречия сущности, заметим только, что эти две стороны противоречия все вновь и вновь появляются в изложении Маркса на все новых уровнях. Отметим лишь крупнейшие разделы в логическом изображении противоречия сущности в первом томе «Капитала». Маркс в противоположность Гегелю вскрывает исторически преходящий, качественно определенный характер сущности предмета, отрицание определенной сущностью самой себя.

Как известно, Маркс начинает исследование производства капитала с абсолютной прибавочной стоимости. Это вся сущность в ее определенной форме. Сущность капитала еще представляется тождественной самой себе: производство абсолютной прибавочной стоимости совершается при неизменных технических и общественных условиях труда. Вместе с тем уже здесь содержится в зародыше отрицание сущностью самой себя — это отрицание существует как различие существенного тождества. Действительно, основное средство увеличения абсолютной прибавочной стоимости — удлинение рабочего дня, а это количественное изменение имеет определенные границы, наталкивается на естественные пределы рабочего дня и сопротивление рабочего класса. Законодательное ограничение длины рабочего дня, достигнутое в результате борьбы рабочего класса, создает необходимость самовозрастания стоимости в иной форме. Если при изучении самовозрастания стоимости в обращении, в сфере бытия можно было заметить во всеобщей формуле капитала ($D-T-D'$) лишь качественную тождественность сущности самовозрастающей стоимости самой себе и ее количественную беспредельность и безграничность, то теперь выступает количественный предел сущности, самовозрастания стоимости в ее определенной форме, но еще не виден предел самовозрастания стоимости, сущности предмета вообще. Различие в сущности пока фиксируется в зародышевой форме.

При переходе к рассмотрению производства относительной прибавочной стоимости Маркс обнаруживает отрицание сущностью самой себя как отношение существенного различия. Так как относительная прибавочная стоимость образуется посредством постоянных переворотов в технических и общественных условиях труда, то она по сути дела существует на основе отличия новых условий труда от старых. Именно путем изменения в условиях труда происходит самовозрастание стоимости, самодвижение сущности в этой форме. Тождество сущности самой себе, производство прибавочной стоимости при неизменных технических и общественных условиях низводится на положение момента существенного различия, момента производства относительной прибавочной стоимости.

Существенное отличие сущности капитала от самой себя и внутри себя проходит несколько этапов.

Сначала существенное различие в сущности капитала является безразличным к тождеству сущности самой себе. Такова простая капиталистическая кооперация. Она отличается от мастерской цехового мастера чисто количественно. Хотя простая кооперация в действительности и вырастает посредством преодоления цехового ремесленного производства, т. е. едина с ним, но она не изменяет сколько-нибудь существенно ремесленное производство, не является устойчивым образованием и, следовательно, остается в основном безразличным к цеховому ремеслу.

С появлением мануфактуры далее развивается процесс отрицания сущностью капитала самой себя. В сущности выступает отношение противоречащих сторон как исключаящих друг друга и безразличных друг к другу. Мануфактура, мануфактурное разделение труда исключало ремесло, и вместе с тем мануфактура не преобразовала общественного производства до самого корня, она оставалась архитектурным украшением, «широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»⁸.

Следовательно, одна из сторон противоречия, вырастая на основе другой и будучи связана с ней единством происхождения, исключает и вместе с тем предполагает сторону, на основе которой она выросла.

Для логики «Капитала» вообще специфично рассмотрение отрицания сущностью самой себя в единстве таких сторон, из которых одна вырастает на основе другой, связана с последней единством происхождения и вместе с тем по мере своего вызревания в той или иной степени так или иначе отрицает ту сторону, на основе которой возникла.

Такое исследование противоречия внутренне едино с пониманием исторически переходящего характера изучаемой сущности.

На ступени машинного производства отрицание сущностью капитала самой себя достигает уровня собственно противоречия, когда сторона, выросшая на основе другой стороны, полностью преобразует ее, подчиняет себе, не допускает безразличного к себе существования, превращая другую сторону всего лишь в момент своего собственного движения. Машинное производство вырастает из мануфактуры и вместе с тем уже до самого корня перестраивает все общественное производство соответственно своим требованиям. Если в простой кооперации общественный характер труда является случайностью, внешним по отношению к процессу труда, если в мануфактуре само внутреннее строение процесса труда приобретает общественный характер, а принцип разделения труда остается субъективным, то в машинном

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 381.

производстве характер труда не только проникает внутрь самого процесса труда, но и возникает объективный, независимый от работника, механизм общественного характера труда. Противоречие между частнокапиталистическими производственными отношениями и общественным характером труда созрело. Таким образом, Маркс фиксирует качественный предел существования данной сущности как таковой.

Следующий крупный раздел, на рассмотрении которого возможно завершить краткую характеристику исследования противоречия в первом томе «Капитала», — процесс накопления капитала. В этом процессе противоречие сущности (капитала) самой себе постоянно воспроизводится во все более острой форме и на все более суживающейся основе. В относительном изменении постоянного и переменного капитала в процессе расширенного воспроизводства капитала переменный капитал стремится к нулю как к своему пределу. Следовательно, Маркс обнаруживает внутреннее единство качественного и количественного пределов сущности капитала как таковой и меру необходимости перехода к качественно иной, более развитой сущности.

Итак, «развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»⁹. Такова вкратце логика созревания объективных условий социалистической революции.

В «Капитале» доминирует логический способ и логическое отражение противоречия. Но логическое рассмотрение противоречия есть вместе с тем воспроизведение его (противоречия) исторического развития. Совпадение в общем и целом логической последовательности с исторической пронизывает весь «Капитал».

Мы попытались наметить лишь некоторые общие черты объективной логики противоречия в «Капитале». Отображение противоречия в понятиях, категориях — проблема чрезвычайно сложная. Исследование «Капитала» дает исключительно много для изучения проблемы противоречия, ибо в этом труде К. Маркс с позиций сознательной материалистической диалектики строго научно воспроизводит весьма сложную ступень общественного развития.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 499.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «КАПИТАЛА»
К. МАРКСА И ИХ РАЗРАБОТКА В НАШУ ЭПОХУ**

«Капитал» Маркса, философия и современность. М., «Наука», 1968.
760 стр.¹

«Капитал» — фундаментальное произведение марксизма, труд, в котором гений человека проявился с силой, необычайной даже для выдающихся творений. Как всякое великое произведение, «Капитал» со временем обнаруживает все новые духовные богатства.

«Капиталу» посвящено много работ, но изменяющиеся исторические потребности заставляют вновь и вновь обращаться к главному труду К. Маркса. И всякий раз «Капитал» поворачивается новой гранью, позволяющей в единстве с новыми фактами вскрывать законы и закономерности новой исторической эпохи.

Рецензируемая книга подготовлена коллективом ученых Института философии АН СССР, МГУ и других вузов.

Авторы этой коллективной работы, придерживаясь в ряде случаев различных и своеобразных точек зрения, объединены одной целью, целью чрезвычайной сложности и трудности — охарактеризовать величие философского содержания трудов К. Маркса, главным образом «Капитала», в процессе возникновения, формирования и непрерывного развития диалектического и исторического материализма, в процессе, осуществляющемся в непримиримой борьбе с буржуазной философией и социологией, с ревизионизмом и догматизмом.

Необычайно широкая постановка задачи определила впервые осуществленный в марксистской литературе столь широкий единовременный охват философской и социологической проблематики «Капитала». В книге читатель сможет найти сводную характеристику «Капитала» в связи с прошлой и современной идеологической борьбой марксизма против враждебных ему течений и направлений. Впервые так развернуто анализируется история распространения философских и социологических идей «Капитала» Маркса в различных странах.

Статьи сборника подобраны и сгруппированы в определенной последовательности вокруг нескольких центральных идей.

Книга открывается разделом «Капитал» Маркса и современная идеологическая борьба».

В этом разделе прежде всего анализируется место и роль «Капитала» Маркса в системе марксизма, акцентируется внимание на единстве философского, экономического и исторического содержания этого труда и доказывается, что идеи «Капитала» не отрицаются, а подтверждаются действительными кардинальными изменениями, происшедшими и происходящими в современную эпоху (автор главы Л. А. Леонтьев).

В следующей главе раздела говорится о значении «Капитала» для постановки и решения экономических проблем социализма (автор главы А. М. Румянцев). На наш взгляд, весьма существенно подчеркивание положения о том, что из исследования Марксом развития капиталистической экономики и всей буржуазной формации в целом вытекает понимание коммунизма не как завершенного состояния, а как более высокого, более развитого сравнительно с капитализмом общества. Понимание коммунизма как абсолютно совершенного общества, в котором отсутствуют движение и какие-либо противоречия, утопично, а по своей классовой природе мелкобуржуазно. Такое понимание, осознанно оно или неосознанно, основывается, по существу, на методологии, которая состоит в выделении и сохранении «хорошей» и устранении (словесном, конечно) «дурной» стороны, на методологии, теоретически разгромленной К. Марксом еще в «Нищете философии». Тем не менее такие взгляды довольно устойчивы и не только в собственно мелкобуржуазной среде, но и среди тех, кто подвержен влиянию мелкобуржуазных идей, психологии, традиций и т. п.

¹ Книга выпущена под редакцией М. Т. Иовчука, Э. В. Ильенкова, Л. А. Леонтьева, В. А. Малинина, С. Ф. Одуева, В. Г. Подмаркова, М. М. Розенталя, А. М. Румянцева, М. А. Хевеши.

Бесспорно, актуально и теоретически интересно сосредоточение внимания читателя на том, что К. Маркс в «Капитале» признает и рассматривает необходимость идеального производства товаров при социализме. Это актуально, в первую очередь, в связи с экономической реформой, проводимой в СССР и в других социалистических странах, и измышлениями буржуазной пропаганды вокруг нее. Теоретически интересно, поскольку проверяются взгляды, будто в «Капитале» отсутствует учение о социализме как особой фазе развития коммунистического общества.

Своего рода программой исследования «Капитала» как философского произведения заканчивается цикл статей о месте, роли и значении «Капитала». Главные ее пункты — осмысление «Капитала» в контексте всей теоретической культуры, на основе которой возник и развивается марксизм, и рассмотрение логики «Капитала» в качестве логики предметной деятельности общественного человека, следовательно, по мнению автора главы Г. С. Батищева, и как этики.

Не все бесспорно в этой интерпретации. Например, что дает определение логики предметной деятельности в качестве этики? Правомерно ли в такой степени, как это делает автор главы, не различать философское содержание «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» и «Капитала»?

Но все основные спорные положения главы относятся к разряду тех утверждений, которые могут быть доказаны или опровергнуты лишь дальнейшим ходом исследования.

Последующие статьи первого раздела посвящены критике различных извращений философии К. Маркса и прежде всего идей «Капитала». Здесь констатируется возрастание интереса к марксистской философии в последние годы; выясняются причины, обуславливающие этот интерес, особенно так называемой «марксологии», эволюция, статьи и направления интерпретации взглядов Маркса, исследуются важнейшие проблемы (часто оказывающиеся объектом спекулятивного усердия), — такие, как отношение Гегеля и Маркса, молодой и зрелый Маркс, гуманизм Маркса, изменение современного капитализма, переход от капитализма к социализму, соотношение научности и нормативности, социального и морального в коммунистическом идеале К. Маркса, добро и зло при коммунизме и другие важные вопросы. Диапазон уровней критики буржуазных извращений довольно широк: от простого обзора литературы, в известной мере близкого к пересказу и имеющего сугубо информативное (тоже полезное) значение, до хорошо аргументированного исследования с противопоставлением «критикам» марксизма позитивного рассмотрения проблем (например, марксистских воззрений на коммунистический идеал и др.).

Во втором разделе книги исследуются метод и логика «Капитала». Раздел начинается с главы, в которой выясняется отношение метода Маркса к современности. Метод и логика Маркса неразрывно связаны с социалистическими выводами. Марксизм, его метод и логика, не могут не изменяться, борьба ведется, справедливо отмечает автор главы М. М. Розенталь, по вопросу о «мере» этих изменений. В главе доказываются, что все основные положения марксизма, его метод и логика отнюдь не устарели, что именно посредством своего метода и логики К. Маркс и Ф. Энгельс сумели предугадать ряд существенных явлений современного общественного развития и что только при помощи диалектико-материалистического метода дается научное объяснение особенностей капитализма в переживаемую нами эпоху, эволюции рабочего класса в капиталистических странах, непримиримой противоположности капиталистической и социалистической систем, товарно-денежных отношений при социализме, соотношения субъекта и объекта вообще, при социализме в частности, и т. д.

В разделе рассматриваются четыре проблемы метода и логики «Капитала» — проблемы абстрактного и конкретного, логического и исторического, диалектического противоречия и преодоления иллюзий на пути к научному знанию.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному рассматривается автором главы Э. В. Ильенковым в качестве универсального, единственно возможного способа мышленного воспроизведения действительности. При этом автор подчеркивает, что все логические категории «Капитала» (в том числе абстрактное и конкретное) суть материалистически переработанные категории логики Гегеля, что логические категории и, следовательно, абстрактное и конкретное выражают не специфику форм мышления по сравнению с формами действительности, а общее для мышления и действительности. Смысл категорий «абстрактное» и «конкретное» раскрывается в сравнении с категориями «часть» и «целое», категориями «общее», «особенное», «единичное»; дается определенная трактовка связи абстрактного и конкретного с ходом исследования и порядком изложения.

Многие из приведенных положений выражают своеобразную позицию автора. Существуют и другие точки зрения на область применимости способа восхождения от абстрактного к конкретному, на само толкование сути этого способа, на отношение логики «Капитала» и логики Гегеля и на отношение логических категорий к действительности. Так, мы считаем, что применение в развитом виде способа восхождения от абстрактного к конкретному предполагает «зрелость» предмета науки, «зрелость» уровня научного исследования, «зрелость» интеллектуального развития индивида. Мы полагаем также, что логика «Капитала» по сравнению с логикой Гегеля представляет собой огромный шаг вперед не только в общеполитическом и методологическом отношениях, но и в чисто логическом, существенно отличаясь от нее логической структурой. С авто-

ром главы можно спорить, можно в чем-то (даже существенном) не соглашаться, но нельзя не признать глубины его соображений в пользу своей позиции.

Исследуя проблему исторического и логического, автор З. М. Оруджев привлекает в ряде случаев свежий материал, высказывает интересные мысли (прежде всего о последовательности применения исторического и логического способов рассмотрения). Однако, к сожалению, в главе не выделяются достаточно четко различные аспекты проблемы, и это создает некоторую неопределенность изложения. Не всегда точно характеризуются особенности логического способа. Например, говоря об одной из них, автор пишет, что логический способ «...основан на анализе современных исследователю фактов, в то время как историческое рассмотрение основано на сопоставлении фактов, относящихся к различным стадиям развития данного явления» (стр. 234). На наш взгляд, эта особенность логического способа рассмотрения состоит в том, что он доминирует там и тогда, где и когда имеют дело со «зрелым», сформировавшимся в самой действительности предметом. Исследователь может быть современным незрелого, возникающего, формирующегося предмета и тогда его способ не может стать логическим по преимуществу.

Автор главы о диалектическом противоречии Г. С. Батишев трактует его как противоречие предмета самому себе, с самим собой, как противоречие в сущности предмета, как разрешающееся противоречие. Проблема теоретического отображения диалектического противоречия излагается в процессе критики «рассудочного» мышления и обыденного человеческого сознания. Но понятие «рассудочного» мышления недостаточно уточнено автором. Нам думается также, что настало время перейти от общей постановки проблемы противоречия в «Капитале» к исследованию «механизма» отображения развивающегося противоречия предмета.

Вопрос о преодолении иллюзий и заблуждений на пути к научному познанию, несомненно, заслуживает самого пристального внимания. Однако изложение его (автор главы Э. В. Бесчеревных), местами верное и интересное, оказалось недостаточно четким и убедительным. Для примера обратимся к началу главы, открывающейся фразой: «В центре внимания Карла Маркса, особенно в «Капитале», было исследование движения человеческой мысли от теоретических заблуждений к научному знанию» (стр. 265). Но ведь в центре внимания К. Маркса в «Капитале» было исследование не движения мысли, а развития исторически определенного материального объекта — экономики буржуазного общества. Во-вторых, автор главы считает взгляды *всех* буржуазных экономистов (следовательно, и классиков буржуазной политической экономии) «теоретическими заблуждениями». Особенно отчетливо это видно на стр. 270: «Таким образом, буржуазная политическая экономия лишь *сформулировала* законы отчужденного труда, т. е. по существу *остановилась на поверхности явлений*, не сумела теоретически вскрыть сущность анализируемых процессов». Неверно утверждение, что вся буржуазная политическая экономия «остановилась на поверхности явлений». Неужели автору приведенной цитаты неизвестно отношение К. Маркса к классической буржуазной политэкономии? Кроме того, не совсем ясно, каким образом можно сформулировать законы отчужденного труда и в то же время остаться на поверхности явлений.

Заключительная часть раздела посвящена рассмотрению применения и развития диалектической логики «Капитала» Маркса в ленинском исследовании империализма (автор главы Н. В. Каратанов), а также идеям «Капитала» и естествознанию (автор главы В. М. Каганов). Что касается первой из названных глав, то в ней предпринимается попытка (и это достоинство главы) показать применение в ленинском исследовании империализма метода восхождения от абстрактного к конкретному. К сожалению, автор фактически не показывает дальнейшего развития В. И. Лениным диалектической логики. В следующей же главе идеи «Капитала» рассмотрены в слишком общей форме, а материал исследования, на котором основывается автор, относится главным образом к XIX в.

В третьем разделе обсуждаются вопросы исторического материализма и научного коммунизма в «Капитале» с привлечением богатого современного материала. Здесь мы находим обстоятельную характеристику производительных сил вообще, развития производительных сил в капиталистической, антагонистической форме, путей и способов развития производительных сил при социализме. Большой интерес представляет данный в книге анализ исследования К. Марксом законов развития техники, обусловленности их специфическими социальными законами общественной формации, анализ предвидения К. Марксом основных принципов современной техники (автор главы А. А. Зворыкин).

Говоря о теории труда К. Маркса, о труде как социальном явлении, общественном разделении и организации труда, авторы книги высказывают ряд соображений, на которые нельзя не обратить внимание читателя. Это прежде всего, хотя и краткое, но четкое рассмотрение марксовой теории производительности труда (автор главы В. Г. Подмарков). Весьма полезны, на наш взгляд, выступления за исследование организации труда в широком социальном плане, против ограничения этой проблемы рамками технико-организационного и узко экономического подходов. По дискуссионному вопросу о судьбах разделения труда при коммунизме в книге дается следующий категорический ответ, вытекающий из общего подхода автора к разделению труда: разделение труда как различие и богатство видов деятельности служит показателем степени общественного развития. Далее: «Современное общество не может развиваться без углубления специальной подготовки работников, но она должна быть превращена

в средство всестороннего развития личности» (стр. 371). Но разве наряду со специализацией, не существует в современном обществе и тенденция к интеграции, к универсализации деятельности, проявляющаяся, в частности, в объединении научных дисциплин при решении пограничных проблем? И в какой мере возможно превращение углубленной специальной подготовки в средство всестороннего развития личности — тоже отнюдь не простой вопрос. Дискуссионность проблемы все-таки остается и категоричность утверждений здесь едва ли целесообразна.

Предметом обстоятельного обсуждения является теория классов К. Маркса, ее творческое развитие В. И. Лениным и марксистами-ленинцами в современных условиях, процесс уничтожения классов в социалистических странах (автор главы В. С. Семенов).

Обоснование исторической необходимости социалистической революции раскрывается с точки зрения историко-материалистической проблематики, в социологическом аспекте (автор главы В. Ж. Келле). Особенно подробно автор останавливается на вопросе об обнищании пролетариата и дает основательную критику примитивных представлений о происходящем в капиталистическом обществе процессе обнищания пролетариата.

В содержательной главе (автор Б. С. Маньковский), трактующей идеи Маркса о политической организации общества и их современном значении, несколько фрагментарно изложены положения о связи политической и экономической организации общества. Неверно фактически утверждение, будто Маркс лишь на опыте Парижской Коммуны сделал вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины (см. стр. 421). Как известно, это положение было выдвинуто Марксом задолго до Парижской Коммуны, уже в работе «18 брюмера Луи Бонапарта».

Несомненное достоинство рассмотрения в книге идей Маркса по вопросам воспитания и образования — исследование внутренней связи педагогических воззрений Маркса с его учением о революционной общественной практике, о личности как субъекте истории. Автор И. С. Морозова убедительно показывает, что Маркс заложил основы социально-педагогической теории воспитания, останавливается на коренных положениях этой теории.

Заключительные две главы в определенной степени близки по тематике и посвящены волнующим проблемам: человека и отчуждения. Марксова концепция человека как личности, показывает автор главы В. А. Малинин, определяется его учением об общественно-производственной практике, предполагает конкретно исторический подход к природе человека и в корне отлична от абстрактного гуманизма, метафизического антропологизма и т. п. Много внимания уделяется анализу двух антагонистических тенденций развития личности (порабощение и разрушение личности и одновременно развитие человека как личности) в «старом» и в «новом» капиталистическом мире, а также марксистскому пониманию свободы человека, анализу условий, при которых человек обретает подлинную свободу, критике различных трактовок свободы личности в современной буржуазной философии.

Положительно относясь к содержанию статьи, мы хотели бы отметить некоторую недооценку в ней биологического фактора в природе человека. Эта недооценка сказывается в отсутствии последовательного различения проблемы человека и проблемы личности, различения, которое, естественно, должно осуществляться в рамках их единства.

Марксистское понимание категории отчуждения исследуется в процессе критики измышлений фальсификаторов марксизма. Автор главы И. С. Нарский доказывает, что зрелый марксизм является вместе с тем и зрелым гуманизмом, что отчуждение людей исторически преходяще и что окончательное преодоление его остатков происходит в процессе построения социализма и перехода от социализма к коммунизму. Высказывается собственная точка зрения на проблему места и роли понятия отчуждения в «Капитале» К. Маркса и на судьбы отчуждения. Эта точка зрения не является общепринятой. Она, например, существенно отличается от упоминаемой самим автором позиции Т. И. Ойзермана относительно категории отчуждения в трудах «зрелого» Маркса. Категория отчуждения, по мнению автора главы, отчасти сохраняется, отчасти заменяется иными понятиями исторического материализма. Что же касается изложения специфики роли и места категории «отчуждения» в «Капитале», степени и характера изменения содержания категории «отчуждения» в «Капитале» по сравнению с работами молодого Маркса, то оно не является достаточно убедительным и обоснованным.

Мы не согласны с мнением автора, что остатки и рецидивы отчуждения существуют при социализме и переходе от социализма к коммунизму только в духовной сфере. Возьмем, например, товарно-денежные отношения при социализме. Они ведут свою родословную от отчуждения, хотя сами в условиях социализма не представляют собой отчуждения. Товарно-денежные отношения играют в социалистических странах в основном, главную положительную роль. Их положительные стороны являются ведущими, доминирующими. Однако у них имеются и негативные (подчиненные) стороны, связанные с отчуждением по происхождению и по характеру действия. Эти стороны могут быть названы различно: остатками отчуждения, или последствиями отчуждения или каким-либо иным термином. Суть дела не в названии, важно учитывать их действие в

теории и практике коммунистического строительства с тем, чтобы всесторонне представлять процесс их преодоления и не давать им возможности разрастаться.

Четвертый и последний раздел книги — «Из истории распространения философских и социологических идей «Капитала» К. Маркса». Хотя в заключении этот раздел квалифицируется в качестве «сжатого очерка», но мы едва ли ошибемся, если скажем, что в марксистской литературе не было такой развернутой картины распространения идей «Капитала» в разных странах. Картина не во всех своих деталях равноценна по уровню мастерства и глубине проникновения в предмет. Здесь можно найти и обстоятельное теоретическое рассмотрение истории распространения философских и социологических идей «Капитала» (например, в Германии конца XIX в.—30-х годов XX в., России и др.), и простое (иногда длинное) перечисление названий работ и фамилий их авторов. Во многих случаях читатели впервые познакомятся с довольно подробными материалами и меткими характеристиками процесса распространения идей «Капитала» в ряде стран (во Франции, Англии, Италии и др.). Наряду с работами советских ученых, мы видим здесь исследование марксистов зарубежных социалистических стран: М. Бычварова (Болгария), А. Киша (Венгрия), Т. Ковалика (Польша), Р. Пантази (Румыния) и др. Знакомство с этим разделом несомненно дает в целом верное знание переднего края современного марксистского изучения распространения идей «Капитала». И в данном разделе и в остальных частях книги авторы раскрывают диалектику интернационального и национального, всеобщего и особенного в развитии марксистско-ленинской философии, ее интернациональную сущность.

Содержание книги полностью оправдывает ее название. В книге дается критика современных фальсификаторов марксова учения; доказывается, что «Капитал» К. Маркса, его метод, его логика отнюдь не явление только XIX в.; характеризуется значение главного марксова труда для исследования закономерностей развития социализма. Идеи «Капитала» К. Маркса исследуются в органической связи с важнейшими проблемами, вставшими перед мировым коммунистическим движением в современную эпоху.

Кандидат философских наук, доцент

В. А. ВАЗЮЛИН

Кафедра истории марксистско-ленинской философии философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Глава 3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО В КОНКРЕТНЫХ НАУКАХ

В истории науки к настоящему времени наиболее глубоким решением проблемы исторического и логического является решение К. Маркса.

Причем К. Маркс разработал его на материале главным образом политэкономии капитализма, т. е. в процессе познания особого предмета. Поэтому возникает вопрос о возможности и характере применения проблемы исторического и логического к другим наукам.

В советской философской литературе вопрос этот фактически в полной мере даже не поставлен.

В данной главе мы по преимуществу ограничимся его постановкой.

Отсутствие однозначного понимания проблемы исторического и логического делает, на наш взгляд, целесообразной краткую характеристику ее сущности и основных аспектов. Сформулируем сущность проблемы исторического и логического, взятой в ее наиболее общем, нерасчлененном виде как вопрос об отношении процесса развития предмета к его логическому отражению. Этот вопрос не совпадает с основным вопросом философии уже в силу того, что не всякое движение есть развитие. Развитие — особый вид движения, движение, совершающееся на восходящей стадии от простого к сложному, от низшего к высшему и на нисходящей стадии — от высшего к низшему, от сложного к простому.

Выраженная в таком общем виде проблема исторического и логического имеет целый ряд аспектов. До сих

пор материалом для выделения этих аспектов, для решения самой проблемы по преимуществу остается, главным образом «Капитал», «К критике политической экономии», «Экономические рукописи 1857—1858 гг.» К. Маркса и рецензия Ф. Энгельса на работу К. Маркса «К критике политической экономии», а также предисловия и добавления Ф. Энгельса к «Капиталу».

Обычно не различают аспект проблемы, который специально поставил Ф. Энгельс, и тот аспект проблемы, который имеется в экономической рукописи 1857—1858 гг. К. Маркса¹. Рассмотрим вначале аспект проблемы, подчеркиваемый Ф. Энгельсом.

Существуют исторический и логический способы изображения процесса развития. Логическим способом законы развития отображаются в теоретически последовательном, в абстрактном виде, очищенными от исторических случайностей, зигзагов, скачков, от исторической формы. Причем предмет берется там, где он достиг классической формы и наибольшей зрелости.

Историческим способом закономерности развития изображаются сквозь призму исторических случайностей, зигзагов, перерывов и т. д.

И тот и другой способы дают в результате отражение процесса развития, причем фиксированного в форме мыслей. И тот и другой способы дают правильное изображение процесса развития только в том случае, если они применяются в единстве друг с другом. В самом деле, развитие мысли логическим способом нуждается в постоянном соприкосновении с действительным предметом, в постоянных исторических иллюстрациях, иначе оно превращается в схоластическое логизирование. В свою очередь, исторический способ, оторванный от логического, по сути дела, превращается в коллекционирование чистых исторических случайностей, зигзагов, скачков и т. п.

Первоначально в исследовании уже развившегося предмета превалирует логический способ, а исторический способ функционирует в качестве подчиненного, хотя и необходимого момента. Лишь на последующем этапе

¹ Мы уже имели случай отметить это различие (см. В. А. Вазюлин. За исторический подход к проблеме исторического и логического. «Философские науки», 1963, № 2).

познания на передний план начинает выдвигаться исторический способ исследования и изложения.

Действительно, исследователь должен вначале выделить закономерности развивающегося предмета в чистом виде и только после того он может нарисовать картину их действия через случайности, зигзаги и скачки. Например, историческим способом созданы такие работы К. Маркса, как «18 брюмера Луи Бонапарта», «Классовая борьба во Франции», «Гражданская война во Франции» и ряд других, но их написанию предшествовала формулировка закономерностей материалистического понимания истории в чистом виде.

Исторический способ дает более популярное изображение развития, нежели логический способ.

Преобладание логического или исторического способов определяется не только стадией познания процесса развития, но также и характером эпохи, уровнем зрелости самого предмета изучения. Если в произведениях Маркса и Энгельса, взятых в общем и целом, господствует логический способ, применяемый в органическом единстве с историческим, то в трудах В. И. Ленина при сохранении единства того и другого способов акцент переносится на исторический способ.

Это обстоятельство связано с тем, что К. Маркс и Ф. Энгельс должны были прежде всего и главным образом теоретически доказать неизбежность гибели капитализма и необходимость социалистической революции.

В. И. Ленин действовал в эпоху непосредственной подготовки и свершения социалистической революции, в эпоху, когда массы трудящихся приступали к строительству нового общества. Центр тяжести переносится на подготовку субъективного фактора революции, на условия, механизм, причины, а также значение сознательного действия масс.

Между тем прежде всего именно исторический способ позволяет представить процесс развития общества через конкретную историческую форму. Именно исторический способ изображает процесс развития общества через деятельность массы индивидуальностей, а действия индивидуальностей вносят в исторический процесс влияние случайностей. Именно исторический способ дает возможность понять конкретно историческую форму движения в данной стране, в данный период времени.

Прежде всего при историческом способе рассмотрения обнаруживается влияние на ход событий чувств, привычек, убеждений, взглядов, предрассудков активных участников этих событий.

Когда в историческом процессе наступает момент непосредственного практического революционного действия, тогда становится практически чрезвычайно важным учесть зигзаги, случайности истории, конкретную обстановку момента, ибо они непосредственно влияют на характер практического действия.

Механизм взаимодействия логического и исторического, взятого с данной точки зрения, в настоящее время пока еще в специальном методологическом плане детально не выяснен.

Перейдем к краткому рассмотрению второго аспекта. Именно в этом отношении К. Маркс, развивая начатки исторического подхода к изучению капитализма, сохранившиеся в трудах ряда буржуазных экономистов (Д. Стюарт, Р. Джонс и др.), сделал наибольший шаг вперед по сравнению с Гегелем в логическом и методологическом решении вопроса. Первую специальную, развернутую формулировку исторического и логического К. Маркс дает в экономической рукописи 1857—1858 гг.

Под логической последовательностью он подразумевает последовательность рассмотрения сторон качественно своеобразного, зрелого предмета, в данном случае современного ему зрелого капитализма. К. Маркс пишет: «...их (экономических категорий. — В. В.) последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе... Речь идет не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных следующих одна за другой общественных формах... Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества»².

В качестве исторической последовательности выступает последовательность чередования исторически определенных общественных форм.

Такая трактовка проблемы связана с выделением К. Марксом в процессе развития (общества) различных качественно определенных систем, целостностей.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 734.

представляющих собой исторически преходящие ступени процесса развития. Каждая общественно-экономическая формация обладает *специфическим*, только ей присущим расчленением сторон. Вместе с тем в развитии сохраняются некоторые общие моменты и последовательности расчленения сторон предмета.

Так как историческая последовательность не всегда совпадает с логической, то при рассмотрении «зрелого» предмета нельзя руководствоваться исторической последовательностью. «Таким образом, было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль»³. Напротив, логическая последовательность есть вместе с тем и историческая. Логическое воспроизведение предмета является одновременно отображением его истории. Логическая последовательность отображения качественно определенной системы совпадает с последовательностью становления и развития именно и только данной системы.

К. Маркс выявляет также и последовательность применения логического и исторического способов. Если имеются налицо различные ступени развития предмета в данном случае общества, то воспроизведение их необходимо начинать с изучения и изложения сторон наиболее развитой ступени. В частности, поэтому К. Маркс начинает исследование общественного развития именно с современного ему буржуазного общества.

Наиболее развитая ступень развития дает возможность более полно изучить все предшествующие ступени. «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»⁴. Исследование буржуазных экономических отношений давало ключ для понимания всех предшествовавших формаций.

Маркс пишет даже, что изучить намеки на высшее в менее развитой формации *нельзя*, если неизвестно само это высшее. «Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»⁵. Следовательно, К. Маркс отвергает возможность полного

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 734.

⁴ Там же, стр. 731.

⁵ Там же.

раскрытия сущности низшего, если неизвестно высшее.

Познать полностью в низшем намек на высшее нельзя, потому что закономерность развития на низшей ступени еще неполностью сформировалось. Закономерность развития не является чем-то фатальным, заранее строжайшим образом определенным. Она сама формируется в «борьбе» со случайностями. Поэтому на основании низшего можно предвидеть некоторые основные тенденции будущего развития, но нельзя совершенно полно представить себе будущую ступень развития.

Вместе с тем анатомия буржуазного общества, хотя и является ключом к анатомии предшествующих общественно-экономических формаций, однако совсем не в том смысле, что между ними отсутствуют какие-либо исторические различия. Отношения предшествующих ступеней развития сохраняются в наиболее развитой ступени в существенно измененном виде.

К. Маркс показывает также, что в развитии общества, поскольку оно совершалось в антагонистической форме, всякое данное общество понималось как конечная цель, а все предшествующие — лишь как ступени к ней и только к ней. Это значит, что не только настоящее, но и прошлое трактовалось односторонне. И лишь тогда верно осознавали прошлое, когда сами эти общественные формы обнаруживали признаки своего разложения, и поэтому понимались, по крайней мере интуитивно, как преходящие⁶.

Итак, рассмотрение процесса развития, имеющего различные ступени, начинается в марксовой политэкономии с наиболее развитой ступени, с выявления ее структуры, строения, расчленения и взаимосвязей. История воссоздается постольку, поскольку она воспроизводится движением зрелого предмета.

На этом этапе познания применяется логический способ. Но это не значит, что осуществляется только он. Изучение капитализма как специфического общественного образования невозможно было без того, чтобы хотя бы в общих чертах, хотя бы кратко, понять все предшествующие формации и сделать определенные выводы о будущей ступени развития общества. Но акцент, основная задача К. Маркса заключалась в раскрытии

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 732.

специфики именно буржуазной общественной формы. Лишь после завершения этой работы становится возможным перенесение центра тяжести на систематическое изучение всех предшествующих формаций. И К. Маркс пишет в экономических рукописях 1857—1858 гг., что он оставляет для себя эту работу на будущее. К сожалению, К. Маркс так и не смог заняться этим трудом, поскольку, как оказалось, исследование специфики капиталистического общества и практическая революционная деятельность потребовали всей жизни великого мыслителя.

Далее, пока более развитая форма не созрела и не обнаружила в себе предпосылок перехода к еще более развитой форме, предстоящие ступени развития понимаются в известной мере односторонне, только главным образом с точки зрения того, что сохранится и в более развитой форме развития.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что в понимании К. Маркса *логический способ позволяет раскрыть «зрелый» предмет исторически*, ибо в структуре «зрелого» предмета сохраняется в «снятом» виде, в виде очищенном от исторических случайностей, от исторической формы, процесс его возникновения и развития. Рассматривая экономические произведения К. Маркса, можно видеть, что в них в общем и целом преобладает логический способ, существо которого составляет процесс восхождения от абстрактного к конкретному. Главная задача Маркса заключалась в обнаружении специфического «органического» единства, специфической связи сторон зрелого предмета (современного ему буржуазного общества). В самом деле, например, возникновение капитализма в «Капитале» изображается не само по себе. К. Маркс прослеживает возникновение, становление предмета (капитализма), постольку поскольку оно может быть реконструировано путем изучения движения уже возникшего предмета, поэтому К. Маркс фиксирует в первую очередь стороны возникающего капиталистического способа производства, а не стороны исчезающей феодальной экономики. И исследование коммунистического общества в «Капитале» осуществляется также не само по себе. К. Маркс ставил перед собой несколько иную задачу: обнаружить те тенденции в развитии капиталистического общества, которые приведут к новой,

более высокой, более развитой общественной форме. Выводы об определенных чертах коммунистического общества он делает только на основании обобщения тенденций, имеющихся в процессе развития капитализма.

Из всего сказанного вытекает, что любое экономическое отношение берется К. Марксом так, как оно существует именно в данном предмете (в современном К. Марксу буржуазном обществе) и специфически окрашивается взаимоотношением с другими сторонами этого предмета. Следовательно, если, например, в «Капитале» речь идет о товаре, то о товаре в его наивысшем развитии, *о товаре именно капиталистического общества*, о товарных отношениях в их *всеобщности*, хотя, конечно, в первой главе «Капитала» не изучается товарный капитал. Сама эпоха Маркса и Энгельса, начиная с 40-х годов XIX в. и вплоть до конца века, обусловила необходимость применения логического способа (имеется в виду второе значение термина).

В эпоху же умирания, гибели капитализма, в эпоху перехода от капитализма к социализму и от социализма к коммунизму выдвигается на первый план исторический способ. Следовательно, и в данном случае преобладание логического или исторического способа зависит, во-первых, от ступени, от уровня познания и, во-вторых, от уровня, от стадии развития самого предмета.

Отметим еще третий аспект проблемы исторического и логического. Обобщая данные естествознания в 70--80-х годах XIX в., Ф. Энгельс в процессе этой работы указывает на ту сторону проблемы исторического и логического, которая была поставлена еще Гегелем, а именно на совпадение в основных моментах онто- и филогенеза познания, мышления. Впоследствии на необходимость разработки этой идеи указывал В. И. Ленин в «Философских тетрадах».

Однако если первые два аспекта были разработаны К. Марксом на материале политэкономии, на материале целой науки, то третий аспект проблемы пока еще развит, доказан и обоснован гораздо меньше. Советские философы приводят немало примеров совпадения истории логики с ходом развития индивидуального познания и ходом развития современной науки. Но так же, как материалистическое понимание истории, вплоть до появления «Капитала» было научной гипотезой, так и сейчас

решение этого аспекта вопроса, поскольку оно не проверено путем анализа по крайней мере, одной науки, взятой в целом, находится на уровне научной гипотезы. Что же касается первых двух аспектов, то они проверены на материале целой науки.

В дальнейшем мы основное внимание сосредоточим на втором, наиболее важном аспекте проблемы и вместе с тем в известной мере конкретизируем его характеристику, данную выше.

Нет необходимости говорить о том, насколько актуальным сейчас является систематическое исследование социалистического и коммунистического общества.

Какова методологическая роль проблемы исторического и логического в рассмотрении коммунистической формации в целом и прежде всего в изучении ее современной, социалистической фазы развития?

В первую очередь встает вопрос: возможно ли, а если возможно, то как использовать методологию К. Маркса, процесс восхождения от абстрактного к конкретному для исследования и изложения экономики социализма. В прошедшие годы этот вопрос был одним из основных вопросов, вокруг которого концентрировались методологические дискуссии среди экономистов. Причем дискутировался главным образом вопрос о простейшем отношении. В настоящее время советские ученые исследуют проблемы политэкономии социализма, используя способ восхождения от абстрактного к конкретному.

Рассмотрим некоторые особенности использования методологии «Капитала» с точки зрения проблемы исторического и логического применительно к социализму. Речь идет о тех особенностях, которые вытекают из ряда своеобразных черт предмета политэкономии социализма и коммунизма и из выяснения исторических условий возникновения и развития методологии «Капитала». Социалистическая и коммунистическая экономика образуют собой сложное специфическое целое, систему внутренне взаимосвязанных, взаимопроникающих сторон, изменяющуюся от менее развитого к более развитому, от простого к сложному. При изучении процесса развития прежде всего обнаруживается действие закона перехода количественных изменений в качественные. Состояние современных знаний о коммунистической общественно-эконо-

мической формации подтверждает это, ибо коммунизм изучен ныне главным образом именно в аспекте названного закона. Посмотрим, нельзя ли уточнить характеристику коммунизма путем методологического определения ступеней перехода от одного качества к другому. Эта попытка будет вместе с тем попыткой уточнения существа проблемы исторического-логического, а также частью ответа на вопрос о характере применения методологии «Капитала» для изучения политэкономии социализма и коммунизма. Для этой цели необходимо в полной мере учесть определение ступеней перехода от одного качества к другому, содержащееся в «Капитале» и имеющее общеметодологическое значение.

Анализ «Капитала» показывает, что К. Маркс видит в процессе развития капитализма с точки зрения перехода количественных изменений в качественные следующие этапы или ступени.

Первый этап. Новое качество, новая целостность, система отсутствует, но в недрах старого качества, старой целостности, системы происходит накопление предпосылок для перехода к новому. К этому периоду относится накопление предпосылок капиталистической экономики в лоне предшествующей формации.

Второй этап. Происходит первоначальное возникновение качественно нового предмета. Это период первоначального возникновения собственно капиталистических отношений.

Третий этап. Появившиеся качественно новые отношения преобразуют и подчиняют стороны и отношения старой системы, целостности и вообще стороны и отношения, унаследованные от прежнего развития. В развитии капитализма это — процесс преобразования и подчинения капиталом феодальной экономики, вообще экономики, ведущей свое происхождение из прежних формаций.

Заключительная стадия данного этапа — завершение преобразования прежнего качества, целостности, системы новым качеством, целостностью. В истории капитализма ей соответствует эпоха создания адекватного буржуазному обществу материально-технического базиса — машинного производства. Массовая замена ручных орудий труда трехзвенными (рабочая машина, двигатель, передаточный механизм) машинами, превращение

машинного производства машин в ведущий тип производства означало, что капитализм начинает развиваться на своей собственной основе.

Четвертый этап. Им заканчивается восходящая линия развития качественно нового предмета. Качественно новый предмет преобразовал и подчинил все основные стороны прежних ступеней процесса развития, он стал господствовать в процессе развития и развиваться на своей собственной, а не на чужой, основе.

В движении коммунистической формации, совершающемся по восходящей линии, также могут быть выделены перечисленные выше первые четыре стадии развития качественно нового предмета.

Первоначально внутри капиталистического общества формируются исторические предпосылки коммунизма, хотя самого коммунизма как нового качества еще нет. Второй этап охватывает период захвата рабочим классом политической власти до создания фундамента социализма. Подобно тому как в свое время осуществился процесс первоначального накопления капитала, в этот период осуществляется процесс первоначального возникновения коммунистических экономических отношений.

Появившиеся качественно новые, коммунистические отношения преобразуют и подчиняют экономику, ведущую свое происхождение из предшествовавших формаций.

Заключительная стадия этого этапа — процесс создания адекватной коммунистическому обществу материально-технической базы и преобразование на этой основе как минимум решающих отраслей промышленности. Главное звено в создании материально-технической базы коммунизма — превращение комплексной автоматизации в ведущий тип производства.

Полностью созревший коммунизм означает развитие коммунистических отношений не на чуждой ему, а на его собственной базе — на базе *полной автоматизации* производства.

С точки зрения развития к коммунизму всего человеческого общества в целом (а не только с позиций внутреннего развития одной страны, проходящей этот путь, так сказать, в классической форме) можно дать несколько иную периодизацию.

Первый этап. Формирование предпосылок нового качества в недрах старого качества при отсутствии са-

мого нового качества. Речь идет о сугубо исторических предпосылках коммунизма внутри докоммунистических формаций.

Второй этап. Первоначальное возникновение коммунизма (социалистическая революция в одной стране).

Третий этап. Преобразование новыми коммунистическими отношениями старых отношений при сохранении в мировом хозяйстве решающей роли за качественно старыми отношениями.

Четвертый этап. Качественно новые, коммунистические отношения становятся господствующими, решающими, определяющими весь ход мирового развития. Система социалистических стран становится ведущей в мировой экономике. Коммунистическая формация по отношению к мировому обществу в целом еще только становится.

Зрелость коммунистической формации, по-видимому, в конечном счете не может рассматриваться только с точки зрения уровня внутреннего развития отдельной страны или группы стран. Если на прежних ступенях развития общества наряду с каждой новой формацией сохранялись сообщества людей с более отсталыми формами производства, то коммунизм создает возможность подъема всех народов, народностей, стран, рас и т. д. на одинаковый, коммунистический уровень общественного развития. Только тогда, когда осуществится эта необходимая тенденция современного развития, коммунистическая формация окончательно и полностью созреет в рамках человеческого общества в целом. Только тогда можно будет сказать, что человечество окончательно подчинило себе процесс общественного развития. Напротив всякое стихийно совершающееся общественное развитие происходит в форме сосуществования нескольких однородных процессов развития, одновременно находящихся на разных ступенях.

В исследовании и изложении К. Маркса преобладает логический способ, в частности и главным образом потому, что К. Маркс имел дело со зрелым капиталистическим способом.

Ныне мы переживаем и с точки зрения внутреннего развития СССР, и с точки зрения мирового развития в целом этап становления коммунистической формации.

Социализм — несомненно, гигантский скачок по сравнению с предшествующими формациями, будучи первой фазой, ступенью коммунизма, является *незрелым коммунизмом*. Специфика и содержание социализма состоят в процессе преобразования и подчинения качественно новыми (коммунистическими) отношениями, отношений, происходящих из старого общества.

Вплоть до создания зрелого коммунистического общества в политэкономии коммунистической формации (обеих ее фаз) неизбежно преобладание исторического способа.

В экономических работах В. И. Ленина содержится исследование первых этапов становления коммунистической формации (периода первоначального возникновения нового качества и первой стадии преобразования новым качеством старого).

Однако ныне развитие коммунистической формации находится на иной, завершающей стадии преобразования новым качеством всех отношений, унаследованных от старого качества.

Познавательная ситуация, в которой находится ныне политэкономия социализма, имеет известное сходство с ситуацией, в которой находилась классическая буржуазная политэкономия. Последняя, как известно, была научной. Классики буржуазной политэкономии были современниками восходящего развития предмета (капитализма), его незрелых стадий. Причем Д. Рикардо имел дело даже с заключительной стадией преобразования новым качеством старого, именно в этот период началось и совершалось в широких размерах создание адекватной капитализму материально-технической базы. В настоящее время в СССР также происходит создание материально-технической базы, соответствующей новому качеству — коммунизму.

Однако помимо глубокого, внутреннего сходства в ситуации между наукой политэкономии социализма и коммунизма в классической буржуазной политэкономии имеются и глубочайшие отличия. Классики буржуазной политэкономии не владели и не могли владеть диалектико-материалистическим методом. Исторически необходимый тогда метафизический метод мышления, несомненно, ограничивал возможности познания. В том же направлении оказывала влияние и буржуазная классов-

вая позиция. Современные марксистские политэкономы социализма и коммунизма располагают возможностью сознательного применения материалистической диалектики, кроме того, они стоят на позициях класса, заинтересованного в уничтожении всякой эксплуатации, в освобождении всего общества, а потому заинтересованного в строго научном изучении законов общественного развития.

Как мы видим, в истории политэкономии не наблюдается ситуации, которая была бы тождественна во всех основных моментах современным условиям развития политэкономии социализма.

Впервые в истории наук (и общественных и естественных) стоит задача воспроизведения поздней стадии преобразования новым качеством старого в условиях отсутствия зрелого нового качества процесса развития при возможности *сознательно применить материалистическую диалектику*.

Поэтому само применение уже достигнутых ныне марксистско-ленинской теорией знаний о проблеме исторического и логического потребует дальнейшего развития самой проблемы исторического и логического. Завершение создания политэкономии социализма и будет окончательным решением проблемы о методологической роли исторического и логического в этой науке. До тех пор можно и нужно строить определенные гипотезы о характере действия проблемы исторического и логического в политэкономии социализма на основе современного уровня знаний о проблеме.

Заметим, что методологическое применение категорий к каждому новому специфическому предмету не может не быть на первых этапах познания гипотетическим. Лишь завершение познания этого предмета покажет достоверное специфическое методологическое действие данных категорий в рассмотренном специфическом предмете.

Предложим несколько дальнейших положений о методологическом действии проблемы исторического и логического при исследовании и изложении политэкономии социализма и коммунизма.

Если выше речь шла главным образом о различии предмета, то теперь скажем о различии способов рассмотрения зрелого и незрелого процессов развития.

Образцом воспроизведения зрелого процесса развития служат экономические произведения К. Маркса. В них же содержится ряд оценок научного познания классической буржуазной политэкономией незрелого капитализма.

При воспроизведении системы зрелых капиталистических экономических отношений в «Капитале» К. Маркс пользуется по преимуществу способом восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, от сущности к явлениям. В «Капитале» доминируют синтез и дедукция.

В исследовании К. Марксом зрелого капитализма преобладание способа восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному и т. д. наблюдается не всегда. На первых этапах экономического познания К. Маркс идет от сложного к простому, от чувственного «конкретного» к абстрактному. Например, в «Экономическо-философской рукописи 1844 г.» К. Маркс приступает к рассмотрению капиталистической экономики с изучения прибыли на капитал заработной платы, земельной ренты, т. е. с доходов и их источников. Между тем как в «Капитале» глава, посвященная доходам и их источникам, завершает третий, последний, теоретический том «Капитала». Другой пример, К. Маркс еще в 1857 г. не выделил в «чистом» виде простейшее отношение капитализма, несмотря на то что он исследует более сложные стороны капитализма (деньги и капитал). Лишь в конце рукописи 1857—1858 гг. на полутора страничках Маркс излагает свои воззрения специально на товар, не предполагая еще выделить их в своем труде, предназначенном для печати, в особую главу. В «Критике политической экономии» дается исчерпывающая характеристика функций денег и вместе с тем еще содержится ряд неточностей в определении более простой категории — товар (например, известное смешение новой стоимости и стоимости, отсутствие четкого выделения субстанции стоимости, неполное развитие учения о формах стоимости). Лишь в «Капитале» простейшее отношение изображено в чистом виде. К. Маркс сам указывает на закономерность движения научного познания первоначально от сложного к простому. «...Историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество

перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент»⁷.

На этом этапе развития познания зрелого предмета преобладает ход познания от сложного к простому, от чувственного конкретного к абстрактному, господствует индукция, анализ и т. д. Здесь восхождение от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, дедукция, синтез и т. д. играют, хотя и необходимую, но подчиненную роль.

Такова общая характеристика процесса исследования зрелого предмета. Для целей данной статьи достаточно ее абриса.

Каков же, с точки зрения К. Маркса, процесс исследования незрелого предмета (капитализма) классической буржуазной политэкономией? К. Маркс указывает, что буржуазная политэкономия исторически начинала преимущественно с чувственного, с представления о целом, с конкретного, отраженного в чувствах, в созерцании. Аналитическим путем она выделяла все более абстрактные понятия, пока не подошла к простейшим определениям. «Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего — как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость — к государству, международному обмену и мировому рынку»⁸.

Проникновение в сущность предмета происходило тем глубже, чем более зрелым оказывался предмет. На наш взгляд, довольно интересна и поучительна здесь аналогия (основанная, как представляется, не на внешнем сходстве, а на общности в существе дела) с развитием политэкономии социализма в СССР. Она (аналогия) позволяет сделать некоторые прогнозы о будущем развитии политэкономии социализма и коммунизма. Естественно, что между буржуазной классической политэкономией и политэкономией первой фазы коммунистической формации в СССР существует колоссальнейшее различие в классовых позициях, в методе, в ми-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 43.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 727.

ровоззрения. Но чтобы использовать познавательный опыт классической, научной буржуазной политэкономии при развитии экономической науки в СССР, необходимо тщательно использовать, и отчетливо показать процесс нарастания научных элементов у классиков буржуазной политэкономии в зависимости от степени зрелости развития предмета. (Естественно, что те авторы, которые будут рассматривать упомянутые различия, внесут определенные коррективы в нижесказанное). В отличие от классической буржуазной политэкономии, политэкономия коммунистической формации с самого своего возникновения исходила из научного представления о предмете (социализме и коммунизме), созданного на основе дедуктивных выводов, из тенденций развития предшествующего, качественно старого предмета (капитализма). Классики буржуазной политэкономии в изучении сущности своего предмета (капитализма) также направлялись дедуктивно выработанными (ненаучными) представлениями о нем. Таковыми являлись взгляды на вечную естественную природу человека, на общество как совокупность Робинзонов и т. д. Но эти представления — иллюзорное предвосхищение буржуазного общества. Несомненно, что от научности или ненаучности исходных представлений или гипотез о сущности предмета, предвосхищающих теорию предмета, зависит и движение познания от чувственного «конкретного», от первоначального представления о целом к абстрактному, от сложного к простому, от явления к сущности. Однако, несмотря на глубочайшие отличия, развитие политэкономии социализма в СССР, т. е. там, где социализм действительно развивался, началось с описания отдельных сторон социалистической экономики и носило фактически по преимуществу не теоретический, а непосредственно практически политический характер. Системный категориальный анализ социализма возник позднее. (То же самое в данном отношении наблюдается и в истории буржуазной политэкономии). Затем происходит все более углубленное изучение отдельных сторон социализма, пока, наконец, в последние годы внимание всех советских ученых — экономистов, интересующихся методом политэкономии социализма, не сфокусировалось по преимуществу на спорах о простейшем отношении и попытках систематического разви-

тия политэкономии социализма в целом. Случайно ли, что в интересах советских экономистов столь значительное место заняли эти проблемы?

Если продолжить аналогию с развитием классической буржуазной политэкономии, то неизбежен ответ: нет не случайно. Действительно, первое определение простейшего отношения предмета (капитализма) в его общем виде, более или менее отличном от особых форм проявления этого отношения, дал А. Смит. Правда, А. Смит не понял ни единства противоположностей, заключенного в этом отношении, ни его специфически капиталистического характера, ни связи этого отношения с более сложными отношениями. Однако, учитывая эти ограничения, можно сказать, что он первый нащупал простейшее отношение вообще. Вместе с тем он создал первую систему буржуазной политэкономии с устойчивыми и фиксированными категориями, отделенными от их вещественного содержания. Свое главное произведение А. Смит писал во второй половине 60-х и в первой половине 70-х годов, т. е. в начальный период развития машинного производства. Материально-технический базис, адекватный зрелому капитализму, находился в начале своего образования.

В настоящее время создание материально-технической базы, адекватной зрелому коммунизму, развернулось в широких масштабах. Но завершение этого процесса произойдет позднее. Вполне естественно, что в политэкономии коммунистической формации именно с началом создания материально-технической базы коммунизма выдвигаются вопросы систематического построения науки и выделения простейшего отношения. Речь идет о системе науки, в том ее виде, в каком она возможна в конце движения познания от сложного к простому, от хаотического представления о целом, от чувственно воспринимаемого конкретного к абстрактному. Сама собой напрашивается известная аналогия с системой А. Смита, ибо и во времена А. Смита новое для тех исторических условий качество только начинало создавать адекватную себе основу. Система, соответствующая заключительному этапу движения науки от чувственного «конкретного» к абстрактному, в политэкономии социализма пока не создана. В создании ее возможно воспользоваться, во-первых, анализом в ра-

ботах К. Маркса научных элементов во взглядах А. Смита; во-вторых, исследованием К. Марксом отношения зрелого и незрелого предмета (капитализма); в-третьих, при выделении простейшего отношения коммунизма большую пользу могут принести общелогические критерии, признаки простейшего отношения, которые содержатся в экономических работах К. Маркса и прежде всего в «Капитале».

Следовательно, перед политэкономией социализма в настоящее время стоит задача завершения пути от сложного к простому и перехода к первым попыткам создания теоретической системы, отражающей внутренние связи социалистических экономических отношений, исходя из простейшего отношения. Политэкономия в развернутом виде приступила к попытке систематического выведения более сложных отношений из простых только тогда, когда исследуемый предмет достиг завершающего этапа преобразования предшествующих отношений качественно новой целостностью.

Принцип единства исторического и логического дает определенное методологическое основание утверждать, что если в обществе все его стороны вырастают из общественного производства материальных благ, то глубже всего вначале должна развиваться наука о материальном производстве, т. е. политэкономия.

Более или менее одновременно с этим в истории человечества происходит накопление и систематизация научных знаний о производных сторонах общественной жизни.

Однако лишь политэкономическое исследование (прямая или косвенная опора на его результаты) создаст прочный фундамент, на котором может быть построено здание всех других наук об обществе.

Поэтому естественно полагать, что подробное систематическое научное изображение внутренних связей производных сфер общества возможно только в ходе и в связи с такого же рода теоретическим воссозданием экономики общества.

К настоящему времени отсутствуют фундаментальные обобщающие работы типа «Капитала», изображающие как целое, в детальном, систематическом виде те или иные области даже капиталистической жизни, не-

посредственно или опосредованно вырастающие из экономики, не говоря уже о систематическом, исходящем из внутренних связей рассмотрении других формаций.

* * *

Процесс развития, а следовательно, и отношение исторического и логического тем легче изучить, чем больше при прочих равных условиях сроки, в течение которых он совершается, приближаются к продолжительности человеческой жизни. Человек, жизнь которого равнялась бы миллионной доли секунды, не в состоянии был бы заметить движение не только часовой, но и секундной стрелки. Глазам сотен и тысяч поколений ее положение представлялось бы неизменным и потребовались бы тончайшие средства наблюдения, изощреннейшие теории, чтобы фиксировать движение стрелки.

Если исключить общество, то наиболее быстрыми темпами изменяется органический мир. Однако изучение истории живого мира в известных отношениях более сложно, чем истории Земли, ибо вероятность сохранения живых процессов и их остатков значительно меньше возможностей сохранения остатков неорганических процессов. Неслучайно, что факт исторического изменения был фиксирован, научно обоснован первоначально в геологии (Ч. Лайелль) и только затем в биологии (Ч. Дарвин).

В XVIII—XIX вв. наукой, изучающей строение и развитие Земли, была геология. Исследовалась структура небольшой части земной поверхности на глубину, где встречаются органические остатки. Между тем палеонтологический метод применим к периоду истории земной коры, охватывающей лишь 15% всей известной истории земной коры.

Основными средствами, способами изучения строения и изменений рассматривавшейся части земной коры было наблюдение, описание, классификация, качественная оценка процессов, оперирование с понятиями «больше», «меньше», «раньше», «одновременно» и т. д. Поскольку же стремились решить задачу выделения внутреннего механизма геологических процессов и их

причин, геологи классического периода применяли метод актуализма. Согласно ему предполагалось, что геологические процессы в земной коре совершаются всегда одинаково и в силу одних и тех же причин. Поэтому придерживались мнения, что сравнение остатков прошлых изменений, сохранившихся в земной коре, с соответствующими современными процессами, механизм и причина которых известны, позволяет заключить о механизме и причинах исчезнувшего процесса.

И палеонтологический метод и метод актуализма остаются господствующими в современной геологии. Однако в XX в. открылись новые грандиозные перспективы в исследовании строения и изменения Земли. Все более широкое изучение Земли физическими и химическими методами с их математическим аппаратом создает условия для глубокого раскрытия количественной стороны геологических процессов. Возросли возможности проникновения в недра Земли, недоступные классической геологии.

Развертывание количественных исследований как земной коры, так и более глубоких областей земли с учетом достижений качественного этапа развития геологии, и с привлечением данных астрофизики и астрохимии, изучающих сходные процессы в космосе, сулит решение основной теоретической задачи наук о Земле — вскрыть законы ее строения и изменения.

Из опыта политэкономии капитализма известно, что способом, воспроизводящим процесс развития в единстве количественных и качественных изменений, является восхождение от абстрактного к конкретному. В геологии этап преобладания качественного исследования процессов сменился этапом преобладания количественного их изучения. Можно предположить, что делом будущего станет преобладание специального изучения *единства* количественной и качественной сторон.

Именно при этих условиях особое, непосредственное значение для наук о Земле приобретет логический опыт «Капитала».

В современной геологии, особенно в последние десятилетия, все более обнаруживалась недостаточность метода актуализма. Этот метод является, несомненно, историческим, ибо он служит средством раскрытия механизма и причин исчезнувших процессов.

С точки зрения методологии «Капитала» вообще и, прежде всего проблемы исторического и логического его ограниченность несомненна и ясно видна перспектива его развития. Ограниченность способа актуализма состоит в том, что не принимается во внимание разница между закономерностями процессов, существовавших в геологическом прошлом, и соответствующими современными процессами.

Ф. Энгельс отмечал исключительную заслугу Ч. Лайелля, который доказал, что изменения Земли обуславливались теми же причинами, какими они вызываются и ныне, и тем ниспроверг теорию катастроф Кювье. Вместе с тем Ф. Энгельс гениальным усилием мысли, используя методологию «Капитала», опередил развитие геологии, отметив основные недостатки лайеллевской концепции: принцип постоянства сил, действующих на Земле, и понимание геологических изменений как совершающихся случайным, бессвязным образом, как не имеющих определенного направления⁹.

Лишь в последние годы геологи ясно поняли, что Земля проходит особые стадии развития со своеобразными для каждой стадии процессами. Вот что пишет один из крупнейших советских геологов, акад. Д. И. Щербаков: «Хотя советские геологи и раньше считали земную кору развивающейся и изменяющейся во времени, характер процессов, под влиянием которых происходили эти изменения, принимался ими все же за неизменный. Более глубокий анализ истории развития Земли и новые факты, полученные астрофизикой, геохимией и геофизикой, привели наших геологов к выводу о поступательном развитии не только Земли, но и геологических процессов, изменявшихся во времени. Иначе говоря, земная кора проходила различные, неповторяющиеся стадии развития. В особенности убедительные доводы, подтверждающие это положение, приводит геохимия»¹⁰.

Конкретный механизм направленного изменения Земли еще далеко не выяснен. В. В. Белоусов, например, пишет: «Исключительно интересные и важные вопросы

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 352.

¹⁰ Д. И. Щербаков. Земной шар. См. в кн.: «Глазами ученого». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 89.

направленности развития осадочной оболочки Земли находятся на самой начальной стадии исследования»¹¹. Более того, существуют высказывания В. И. Вернадского, в которых он переоценивает момент устойчивости в земных процессах. «Изучая историю развития Земли, — пишет он, — мы наталкиваемся на факт огромной важности, последствия которого обыкновенно не замечаются: факт постоянства химического облика земной коры в течение всего геологического времени»¹².

Между тем в тех же «Очерках геохимии» на стр. 225, как верно замечает А. А. Сауков, сам В. И. Вернадский говорит: «Благодаря радиоактивному распаду, идет заметное только в большие промежутки времени (порядка миллиардов лет) изменение атомного состава планеты, эволюция ее вещества и ее активной энергии. Химически наша планета сейчас и два миллиарда лет позже или раньше — разны е т е л а»³.

Понимание процесса развития включает в себя, конечно, выделение определенных устойчивых моментов процесса. В области геохимических явлений, например, сохраняются практически теми же самыми такие свойства элементов, как заряды их атомов. В процессе развития наблюдаются также ненаправленные изменения. Вместе с тем имеются и изменения направленные. Так, например, существенно изменяются абсолютные и относительные количества слагающих Землю элементов, энергетика глубин Земли, состав атмосферы и гидросферы, климата, биогенных факторов и значение деятельности человека.

Следовательно, осознанное или неосознанное применение проблемы исторического и логического в геологии открывает некоторые далекие перспективы ее развития.

Рассмотрим коротко историю и некоторые вероятные перспективы дальнейшей разработки взглядов на процесс развития органических существ.

¹¹ В. В. Белоусов. Основные вопросы геотектоники. М., Госгеолтехиздат, 1954, стр. 325.

¹² В. И. Вернадский. Избр. соч., т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 190.

¹³ Там же, стр. 225.

Органический мир развивается значительно более медленно, чем общество, и это — одна из основных причин того, что в биологии процесс развития изучен менее глубоко и подробно, чем в марксистско-ленинской политэкономии капитализма.

Теоретическая биология — наука о жизни и законах ее развития возникла довольно поздно, во второй половине XIX в. Это был величайший переворот в естествознании. Появлению теоретической биологии предшествовали описание, классификация, сравнение форм и отправления живых существ. Теоретическая биология, оформившаяся в трудах Ч. Дарвина, доказала факт исторического изменения видов и объяснила этот процесс некоторыми неизменными причинами. Это было как бы перенесение метода актуализма из исторической геологии в биологию. Известно, что труды Ч. Лайелля оказали огромное влияние на молодого Ч. Дарвина.

Такое объяснение развития живого позволило ответить на вопросы, поставленные всем предшествующим развитием биологии: выяснить причины внутреннего сходства строения животных и растений и причины приспособленности тех и других к условиям своего существования. Дарвинизм дал в руки наук об органической природе связующую, руководящую нить. Однако возникновением дарвинизма отнюдь не завершилось развитие биологии. Классический дарвинизм не дал, в частности, объяснение механизма индивидуальной изменчивости и наследственности, механизма перехода от неживого к живому. Именно эти вопросы, пожалуй, стоят ныне в центре всей теоретической биологии. И дарвинизм имел важнейшее значение в подготовке почвы для постановки этих задач.

Любопытно, что ограниченность метода актуализма в биологии осознается значительно менее отчетливо, чем в геологии. Крупным успехом биологической науки является изучение различия абиогенного и биогенного образования органических веществ. Имеющиеся достижения исторической биологии позволяют предположить, что эта наука пойдет по пути выделения и детального систематического изучения коренным образом качественно различных ступеней в период и в условиях биогенного образования органических веществ.

Таким образом, и здесь проблема исторического и логического не только уже действует в настоящем, но она дает возможность говорить о предстоящем выделении исторической биологии в самостоятельную науку и в самом общем виде необходимость будущего ее расчленения на особые разделы.

Можно видеть, что в биологии вначале устанавливается, доказывается сам факт процесса развития (жизни), его основные компоненты и причины, действующие на протяжении всего существования данного процесса развития. Затем возникает задача раскрытия самой сущности процесса развития (жизни), его механизма и перехода от менее развитого процесса (неживого) к более развитому (к живому), а также задача выделения качественно различных ступеней развития со своими специфическими процессами.

Разрешение задач последнего рода (сущность живого, переход от неживого к живому, коренные качественные ступени развития живого со специфическими закономерностями) только начато. В разрешении этих вопросов колоссальную роль играют биофизика и биохимия. Если современный уровень развития этих наук рассмотреть с точки зрения такой методологической проблемы, как историческое и логическое, то представляется возможным высказать некоторые соображения об их будущем. Ныне биохимия и биофизика переживают стадию преимущественно накопления фактов и анализа химических и физических процессов и структур в живом организме. Доминирование синтеза и способа восхождения от абстрактного к конкретному в изображении сущности живого есть дело будущего биологии, биофизики и биохимии, того будущего, когда более или менее завершится анализ живого. Но уже в настоящее время аналитический этап исследования совершается и должен совершиться в единстве с синтетическим рассмотрением живого.

Чрезвычайно сложную задачу представляет исследование изменения во времени галактик, звезд, планет. В этой области знание о развитии предмета в целом находится пока на уровне гипотез. Здесь, пожалуй, главным ныне является утверждение, по сути дела, способа актуализма (объяснение изменения во времени существующими причинами) и развертывание процес-

зов, существующих одновременно, в определенный временной генетический ряд.

Обобщение характера, «механизма» логического воспроизведения процесса развития в тех науках, которые дальше и глубже всего продвинулись в изображении развития, будет, несомненно, полезно для этих наук.

Наиболее проблематичной представляется возможность применения рассматриваемого аспекта проблемы исторического и логического в области физики и химии. В настоящее время нет исторической химии и исторической физики (в отличие от теории химии и теории физики), хотя существует история науки химии и история науки физики. Это не случайно. История наук (политэкономии, геохимии, биологии) свидетельствует о том, что чем в более продолжительные периоды времени совершается развитие, тем труднее его познание. Напомним, что, в то время как в марксистской политэкономии уже был констатирован факт развития, доказана изменчивость законов исторического развития, раскрыт механизм процесса развития на определенной его ступени, в геологии (Ч. Лайелль), в биологии (Ч. Дарвин), хотя и был установлен (исторически почти одновременно с открытиями К. Маркса) факт изменения во времени, но объяснение изменения осуществлялось при помощи неизменяющихся причины, а сам механизм развития не был детально выяснен. Лишь значительно позже, в XX в., причем главным образом в последние два десятилетия, в геологии утвердился взгляд на развитие Земли, как на процесс, имеющий *различные стадии* со своими *специфическими* закономерностями. В биологии же этот взгляд, пожалуй, только пробивает себе дорогу. Выяснение же механизма геологического и биологического движения остается еще далеко не решенной задачей.

Еще менее глубоко выявлен процесс развития в химии. Химики не констатировали еще даже *факт исторического развития* законов химии. Периодическая система Д. И. Менделеева сама по себе отражает взаимодействие элементов, уже имеющихся налицо, а не возникающих впервые в данной области вселенной. Строгое естественнонаучное доказательство того, что в ней в «снятом» виде воспроизводится исторический процесс развития химической формы движения, пока

отсутствует, и лишь используя последовательность мышления можно утверждать это.

Тем не менее обнаружение не только в обществе, не только в органическом мире, но и в одной из *неорганических* форм движения материи (в химическом движении) действия закона отрицания отрицания, хотя и в *структурно-генетическом*, логическом плане, дает известное основание говорить, что и в другой *неорганической* форме движения, в физической, функционирует этот закон, что *законы* физики также имеют историю.

ВАЗУЛИН В.А.
МАКАРЕВИЧ Г.А.

**МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ К.МАРКСОМ
ГЕГЕЛЕВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ (ПО "ЭКОНОМИ-
ЧЕСКО-ФИЛОСОФСКОЙ РУКОПИСИ 1844 года")**

В "Экономическо-философских рукописях 1844 года" К.Маркс исследует буржуазную действительность и приходит к понятию "отчужденный труд". Вопреки утверждениям буржуазных "марксологов", что К.Маркс всего лишь заимствовал понятие отчуждения из немецкой классической философии, в рукописях 1844 года представлена попытка выведения отчужденного труда из реальных отношений людей в процессе производства и распределения материальных ценностей. Исходя из буржуазных политико-экономических отношений и достижений экономической науки, К.Маркс выясняет, что "рабочий низводится на степень товара, ... что нищета рабочего находится в обратном отношении к мощи и размерам его продукции...¹⁾"; что рабочий духовно

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр.559.

и физически принижается "до роли машины", превращается "в абстрактную деятельность и в желудок", что даже при условии повышения заработной платы "продукт труда противостоит рабочему как нечто все более и более чуждое" ¹⁾, что капитал есть присвоение чужого труда, что интересы собственников капитала враждебно противоположны интересам рабочего и всего общества и т.д. Так в процессе изучения экономических фактов К.Маркс обнаруживает конкретные формы и следствия отчуждения труда и на основе анализа этой конкретности раскрывает понятие "отчужденный труд".

Исследуя отношения отчужденного труда, К.Маркс переосмысливает достижения не только экономической, но и всей предшествующей философской науки. Особое место в формировании материалистической позиции молодого К.Маркса занимает критическое освоение гегелевской концепции отчуждения.

Проблема отчуждения решается Гегелем как проблема "самоопределения" духовной субстанции, которая для осуществления своей деятельности нуждается в противопоставлении чему-то иному, находящемуся вне ее, и принимает чуждую ей форму предметности. К.Маркс раскрывает внутренне-противоречивый смысл гегелевского "самоопределения". С одной стороны, самоотчуждение сознания в предмет представляет "отрешение" или "отчуждение" сознания от себя самого, ибо предмет есть нечто иное, чуждое по отношению к сознанию.

"Предметность как таковая считается отчужденным, не соответствующим человеческой сущности (самосознанию) отношением человека".²⁾

С другой стороны, по мнению К.Маркса, предмет в гегелевской "Феноменологии" по существу не отличается от сознания, ибо он есть

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956 г., стр.526.

2) Там же, стр.628.

"самоотчуждение" сознания в сфере самого сознания в ~~сфере~~ ~~самого~~ ~~сознания~~. "Сознание знает ничтожество предмета, т.е. неотличимость предмета от него, небытие предмета для него, благодаря тому, что оно знает, что предмет есть "самоотчуждение".¹⁾ Итак, будучи превращением действующей способности самосознания, субъекта в форму предмета, опредмечивание в системе Гегеля обнаруживается как противоречивый процесс, включающий в себя отчуждение сознания от самого себя в ином — предмете — и пребывание сознания в отчужденном от него предмете как в своей собственной сущности.

Противоречивость гегелевской концепции "самоопредмечивания самоотчуждения" поражена идеализмом его философской системы, в основе которой лежит представление об отчужденном от действительной природы и действительного человека и превращенном в самостоятельную абстракцию мышления. Изучая "Феноменологию духа" Гегеля, К.Маркс неоднократно обращает внимание на идеалистическую сущность гегелевской интерпретации человека. Как материалист, он противопоставляет "абстрактно мыслимому и абстракцией порожденному человеку".²⁾ Гегеля "предметное", "природное", "чувственное" социально-обусловленное человеческое существо. Если по К.Марксу история человеческого общества есть "действительная", "естественная" история, определяемая материально-практической деятельностью людей, то по Гегелю человеческая история есть история становления и развития форм самосознания, ибо человеческую сущность Гегель отождествляет с самосознанием. Поскольку Гегеля интересует не реальный исторический процесс, а лишь история "отчужденного духа мира", осуществляющаяся посредством феноменологии форм самосознания, то и процесс производства человеком предметного мира воспроизводится в его философии

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр.633.

2) Там же, стр.628.

как опредмечивание "абстрактного", "логического" самосознания. Соответственно, "вся история самоотчуждений и все устранение самоотчуждения есть не что иное, как история производства абстрактного, т.е. абсолютного, мышления"...¹⁾

Таким образом, будучи идеалистом, Гегель, не может выйти за пределы абстрактного мышления, и в изображении опредмечивания человеческих сущностных сил как самоотчуждения человека остается в "пределах самой мысли", изображает отчуждение человека отчужденным от реального человека образом. Но вместе с тем в абстрактно-идеалистической, отчужденной форме Гегеля все же удалось воспроизвести действительное опредмечивание и отчуждение человеческой сущности.

К.Маркс в рукописях 1844 года отмечает, что "Феноменология духа" Гегеля "фиксирует отчуждение человека" в абстрактно-мистическом виде. И поскольку отчужденная действительность человека здесь изображена, постольку в "Феноменологии" заложены в скрытом виде все элементы критики, подготовленные и разработанные часто уже в форме высоко поднимающейся над гегелевской точкой зрения".²⁾

В связи с тем, что критика гегелевской философии была принята К.Марксом в ходе исследования буржуазных форм отчуждения труда, К.Маркс обращает особое внимание на решение Гегелем проблемы труда. "Величие гегелевской "Феноменологии" он усматривает в том, что Гегель "ухватывает" здесь сущность и роль труда в жизнедеятельности человека, то есть воспроизводит в абстрактных формах движения самосознания действительную сущность трудовой деятельности. При этом К.Маркс утверждает, что в понимании труда Гегель

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1953, стр.625.

2) Там же, стр.628.

"стоит на точке зрения современной политической экономии",¹⁾ так как он рассматривает труд как проявление самоотчуждения человека с точки зрения самих отношений отчуждения. Точка зрения отчуждения есть позиция буржуазного философа или идеолога вообще, она связана, если не с сознательным оправданием буржуазного строя, то, по крайней мере, с признанием вечной необходимости и естественности его отчужденных отношений. Именно поэтому Гегеля интересуют общие формы опредмечивания человеческой сущности в процессе трудовой деятельности и почти не интересуют конкретные "бесчеловечные" формы опредмечивания в буржуазном обществе. Правда, в "Иенской реальной философии" он касается отрицательных последствий отчуждения труда, но вслед за буржуазными экономистами склонен считать их нормальным (а не извращенным) явлением крупного машинного производства.

Помимо равнодушия к изображению отрицательных последствий труда отчужденная форма гегелевской концепции труда обнаруживается также и в том, что он рассматривает труд исключительно в его абстрактно-духовном виде. отождествляя человеческую сущность с самосознанием человека, Гегель, соответственно, и трудовую деятельность человека определяет как абстрактное мышление; материально-практическая деятельность ускользает от его внимания. По мнению К.Маркса, Гегель изображает в "феноменологии" реальный процесс "человеческого труда", но изображает его "в форме отчуждения", то есть извращает, кастрирует этот процесс, так как "признает за сущность труда то, что вообще образует сущность философии, а именно — самоотчуждение, знающего себя человека или мыслящую себя самоотчужденную науку".²⁾ Реальный процесс трудовой деятельности отражается

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1953 г., стр.527.

2) Там же, стр.628.

в философии Гегеля отчужденным образом: из совокупности отношений и формы труда Гегель выделяет абстрактно-духовный труд, абсолютизирует его и превращает в единственный масштаб воспроизведения отчужденного мира.

Критикуя отчужденность от реального мира и идеализм гегелевской философии, К.Маркс усматривает глубокий положительный смысл гегелевских рассуждений о труде. Мысли Гегеля о сущности и роли труда в развитии человеческого общества переосмысливаются К.Марксом на материалистической основе. По мнению К.Маркса, Гегель правильно понимает сущность труда, когда он рассматривает труд как процесс взаимоотношения опредмечивания и распредмечивания, результатом которого является "самопорождение человека". В трудовой деятельности человек может проявить себя как родовое, т.е. человеческое, существо только таким путем, что он "действительно извлекает из себя все свои родовые силы" (знания, умения, опыт и т.д.) и "относится к ним как предметам".¹⁾ И этот процесс опредмечивания человеческих сущностных сил, по Марксу, есть вместе с тем распредмечивание, присвоение многовекового опыта и знаний человечества индивидуальным человеком. Всякий акт опредмечивания представляет и акт распредмечивания, — в этом одно из непрерывно разрешающихся и возникающих вновь противоречий процесса производства. Труд как единый процесс опредмечивания и распредмечивания определяет становление индивидуальной человеческой личности и человеческого общества в целом. Идея Гегеля о том, что человек есть "результат его собственного труда" воспринята К.Марксом как глубоко диалектическая, но в отличие от Гегеля К.Маркс применил эту идею к изучению "действительной", современной истории буржуазного общества, в то время как

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1953 г., стр.627.

Гегель ограничился лишь "спекулятивным", "абстрактным", "логическим" изображением "акта порождения, истории возникновения человека".¹ Однако, по мнению К.Маркса, идеализм Гегеля имеет историческое оправдание. Подобно тому, как практическое отношение человека к созданным его трудом предметам, к своей родовой сущности и процессу труда первоначально возможно "только в форме отчуждения", так и теоретическое воспроизведение отчужденных социальных отношений на определенной стадии развития науки необходимо предполагает отчужденную форму. В известном смысле отчужденно-идеалистическое омыление Гегелем истории становления человеческого самосознания создало предпосылки для действительного теоретического преодоления отчужденных отношений в марксистской философии.

Преодоление К.Марксом отчужденной формы гегелевской философии означало преодоление гегелевского идеализма. Для спекулятивной системы Гегеля опредмечивание самосознания необходимым образом связано с его самоотчуждением, ибо предметный мир, человеческая история, природа есть нечто чуждое по отношению к духовной, абсолютной субстанции, хотя и порождаемое этой субстанцией. Создавая свою философскую систему, Гегель вынужден был противопоставить абсолютному духу предметный мир. Кроме того, будучи истинным ученым, он вообще считал себя обязанным как-то "вписать" предметность, практическую деятельность человека в философскую конструкцию. Но одновременно Гегель осознавал чуждость реального предметного мира и процесса опредмечивания абсолютной, божественной субстанции. Поэтому опредмечивание он характеризует как отчуждение самосознания, рассматривает опредмечивание – отчуждение исключительно в сфере сознания, а снятие отчуждения (или распредмечивание) изобра-

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956 г., стр. 624.

кает как освобождение духа от чуждой ему предметности и возвращение его в лоно абсолюта (абсолютное знание, понятие и т.д.). К.Маркс исследовал отчуждение с совершенно иных, т.е. материалистических позиций. Как материалиста, его интересовали реальные формы отчуждения действительности и прежде всего отчуждение материально-производственного труда, которое представлялось К.Марксу существенной основой всех остальных практических и теоретических форм отчуждения человека. Поскольку К.Маркс в качестве социальной основы выделял материально-производственный труд, то, соответственно, и воспринятые у Гегеля идеи (о труде как единстве опредмечивания и самоопредмечивания, о роли труда в "самопорождении", в "для - себя - становления человека") характеризовали не абстрактно-духовную, а материально-предметную деятельность человека.

Уяснив для себя существование несомненной связи между отчужденными формами самосознания в гегелевской "Феноменологии" и формами отчуждения материальной действительности, К.Маркс не вдаётся в подробный абстрактный анализ этого отношения, а обращается к непосредственному анализу буржуазной действительности и в процессе исследования реальных отчужденных отношений материалистически переосмысливает философские положения Гегеля. Так, мысль Гегеля об опредмечивании самосознания человека перевоплощается в "Экономическо-философских рукописях 1844 года" в идею опредмечивания духовных и материальных (сущностных) сил и способностей человека в процессе материально-производственной деятельности.

С точки зрения К.Маркса, опредмечивание есть осуществление, закрепление труда в некотором предмете, "претворение труда в действительность". I) Опредмечивание есть процесс создания человеком

I) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956 г., стр.561.

предметного мира и в этом процессе "все предметы становятся для него опредмечиванием самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, его предметами, а это значит, что предмет становится им самим". 1) Распредмечивание, согласно К.Марксу, есть превращение определений предмета в деятельностные способности человека, логики предмета в логику человеческой деятельности. В ходе распредмечивания человек присваивает себе предметный мир таким образом, что становится наследником социально-исторического опыта человечества. Если, опредмечивая свои сущностные силы, люди отдают свой опыт и знания на службу человечеству, то в процессе распредмечивания они, напротив, развивают свои индивидуальные способности за счет воплощенной в предмете деятельности других людей. Очевидно, что опредмечивание и распредмечивание слиты воедино (хотя и представляют разные стороны) в акте труда.

В отличие от Гегеля, который необходимым и всеобщим образом связывал опредмечивание с отчуждением человеческой деятельности, а распредмечивание – со снятием отчуждения. К.Маркс утверждает, что опредмечивание и распредмечивание лишь в исторически определенном конкретном обществе могут принимать отчужденную форму. А именно: в обществе, основанном на частнособственнических отношениях между людьми, опредмечивание выступает "как выключение рабочего из действительности... , как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета – как отчуждение, как самоотчуждение". 2) Свой анализ отчужденной формы опредмечивания и распредмечивания труда К.Маркс относит к буржуазному обществу, но в широком значении термины "отчуждение", и "отчуждение труда" могут быть применены к

1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956 г., стр.593.

2) Там же, стр.561.

исследованию любого общества, основанного на отношениях частной собственности.

Если Гегель в идеалистической концепции труда как единство отчуждения и снятия отчуждения воспроизвел действительные отношения буржуазного общества отчужденным образом, то К.Марксу удалось преодолеть это теоретическое отчуждение на основе материалистического осмысления общественного процесса. В качестве существенной основы буржуазного общества К.Маркс выделяет отношения отчужденного труда. Из анализа отчужденного отношения рабочего к продукту своего труда К.Маркс выводит отношение "самоотчуждения труда", т.е. отчуждение рабочего от процесса трудовой деятельности. Обобщая изучение этих форм отчуждения, К.Маркс формулирует положения об отчуждении природы от человека и отчуждении в труде родовой сущности человека. Рассматривая отношение индивида к труду как практически деятельное и как эмоциональное общественное отношение, К.Маркс обнаруживает отчужденные отношения между полярными классами общества: рабочим и нерабочим.

Конечно, можно упрекнуть К.Маркса за терминологическую неточность и неопределенность, что обнаруживается, в частности, в употреблении терминов "отчуждение" и "самоотчуждение". Можно отнести за счет незрелости и неразработанности его материализма преувеличение роли "эмоционального" отношения рабочего к труду. Можно также согласиться, что в "Экономическо-философских рукописях" он часто увлекается изображением картины отчуждения труда в ущерб объяснению отчужденных отношений буржуазного общества. Но невозможно отрицать того факта, что решение проблемы отчужденного труда в рукописях дается с глубоко материалистических позиций, либо именно реально-экономические, но не абстрактно-идеальные

отношения рассматриваются К.Марксом как первичные и основные в общественном развитии. Так, частную собственность К.Маркс выводит из отношений отчужденного труда, при этом исходное отношение рабочего к труду берется в его объективном значении: как отчуждение сущностных сил рабочего в продукте труда и в процессе производства. "Самочувствие" рабочего, его "эмоциональное" отношение к акту отчуждения предполагается зависимым от объективно-материального процесса человеческой деятельности. По К.Марксу, частная собственность есть следствие отчужденного труда, Отчужденное отношение к труду рабочего человека порождает отношение к труду и его результату "чуждого труда и стоящего вне труда" человека, "хозяина труда", капиталиста, который присваивает отчужденный труд в виде частной собственности.

Итак, понятие отчужденного труда представляется К.Марксу необходимой теоретической основой материалистического исследования буржуазного общества. На основе понятия "отчужденный труд" и полученного из него "путем анализа" понятия частной собственности К.Маркс предполагает развить систему политико-экономических категорий, причем в каждой из категорий обнаружить "лишь то или иное определенное и развернутое выражение этих первых основ". I) В рукописях 1844 года К.Марксу не удалось осуществить эту задачу. Определив сущность частной собственности посредством отчужденного труда, он осознал, что отчужденный труд и частная собственность как предполагаемые основы системы категорий сами еще не объяснены, не выведены из истории человеческого общества и потому не могут служить надежным основанием для экономической науки. Впоследствии К.Маркс вообще отказался от выведения системы категорий

I) К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений.
М., 1956 г., стр.570.

из отчужденного труда, ибо понял, что эта категория — весьма абстрактная характеристика реальной основы частнособственнических отношений и в силу этого недостатка для воспроизведения конкретной практической действительности буржуазного общества.

Однако в "Экономическо-философских рукописях" понятие отчужденного труда, явившееся результатом материалистического переосмысления гегелевской концепции отчуждения, представляет исходный и необходимый момент для постановки и решения многих социальных и философских проблем.

**МАРКСОВ АНАЛИЗ «МЕХАНИЗМА»
СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ
ЛОГИКИ ГЕГЕЛЯ**

Кандидат философских наук, доцент В. А. ВАЗЮЛИН

К. Маркс и Ф. Гегель — два великих имени, с которыми связаны крупнейшие, до настоящего времени не в полной мере освоенные и осознанные во всем их величии успехи диалектической логики, диалектического метода. Конспектируя гегелевскую «Науку логики», В. И. Ленин формулирует мысль, имеющую огромное значение для изучения материалистической диалектики: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не протудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 29, стр. 162). Таким образом, понимание всей логики Гегеля — необходимое условие творческого подхода к величайшему произведению, в котором дано наиболее глубокое и философское, и экономическое, и социально-политическое обоснование марксизма.

Для выполнения задачи, поставленной В. И. Лениным в программной статье «О значении воинствующего материализма», — глубокого переосмысления гегелевской диалектики с позиций материализма — многое сделано философами-марксистами. Но тем не менее еще многое предстоит осознать, особенно в связи с систематическим исследованием диалектики, логики «Капитала» как образца исследования и изложения диалектики, логики вообще.

Самые крупные достижения в философии Гегеля относятся к области диалектического метода. «...Именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии..., — писал Ф. Энгельс, — что она раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия» (К. Маркс и Ф. Энгельс. т. 21, стр. 275). Весьма определенно и высоко оцениваются К. Марксом заслуги Гегеля в разработке диалектики. «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» (там же, т. 23, стр. 22).

В гегелевской философии форма и уровень действительных достижений теснейшим образом связаны с ее принципиальными ограниченностями. И поэтому рассмотрение первых невозможно без изучения последних и наоборот.

Коренная противоположность, существующая между методом марксизма-ленинизма и методом Гегеля, определяется в конечном счете противоположностью их социальных позиций, существенным различием в уровнях развития современной им материальной обществен-

ной практики и частных наук. (Подробнее об этом будет сказано ниже). Отрицание марксистской философией метода, логики Гегеля, как диалектическое отрицание, включает в себя в снятом виде сохранение всего действительно рационального во взглядах этого великого немецкого мыслителя.

Диалектический метод в философии Гегеля выступил как система диалектической логики, и вообще центр гегелевской философии — логика. Такой взгляд внутренне связан с принципом тождества мышления и бытия, трактуемого в качестве всеобщего и единственно верного. Гегелевское тождество мышления и бытия есть отождествление материи, бытия с мышлением на основе предшествующего отрыва их друг от друга. Вся материальная действительность оказывается у Гегеля лишь отчужденным сознанием, мышлением, в котором материя существует лишь через другое. Материальная действительность представляется лишенной самостоятельного существования, лишь видимостью, которая снимается в абсолютной идее. Естественно, что вопрос о специфике познания при таком подходе не встает. Речь может идти в лучшем случае о диалектике мышления, но подлинная диалектика познания здесь искажается, ибо она необходимо предполагает отношение субъекта к независимо от него существующему предмету.

Вместе с тем, если принцип тождества мышления и бытия освободить от идеализма, то он превращается в утверждение, что в мышлении имеются моменты совпадения его с бытием, с материальной действительностью. А это и характеризует именно специфику логики в отличие от теории познания: в логике истина предполагается данной, в теории познания исследуется соотношение отображающего и отображаемого. Конечно, поскольку логика не отрывается от теории познания, моменты гносеологического подхода проникают в самую логику. При отмеченном выше понимании тождества мышления и бытия сохраняются лишь отдельные, и притом рациональные, моменты гегелевской интерпретации. «Тождество» мышления и бытия оказывается только приемом выделения в сознании, бесспорно являющемся ничем иным, как осознанным бытием, моментом абсолютного совпадения сознания с предметом. В противоположность Гегелю, эта сторона дела не понимается в виде единственной, оторванной от своей противоположности — от выделения моментов несовпадения, приблизительности совпадения мышления с отображаемыми предметами. Названные здесь противоположные стороны (совпадение и несовпадение мышления с отображаемыми предметами) не существуют и не могут существовать обособленно. И все-таки на различных этапах воспроизведения предметов выступает на первый план то одна из них, то другая. Изучение совпадения мышления о предмете с самим предметом при понимании того, что это есть лишь особое допущение, временная идеализация, один из противоположных приемов и что на следующей стадии названный прием выступит как снятый момент, позволяет выделить для анализа мышление в чистом виде.

Одна из великих заслуг Гегеля — впервые предпринятая им попытка развернуть, систематически исследовать всеобщие, необходимые, внутренние связи категорий логики. Внутренняя взаимосвязь логических категорий есть, по нашему мнению, сущность мышления, препарированная в чисто логическом аспекте, аналогично тому, как сущность человека есть совокупность общественных отношений. Логическая категория, изолированная от внутренней связи с другими логическими категориями, теряет свою сущность в качестве категории мышления, так же, как изолированный от общества человеческий индивид не обладает и человеческой сущностью.

Но позиция Гегеля была внутренне противоречива. С одной стороны, он ставил своей задачей выявление связи категорий, обнаруже-

ние перехода, перелива категорий друг в друга, их движения, развития, а с другой стороны, категории логики оказывались изначально данными, неисторическими, и значит, неподвижными. Признание изначально данности, неисторичности категорий и мышления в целом — необходимое следствие отрыва мышления, сознания от материальной действительности и превращения мышления в нечто самостоятельно существующее и целиком определяющее развитие материального бытия. При таком подходе современное философу мышление превращается в абсолюте, отсекается от действительных источников развития, от реальной основы, из которой оно развивается и с которой должно соотноситься, чтобы быть истинным, — от материальной общественной практики.

Этот принцип неизбежно влечет за собой при его последовательном применении искаженное понимание и истории мышления. Современное мышление со всеми его особенностями предстает как изначально данное и как венец развития. Вся история мышления выступает телеологически — в качестве ведущей именно и исключительно к современной эпохе ступени мышления. Качественные отличия различных исторических ступеней развития мышления стираются, исчезают из поля зрения особенности мышления, сознания прошедших исторических эпох. Частные науки оказываются всего лишь воплощением тех или иных логических категорий, и их развитие не может привести к появлению и обнаружению новых логических категорий.

Логика Гегеля вместе с ее ограниченностью и слабостями была исторически неизбежным в свое время явлением. В гегелевской философии во всеобщей форме воспроизводится определенная стадия господства стихийных социальных сил над людьми, причем с позиции тех людей, которые захвачены и увлечены этим процессом.

Отделение стихийно действующих социальных сил от человека и господство их над человеком, свойственное всем антагонистическим общественно-экономическим формациям, достигает своего апогея при капитализме. При этом капиталистические собственники отнюдь не становятся полными господами капитала, социальной силы, олицетворением, представителями и защитниками которых они служат. Капитал, т. е. исторически определенные социальные силы, действует по отношению к каждому отдельному капиталисту и к классу капиталистов в целом как сила, неподвластная контролю, что дает себя знать в анархии производства, в конкуренции и т. д. Производство, труд, отношения людей в процессе труда являются выражением сущности человека, отличающей его от животных. На этой ступени развития общества именно труд наемного рабочего есть исторически определенная и определяющая форма внутренней сущности человека. Производительное потребление рабочей силы и является созданием капитала, т. е. враждебной человеку социальной силы; сущность человека является антагонистически противоречивой.

При капитализме враждебность социальных сил человеку получает полное развитие, приобретает практически, действительно, реально всеобщий, универсальный характер. Антагонизм развития сущности человека обнаруживается во всей своей полноте: «В буржуазной экономике — и в ту эпоху производства, которой она соответствует — это полное выявление внутренней сущности человека выступает как полное опустошение, этот универсальный процесс *ообществлений*» (Vergegenständlichung) — как полное отчуждение, а ниспровержение всех определенных односторонних целей — как принесение самоцели (т. е. всесторонности, целостности развития человека. — В. В.) в жертву некоторой совершенно внешней цели» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 476). Стихийно развивающиеся товарно-денежные отношения становятся всеобщими, подчиняют себе всю жизнь общества

голько в условиях капитализма. Решающим обстоятельством при этом является превращение рабочей силы в товар, полный разрыв между производителями и средствами производства. В Экономических рукописях 1857—1859 гг. К. Маркса содержится весьма примечательная характеристика упомянутого разрыва: «В объяснении нуждается (или результатом некоторого исторического процесса является) не *единство* живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой и в силу этого присвоение ими природы, а *разрыв* между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью развившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала. В отношениях рабства и крепостной зависимости этого разрыва нет; но здесь одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим и природным* условием своего собственного воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам работник, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 478). Впервые лишь при капитализме эксплуататор господствует над эксплуатируемым именно как социальным существом и выступает только как социальная сила, чуждая ему, а не как чуждая природная или социально-природная сила. Поэтому лишь капиталистическая общественно-экономическая формация дает возможность во всеобщей форме выразить господство общественных сил и отношений над людьми. Представители буржуазного общества, поскольку они не видят или не желают видеть ограниченности буржуазной формы развития сущности человека, не могут не изображать положение дела в мистифицированном виде.

Современный Гегелю капитализм находился на завершающей стадии своего становления, противоречия капитализма в то время еще не развились полностью, рабочий класс Германии не мог еще подняться на самостоятельную политическую борьбу. Еще не созрели условия для реального, строго научного, материалистического понимания антагонизмов капитализма, путей и средств его упразднения, не созрели еще условия для строго научного взгляда на социальные силы, их происхождение, развитие, на соотношение этих сил и отдельных людей. При таких обстоятельствах существующее положение дел неизбежно казалось либо вечным и неизменным, либо воззрения на цели, средства, пути изменения общества в общем и целом не могли не быть утопическими.

Итак, объективно условия позволяли осознать в то время господство общественных сил над человеком лишь в абстрактно-всеобщей форме и одновременно не позволяли выйти за рамки или неисторического или утопического (или того и другого) взгляда на дело. Заслуга Гегеля, которую особенно подчеркивал К. Маркс, состояла в том, что он увидел в труде сущность, основу и источник становления и развития человека, хотя труд брался им лишь как теоретическая деятельность. Это была великая мысль, и для современных буржуазных гегельянцев мысль Гегеля о целесообразной деятельности как особенности человека в отличие его от животных была и есть *terra incognita*.

Однако, поскольку современное общество представлялось Гегелю неизменным, постольку социальные силы, господствующие над человеком и порабащивающие человека, «родовая сущность» человека неизбежно выступали в качестве абсолютно самостоятельных по отношению к людям, а люди — в качестве теней этих социальных сил. Гегель по сути дела выявил (в общем виде) ту видимость, которая объектив-

но существует для члена буржуазного общества, но не сумел ее научно объяснить. При осознании данной ситуации с точки зрения идеалистически понятой логики «родовая сущность» человека оказывается сущностью вообще, всеобщим.

И противоречивость философии Гегеля есть, по нашему мнению, не что иное, как осознание противоречивости общественного прогресса, но осознание на том уровне, когда условия для преодоления этой противоречивости еще не созрели, осознание с позиции того субъекта, который чувствует себя в общем и целом удовлетворенным существующим положением вещей. Так как развитие социальных сил, родовой сущности человека все же происходит, хотя и антагонистически, то оно фиксируется в сознании, однако, как развитие изначально данной, самостоятельной всеобщности, сущности, господствующей над единичным, чувственным, эмпирическим. Последние же моменты кажутся существующими в качестве подчиненных, пассивных.

Гегелевская логика была обусловлена не только определенным уровнем материальной жизни общества, но и определенными событиями гражданской истории и политической жизни, а также определенным уровнем развития философии и частных наук. Создание логики как системы категорий и тем самым приближение философии к форме науки — вот главная цель Гегеля. «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее. Моим намерением было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*». (Гегель. Соч. т. IV, стр. 3). Такая цель не могла бы появиться, если бы науки не переживали период бурного роста, если бы частные науки не переходили от эмпирической стадии к теоретической, к изучению внутренних связей. В этом своем стремлении он опирался на установленную до него невозможность выведения логических категорий из индивидуального опыта (по отношению ко всем логическим категориям это впервые было сделано Кантом). Кантовский отрыв формы от содержания мышления, пустых логических категорий — от данных опыта, а последних — от вещи в себе, Гегель пытается преодолеть, оставаясь на позициях фактического отрыва мышления от бытия, от материи, и поэтому преодоление оказывается на самом деле мнимым: реальное содержание сводится к форме мышления, вещь-в-себе — к логическим категориям. Отличие предметного содержания от формы мышления, вещи-в-себе от логических категорий, хотя и констатируется, но констатируется и истолковывается в качестве лишь видимости.

Понимание того, что логические категории не выводятся целиком из индивидуального опыта, осознание внешнего характера кантовской классификации категорий, использование учения о спинозовской субстанции, в котором до известной степени были схвачены представления о мире, возникающие на первоначальном историческом этапе теоретической стадии развития наук, и фихтевского самосознания — вот важнейшие философско-теоретические источники гегелевских взглядов на мышление. Мышление изображалось как некая изначально данная, надличная, объективная, самодвижущаяся, саморазличающаяся субстанция, субстанция, сознающая себя.

Ф. Энгельс неоднократно указывал на наличие противоречия между диалектическим методом и идеалистической системой Гегеля и подчеркивал, что последовательное понимание диалектического метода несовместимо с идеалистической системой. Однако было бы неверно истолковывать это высказывание Ф. Энгельса как отрицание необходимости вообще всякой системы. Ни одна наука, достигшая более или менее зрелого состояния, не может не стать системой. Марксистский диалектический метод, будучи научным, также является методом, сто-

роны которого внутренне связаны. Ф. Энгельс в рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» считает замечательной попытку Гегеля развить науку в ее внутренней связи. Впервые на истинной основе развил целую науку (политическую экономию) в ее внутренней связи К. Маркс. Исследовать науку в ее внутренней связи и значит представить ее систематически, но, естественно, не как абсолютно завершенную. В логике Гегеля следует различать абсолютно завершенную, идеалистическую систему, которая должна быть подвергнута критике и отброшена, и гениальную попытку изобразить логические категории в их внутренней связи и в этом смысле систематически.

Из частных наук на логику Гегеля наибольшее влияние оказала буржуазная классическая политэкономия.

Классики буржуазной политической экономии открыли, что капитал есть накопленный труд, что капиталистическое богатство создается трудом. Уже Смит выявил, что труд вообще — это источник возрастания богатства. Д. Рикардо принял в качестве исходного принципа закон стоимости и стремился объяснить (неудачно) из труда, созидающего стоимость, из труда вообще все явления капиталистической экономики. Но классики буржуазной политэкономии не поняли и не могли понять, не сбросив с себя «буржуазной кожи» (К. Маркс), что труд только в определенной, исторически переходящей форме образует капитал. Это не позволило им, в том числе и Рикардо, последовательно отделить труд, образующий стоимость, от труда, образующего потребительную стоимость. Определенный исторически переходящий характер труда сливался в их сознании с трудом как отношением людей к природе, как деятельностью по преобразованию предметов природы, или иначе говоря, с деятельностью опредмечивания.

Гегель воспринял взгляды буржуазных экономистов и, с одной стороны, обобщил и развил их философски, а с другой стороны, развил их в еще более мистифицированном виде, нежели тот, в каком они существовали у буржуазных экономистов. Представление о категории труда как исходной для объяснения экономических явлений было осмыслено им во всемирно-историческом плане и приобрело более глубокое и широкое содержание: труд является процессом созидания человеком самого себя, процессом самопорождения человека. Однако, если буржуазные экономисты рассматривали труд материальный, то Гегелем он был истолкован извращенно, сведен к духовно-абстрактному труду. Подобно буржуазным экономистам Гегель видит только положительную сторону труда: у буржуазных экономистов такой стороной являлась способность труда увеличивать богатство (специфически капиталистическое богатство сливалось в их сознании с богатством человеческого общества вообще), у Гегеля — способность абстрактного труда созидать «родовую сущность» человека. Подобно буржуазным экономистам Гегель не понял антагонистического характера труда при капитализме, при наличии частной собственности. Труд — это всегда деятельность с предметами, опредмечивание (созидание новых предметов) и распредемечивание (освоение человеком предметов) и только. Оставаясь в основном на этой неисторической, метафизической позиции, Гегель совершенно закономерно отождествляет исторически переходящую, современную ему антагонистическую форму и степень развития труда с трудом вообще, или, иначе говоря, *отождествляет отчуждение и опредмечивание*. По сравнению с классиками буржуазной политэкономии Гегель делает шаг вперед (он ставит вопрос об упразднении отчуждения) и в то же время этот шаг настолько у него мистичен, что он оказывается и шагом назад: устранение отчуждения при метафизическом взгляде на труд могло быть упразднением предметности как таковой, что вообще невозможно.

Преодоление коренных ограниченностей метода, логики Гегеля стало возможным только с позиций рабочего класса, непримиримого ко всем типам и формам эксплуатации, лишь с позиций бесстрашной, до конца последовательной борьбы с общественным устройством, в котором господство и враждебность социальных сил человеку достигло наивысшего развития.

В противоположность Гегелю, К. Маркс отнюдь не сводит диалектику к диалектике познания и мышления, науку диалектики к гносеологии и логике. И это обусловлено самой сутью диалектического и исторического материализма: диалектика познания, мышления отчасти тождественна диалектике материального мира, но она и отлична от нее.

В противоположность Гегелю, К. Маркс не сводит познание к одному лишь мышлению. Гегелевское отождествление познания с мышлением было необходимо связано с пониманием сущности в качестве изначальной, абсолютно самостоятельной, оторванной от бытия и полагающей его в качестве тождественной категории сущности. Действительное начало (и конец) в философии Гегеля — абсолютно самостоятельное мышление.

Гегель хотя и принимает во внимание чувственное познание, но низводит его до положения познания недействительного, которое вводится только в качестве необходимой и тем не менее недействительной предпосылки чистого мышления, которое восходит от абстрактного к конкретному. В самом восхождении от абстрактного к конкретному чувственное познание, движение познания от чувственно данных предметов к абстрактному мышлению сохраняется, но лишь как такой момент, который совершенно лишен самостоятельного значения и влияния на процесс восхождения.

К. Маркс в противоположность Гегелю доказал, что восхождение от абстрактного к конкретному необходимо предполагает объект, независимый от теоретически осваивающей головы, данный ей первоначально в чувствах, в живом созерцании. Чувственное познание — необходимая и действительная предпосылка мышления. Кроме того, мышление, восходящее от абстрактного к конкретному, чтобы быть действительным, в каждом своем шаге должно соотноситься с предметом, данным в чувствах, в живом созерцании, и изменяться соответственно предмету. Отсюда следует признание чувственного познания в качестве действительного, имеющего самостоятельное значение, воздействующего на ход и характер мышления. К. Маркс восстанавливает чувственное познание в его правах, попранных Гегелем, но делает это иначе, нежели Л. Фейербах. Фейербах придал чувственности реальное значение, но вместе с тем оказался ниже Гегеля в понимании мышления и сущности человека.

Коренная противоположность взглядов К. Маркса и Гегеля (при наличии, разумеется, определенной преемственности) сохраняется и тогда, когда логика Гегеля *сравнивается* с логикой К. Маркса. В философии Гегеля, с одной стороны, познание сводилось к мышлению, к логике, с другой стороны, Гегелем был угадан принцип расположения логических категорий соответственно их появлению в процессе познания и предпринята попытка реализовать его в своей системе логики. Устранение сведения познания к мышлению открывает дорогу для сознательной и последовательной опоры на принцип выведения логических категорий в той последовательности, в какой они появляются в развитии познания. Выделение мышления в чистом виде под углом зрения марксистской логики с самого начала предполагает осознание и учет того обстоятельства, что действительное мышление в таком виде не существует, что дальнейшее исследование должно раскрыть его в качестве момента познания, воспроизводящего развитие материальных

предметов на основе и в ходе материальной общественной практики.

Кроме того, логика К. Маркса есть не логика вообще, не логика абсолютной идеи, а логика отображения в категориях определенного исторически возникающего, формирующегося, развивающегося и гибнущего предмета, предмета, который сам является ступенью развития, которому предшествует менее развитый и за которым следует более развитый предмет, процесс.

Если у Гегеля стороны противоречия примиряются в «основании» и тем самым увековечивается «сущность», то в логике Маркса противоречие в основании трактуется как достигшее наивысшей внутренней напряженности, так что оно обуславливает гибель данной сущности. Если у Гегеля противоположные стороны различаются на активную и пассивную лишь в сфере непосредственности (качество — пассивная, количество — активная сторона, выводящая за пределы данного качества), и это различие исчезает, как только Гегель переходит к сфере сущности, то в логике К. Маркса необходимо, по нашему мнению, выделить активную и пассивную стороны и в сфере сущности: пассивной является тождество, единство, активной — различие, противоположность, противоречие. Итак, в противоположность Гегелю, Маркс, как нам думается, рассматривает последовательно диалектически также и сферу сущности.

Перечисление даже самых существенных отличий логики К. Маркса от логики Гегеля потребовало бы много времени. Действительное понимание преемственности и вместе с тем коренной противоположности логики К. Маркса и логики Гегеля возможно лишь при систематическом, детальном исследовании и скрупулезном сопоставлении логики «Капитала» и «Науки логики» Гегеля.

Логика К. Маркса со всеми ее особенностями могла возникнуть и возникла тогда, когда созрели противоречия капитализма, когда рабочий класс начал самостоятельную политическую борьбу, когда созрели во всемирно-историческом масштабе возможности устранения господства социальных сил над человеком. Только тогда социальные силы могли быть поняты не как сверхъестественные, мистические силы, а как силы человека, как сущность человека, порабощение же этими силами людей — в качестве, исторически преходящей ступени развития человечества. Только тогда и в логике категория сущности и другие категории могли быть поняты в их реальном содержании.

Развитие диалектической логики в настоящее время невозможно без полного освоения рациональных моментов логики Гегеля и сокровищ логики К. Маркса, содержащихся прежде всего в «Капитале».

*Кафедра истории
марксистско-ленинской
философии философского факультета
Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова*

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3 — 1971

В. А. ВАЗЮЛИН

СИСТЕМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ В «КАПИТАЛЕ» К. МАРКСА

Задача выявления научной системы диалектической логики рассматривалась В. И. Лениным в качестве одной из важнейших задач развития марксистской философской мысли. Наиболее благодарным материалом для ее решения служит «Капитал» К. Маркса, ибо только К. Маркс сумел исследовать и отобразить целую конкретную науку систематически в ее внутренних связях, сознательно руководствуясь диалектическим материализмом. Система диалектической логики в «Капитале» имеет не только частное, но и всеобщее значение. В. И. Ленин, характеризуя изложение в «Капитале» развития противоречий, подчеркивает: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»¹. В. И. Ленин неоднократно указывал на значение исследования «Капитала» для выделения Логики (с большой буквы).

Не касаясь всех аспектов вопроса о значении изучения системы диалектической логики для философии и частных наук, отметим лишь одно, но чрезвычайно существенное обстоятельство: система диалектической логики «Капитала» с определенными модификациями может и должна быть использована в полной мере в ходе дальнейшего изучения системы законов и категорий экономики социализма и коммунизма.

В. И. Ленин не только указывает на то, что нельзя вполне понять «Капитал», не поняв всей логики Гегеля, но и подчеркивает, что понимание логики Гегеля предполагает очищение от «мистики идей», и это особая и большая работа².

Мы полагаем, что реализация принципиальных указаний В. И. Ленина невозможна без сопоставления «Капитала» Маркса и «Науки логики» Гегеля. Нельзя отличить частное, экономическое содержание «Капитала» от всеобщего, логического, не сопоставляя его с логикой Гегеля. Но нельзя и выявить до конца рациональные моменты логики Гегеля, не сопоставляя ее с «Капиталом», ибо Гегель в общем и целом лишь угадал, хотя и гениально, некоторые внутренние

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

² См. там же, стр. 238.

связи логических категорий. Именно угадал, так как рациональные моменты его логики противоречили его идеализму. Выделить эти моменты путем умозрения невозможно. Выделение Марксом рационального в логике Гегеля произошло в процессе действительного научного исследования особого предмета, и Маркс сохранял в логике Гегеля только то, что выдерживало эту проверку. И таким действительным научным исследованием было прежде всего и главным образом изучение политической экономии капитализма.

Еще в рукописи «К критике гегелевской философии права» (1843 г.) Маркс заметил «логический, пантеистический мистицизм» гегелевской философии³. Гегель абсолютизировал современное ему мышление, истолковал его как совершенно самостоятельную саморазличающуюся, самодействующую субстанцию. Именно вследствие этого отрыва мышления от порождающей его основы дальнейшее действительное развитие мышления представилось невозможным. Настоящее состояние мышления оказывалось непреходящим, в лучшем случае могли быть установлены отношения (в том числе и субординация) зависимости между сторонами современного Гегелю мышления, но не переход от существующего уровня мышления к более развитому. Развитие мышления в будущем — если иметь в виду названный отрыв, априоризм Гегеля — представлялось невозможным. Развитие мышления в прошлом превращалось в движение лишь к современному состоянию мышления и ни к чему иному и неизбежно приводило к телеологизму. Кроме того, панлогизм привел к тому, что из поля зрения исчезла «логика дела», логика специфических предметов, и она сводилась к «делу логики».

Однако вместе с тем и в противоречии с этим стремление провести идею развития, пусть в этих довольно узких рамках, гениальная интуиция, настойчивое изучение фактического материала, конкретных наук позволили Гегелю угадать всеобщие формы движения, связи категорий и законов диалектики.

К. Маркс не только очистил логику Гегеля от мистицизма, идеализма, но и развил ее, поднял диалектическую логику на более высокую ступень. Современное мышление с позиции К. Маркса является исторически возникшей и исторически преходящей ступенью, ступенью, обладающей специфическим качеством. Мышление возникает и развивается на основе и в процессе материальной общественной практики как отражение предметов, независимых от «мыслящей головы» (К. Маркс) и данных первоначально в живом созерцании, и в ходе своего развития проходит качественно отличные друг от друга ступени. Диалектическая логика есть «логика дела», логика определенного, специфического предмета.

Эти принципиальные различия существенным образом сказываются на строении, на содержании логики «Капитала» и логики Гегеля.

Логика Гегеля начинается с учения о бытии, а учение о бытии в свою очередь открывается абсолютно неопределенным бытием, которое, по сути дела, является у Гегеля началом истинного рассмотрения мира в целом. Распространение абсолютно неопределенного бытия на мир в целом, фактическое отождествление его с истинным началом мира является идеализмом. Помимо того, если бытие истолковано в качестве абсолютно неопределенного, то тем самым эта категория совершенно отрывается от других и дальнейший переход к другим категориям (предполагается, что мыслитель последователен) оказывается невозможным. Здесь Гегель изменяет диалектике и впадает в метафизику. Мож-

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 234.

но заметить, что эта измена диалектике, в конечном счете, обусловлена его идеализмом.

К. Маркс, будучи диалектическим материалистом, является и здесь последовательным диалектиком. Осмысление предмета уже с самого начала есть отражение определенного предмета, категория бытия есть категория, в которой предмет выступает на поверхности, в ощущениях, так, как он прежде всего «бросается в глаза». Эта категория по своему содержанию есть и неопределенное бытие (поскольку, чем ближе к началу осмысления предмета, тем менее ясно, что именно есть предмет) и определенное бытие⁴, бытие определенного предмета, и эта определенность выступает уже с самого начала, пусть и неявно. Такой категорией в «Капитале» является товар по отношению к капиталу. Маркс начинает рассмотрение капиталистической экономики с простого товара, как он существует в капиталистическом обществе, и анализирует простой товар, взятый в чистом виде. Следовательно, он начинает с поверхности предмета. «Только в так называемой розничной торговле, в повседневном обороте буржуазной жизни, как он протекает непосредственно между производителями и потребителями, в мелочной торговле, при которой целью одной из сторон является обмен товара на деньги, а целью другой стороны обмен денег на товар для удовлетворения индивидуальных потребностей, — только в этом движении, происходящем на поверхности буржуазного мира, движение меновых стоимостей, их обращение протекает в чистом виде. И рабочий, покупающий каравай хлеба, и миллионер, покупающий такой же каравай, выступают в этом акте лишь как простые покупатели, точно так же как лавочник по отношению к ним выступает лишь как продавец. Все другие определения здесь погашены»⁵.

В этих условиях товар выступает, с одной стороны, только как простой товар и, следовательно, безразлично к капиталу, т. е. в рассмотрении простого товара нет никаких определений предмета исследования — капитала, следовательно, товар в качестве капитала здесь еще не определен, неопределен. Но с другой стороны, Маркс характеризует простой товар, существующий в буржуазном мире, и должен будет его представить в качестве простейшего отношения именно капитала. Связь товара с капиталом, когда анализируется простой товар в чистом виде, вначале еще не выявляется, из нее лишь исходят, она фактически дана, она есть, но еще не изучено, какова именно эта связь. Это — связь между простым товаром и капиталом, т. е. между определенными предметами и, значит, определенная связь. Однако сначала, пока специально не рассмотрен простой товар и тем более капитал, эта определенность скорее указана, чем выявлено, какова она именно.

Товар по отношению к капиталу предстает поверхностью, бытием. В свою очередь сам товар исследуется К. Марксом в его относительной самостоятельности по сравнению с капиталом. Простой товар действительно есть нечто иное, нежели капитал. Он существует до капитала и сохраняется определенное время после исчезновения капитала. И если

⁴ Категория «бытия» обычно употребляется в двух значениях. Во-первых, бытие отождествляется с материей, когда, например, формулируют основной вопрос как вопрос об отношении сознания к материи, бытию. Во-вторых, под бытием подразумевают «существование». В этом случае имеется в виду общее и материи и сознанию, ибо существуют и материя и сознание. Мы употребляем здесь термин «бытие» для того, чтобы сказать: в начале осмысления предмета познающий человек может зафиксировать в логическом определении главным образом поверхность предмета, и содержанием логического определения будет утверждение того, что что-то есть.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 198—199.

товар по отношению к капиталу выступает как поверхность, как бытие, как непосредственность капитала в капиталистическом обществе, то в свою очередь товар тоже имеет поверхность, свое бытие. Маркс начинает рассмотрение капитала с товара, а рассмотрение товара с потребительной стоимости и затем переходит к изложению стоимости самой по себе. Потребительная стоимость в товаре есть то, что прежде всего бросается в глаза, что непосредственно дано. Между тем стоимость есть внутреннее, опосредствованное, сущность товара. «В XVII столетии, — пишет К. Маркс, — мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения меновой стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлектированные — словами романского происхождения»⁶.

Потребительная стоимость рассматривается К. Марксом сначала главным образом как таковая, сама по себе, т. е. в относительной изоляции от стоимости. В этом отношении ее связь со стоимостью и, значит, ее существование в качестве потребительной стоимости товара еще не определено, неопределенно. Но вместе с тем, что пока еще неявно для читателя «Капитала», потребительную стоимость К. Маркс характеризует в качестве носителя стоимости. Первоначально на связь потребительной стоимости со стоимостью Маркс скорее указывает, что она есть. Однако, какова именно эта связь — выясняется по сути дела лишь по мере рассмотрения стоимости и рассмотрения потребительной стоимости в свете стоимости.

Характеристика категории бытия в качестве категории мышления, в которой фиксируется непосредственность предмета и непосредственность знаний о нем, вполне совпадает с известным высказыванием В. И. Ленина: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков *ход и естествознания и политической экономии* [и истории]. Диалектика Гегеля есть, постольку, обобщение истории мысли»⁷.

Общее развитие мысли К. Маркса в «Капитале» также совершается от бытия к сущности. Сущностью капитала является производство прибавочной стоимости. И ход мысли К. Маркса в «Капитале» от товара к деньгам и затем к процессу производства капитала в диалектико-логическом отношении есть ход мысли от бытия, от поверхности, от непосредственности капитала, т. е. от сферы простого товарно-денежного обращения, к сущности капитала. Мы не имеем здесь возможности подробно рассмотреть этапы, ступени, последовательность категорий мышления в этом изложении и поэтому лишь отметим, что в ходе развития мысли Маркса от бытия к сущности категорий, в которых это развитие осуществляется, не только координированы, но и строго субординированы.

Движение, развитие изложения К. Маркса, углубляющегося от бытия, поверхности к сущности, по своей последовательности в общем и целом совпадает с ходом изложения логики Гегелем, но вместе с тем существенно отличается от него по содержанию и даже по форме. У Гегеля, поскольку он является идеалистом, переход от категории к категории осуществляется чисто логическим путем и притом логические

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 44.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 298.

категории наделяются способностью самодвижения, факты выступают лишь как полностью подчиненные моменты самодвижения мышления. Маркс именно вследствие материалистического характера своих воззрений, переходя от одной логической категории к другой, всякий раз обращается к предмету, существующему вне и независимо от познающего человека, данному практически, данному в живом созерцании. От фактов, данных живого созерцания зависит: быть или не быть тому или иному логическому переходу, они существенно влияют и на то, как именно совершается этот переход. Не только переходы от одной категории к другой, но и содержание, определенность самой логической категории у Маркса существуют лишь в единстве с процессом переработки фактов, данных живого созерцания в понятия.

Гегель абсолютизирует, превращает в самостоятельную существующую и самодвижущуюся одну, но действительно имеющуюся в познании, в научном изложении сторону: категории мышления и связь между ними именно как категориями мышления. Гегель не только превращает мышление в совершенно самостоятельно существующее, самодвижущееся, но и экстраполирует по сути дела мышление об определенном предмете, ибо он действительно изучал все-таки определенные предметы: историю философии, политическую экономию и т. д., на мир в целом.

Идеализм Гегеля сказался с неизбежностью на самой «структуре» его логики. В частности (но это весьма существенная частности) в сфере бытия, поверхности Гегель различает активную и пассивную стороны. Пассивной стороной является качество, активной стороной — количество. Именно изменение количества приводит к переходу от одного качества к другому, к мере. Чтобы быть последовательным, Гегелю необходимо было бы различать пассивную и активную стороны и в сфере сущности. Однако он не осуществляет более или менее отчетливо и последовательно этого различения. Между тем с позиций диалектико-материалистического понимания такое различие должно быть. В сфере сущности пассивной стороной является единство, тождество, а активной стороной — различие, разность, противоположность. Подобно тому как мера есть единство качества и количества, так развитое единство тождества и различия в сфере сущности есть противоречие. И как изменение количества приводит в конце концов к коренному изменению качества, к новой мере, так различие в конце концов приводит к отрицанию данной сущности и переходу к другой сущности.

Развитие мысли К. Маркса в «Капитале» совпадает по форме с последовательностью логики Гегеля не только на отрезке от бытия к сущности, но и далее. Для всего хода изложения Марксом предмета исследования в «Капитале» характерны отмеченные выше принципиальные отличия. И все же. Во втором томе Маркс начинает как бы возвращаться к исходному пункту. В первом отделе первого тома он воспроизводит товарно-денежное обращение, а затем переходит через рассмотрение превращения денег в капитал (второй отдел первого тома) к процессу производства капитала. Во втором томе К. Маркс от производства возвращается к обращению, т. е. идет в обратном направлении: не от поверхностной сферы к более глубокой, а от более глубокой к менее глубокой. Однако Маркса уже не интересует простой товар и простые деньги сами по себе; объектом его рассмотрения становится процесс обращения капитала, т. е. то, каким образом капитал проявляется в сфере обращения. Поэтому Маркс исследует уже, например, не просто товар, а капитал в форме товара, не просто деньги, а капитал в форме денег. Маркс во втором томе рассматривает

явление капитала. Явление есть бытие, поверхность предмета, но бытие, изучаемое лишь постольку, поскольку в нем «просвечивает» сущность. В третьем томе К. Маркс продолжает двигаться к поверхности, как бы возвращаться к бытию. Определяя предмет исследования третьего тома «Капитала», Маркс пишет: «Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства (единства процесса производства и процесса обращения капитала. — В. В.). Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*. В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид [Gestalt] капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступает лишь в качестве особых моментов. Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»⁸.

Мы привели довольно большую цитату, ибо в ней весьма рельефно Маркс говорит о логической сути третьего тома. Совершенно очевидно, Маркс полностью осознает, что и во втором и в третьем томах он как бы возвращается к поверхности буржуазного общества. Однако третий том отличается от второго тем, что К. Маркс уже отображает не просто процесс обращения капитала и даже не единство производства и обращения капитала вообще (последнее имеет место уже в третьем отделе второго тома), а именно формы, вытекающие из единства производства и обращения капитала, иначе говоря, расчлененность движения капитала как целого. В диалектико-логическом плане речь идет о рассмотрении в рамках главным образом категории действительности. Категория действительности, если прибегать к кратким определениям (в полной мере содержание этой, как и всякой другой диалектико-логической категории может быть дано лишь при достаточно подробном изложении системы, внутренней связи категорий), означает следующее: действительность определенного предмета есть совокупность форм, в которых осуществляется единство сущности и явления. Уже исследуя явление, К. Маркс шел от сущности к поверхности, но тогда поверхность, «просвеченная» сущностью, и сущность выступали прежде всего как различные друг от друга. Так, процесс обращения капитала изучается К. Марксом после процесса производства капитала, а не наоборот. И в самом расположении материала сказывается определенная связь между ними. Более того, и по существу процесс обращения берется не как таковой, а как обращение уже произведенного капитала, т. е. в единстве с производством капитала. И тем не менее в общем и целом доминирует рассмотрение процесса обращения капитала самого по себе. Однако в этих рамках изучается и процесс перехода от рассмотрения процесса обращения капитала самого по себе к рассмотрению единства производства и обращения капитала как господствующему аспекту изучения предмета. В последнем, третьем отделе второго тома «Капитала» излагается в общей форме единство процессов производства и обращения капитала. В третьем же томе специальное изучение единства этих процессов выдвигается на первый план, становится главенствующим. Изложение (и исследование) в полной мере как бы возвращается к поверхности. Но это уже не совсем та поверхность, с кото-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 29.

рой было начато изучение (не простые товар и деньги), здесь изучаются те стороны поверхности, от которых ранее происходило отвлечение (прибыль, товарно-торговый капитал и т. д.).

Таким образом, научное исследование политической экономии капитализма, осуществленное К. Марксом, подтверждает то обстоятельство, что Гегель верно угадал (именно угадал) общую последовательность форм мышления, отображающего развивающийся предмет, общую последовательность форм мышления одного, элементарного витка спирали: от бытия (поверхности) к сущности, от сущности к явлению и действительности. Но для Маркса это движение не есть самодвижение мысли. К. Маркс не абсолютизирует, в противоположность Гегелю, чисто логическую связь категорий, а показывает, что движение мысли возможно лишь в единстве и как единство с переработкой данных живого созерцания предмета, существующего вне и независимо от мыслящего человека.

Логика «Капитала» и в чисто логическом отношении не сводится к этому элементарному витку, она более сложна, чем логика Гегеля. Однако прежде чем это логическое отличие может быть охарактеризовано и для его характеристики необходимо высказать ряд сравнительно общих рассуждений. Логика «Капитала» — это логика отображения определенного, исторически возникающего и преходящего предмета, логика определенной ступени развития, качественно и по сущности отличающейся от предшествующей и последующей ступеней, а не логика данной ступени как непреходящей, как венца развития, как такой, по сравнению с которой предшествующее развитие есть исключительно движение к этой ступени.

Маркс в «Капитале» предпочитает логический способ изложения (и исследования). Причины такого предпочтения четко разъясняет Ф. Энгельс в рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии». Логический способ господствует при изучении ставшего, созревшего предмета. Логический способ имеет дело с уже возникшими, уже развитыми сторонами предмета. «...Мы в нашем исследовании, — указывает К. Маркс в экономической рукописи 1857—1858 гг. этом черновом наброске «Капитала», — имеем дело с уже сложившимся, движущимся на своей собственной основе буржуазным обществом»⁹. Это высказывание отнюдь не носит случайный характер. В этой же рукописи Маркс со всей силой подчеркивает ту же мысль: «Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при развитии экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове дан субъект — в данном случае современное буржуазное общество — и что категории выражают поэтому формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что поэтому оно *также и для науки* возникает отнюдь не только тогда, когда о нем *как таковом* впервые заходит речь. Это соображение следует иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие основания для расчленения предмета»¹⁰.

На первый взгляд может показаться, что Маркс полностью придерживается гегелевского понимания логического способа. В самом деле, ведь Гегель фактически рассматривал современное ему мышление и располагал категории логики соответственно их месту и значению в современном ему мышлении. И тут ему едва ли можно что-либо воз-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 200.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 732—733.

разить. Но Гегель, помимо этого, представил дело так, будто дальнейшее развитие мышления невозможно, а предшествующее развитие ведет лишь к настоящему состоянию и потому по своей сущности не отличается от настоящего, современного мышления. Таким образом, он абсолютизировал логический способ, превратив историческое рассмотрение в сугубо подчиненное логическому, совершенно несамостоятельное. Напротив, у К. Маркса, хотя логический способ в «Капитале» и господствует, даже внутри самого логического способа обнаруживается его единство с относительно самостоятельным историческим способом изложения (и исследования). Мы уже отметили, что в противоположность Гегелю Маркс исходит из понимания предмета как исторически возникшей и преходящей ступени развития. А отсюда следует, что при логическом отображении данной ступени (капитализма) должен быть логически изображен и процесс ее возникновения и процесс ее отрицания.

Товар по отношению к капиталу изображается в «Капитале», если иметь в виду диалектико-логический аспект, под углом зрения бытия, поверхности, простейшего отношения капитала. Движение изложения в «Капитале» от товара к деньгам и от денег к капиталу есть отображение возникновения предпосылок предмета, поскольку это движение сохраняется в преобразованном виде в движении уже сложившегося предмета.

При логическом изображении упомянутого процесса образования предпосылок капитала обнаруживается еще один виток спирали движения мысли. Товар сам имеет поверхность, бытие. Таким бытием оказывается потребительная стоимость товара. Товар обладает сущностью (ею является стоимость). К. Маркс в процессе мысленного отображения товарных отношений идет от бытия, поверхности товара к его сущности, а затем начинает как бы возвращаться к поверхности, бытию. Так, после изучения потребительной стоимости и стоимости он рассматривает формы проявления стоимости и показывает, что стоимость может проявляться лишь через отношение потребительных стоимостей, через свою противоположность. Однако если вначале, до изучения стоимости, потребительная стоимость изучалась главным образом сама по себе, то в формах проявления стоимости она интересует К. Маркса лишь постольку, поскольку в ней, через нее, благодаря ей обнаруживается стоимость. Формы проявления стоимости есть явление товара. Наконец, процесс обмена, деньги в их функции (и особенно в их функции денег как денег) есть действительность товара.

Итак, начальный отрезок первого, названного нами элементарным, витка спирали сам в свою очередь является витком спирали. И это обстоятельство можно фиксировать лишь со специфически марксовыми, но ни в коем случае не с гегелевскими принципиальными позициями.

Наконец, в кратком анализе логики «Капитала» необходимо отметить еще одну ее существенную особенность. Так как данная ступень развития отрицает сама себя и переходит в более развитую ступень с иной сущностью, то должна существовать и быть выявлена логика отрицания предметом самого себя. В рамках данной (капиталистической) ступени развития, доказывает К. Маркс, могут сформироваться лишь исторические предпосылки последующей ступени, но ни в коем случае не сущность более развитой ступени общества. Анализ «Капитала» показывает, что развитие данного предмета может быть рассмотрено специально с точки зрения образования исторических предпосылок последующей ступени, с точки зрения необходимости гибели данного предмета (капитализма). Эта сторона дела фиксируется в следую-

ших основных диалектико-логических категориях: качество, количество, мера отрицания предметом самого себя. Так, в изменении органического строения капитала видна мера существования капитализма: переменный капитал относительно уменьшается и в пределе (понимаемом в математическом смысле) стремится к нулю.

Следовательно, «элементарный» виток спирали сам является начальным отрезком иного витка спирали.

Так как К. Маркс исследует не только настоящее, но через настоящее и в настоящем вскрывает его связь с прошлым и будущим развитием, в логике «Капитала» имеется не один, а три основных витка спирали в мысленном отображении предмета.

Таким образом, логика «Капитала» внутренне связана с диалектическим материализмом. Философская позиция автора «Капитала» определяет даже ее сугубо логическую «структуру», ее логическое строение. Логика «Капитала» не только устраняет противоречия и непоследовательности логики Гегеля, но и представляет собой более высокий и действительно научный уровень развития диалектической логики.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ В ТРУДАХ К. МАРКСА

(исторический аспект)

Создание и развитие теории общественно-экономических формаций К. Марксом и Ф. Энгельсом — одна из величайших заслуг основоположников марксизма, сохраняющая свое значение и для современной эпохи. Причем важное значение имеют не только те идеи, которые можно ныне использовать непосредственно, но и вся совокупность воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса, взятая в развитии. Диалектическое понимание теории общественно-экономических формаций есть рассмотрение ее в процессе развития, с точки зрения того, как она возникла, какие главные стадии проходила, и с этой точки зрения надо смотреть, чем она стала теперь и чем будет в дальнейшем.

— Учение К. Маркса об общественно-экономических формациях прошло стадии подготовки предпосылок, возникновения, формирования и развития на своей собственной основе.

Первая стадия — стадия подготовки предпосылок. Это был переход К. Маркса от революционного демократизма к коммунизму и от идеализма к материализму. В конце этой стадии К. Маркс становится на позиции рабочего класса, выявляет его историческую миссию, делает вывод об определяющей роли сферы частных интересов (преимущественно гражданского общества) по отношению к государству, т. е., согласно тогдашним воззрениям К. Маркса, сфере общих интересов. Прежде чем прийти к этому выводу, фактически к выводу об определяющей роли сферы гражданского общества во всей жизни общества, К. Маркс сначала считал, что такую роль в жизни общества играет философия, а затем он пришел к выводу, что эта роль принадлежит политике.

Вторая стадия — стадия возникновения. Перейдя окончательно на позиции рабочего класса, К. Маркс осознает, что рабочие, так как они не имеют частной собственности и живут за счет своего труда, скорее являются почвой гражданского общества, общества, относящегося к сфере частных интересов (частный интерес понимается им преимущественно как сугубо частный, своекорыстный), чем входят в него. Наукой об обогащении, по сути дела, о гражданском обществе, служит политическая экономия, которая, как показал Ф. Энгельс уже в «Набросках к критике политической экономии» (оказавших большое влияние на К. Маркса), исходит из факта частной собственности как из данного. С тех пор начинается развитие марксизма в единстве трех его составных частей (первоначально мало отдифференцировавшихся друг от друга). Первым трудом такого рода и стали «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса. Во всех последующих его произведениях присутствует, пусть не совсем явно, это единство.

К. Маркс осмысливает в упомянутых рукописях положение вещей и с философской, и с социально-политической, и с экономической сторон, но преобладает философское исследование буржуазной политэкономии с позиций рабочего класса. На материале работ самих буржуазных экономистов он показывает, что отчужденный труд рабочего лежит в основе развития всего современного общества. Идея о роли отчужденного труда в жизни общества — центральная идея «Экономическо-философских рукописей 1844 года» — представляла собой догадку о роли производственных отношений в жизни общества, о диалекти-

ке производительных сил и производственных отношений. Уже здесь К. Маркс понимает основополагающую роль труда в жизни общества. А труд фактически представляет собой отношение людей к природе. Вместе с тем К. Маркс выделяет в качестве самого глубинного фундамента современного общества отчужденный труд. Отчужденность же труда в действительности есть отношение между людьми по поводу труда. Однако идеи о роли общественных отношений в производстве, в жизни общества, о диалектике производительных сил и производственных отношений только нащупываются К. Марксом. В самом деле. Во-первых, отчужденный труд — форма труда, присущая только некоторым стадиям развития человечества; во-вторых, в этой идее еще не различены вполне осознанно отношения рабочих и капиталистов как сугубо индивидуальные и как классовые, т. е. как определенного рода общественные отношения между ними; в-третьих, хотя К. Маркс и понимает труд рабочего как основополагающий в современном обществе (под трудом рабочего имеется в виду, по существу, физический труд), однако он еще не выделяет во всеобщей форме материальные общественные отношения людей в отличие от общественного сознания.

Третья стадия — стадия формирования. На этой стадии догадка развивается в научную гипотезу об определяющей роли в жизни общества диалектики производительных сил и производственных отношений, о структуре общества, о закономерных исторических формах развития общества, имсущих в своей основе соответствующие исторические формы диалектики производительных сил и производственных отношений.

Превращение догадки в научную гипотезу общественно-экономических формаций произошло в процессе идейной борьбы с испролетарской идеологией в трех областях знания — философии, политике, политэкономии. Тем не менее главную роль в переходе от догадки к названной гипотезе сыграли философская критика всей послегегелевской, идеалистической философии (в том числе и философии Фейербаха, который во взглядах на общество оставался идеалистом) и осмысление К. Марксом под этим углом зрения всех своих взглядов.

Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс пришел к идее о решающей роли труда, производства в жизни общества. Критика Л. Фейербаха с позиций рабочего класса, с позиций борьбы за обобществление собственности позволила выявить, во-первых, то обстоятельство, что взгляд на общество как на сумму изолированных индивидов, связанных природной связью, необходимостью поддерживать свое существование, есть точка зрения старого общества, и, во-вторых, то обстоятельство, что сущностью человека в действительности является ансамбль общественных отношений, а поддержание физического существования образует необходимую предпосылку этих отношений. Соответственно в производстве люди предстали как находящиеся в производственных отношениях друг с другом и как относящиеся к природе, причем отношение людей к природе в производстве выступило в качестве необходимой предпосылки их производственных отношений.

Участие в реальной борьбе за улучшение положения рабочего класса и всех трудящихся, в борьбе, не ограничивающейся изменением этого положения только в мыслях, вело К. Маркса и Ф. Энгельса при осознании ими задач этой борьбы к идее разделения общественной жизни на общественное бытие и общественное сознание и к идее первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания.

Впервые учение об общественно-экономических формациях на уров-

не научной гипотезы было выражено в рукописи «Немецкая идеология» (1845—1846), а затем оно нашло выражение в работе К. Маркса «Ниццета философии» и в работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии». В этих трудах основоположников марксизма завершается стадия формирования учения об общественно-экономических формациях и начинается развитие его на своей собственной основе.

В революции 1848—1849 гг. учение об общественно-экономической формации проходит первую практическую проверку.

В 50—60-е годы учение об общественно-экономических формациях превращается из научной гипотезы в научную теорию. Это превращение происходило главным образом в процессе создания К. Марксом теории прибавочной стоимости. В 50—60-е годы К. Маркс проделал гигантскую работу по фактическому, детальному и систематическому исследованию капиталистической общественно-экономической формации как исторически преходящего и исторически возникшего «органического» целого и преимущественно рассмотрел таким образом капиталистические производственные отношения. Это означало, что К. Маркс изучил сущность, внутреннее строение производственных отношений одной, наиболее развитой тогда общественно-экономической формации. Такое исследование, во-первых, создавало возможности для детального рассмотрения внутреннего строения докапиталистических общественно-экономических формаций, во-вторых, позволяло выделить в более «чистом виде», чем прежде, категорию «производственные отношения», вскрыть более тонкую «структуру» диалектики производительных сил и производственных отношений и общества в целом, в-третьих, выявило на теоретическом уровне необходимость гибели капитализма и тем самым давало ключ к изучению закономерностей перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

Раскрытие первого и третьего из перечисленных пунктов представляет собой предмет скорее монографии, нежели статьи. Сравнительно более легко пояснить, но в краткой форме, второй пункт.

Уже до революции 1848—1849 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс различали производство, обращение, обмен, распределение. Вместе с тем они полагали, что рабочий продает капиталисту свой труд. Такой взгляд неизбежно предполагает определенное сведение собственно производства к сферам обмена и обращения, ибо именно в последних существует объективная видимость того, что рабочий продает капиталисту труд. Одно из выдающихся достижений К. Маркса в 50—60-е годы — это понимание того обстоятельства, что рабочий продает не труд, а рабочую силу, способность к труду, сам же реализующийся труд есть процесс создания капитала в производстве.

Понимание К. Марксом того обстоятельства, что рабочий продает свою рабочую силу, а не труд, целостное исследование им перехода от обращения, обмена¹, где происходит купля-продажа рабочей силы, к сфере собственно производства, где потребляется рабочая сила, купленная капиталистом, анализ того, как собственно процесс производства капитала определяет обмен, обращение и распределение капитала, означало выявление внутреннего различия и внутреннего единства всех этих различных сфер производственных отношений, а также господствующую роль в этом внутреннем единстве различных сфер производственных отношений собственно производства.

¹ Обращение есть процесс обмена, взятый в целом.

Исследование К. Марксом внутреннего единства и внутреннего различия упомянутых сфер производства, объяснение на этой основе их внешних связей и различий трансформировали понимание частной собственности и собственности вообще². В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и в «Немецкой идеологии» частная собственность, капитал предстают в качестве продукта отчужденного труда. Это утверждение необходимо связано с представлением о продаже рабочим своего труда капиталисту, ибо труд понимается тут как изначально принадлежащий рабочему, а не капиталисту, и лишь отчуждаемый рабочим. Собственно различие проводится между трудом рабочего и капиталом. Если же рабочий продает капиталисту лишь рабочую силу, а не труд, то действительный труд с самого начала есть капитал, а различие между продуктом отчужденного труда и самим отчужденным трудом есть различие внутри капитала, внутри частной собственности, прежде всего это различие между постоянным и переменным капиталом.

Представление К. Маркса о том, что частная собственность, капитал есть только продукты отчужденного труда, это представление, которое он уже до 50—60-х годов преодолевал, но не преодолел полностью, тождественно, по сути дела, пониманию их как вещей. Обнаружив за объективной видимостью сущность, К. Маркс доказал, что частная собственность, капитал есть исторически возникшие и исторически преходящие общественные производственные отношения, проявляющиеся в отношениях вещей. Таким образом, до создания теории прибавочной стоимости К. Марксом, до систематического изучения внутренней взаимосвязи производства, обмена, обращения, распределения не могли быть достаточно последовательно выделены производственные отношения в собственно процесс производства в отличие от производственных отношений в обмене, обращении, распределении, а следовательно, не мог быть детально и достаточно последовательно рассмотрен конкретный «механизм» взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Исследование капиталистических производственных отношений как исторически возникшей и исторически преходящей целостности дало также возможность К. Марксу выявить противоречие, пронизывающее все производственные отношения.

Еще до 50—60-х годов К. Маркс выделил как имеющие существенное значение для понимания истории двоякого рода отношения: отношение людей к природе и отношения людей друг к другу; он сформулировал идею диалектики производительных сил и производственных отношений. Но так как внутреннее строение производственных отношений еще не стало предметом специального систематического изучения, то и различие производственных отношений и производительных сил по их внутреннему строению еще не было изучено им специально.

В 50—60-е годы главной задачей стало исследование внутреннего строения капиталистических производственных отношений³, акцент

² В дискуссиях по вопросу о собственности, а также об отчуждении это обстоятельство не учитывается.

³ К. Маркс исходил из убеждения, что в капиталистической действительности производительные силы достигли в общем и целом того уровня и приобрели такой характер, которые необходимы и достаточны для совершения пролетарской революции, и что главная задача состоит в коммунистическом преобразовании капиталистических производственных отношений. Поэтому он сосредоточил внимание преимущественно на изучении капиталистических производственных отношений и обосновании зрелости производительных сил для пролетарской революции.

сместился на их характеристику как внутри себя включающих отношение людей к природе. С самого начала систематического рассмотрения производственных отношений капиталистической общественно-экономической формации обнаруживается их двойственность. Сначала эта двойственность предстает как внешняя связь производственных отношений с отношением к природе, а затем раскрывается, что производственные отношения есть и внутри себя отношение людей друг к другу через их отношение к природе.

К. Маркс начинает характеристику производственных отношений капиталистической формации со сферы обмена (обращения), ибо именно господство обмена товаров, подчинение производства рынку специфично для капиталистических производственных отношений. Он показывает, как в сфере обмена (обращения) обнаруживается распределение средств производства, предметов индивидуального потребления.

Затем К. Маркс исследует в «Капитале» производственные отношения в сфере собственно производства, обосновывает в конечном счете определяющую роль этой сферы, после чего возвращается (во II томе) к обмену (обращению), но уже не к обмену (обращению) товаров, а к обмену (обращению) капитала, т. е. к обмену (обращению) как совершающемуся на основе производства. В III томе К. Маркс опять переходит к рассмотрению распределения, теперь уже распределения как основанного на производстве и опосредствованного обменом и обращением. Следует заметить, что свою работу над «Капиталом» К. Маркс не завершил.

Не только характер рассмотрения обмена (обращения), производства, распределения (и — надо добавить — потребления), но и последовательность их изучения — как вытекает из анализа К. Маркса — специфичны для исследования капитализма, а значит, не могут быть полностью воспроизведены при исследовании других формаций. Однако из этого исследования К. Маркса вытекают, по крайней мере, следующие методологические положения, применимые при изучении любой общественно-экономической формации: разные сферы производственных отношений в разных формациях играют разную роль; начинать рассмотрение формации надо с той сферы производственных отношений⁴, которая в данной формации играет определяющую роль.

При исследовании производственных отношений К. Маркс раскрывает отношение людей к природе и как предпосылку общественных (тут — капиталистических) отношений производства, и (преимущественно) как внутренний момент производственных отношений, и как средство развития производственных отношений, и как условие, которое на определенном этапе порождает необходимость упразднения этих производственных отношений. Он доказывает, что самой глубокой сферой производственных отношений являются производственные отношения в самом процессе производства. Внутренняя двойственность производственных отношений в процессе производства позволяет познать самый глубокий уровень диалектики производительных сил и производственных отношений, а следовательно, самое глубокое основание структуры общественно-экономической формации. Преобразование исторической формы этой двойственности есть преобразование «ядра» общественно-экономической формации.

⁴ Мы употребляем здесь понятие «производственные отношения» в широком смысле слова, т. е. включаем сюда отношения не только собственно производства, но и распределения, обмена, обращения, потребления в его связи с производством. В узком смысле к производственным отношениям относятся только отношения собственно производства.

Внутренняя двойственность производственных отношений, как ее, по нашему мнению, понимал К. Маркс, состоит в отношениях людей друг к другу в производстве по поводу компонентов их производительного отношения к природе.

Источник развития общественно-экономической формации и его отражение предстают в трудах К. Маркса как процесс, совершающийся в единстве внутреннего и внешнего. Сведение источника развития к внутреннему характерно для идеалистической диалектики Гегеля. Напротив, сведение источника движения к взаимоотношению лишь внешних друг к другу процессов, предметов характерно для метафизического понимания движения, развития. Реально источник движения, развития существует как противоречивое единство внешнего и внутреннего, причем это противоречие «проникает» в каждую из сторон единства. Источник движения, развития общественно-экономической формации, как он предстает на основании исследования, проведенного К. Марксом в «Капитале» и «примыкающих» к нему экономических трудах, заключается во взаимодействии производительных сил (внешнего) и производственных отношений (внутреннего), во взаимодействии, которое «пронизывает» каждую из его сторон. Самый глубокий уровень этого взаимодействия есть взаимодействие внутри производственных отношений процесса производства. Но взаимодействие чего-либо с самим собой, т. е. внутреннее взаимодействие, и есть не что иное, как взаимодействие внутри себя с чем-то внешним, «проникшим» внутрь этого процесса, предмета.

К. Маркс в «Капитале» и в других экономических произведениях сосредоточивает свое внимание на капиталистических производственных отношениях. Производительные же силы он рассматривает по преимуществу постольку, поскольку это необходимо для характеристики развития производственных отношений. Такой акцент в исследовании соответствовал современной К. Марксу коренной потребности развития человечества — потребности в упразднении капиталистических производственных отношений как главного препятствия на пути прогресса человечества.

Анализ К. Маркса показывает, что противоречие между производственными отношениями данной формации и производительными силами, а также внутреннее противоречие этих производственных отношений возникают вместе с появлением этой формации. Соответствие данных производственных отношений определенной ступени развития сил не означает отсутствия противоречий как между производственными отношениями и производительными силами, так и внутри производственных отношений. Соответствие производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил означает, что названные противоречия обуславливают прогресс производительных сил, что при данных производственных отношениях они функционируют и развиваются лучше, быстрее, эффективнее, чем при каких-либо других.

К. Маркс в «Капитале» впервые доказывает на теоретическом уровне, что производственные отношения определяются в конечном счете уровнем и характером развития производительных сил, а то, насколько и как используются возможности, тающиеся в производительных силах, зависит от производственных отношений. Производительные силы характеризуют возможность воздействия общества на природу, однако действительными производительными силами они становятся лишь в единстве с производственными отношениями.

Производительные силы заключают в себе спектр различных возможностей своего использования. Та или иная реализация этих воз-

возможностей зависит от того, каковы производственные отношения. Между производительными силами и производственными отношениями нет непосредственной связи. Возможности данного уровня и характера производительных сил могут реализоваться по-разному. Ускорение или торможение производственными отношениями развития существующих производительных сил, сохранение старых производственных отношений или замена их новыми происходят, как показал К. Маркс, закономерно.

В «Капитале» К. Маркс теоретически обосновывает, что с установлением господства машинного производства производительные силы созревают для пролетарской революции (в том числе созревает и рабочий класс как главная производительная сила), что становятся развитыми и по мере дальнейшего развития капитализма все больше углубляются противоречия между растущими производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. С развитием производительных сил постоянный капитал стремится к бесконечному развитию, а переменный капитал стремится к нулю, ибо соотносительно с применяемыми средствами производства применение живого труда все уменьшается. Между тем капитал существует лишь как самовозрастающая стоимость, а самовозрастание стоимости создается живым трудом, трудом рабочего. Капитализм собственным развитием подрывает основу своего существования. Однако его существование станет абсолютно невозможным лишь при полной автоматизации производства. Капитализм с точки зрения его самых глубинных закономерностей может гнить бесконечно. Автоматический крах капитализма, как следует из теории прибавочной стоимости, невозможен. Капитализм необходимо свалить, и для этого требуются революционные усилия рабочего класса и его партии. Следовательно, марксизм по самой своей сути несовместим с «теориями» автоматического краха капитализма, с «теориями» хвостизма и тому подобными псевдотеориями.

Раскрытие сущности капиталистических производственных отношений как исторически возникающих, развивающихся и преходящих, создание теории прибавочной стоимости позволили уточнить понимание строения капиталистического общества в целом, углубить воззрения на специфику капиталистической общественно-экономической формации по сравнению с другими, углубить понимание оснований периодизации истории человечества. Самое важное в развитии взглядов К. Маркса на строение капиталистического общества в целом и строение общественно-экономической формации вообще заключалось в том, что в процессе создания теории прибавочной стоимости К. Маркс достиг существенно более глубокого уровня выделения производственных отношений в чистом виде. Это позволило дать К. Марксу классическую формулировку материалистического понимания истории в Предисловии «К критике политической экономии». В отличие от предыдущего специального изложения материалистического понимания истории (в труде К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология»), где производственные отношения до некоторой степени еще отождествлялись с обращением, с отношениями общения вообще, с правом собственности, здесь на качественно ином уровне К. Маркс отличает производственные отношения и от производительных сил, и от надстройки, от форм общественного сознания. Создание теории прибавочной стоимости было теоретическим раскрытием сущности капитализма, а следовательно, позволяло теперь уже на уровне сущности отличить капиталистическую общественно-экономическую формацию от других. Кроме того, саму сущность капитализма невозможно было выделить без более

глубокого и широкого, нежели до создания теории прибавочной стоимости, сравнения капитализма с другими общественно-экономическими формациями.

Однако тут следует сделать весьма важное замечание. В процессе создания теории прибавочной стоимости главной задачей К. Маркса было исследование экономики капитализма. Другие общественно-экономические формации изучались преимущественно не сами по себе, а постольку, поскольку сравнение с ними имело значение для исследования капиталистической экономики. Поэтому К. Маркс фиксирует их сходство прежде всего для того, чтобы установить отличия именно капитализма от других общественно-экономических формаций. Изучение же этих формаций самих по себе и перехода от одной формации к другой остается задачей, подчиненной исследованию капитализма как образующего собственным развитием необходимых предпосылки своего упразднения. По мере того, как экономическое исследование капитализма близилось к завершению, по мере того, как К. Маркс приближался к изложению той части «Капитала», в которой предстояло систематически вывести из капиталистической экономики капиталистическое государство, он и Ф. Энгельс все большее внимание начинают уделять изучению других общественно-экономических формаций. И это было не случайно. Если сравнительно легко свести капиталистическое государство к капиталистической экономике, если из нее сравнительно просто вывести те или иные отдельные черты, стороны капиталистического государства, то при систематическом выведении исследователь сталкивается с относительной самостоятельностью государства. Современное К. Марксу буржуазное государство зависело не только от экономики капиталистического общества, но и от той формы государства, от той политической надстройки, в процессе преобразования которой оно возникло и сформировалось. А это делало необходимым исследование государства и экономики в докапиталистических обществах, а в конечном счете и анализ возникновения государства, частной собственности и человеческого общества. В свою очередь, углубление в историю, изучение все более отдаленного прошлого создавали возможность для все более глубокого предвидения будущего. Таким образом, систематическое выведение из капиталистической экономики капиталистического государства требовало перехода к систематическому исследованию значительно более широкой проблематики, чем только изучение капиталистической общественно-экономической формации. Но к разработке этой проблематики К. Маркс только начал переходить. Большая часть его мыслей по этому поводу содержится в рукописях, которые не были предназначены им к опубликованию.

К. Маркс создал «Хронологические выписки», в которых он обращает главное, на наш взгляд, внимание на политическую историю, историю государств до капитализма и через эту призму рассматривает образование истории как всеобщей истории. Он изучает также труды, посвященные родовому обществу, общинному устройству.

Интерес К. Маркса к изучению докапиталистических формаций был вызван не только внутренней логикой его исследования капиталистической общественно-экономической формации, но и тем обстоятельством, что революционное рабочее движение все более выходило за пределы развитых капиталистических стран Западной Европы, прежде всего совершался переход к новому этапу революционного движения в России.

Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс конкретизируют свои воззрения на будущее общество. В 1875 г. в «Критике Готской программы»

К. Маркс впервые специально и в обобщенном виде выделяет две фазы коммунистического общества. Еще до создания теории прибавочной стоимости К. Маркс и Ф. Энгельс анализировали различные исторические формы развития общества, выявляли основное направление исторического процесса, необходимую преемственность в развитии общества, специфику капитализма и доказывали неизбежность революции, открывающей путь к коммунистическому обществу.

Что же нового дало создание теории прибавочной стоимости для изучения всех этих вопросов? Самым существенным было раскрытие наиболее глубокой тайны капиталистического общества — специфического непосредственного отношения производителей материальных благ к средствам производства и выяснение конкретного «механизма» этого отношения. Специфика последнего, если выразить ее кратко, состояла, с одной стороны, в том, что производитель был полностью отделен от средств производства и мог распоряжаться только своей способностью к труду, с другой стороны, в том, что средства производства сосредоточились в руках производителей.

К. Маркс достиг самого глубокого уровня понимания капиталистической общественно-экономической формации, а тем самым и понимания основы для научного выделения других исторических форм общества. Вся история классовых обществ в основе своей предстала в качестве процесса отделения производителей от условий производства, а следовательно, и обособления индивидов, классов друг от друга. Социальные силы, созданные людьми, отделялись от них и превращались в чуждые и даже враждебные. Такое развитие частной собственности происходило по мере того, как развивались и приобретали все большую роль в жизни общества орудия производства, не данные природой в готовом виде, а созданные трудом.

Исходным пунктом этого процесса отделения выступило природное единство людей с окружающей средой и друг с другом, при котором производство осуществлялось главным образом с помощью орудий, найденных в природе в готовом виде. «В объяснении нуждается (или результатом некоторого исторического процесса является), — писал К. Маркс в первом черновом варианте «Капитала», — не единство живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой и в силу этого присвоение ими природы, а разрыв между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью развившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала»⁵. Развитие производства в конце концов приводит к тому, что решающую роль начинают играть производительные силы не индивидуального, а общественного характера.

Социалистическая революция устанавливает единство производителей с условиями производства и друг с другом. Но это уже не природное единство, а единство, основанное на труде. Люди овладевают своими социальными силами, подчиняют их себе.

К. Маркс и Ф. Энгельс глубоко сознавали, что упразднение капитализма и создание коммунистического общества есть переход от классово антагонистического общества к бесклассовому, что коммунизм по отношению ко всей прошлой истории общества представляет собой действительную историю человечества по сравнению с предысторией. Вместе с тем современные К. Марксу и Ф. Энгельсу общественные условия вынуждали концентрировать внимание главным образом на за-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 478.

кономерностях, обуславливающих необходимость отрицания капитализма, перехода от капитализма к коммунизму. Нужно было исследовать капитализм в чистом виде, а уж затем, используя результаты этого исследования, рассмотреть докапиталистические общественные устройства, поскольку они так или иначе, в том или ином виде сохранились в современном мире. Поэтому для К. Маркса и Ф. Энгельса на первый план выступило деление на капиталистическую, коммунистическую формации и в прошлом соответственно на первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, а не выделение типов общества, основанных на первобытнообщинной, частной и общественной (коммунистической) формах собственности.

Раскрытие «механизма» производственных отношений капиталистической общественно-экономической формации дало возможность К. Марксу обнаружить глубинное основание для выделения стадий развития этой формации. Простая кооперация, мануфактура, машинное производство выступают как исторические формы производства относительно прибавочной стоимости. Причем высшая из рассматриваемых К. Марксом стадий общественно-экономической формации та, которой достигли тогда наиболее развитые капиталистические страны, и в первую очередь Англия,— стадия зрелости. Стадия зрелости определенной исторической формы производственных отношений есть стадия их развития на адекватной основе. Так, капиталистическое машинное производство достигает зрелости тогда, когда оно начинает основываться на капиталистическом производстве машин машинами.

Основоположники марксизма как первооткрыватели материалистического понимания истории прежде всего и главным образом обнаруживали и раскрывали всеобщее, закономерное, необходимое направление исторического развития путем изучения единичного и особенного.

В современную эпоху акцент, по нашему мнению, несколько иной: огромное значение приобрело изучение особенностей развития тех или иных стран, регионов на основе признания всеобщего, закономерного, необходимого в истории⁶.

К. Маркс и Ф. Энгельс шли в создании теории общественно-экономической формации преимущественно от единичного и особенного к выявлению всеобщего. По нашему мнению, их не интересовал, например, вопрос о том, представляет ли собой азиатский способ производства особую общественно-экономическую формацию или нет. Выяснив, что в основе капитализма как такового лежит отделение производителей от условий, средств производства, К. Маркс и Ф. Энгельс стремились вскрыть и изучить такую всеобщую стадию развития общества, которая была основана на первоначальном единстве производителей с условиями производства.

Если иметь в виду главное направление развития воззрений основоположников марксизма на общество, то можно сказать, что это исследование наиболее развитых в их эпоху капиталистических производственных отношений. Работа была настолько большой, а исследование настолько тщательным, что даже гениальные и чрезвычайные по своей напряженности усилия не позволили ее полностью завершить. Однако сущность капиталистических производственных отношений была вскрыта в их целостности.

⁶ В будущую же эпоху, когда главным станет не переход от капитализма к социализму, а построение коммунизма в мировом масштабе, снова выдвинется на первый план, но уже на новом уровне дальнейшее исследование всеобщего, необходимого в истории. Это будущее возникает уже в настоящее время.

Философское обобщение К. Марксом экономического исследования происходило в ходе этого исследования. Специальное систематическое философское осмысление теории прибавочной стоимости не было осуществлено (к такому осмыслению может быть отнесен, по нашему мнению, намечавшийся К. Марксом специальный труд о методе «Капитала»), что вполне естественно, ибо прежде всего предстояло завершить работу над «Капиталом».

С приближением к завершению исследования экономики капитализма все более настоятельной для изучения капиталистической общественно-экономической формации становится необходимость систематического выведения из производственных (капиталистических) отношений государства (капиталистического), и тем самым вырисовывается перспектива перехода к следующему, еще более крупномасштабному этапу в развитии взглядов на общество, по сравнению с которым исследование капитализма оказывалось частной задачей.

Письмо и наброски письма К. Маркса к В. Засулич, «Хронологические выписки» К. Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, ряд рукописных материалов К. Маркса и Ф. Энгельса свидетельствуют о том, что они переходили к новому циклу исследований.

Таково было главное направление дальнейшего развития взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на общественно-экономическую формацию.

Изучение возникновения, формирования и развития учения К. Маркса и Ф. Энгельса об общественно-экономических формациях есть чрезвычайно важное и необходимое условие его применения и дальнейшего творческого развития. Оно служит незыблемой основой для разоблачения всякого рода фальсификаций марксизма.

Глава вторая

РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Развитие В. И. Лениным теории общественно-экономической формации совершалось в новых исторических условиях на основе, заложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Как элемент теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса теория общественно-экономической формации имела свою, относительно самостоятельную логику развития. Однако характер, направление, выбор путей дальнейшего развития, таившиеся во внутренней логике взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, определялись решающим образом потребностями нового исторического периода. Новизна и величие вклада В. И. Ленина в теорию общественно-экономической формации не могут быть правильно поняты, если не установить как их отличие, так и связь со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса.

В конце XIX — начале XX в. наступает эпоха империализма и пролетарских революций. В мировое революционно-освободительное движение втягиваются Россия и другие страны Восточной Европы, а за ними — страны Востока с сотнями миллионов населения. Центр мирового революционного движения перемещается в Россию, Великая Октябрьская социалистическая революция открывает новую эпоху мирового развития — эпоху, главное содержание которой состоит в переходе от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

В этих условиях особую важность приобрело тесное единство марксистской теории и революционной практики.

Перед В. И. Лениным встали задачи осмысления и развития марксизма в новых исторических условиях, когда капиталистическая общественно-экономическая формация достигла стадии загнивания и умирания. Необходимо было исследовать законы империалистической эпохи, общественный строй России и других стран, втягивавшихся в мировой революционный процесс. Возникла потребность более конкретного изучения «механизма» социальной революции и построения социализма, единства и многообразия путей и форм перехода к социализму различных стран.

Если выразить сказанное в методологическом аспекте, то можно сказать, что К. Маркс и Ф. Энгельс в соответствии с коренной потребностью своей эпохи обращали главное внимание на изучение зрелого капитализма как исторически возникшего и исторически переходящего, а В. И. Ленин, обобщая с позиций марксизма богатейший новый конкретный фактический материал, практику мировой революционной борьбы против капитализма в новых исторических условиях, практику перехода от капитализма к социализму, развил учение о переходе от докапиталистических формаций к капитализму, от низших стадий капитализма к высшим, о стадии умирания (капиталистической) общественно-экономической формации, о «механизме» перехода от капиталистической к высшей, коммунистической формации, о стадиях возникновения и формирования новой, коммунистической формации, о единстве и многообразии путей и форм перехода к коммунистической формации.

В процессе этой работы и в борьбе с врагами марксизма В. И. Ленин также обобщил то, что сделали К. Маркс и Ф. Энгельс.

В. И. Ленин, отвечая на потребности нового исторического периода, сконцентрировал усилия на изучении «перезрелого», умирающего капитализма, на переходе от одной формации к другой и на стадиях возникновения и формирования как капиталистической, так и новой, коммунистической формации.

Революционная практическая и теоретическая деятельность В. И. Ленина началась в России, но она с самого начала имела международное значение, ибо Россия

была звеном капиталистической системы. Теоретическое рассмотрение особенностей революционного движения в той или иной стране с позиции творческого марксизма, с позиции диалектического материализма есть всегда вместе с тем и развитие марксизма в целом, ибо особенное и всеобщее существуют не в отрыве друг от друга, а во внутренней связи, внутреннем единстве. Российские условия были особенными условиями, но вместе с тем Россия с конца XIX — начала XX в. стала центром мирового революционного рабочего движения и в этом смысле особые условия революции в России стали непосредственно всеобщими условиями мирового революционного развития.

90-е годы в России ознаменованы подъемом рабочего движения. В рабочую сферу начинают проникать идеи марксизма. Однако в российском освободительном движении господствует народничество. Народники 90-х годов выражали фактически интересы мелкой буржуазии. Доминирование народничества в российском освободительном движении представляло собой серьезнейшее идейное препятствие на пути успешного развития революционной борьбы рабочего класса.

Метод народников 90-х годов вполне соответствовал их социально-классовой позиции, был характерен для идеологии мелкой буржуазии. Идеологи мелкой буржуазии исходили из убеждения, что можно по произволу сохранять хорошие (по их мнению) стороны общества и устранять плохие. Решающими в истории считались воля и желание тех или иных отдельных личностей. Наличие объективных закономерностей в развитии общества отрицалось. Все мелкобуржуазные идеологи, поскольку они выражали реакционную сторону двойственной природы мелкой буржуазии, придерживались субъективно-идеалистического метода в социологии.

В борьбе с ними В. И. Ленин развил учение об общественно-экономических формациях по ряду существенно важных вопросов.

Говоря об этом, нельзя упускать из виду того, что В. И. Ленин опирался на теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса. В борьбе с народничеством, в процессе критики субъективно-идеалистического метода в социологии, критикуя отрицание объективной закономерности, необходимости исторического процесса, В. И. Ленин отстаивает марксистское понимание развития общества как естественноисторического процесса. Он впервые в марк-

сизме дает развернутое определение того, что такое общественно-экономическая формация.

До выдвижения и обоснования идеи о естественноисторическом процессе развития общественно-экономических формаций социология находилась, строго говоря, на донаучном уровне. Социологи не могли разобраться в сложнейшей сети общественных явлений, вскрыть их закономерные связи, их представления об обществе были хаотическими, во многом произвольными. Пока социологи, пишет В. И. Ленин, «ограивались идеологическими общественными отношениями (т. е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала»¹.

Как отмечал В. И. Ленин, «социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом...»². Дело представлялось таким образом, что люди, действуя в качестве сознательных существ, преследуя свои цели, строят свои общественные отношения сознательно. Однако многочисленные наблюдения свидетельствовали о том, что люди бессознательно приспосабливаются к существующей совокупности общественных отношений и их действия приводят нередко к непредвиденным результатам.

Идея о естественноисторическом развитии общественно-экономических формаций, указывает В. И. Ленин, позволила возвести социологию в ранг науки. Марксистская социология поставила вопрос о происхождении «самых этих общественных идей человека...»³ из материальных общественных отношений. «Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей...) — анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

² Там же, с. 136.

³ Там же, с. 137.

⁴ Там же.

Если прежде не было строгого научного критерия для различения важных и неважных, существенных и несущественных общественных явлений, то «материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»⁵. Производственные отношения были поняты в качестве основных, определяющих все остальные общественные отношения, все остальные области общественной жизни.

Таким образом, В. И. Ленин включает в понятие «общественно-экономическая формация» отражение повторяющегося, общего в общественных порядках различных стран. Причем речь идет не просто об одинаковости общественных порядков тех или иных стран, а об общем, которое выделяется посредством изучения именно наиболее существенного. Имеется в виду не внешняя повторяемость, а существенно общее в общественных порядках различных стран. Существенно общее существует лишь во внутреннем единстве с особенным и единичным, но вместе с тем существенно общее, особенное, единичное не сводятся друг к другу, они существуют и могут быть познаны в их внутреннем единстве друг с другом и в отличии друг от друга. Выделение существенно общего в общественных явлениях, в общественных порядках различных стран имело огромное методологическое значение, ибо позволило перейти от внешнего рассмотрения истории к подлинно научному исследованию общества — к изучению сущности, от описания — к объяснению общественной жизни. Лишь на основе выделения существенно общего стало возможным также подлинно научное исследование особенного, единичного в общественных порядках различных стран, в общественной жизни. «Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им»⁶.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

⁶ Там же.

В. И. Ленин особо подчеркивает то обстоятельство, что выделение такого общего в общественных порядках различных стран было осуществлено благодаря применению материализма к пониманию общества.

Понятие общественно-экономической формации включает в себя не только отражение общих для различных стран производственных отношений. Основная идея Маркса о естественноисторическом процессе развития общественно-экономических формаций, пишет В. И. Ленин, предполагает не только «сведение общественных отношений к производственным», но «и этих последних к высоте производительных сил»⁷. Следовательно, в понятие «общественно-экономическая формация» входит и «отражение соответствующей высоты производительных сил».

Определенную систему производственных отношений В. И. Ленин называет лишь скелетом, или содержанием общественно-экономической формации⁸. «Все дело, однако,— замечает В. И. Ленин,— в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной „экономической теорией“ в обычном смысле не ограничился, что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — оп тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облакал скелет плотью и кровью. Потому-то „Капитал“ и имел такой гигантский успех, что эта книга „немецкого экономиста“ показала ... всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁹.

Следовательно, в понятие «общественно-экономическая формация» В. И. Ленин включает также все остальные общественные отношения, которые соответствуют определенной целостности, системе производственных отношений, вырастают на почве этой системы и объясняются исключительно этими производственными отношениями.

⁷ Там же, с. 138.

⁸ См.: Там же.

⁹ Там же, с. 138—139.

Однако сказанным не исчерпывается ленинская характеристика понятия «общественно-экономическая формация». Понятие «общественно-экономическая формация» образуется не просто при материалистическом понимании общества, но в процессе диалектико-материалистического осмысления общественной жизни. С позиции диалектико-материалистического метода общественно-экономическая формация предстает как особый, развивающийся, социальный организм. «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации... общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»¹⁰.

Понимание общественно-экономической формации как особого, исторически определенного социального организма означает, что все его необходимые стороны, элементы и т. п. внутренне взаимосвязаны, взаимодействуют. И притом решающую роль в совокупности этих связей играет — это неизбежно вытекает из всего сказанного выше — именно взаимодействие исторически определенной системы производственных отношений и достигших определенной высоты производительных сил.

Каждая общественно-экономическая формация, будучи особым, исторически определенным общественным организмом, имеет свои особые (исторические) законы. Главная задача исследования общественно-экономической формации с точки зрения диалектического метода состоит в изучении закона развития этого социального организма, его перехода в иную общественную формацию. «Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»¹¹.

На первый взгляд может показаться, что идея есте-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 165.

¹¹ Там же, с. 166.

ственно-исторического процесса развития общественно-экономических формаций противоречит фактам сознательной деятельности людей, их активности как сознательных общественных существ. Эту видимость пытались использовать против марксизма народники и многие другие противники марксизма. В. И. Ленин в борьбе с врагами марксизма, изображавшими марксизм в качестве учения, отвергающего будто бы роль личности в истории, конкретизировал и развил марксистское понимание соотношения естественно-исторического развития общественно-экономических формаций и роли личности в истории.

В. И. Ленин подчеркивает, что К. Маркс систематически и детально исследовал лишь одну общественно-экономическую формацию — капиталистическую. Идея естественно-исторического развития общественно-экономических формаций до создания «Капитала» была научной гипотезой, а создание «Капитала» означало ее превращение в научную теорию.

Однако значение Марковского метода объяснения социальных организмов тем не менее отнюдь не ограничивается одним капитализмом. Будучи проверен систематическим и детальным исследованием одной, капиталистической, общественно-экономической формации, он становится научным методом исследования и других общественно-экономических формаций. «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специально фактическому изучению и детальному анализу... Материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать „единственно научный“, по выражению Маркса („Капитал“), прием объяснения истории»¹².

Таким образом, идея естественно-исторического развития общественно-экономических формаций, по убеждению В. И. Ленина, не заменяя собой фактического исследования некапиталистических формаций и дальнейшего фактического исследования капиталистической формации,

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 143—144.

призвана служить этому фактическому исследованию в качестве метода.

Анализ развития капитализма в России был и анализом особенностей развития российского капитализма и вкладом в марксистскую политэкономия капитализма вообще. Он означал также дальнейшее развитие учения об общественно-экономической формации.

В. И. Ленин исследует главным образом пореформенное развитие России, эпоху, когда происходит переход от феодализма к капитализму и в России начинает доминировать капитализм. Впервые в марксизме В. И. Ленин развернуто анализирует переход от феодализма к капитализму, закономерный переход от одной стадии капитализма к другой.

Формационный анализ общественно-экономического строя России позволил В. И. Ленину выяснить расстановку классовых сил, условия борьбы рабочего класса, выявить возможности, необходимость и пути создания партии нового типа, наметить стратегию и тактику, условия и перспективы победоносной пролетарской революции. Формационное изучение В. И. Лениным общественно-экономического строя России служит теоретической основой стратегии и тактики революционной борьбы рабочего класса в буржуазно-демократической и социалистической революции.

Это изучение дало возможность В. И. Ленину впервые выработать четкую, ясную и верную программу партии рабочего класса. В отличие от Г. В. Плеханова, во взглядах которого явно давало себя знать стремление наложить общую теорию политэкономии капитализма на российскую действительность, В. И. Ленин учитывает своеобразие общественно-экономического строя России, преломление общей теории марксизма через своеобразие положения России.

Своеобразие общественно-экономического строя России В. И. Ленин видел не в сугубо отдельном, не в том, что есть только в России и не может быть ни в какой другой стране. В. И. Ленин пользовался марксистским методом, он исследовал своеобразие России с точки зрения законов общественного развития, всеобщего (производственных отношений, классовой борьбы). А такое исследование по своей природе имеет значение и всеобщее, значение, далеко выходящее за рамки познания только данного особенного.

С самого начала революционная деятельность В. И. Ленина имела международное значение и была по своей сути интернациональной, хотя непосредственно на первом плане стояли задачи, вытекающие из условий России. Первая мировая война изменила акценты. Если раньше В. И. Ленин прежде всего указывал на необходимость учета особенностей развития капитализма в России, то речь в защиту революции о текущем моменте 29 апреля (12 мая) 1917 г. В. И. Ленина начинается следующими словами: «В резолюции о текущем моменте говорить только о русских условиях — ошибка. Война связала нас так неразрывно, что было бы крупной ошибкой, если бы мы игнорировали всю совокупность международных отношений»¹³.

Первая мировая война была результатом, проявлением, формой обострения противоречий всей системы капитализма. Именно в этот период В. И. Ленин создает учение об империализме как высшей стадии капитализма, как кануне социалистической революции, возможности победы социалистической революции в нескольких странах или даже одной, отдельно взятой стране.

В своих исследованиях по империализму В. И. Ленин продолжал марксистское изучение развития капитализма. Ленинское исследование империализма может быть правильно понято лишь как продолжение в новых исторических условиях исследований К. Маркса и Ф. Энгельса.

В. И. Ленин впервые в марксизме дал анализ стадии загнивания и умирания капиталистической общественно-экономической формации. Ранее выделенные стадии были стадиями ее прогрессивного развития. Империализм же есть стадия регрессивного развития капиталистической общественно-экономической формации. Выделение империализма как особой стадии развития капитализма выдвинуло на первый план более широкую, более обобщенную классификацию стадий. Регрессивная стадия, стадия умирания и загнивания капиталистической формации отличается от стадии прогресса капиталистической формации. В свою очередь, прогрессивное развитие капиталистической формации внутри себя имеет ряд стадий.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали прогрессивное развитие капиталистической формации диалектически: прогресс совершается в единстве с регрессом. Так, капи-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 443.

талистически применяемые производительные силы уже с возникновением капитализма имеют разрушительные тенденции. Однако в общем и целом доминирует прогресс. Зрелость капиталистической формации означает и начало поворота от преобладания прогрессивного развития к преобладанию регрессивного развития.

В. И. Ленин анализирует регрессивное развитие (капиталистической) формации также диалектически, в единстве противоположных тенденций развития: регресс происходит в единстве с прогрессом, но на стадии загнивания и умирания доминирует регресс.

Умиравший капитализм отличается от становящегося капитализма не только дальнейшим развитием общественного характера производительных сил, но преимущественно превращением в свою противоположность некоторых основных свойств капитализма как целого. «Импернализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим импернализмом лишь на... очень высокой степени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»¹⁴. «...Товарное производство по-прежнему „царит“ и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано...»¹⁵.

Именно вследствие того, что в свою противоположность превращаются некоторые основные свойства капитализма как целого, В. И. Ленин пишет об импернализме, наряду с определением его как стадии капитализма, так же как об особом общественно-экономическом укладе по сравнению с капитализмом вообще. Именно вследствие этого В. И. Ленин называет импернализм капитализмом, переходным к социализму: «...Импернализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть *уже* умирание капитализма, начало перехода его в социализм»¹⁶.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.

¹⁵ Там же, с. 322.

¹⁶ Там же, т. 30, с. 165.

В. И. Ленин раскрывает не только экономические, но и политические особенности империализма, показывает, что «политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции...»¹⁷.

В. И. Ленин обогатил понимание «механизма» революционного превращения капиталистической общественно-экономической формации в коммунистическую, понимание закономерностей этого перехода и их сознательного использования революционными силами. В. И. Ленин исследует не только государство, политику этого периода, но также производственные отношения, связь политики с экономикой, идеологию борющихся общественных сил.

Впервые в марксизме столь конкретно был проанализирован весь процесс революционного перехода от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической с точки зрения практического и сознательного осуществления этого перехода.

В. И. Ленин формулирует более конкретно, чем К. Маркс и Ф. Энгельс, закономерности перехода от капитализма к социализму, конкретизирует марксистское учение о социализме.

В. И. Ленин развивает марксистское учение о переходном периоде от капитализма к социализму, о периоде диктатуры пролетариата.

«В России диктатура пролетариата, — писал Ленин, — неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством

¹⁷ Там же, т. 27, с. 408.

и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом»¹⁸.

В лекции «О государстве» В. И. Ленин рассматривает в наиболее обобщенном виде учение об общественно-экономической формации. Здесь он характеризует историческое развитие общества и государства, формационное членение развития общества и в связи с задачей лекции определяет значение (в том числе методологическое) такого подхода: «Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.»¹⁹.

Действительное решение методологических проблем, относящихся к учению об общественно-экономических формациях, невозможно без процесса дальнейшего развития этого учения. А дальнейшее развитие учения о формациях с необходимостью предполагает исследование фактов, доставляемых современными конкретными науками, в единстве с исследованием закономерностей возникновения и развития учения о формациях в работах классиков марксизма-ленинизма. Ленинские идеи стали прочным фундаментом дальнейшего развития учения об общественно-экономических формациях.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 272.

¹⁹ Там же, с. 71—72.

Существенный вклад, внесенный в это учение КПСС, другими братскими партиями, определяется задачами практической борьбы за переход к социализму и коммунизму, ибо современная эпоха, начавшаяся Великой Октябрьской социалистической революцией — «эпоха революционного обновления мира, эпоха перехода к социализму и коммунизму»²⁰.

КПСС, другие братские партии, основываясь на ленинских идеях, конкретизировали взгляды на содержание современной эпохи, развили марксистско-ленинские воззрения на стадию умирания, загнивания старого общества — выделили и рассмотрели новые этапы общего кризиса капитализма, разработали дальше вопросы о переходе к социализму, минуя капитализм, о построении основ социализма, об общих закономерностях и национальных особенностях перехода к социализму; создали концепцию развитого социалистического общества.

На XXVI съезде КПСС были намечены научно обоснованные перспективы развития зрелого социализма в экономической, социально-политической и духовной областях жизни общества. Существенно важным является положение, сформулированное в Отчетном докладе ЦК КПСС о том, «что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма»²¹.

Таким образом, развитие учения об общественно-экономических формациях КПСС, другими братскими партиями осуществляется в нескольких основных направлениях: изучение процесса умирания, загнивания капитализма, перехода к социализму развивающихся стран, минуя капитализм, стадий развития социализма, становления коммунистической формации, общего и особенного в процессе перехода к социализму и коммунизму.

²⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речь и статьи. М., 1978, т. 6, с. 577.

²¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53.

В. А. Вазюлин
(г. Москва)

СОВРЕМЕННОЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА

«Капитал» К. Маркса — величайшее экономическое и философское произведение марксизма-ленинизма, а также величайшее произведение научного коммунизма, вся глубина которого до сих пор полностью и всесторонне еще не раскрыта. В качестве экономического труда «Капитал» содержит гениальное изложение¹ великого открытия К. Маркса — теории прибавочной стоимости (такое изложение, с которым не сравнится пока ни один учебник политэкономии). В качестве труда по теории научного коммунизма «Капитал» содержит наиболее глубокое обоснование неизбежности гибели капитализма и революционной смены капитализма коммунизмом.

Очень кратко специфическое содержание «Капитала» можно выразить так. Во-первых, говоря словами В. И. Ленина, «теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...»² Во-вторых, в «Капитале» имеется наиболее глубокое, систематическое, детальное обоснование материалистической диалектики. В-третьих, «Капитал», как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, представляет собой и наиболее глубокую критику не только высших

¹ Во избежание недоразумения следует оговориться, что изложение у К. Маркса в снятом виде включает в себя исследование.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139—140.

стадий развития домарксистской философии, но также всей современной немарксистской философии.

К сказанному можно добавить, что опять-таки по глубине разработки метода научного исследования К. Маркс обогнал науку не только своего времени, но и во многом нашего времени.

Развитие познания любой науки, в том числе и марксизма-ленинизма, представляющего собой научную идеологию, по основному, магистральному направлению невозможно, если творчески не осваиваются высшие достижения познания, уже имеющиеся в науке. Развитие марксизма-ленинизма со времени появления «Капитала» всегда предполагало и ныне предполагает его творческое освоение, ибо «Капитал» по глубине разработки оснований марксизма-ленинизма остается непревзойденным исследованием и было бы заблуждением думать, что марксизм-ленинизм возможно в достаточной мере понять, не обращаясь непосредственно к изучению «Капитала».

Ниже мы остановимся на диалектико-материалистическом методе — прежде всего на способе восхождения от абстрактного к конкретному и соотношении исторического и логического в «Капитале» и на его современном значении.

В «Капитале» содержится наиболее глубокое теоретическое обоснование диалектического материализма. В нем впервые в истории наук и философии целая конкретная наука была развита в ее внутренней связи с сознательных диалектико-материалистических позиций. И до сих пор этот образец недосыгаем. Подобно тому, как материалистическое понимание истории превратилось с выходом в свет «Капитала» из научной гипотезы в теорию, так это произошло и с диалектическим материализмом.

Диалектико-материалистическое богатство «Капитала» ныне изучено в наибольшей мере с точки зрения диалектико-логического аспекта методологии научного исследования, хотя этим изучение «Капитала» отнюдь не завершено.

Способ развития мысли в «Капитале» — это способ восхождения от абстрактного к конкретному. Ни в одной науке, ни в одном произведении способ восхождения от абстрактного к конкретному не представлен в таком развитом виде. В этом отношении метод «Капитала» представляет будущее науки.

В чем же специфика развития способа восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» как произведе-

нии, занимающем особое место в марксизме? Прежде всего в последовательном его применении, развитии и обосновании в ходе исследования и изложения целой науки в ее внутренней связи, а следовательно, в создании и обосновании системы категорий мышления, логически отображающего процесс развития. Причем весь процесс этого исследования К. Маркса был вместе с тем детальной и систематической критикой логики Гегеля и выделением в ней рациональных моментов, ибо Гегель — единственный до К. Маркса философ, который, хотя и на идеалистической основе, попытался развить науку во внутренней связи.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному можно выделить на том материале экономических трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, где они сами специально о нем говорят с использованием примеров из основного текста. Это преимущественно предисловия и послесловия к «Капиталу», введение к «Экономической рукописи 1857—1858 гг.», замечания К. Маркса на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии», рецензия Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии». Так и происходит рассмотрение метода «Капитала» в большинстве случаев. Такой подход возможен, но он недостаточен. Основное богатство методологических идей «Капитала», слитых с самим экономическим исследованием, остается вне поля зрения. Соответственно неодинаково и понимание современного значения «Капитала».

Рассмотрим сначала в общем основные идеи специальных рассуждений К. Маркса и Ф. Энгельса о методе, но и в их связи с пониманием действия метода К. Маркса в реальном конкретном исследовании.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному есть логическое отображение процесса развития, т. е. отображение процесса развития в тех его точках, когда он достиг классической формы, зрелой стадии.

В отличие от идеалиста Гегеля, согласно которому движение восхождения от абстрактного к конкретному означает порождение мыслью самой себя, представляет собой процесс саморазличения понятий внутри себя, К. Маркс характеризует материалистически способ восхождения как способ отображения объекта, существующего независимо от теоретически мыслящей головы и данного теоретику первоначально в форме живого созерцания. К. Маркс исходит из объективно существующего конкретного, реального единства мно-

гообразного, реального процесса развития и рассматривает способ восхождения от абстрактного к конкретному не только как чисто логический способ, способ сугубо самостоятельного развития понятий, категорий, а в его внутреннем единстве с его противоположностью — движением от чувственно-конкретного, от хаотического представления о целом к абстрактному.

Связь понятий, категорий в способе восхождения от абстрактного к конкретному определяется главным образом местом и значением их в уже развитом процессе, в развитом целом. Так как развитый процесс снимает в себе предшествующее свое развитие, то логическое отображение оказывается вместе с тем историческим, хотя и в снятом виде, т. е. в виде, очищенном от исторических случайностей, зигзагов, перерывов, исторической формы.

Таким образом, преобладающий в «Капитале» логический способ исследования и изложения необходимо включает в себя и необходимо предполагает в качестве своего подчиненного момента исторический³ способ исследования и изложения. При этом под историческим способом понимается исследование и изложение процесса развития, когда он еще не достиг своей зрелости, классической формы. Мы употребляем в этом смысле термин «исторический способ исследования и изложения» потому, что в основном именно таково его употребление и действие в экономической ткани «Капитала».

Отображение реального процесса развития осуществляется и логическим, и историческим способами, но первым отражается зрелость процесса, вторым — неразвитый процесс. При этом, употребляя знаменитые слова К. Маркса, «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны», а не наоборот. Значит, логический способ, объект которого — «анатомия человека», есть ключ к применению исторического способа, объект которого — «анатомия обезьяны».

Одновременно с тем отображение зрелого процесса как процесса развития осуществляется только тогда, когда он понимается как снимающий предшествующее развитие, т. е. сохраняющий в преобразованном виде это развитие. Следовательно, логический способ в «Капитале» в диалектическом материализме вообще раскрывает внутренние связи, сущ-

³ Следует отличать исторический способ от принципа историзма в исследовании и изложении, последний означает, по сути дела, принцип развития, а первый — особый способ изложения развития.

ность, внутренние противоречия, единство и борьбу противоположностей в зрелом процессе лишь в необходимом, внутреннем единстве с отображением незрелого, неразвитого процесса. Преобладание логического способа в его диалектико-материалистическом понимании есть преобладание в «рамках» его внутреннего единства с историческим способом. И все же преобладание логического способа в «Капитале» действительно имеет место, на что прямо указывал Ф. Энгельс в своей рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии». История исследуется К. Марксом с позиций теории, теоретически обрабатывается, фиксируется с точки зрения рассматриваемой сущности.

Само же абстрагирование сущности, внутреннего определяется реальной выделенностью ее в самом объекте исследования и реальными возможностями коренного практического преобразования объекта.

Общие подходы к решению проблем восхождения от абстрактного к конкретному, исторического и логического способов исследования и изложения, конечно, очень важны. Но все же главное содержание «Капитала» заключается не просто в общих подходах самих по себе, а в их реализации применительно к целой конкретной науке, в их действии как целостности, системы.

В «Капитале» имеется система категорий конкретной науки — политической экономии капитализма, в которой отображаются развитый капитализм во внутренних, закономерных взаимосвязях его сторон, а вместе с тем история развития капитализма преимущественно в том виде, в каком она снимается в зрелом капитализме.

Но, кроме того, в величайшем произведении К. Маркса неявно присутствует и система категорий логики, диалектики, теории познания, отображающая зрелую стадию процесса развития и снятую в ней историю становления этого процесса.

Последняя система представлена в «Капитале» через первую. Ее относительная самостоятельность выступает более явно в подготовительных трудах К. Маркса к «Капиталу». Очевидно, что специально К. Маркс ее не изложил и поэтому требуется особое исследование с целью ее выделения из системы политэкономических категорий. (Заметим, во избежание недоразумения, что она не может быть ни совершенно сведена к системе категорий политэкономической экономии капитализма, ни абсолютно обособлена от нее).

По нашему мнению⁴, система категорий диалектической логики, отображающая зрелую стадию процесса развития, в его классической форме, имеет необходимо трехвитковое спиралевидное строение, в котором воспроизводится настоящее, прошлое и будущее этого процесса, причем главным образом через призму рассмотрения того, что настоящее образуется из прошлого и превращается в будущее. Все три витка спирали не обособлены, а внутренне едины, проникают друг в друга, но вместе с тем не сводимы друг к другу.

Настоящее отражается в Логике «Капитала» в логическом движении от категорий, в которых отображается процесс развития так, как он выступает до специального рассмотрения сущности (это сфера поверхности или, говоря языком Гегеля, бытия объекта) к категориям, в которых специально отображается сфера сущности объекта. Затем мысль идет от отображения сущности вновь к поверхности, но уже на основе познания сущности самой по себе. Это категории сферы, явления объекта. И, наконец, рассматриваются специально единство явления и сущности и формы этого единства. Употребляя терминологию Гегеля, этот отрезок движения мысли можно назвать отображением действительности объекта.

Прошлое в Логике «Капитала», как мы уже отмечали, сохраняется в снятом виде. Так, товарные отношения, стоимость, т. е. их сущность, сохраняются внутри капитализма как отношения, подчиненные капиталистическим, преобразованные последними. Виток спиралевидного движения мысли, в котором отображается прошлое, в «Капитале» предстает как переход от категорий сферы поверхности (потребительной стоимости) к сфере сущности (стоимости), затем к явлению сущности (формам стоимости) и к действительности, т. е. к формам единства явления и сущности (функциям денег). Но этот виток существует как подчиненный момент витка, обозначенного нами выше.

Все это отображение объекта выступает вместе с тем как подготовка будущего процесса развития, который необходимо придет на смену данному. Отображение будущего в Логике «Капитала» осуществляется также в форме витка, но так как в недрах капитализма сущность нового общества не образуется, а возникают только его предпосылки, то бу-

⁴ Его мы постарались доказать в работах: *Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968* и др.

дущее фиксируется в виде части отрезка витка спирали: движение мысли от поверхности, бытия к сущности.

Эти витки движения мысли внутри себя имеют и более «дробное» закономерное построение, образуются целой совокупностью внутренне единых, внутренне взаимосвязанных категорий Логике «Капитала».

Современное значение «Капитала» К. Маркса зависит от разных подходов к нему: ограничиваются ли рассмотрением метода «Капитала» на материале главным образом «Введения К. Маркса к Экономической рукописи 1857—1858 гг.» и рецензии Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» или опираются на все содержание «Капитала» и примыкающие к нему экономические труды К. Маркса. Одно из существенных различий этого подхода состоит в том, что во втором случае выделяется система Логике «Капитала» как система отображения зрелого процесса развития, в которой в снятом виде отображается и становление этого процесса, и будущее развитие.

Ныне в конкретных науках широко используются системные и структурные представления. Существуют суждения, что они — продукт науки XX в. Однако принципы системно-структурных исследований обосновывались еще в домарксистской классической философии, особенно в философии Гегеля, а затем главным образом в труде К. Маркса «Капитал».

Бесспорно то обстоятельство, что К. Маркс в «Капитале» сознательно стремился показать в процессе строгого научного исследования капиталистическую экономику как систему с ее внутренней организацией, структурой. К сожалению, в опубликованных работах, в которых характеризуется разработка К. Марксом принципов системно-структурного исследования они рассматриваются в плане общей теории систем.

В «Капитале» более глубоко, чем в общей теории систем, исследуется система. В общей теории систем с точки зрения ее отвлеченности от всего остального общее различных систем предстает как общее изолированных, но в чем-то одинаковых систем, т. е. единичное, отдельное понимаются вне внутреннего единства, внутренней связи со всеобщим; всеобщее предстает как внешнее общее, как одинаковость единичного.

Общая теория систем, по нашему мнению, — теория преимущественно формального рассмотрения систем.

«Капитал» же — образец содержательной Логике систем, т. е. образец вычленения и рассмотрения всеобщего как несводимого полностью к особенному и единичному и вместе с тем внутренне единого с особенным и единичным»⁵. Причем в «Капитале» не просто заключены общие подходы к содержательной Логике систем, но и имеется сама система такой логики, относительно самостоятельная и одновременно внутренне единая с системой Логике данной конкретной науки — политической экономии капитализма.

Эта Логика (с большой буквы) «Капитала» применима везде, где перед наукой встает задача отображения собственно развития, и в наиболее полном виде она может быть использована, когда наука воспроизводит зрелый процесс развития. Причем поскольку всеобщее не только относительно самостоятельно, но и внутренне едино с особенным и единичным, то невозможно механическое применение Логике «Капитала» в других конкретных науках как шаблона, а необходимо ее переосмысление под углом зрения той конкретной науки, в которой эту логику пытаются использовать.

Логика «Капитала» — ныне наиболее развитая, классическая форма логики отображения процессов развития. В этом смысле она представляет собой будущее других наук. Процесс развития общества — ключ к процессам развития движения материи в других формах. Не случайно, что наиболее глубокое воспроизведение процесса развития появилось впервые именно в исследовании общества (и притом именно в марксистской политэкономии капитализма). Чем менее развитой является форма движения материи по сравнению с другими формами движения материи, тем в меньшей степени и с меньшей глубиной в настоящее время отражено ее развитие в конкретных науках, изучающих эту форму. Правда, надо сказать, что и тем труднее отобразить развитие формы движения материи, чем менее она развита по сравнению с другими.

Уже ныне конкретные науки находятся на такой стадии, когда перед ними стоят задачи исследования процессов развития. Логика «Капитала» поможет решить эту задачу, если они не пройдут мимо этого логического, методологического богатства. Например, в настоящее время в биологии, а зна-

⁵ С полной отчетливостью наличие в «Капитале» не только логики, но и Логике (с большой буквы), внутренне единой с логикой политэкономии капитализма, обнаруживается в том случае, если рассматривается весь «Капитал», все экономические рукописи К. Маркса.

чит, и в медицине доминирует анализ, расчленение, движение познания от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному. Доминирование синтеза и способа восхождения от абстрактного к конкретному, от специального изучения предмета в его внутренних связях, в его закономерном развитии — все это дело будущего, хотя, конечно, и ныне анализ совершается и должен совершаться в единстве с синтезом, а движение от чувственно-конкретного к абстрактному сопровождаться восхождением от абстрактного к конкретному, от поверхности к сущности. Между тем Логика «Капитала» есть логика доминирования синтеза, логика доминирующего движения от абстрактного к конкретному.

«Капитал» до сих пор остается величайшим произведением эпохи перехода к доминированию синтеза в конкретно-научных исследованиях, в нем логика синтетического исследования, логика движения от абстрактного к конкретному разработаны с такой глубиной и детальностью, которые до сих пор не превзойдены.

Методологическое и мировоззренческое значение «Капитала» для современности велико, а само произведение содержит такое богатство и такую широту и глубину мыслей и фактов, что исследование его далеко не исчерпано.

Глава VIII. РАССУДОЧНОЕ И РАЗУМНОЕ МЫШЛЕНИЕ В РАЗВИТИИ ПОЗНАНИЯ

Понятия рассудок и разум¹ выражают не два совершенно различных мышления, а две стороны развития единого познания. В дальнейшем речь будет идти главным образом о рассудке и разуме как сторонах научного познания, а проблема рассудка и разума применительно к обыденному сознанию и мышлению животных будет затронута в связи с характеристикой рассудочного и разумного мышления как сторон научного познания. От рассмотрения нравственного и художественного мышления мы отвлекаемся.

Предварительно кратко определим, что имеется в виду под понятиями рассудок и разум как сторонами научного познания. В рамках рассудка, или рассудочной способности, понятия предстают в качестве готовых, устойчивых, неизменяющихся, в пределах же разума понятия выступают в их развитии.

Уже здесь необходимо заметить: рассудочное и разумное мышление не есть совершенно то же самое, что метафизический (в смысле антидиалектический) и диалектический методы. В первом случае имеют дело с мышлением, а во втором — с разными способами мышления о мышлении. Отношение рассудочного и разумного мышления нельзя сводить к отношению формальной и диалектической логик, так как последнее отношение есть отношение наук о мышлении.

Однако вместе с тем проблема рассудочного и разумного мышления теснейшим образом связана с проблемой методов мышления и наук о мышлении.

Предварительный характер сказанного выше означает, что оно подлежит в дальнейшем изложении раскрытию и уточнению.

¹ Все люди способны мыслить и рассудочно, и разумно. Но осознают различие между рассудком и разумом не все. Имеется немало людей, которые осознают лишь рассудочную сторону мышления и не осознают разумную, а следовательно, не осознают и различие между рассудком и разумом. Одна из наиболее глубоких причин этого — пленение человека порабощающим его разделением труда, или, применительно к нашему обществу, еще сохраняющимися остатками порабощающего разделения труда. Так, например, специалист по формальной логике может быть (хотя и не обязательно должен быть) настолько пленен своей специальностью, что всякую логику склонен сводить к логике формальной, а разум сводить к рассудку. И тогда различие рассудка и разума ему представляется бессмысленным, безграмотным покушением на достоинство его специальности, в лучшем случае заблуждением, исторически, в прошлом необходимым, ныне же обнаружившим свою неистинность. Не различать рассудочное и разумное мышление значит находиться в этом отношении в конечном счете под неосознаваемым игом порабощающего разделения труда.

Рассудочное и разумное мышление должны быть рассмотрены в их взаимной связи и в связи с общим ходом познания, так как они представляют собой стороны познания.

§ 1. Рассудочное мышление

Диалектический путь познания *истины*, — писал В. И. Ленин, — «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» [4, 29, 152—153]. К. Маркс, критически переосмысливая логику Гегеля и выявляя ее рациональное содержание, выделял движение познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному.

Если соотнести обе эти мысли, то можно убедиться в том, что путь познания к истине от живого созерцания к абстрактному мышлению есть путь познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, а путь познания от абстрактного мышления к практике — это путь, который совершается способом движения познания от абстрактного к конкретному. Нам представляется, что на первом пути практика предстает как *непосредственно* данная, на втором пути *осознается* не только непосредственность, но и всеобщность практики.

Рассудочное мышление непосредственно доминирует на пути познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, от живого созерцания к абстрактному мышлению. Напротив, разумное мышление господствует на пути движения познания от абстрактного к конкретному, от абстрактного мышления к практике.

В реальном человеческом познании как тот, так и другой путь в общем и целом существуют в единстве друг с другом, хотя это единство не всегда осознается и может нарушаться. В реальном человеческом познании рассудочное и разумное мышление не существуют в полном отрыве друг от друга. Тем не менее для первого из названных путей познания характерно именно рассудочное мышление, а для второго — разумное.

Поскольку рассудочное мышление господствует на пути познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, поскольку вообще рассудочное мышление относительно самостоятельно, постольку оно может быть рассмотрено само по себе.

Однако так как в реальном человеческом познании в общем и целом рассудочное и разумное мышление никогда полностью не могут быть оторваны друг от друга, то и рассмотрение рассудочного мышления самого по себе необходимо происходит через *отвлечение от разумного* мышления, то есть через *отрицательную связь* с последним.

Рассудочное мышление, взятое само по себе, есть результат движения познания от хаотического представления о целом, от

чувственного конкретного к абстрактному, от живого созерцания к абстрактному мышлению. Вместе с тем рассудочное мышление представляет собой не только результат, но и одну из противоположных сторон этого пути познания. Другой противоположной стороной, если иметь в виду рассматриваемый путь познания, служит чувственное конкретное, хаотическое представление о целом, живое созерцание.

Чем дальше познание продвигается по названному пути, тем в большей мере развивается различие между абстрактным и чувственно конкретным, между рассудком и чувствами. И наоборот, чем ближе к началу этого пути, тем менее развито различие между рассудком и чувствами.

Рассудочное мышление имеется уже у животных. Ф. Энгельс писал: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция, дедукция*, следовательно, также *абстрагирование*.... анализ незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, *эксперимент* (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и у животных и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами» [1, 20, 537].

Наличие мышления у животных доказано целым рядом исследований. Особенно интересны результаты исследования мышления антропоидов. Так, шимпанзе способны выделять признаки ситуации, существенные для достижения успеха деятельности, и отвлекаться от признаков, несущественных для успеха их деятельности.

Весьма примечателен эксперимент Б. Ренша [см.: 385]. Шимпанзе Джулия пытается открыть ящик, закрытый деревянными шурупами. В ее распоряжении имеется Т-образный железный предмет, заостренный спереди подобно лезвию с достаточно узким и ровным краем. После ряда проб и ошибок Джулия открывает ящик, используя имеющийся у нее предмет в качестве отвертки. Затем ей на выбор предъявляются самые различные предметы, среди которых находятся две отвертки, различающиеся между собой внешне: одна обычная крупная с длинной ручкой, другая — совсем маленькая, изготовленная из красноватого непрозрачного материала. Джулия безошибочно выбирает именно отвертки.

Ренш приводит примеры использования антропоидами различных предметов подобно стамеске, они поддевают крышку заколоченного ящика и после больших или меньших усилий открывают его. В дело пускаются палки, зонты и даже теннисные ракетки.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что животные

обладают способностью к абстрагированию, к образованию чего-то весьма похожего на понятия.

Но деятельность животных, в том числе и антропоидов, — деятельность по поддержанию биологического существования. И признаки, выделяемые антропоидом в приведенных примерах, как существенные для ситуации, в которой он действует, необходимы для удовлетворения биологических потребностей и отражаются в чувственно-образной форме.

Аналогичная ситуация, видимо, наблюдалась и в процессе возникновения человечества. «Известный советский исследователь В. В. Бунак (1951; 1966; 1973) приводит многочисленные аргументы в пользу того, что самые первые понятия представляли собой не строго дизъюнктивные образования, а наглядно-образные репрезентации вещей и событий, в особенности эйдетические репрезентации их изменений в ходе выполнения тех или иных действий. Он рассматривает эйдетическую память как исторически исходную форму памяти человека» [138, 106].

У животных рассудочное мышление происходит в наглядно-образной форме.

По мере становления человеческой речи звуковые комплексы разделяются на возможно более мелкие единицы (фонемы), и из этих единиц образуются все новые комбинации звуков. «С этим связан и другой исключительно важный процесс: отделение устной речи от системы аффективно-эмоциональной оценки успешности практических действий. Происходит замена непосредственной, прямой сигнализации о внутренних состояниях опосредствованным символическим наименованием. Это процесс подстановки символических знаковых форм вместо прямой сигнализации о внутренних состояниях — восприятия, представлениях, понятиях, оценках или схемах действий» [там же, 109].

С образованием речи образуется и мышление в символах и при помощи символов. Рассудочное мышление с образованием речи приобретает две основные формы. Наглядно-образные репрезентации вещей и событий полностью не исчезают из состава человеческого мышления, сохраняются в нем в снятом виде, рассудочное мышление у человека также может осуществляться в наглядно-образной форме. Но вместе с тем рассудочное мышление с образованием речи приобретает и новую форму: оно отделяется от непосредственной связи с чувствами и осуществляется в символах и при помощи символов.

Речь образуется как продукт социального общения, образование речи внутренне связано с образованием рефлексивного мышления. Язык, речь позволяют осуществить рефлексию над собой и окружающей природой.

Но мышление, поскольку оно становится рефлексивным, становится разумным.

Продолжая приведенное выше рассуждение, Ф. Энгельс пишет: «Наоборот (по сравнению с рассудком.— В. В.), диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей пред-

посылкой исследование природы самих понятий,— возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии...» [1, 20, 537—538].

Разумное мышление в отличие от рассудочного предполагает исследование природы самих понятий.

Разумное мышление появляется тогда, когда образуется способность рефлексивного мышления, когда возникает способность осмысливать мышление [см.: 105]. Способность разумного мышления проходит длительный путь развития, пока становится возможным достижение научного уровня постижения мышления.

Рассудочное мышление с образованием речи, с одной стороны, развивается как рассудочное, обособляется от чувств, приобретает сложно расчлененную понятийную структуру, а с другой стороны, рассудочное мышление существует и действует как подчиненный момент способности разумного мышления, подчиненный момент рефлексивного мышления.

С этой точки зрения наука о рассудочном мышлении, поскольку она истинно постигает свой предмет, есть проявление способности разумного мышления.

Рассудочное мышление как всякое мышление есть отображение чего-то, что существует вне и независимо от мышления. В наиболее обособленной от связи с разумом форме рассудочное мышление совершается не в речевой форме. Таково рассудочное мышление животных, так мыслит и человек при первоначальном постижении новых объектов, когда и поскольку он не может облечь совершающееся познание нового в словесную форму, а оперирует подчас довольно неясными образами, чувственными данными.

Специфическим для людей является существование рассудочного мышления в речевой форме. Но речевая форма есть форма рефлексивная. И поэтому рассудочное мышление в этой форме не осуществляется в «чистом» виде; оно оказывается единым с разумным мышлением.

Рассудочное мышление, выраженное в речи и через речь, есть рассудочное мышление в его внутреннем единстве с разумным мышлением.

Рассмотрим рассудочное мышление в его наиболее «чистом» виде.

В таком случае следует охарактеризовать рассудочное мышление в процессе движения от чувственного конкретного, от хаотического представления о целом к абстрактному.

В этом процессе мышление осуществляется как абстрактное, отвлекающее, выделяющее мышление. Мышление здесь главным образом расчленяет, и состоит оно в отвлечении от каких-то из выделенных, отвлеченных сторон, моментов и т. п.

Рассудочное мышление есть *абстрактное*, абстрагирующее, то есть *отрицающее* мышление. Главное в рассудочном мышлении —

отрицание. Но рассудок представляет собой *мышление*; отрицание, которое в нем и им осуществляется, есть отрицание для выделения и сохранения существенного. Тем не менее в рассудочном мышлении существенное выступает именно *через отрицание* несущественного: как результат *отвлечения, абстрагирования*, как абстракция. Позитивно на уровне мышления существенное, сущность рассудком не отображаются.

Рассудочное мышление образует собой переход к мысленному отображению существенного, сущности, переход, совершающийся как *отрицание* чувственного уровня отображения.

Отрицание всегда есть отрицание чего-то, а позитивное, положительное этого отрицания есть то, от чего происходит отрицание. По своему позитивному содержанию отрицание определяется отрицаемым, непосредственно тождественно последнему. Крайности сходятся. То же верно и по отношению к *абстрактному* мышлению. Оно развивается и существует как *отрицание* чувственного отображения, а по своему позитивному содержанию оказывается с необходимостью непосредственно тождественным чувственному. Существенное, сущность позитивно постигаются рассудочным мышлением в чувственной форме, мысленное отображение выступает здесь как непосредственно тождественное с чувственным отображением.

В мысленной форме существенное, сущность отображаются рассудком через *отрицание* несущественного, а несущественным представляется какая-то часть, сторона и т. п. опять-таки чувственноданных сторон отображаемого предмета (ситуации и т. д.).

Итак, рассудочное мышление уже есть и выход за пределы чувств, отрицание чувственного, и нечто тождественное с чувствами, *непосредственно* определяемое чувствами. Существенное, сущность в собственно мыслительной форме выступает негативно, через *отрицание* несущественного, а позитивно, в качестве существенного, сущности представляется выделенная абстрагирующим мышлением часть, сторона и т. п. чувственноданных сторон отображаемого предмета.

Исходя из сказанного *абстрактное* мышление по своему позитивному содержанию есть чувственное мышление, а чувственное мышление по своему негативному определению есть абстрактное мышление. Рассудочное мышление остается по своему позитивному содержанию образным и вместе с тем представляет собой отрицание, расчленение образов, то есть негативный, отрицательный выход за пределы образного мышления и, значит, предельный, крайний отказ от образности.

И все же на первом плане в рассудочном мышлении находится отвлечение, отрицание и того или иного чувственно данного и вообще отрицание чувственного. Отсюда и возникают обыденные представления о сухости и бессодержательности рассудочного мышления, о рассудочном человеке как о человеке, пренебрежительно относящемся к чувствам, эмоциям.

Поскольку рассудочное мышление уже оказывается мышле-

нием, постольку оно выходит за пределы чувств, *отрицает*, отвлекается от тех или иных сторон, частей и т. п. чувственно данного, постольку рассудок проникает во внутреннее, в сущность отображаемых предметов. Но поскольку в ходе и результате отвлечения остается, сохраняется какая-то другая сторона, часть и т. п. или какие-то другие стороны, части чувственного предмета, не преобразованные мышлением, поскольку мышление существует как еще не преобразовавшие позитивно на свой лад чувственные данные, а значит, в том отношении, в каком мышление еще не отчленилось от чувств, постольку внутреннее, сущность выступает в их непосредственной тождественности со своими противоположностями: внутреннее как непосредственно тождественное с внешним, сущность как непосредственно тождественная с несущественным. Внутреннее и внешнее, сущность и несущественное уже различаются, но различаются главным образом негативно, по своему же позитивному содержанию они еще не сливаются друг с другом в сознании мыслящих людей.

То же происходит с необходимостью и случайностью. Рассудочное мышление уже отличает необходимость от случайности, но отличает негативно, то есть в том плане, что необходимость существует как отрицание случайности, позитивно же необходимость и случайность еще представляются нерасчлененными.

Остановимся на том, как отображается в рассудочном мышлении общее, особенное, единичное. Рассудочное мышление есть мышление абстрактное и, следовательно, также аналитическое мышление. Рассудочное мышление расчленяет чувственно-конкретное. Рассудочное мышление отображает предметы по отдельности, отделяет мысленно предметы друг от друга, отделяет мысленно друг от друга стороны, части и т. п. предметов. Причем в движении от чувственно-конкретного к абстрактному — если иметь в виду именно это движение — имеет место и «единство» вычленимых сторон, предметов, оно имеется на уровне чувственного отображения, живого созерцания.

Аналитическое мышление изолирует, отделяет предметы друг от друга, стороны друг от друга и т. д. Предметы, стороны и т. п. в рассудочном мышлении отображаются в качестве *отдельных*. Вместе с тем по своему позитивному содержанию аналитическое мышление разделяет, отделяет, чтобы мыслить, обобщать. Но мышление здесь еще главным образом отрицающая деятельность. Если предметы изолируются, отделяются друг от друга, то они предстают в качестве *отдельных, единичных*. Общим в таком случае может быть то, что есть *одинакового* в отдельных, единичных, обособленных предметах. И тут опять имеет место противоречивая природа рассудочного мышления. С одной стороны, выделение одинаковости предметов есть выделение общего, но, с другой стороны, это общее изолированных предметов, а значит, такое общее, которое предстает для сознания мыслящего человека как существующее в самих реальных предметах в непосредственном тождестве с отдельным.

Следовательно, в рассудочном мышлении общее, с одной стороны, отображается как непосредственно тождественное единичному, неотделимое от единичного, от отдельного, а с другой — как простое отрицание единичного, отдельного, а значит, общее предстает как изолированное от отдельного. И тут крайности сходятся, ибо общее, существующее изолированно от отдельного, единичного, тем самым оказывается существующим как отдельное, непосредственно вместе с тем как отдельное, единичное. Эти две противоположные стороны рассудочного мышления были осознаны в средние века номиналистами и реалистами, правда, осознаны не диалектически. Номиналисты полагали, что общее реально не существует, что общее есть только название, реалисты же считали общее реально существующим отдельно от единичного.

В рассудочном мышлении, действительно, имеются две противоположные тенденции, две крайности. С одной стороны, непосредственное отождествление общего, особенного и единичного, их нерасчлененное отображение, а с другой стороны, тенденция преимущественно к изоляции общего от особенного, единичного, отдельного.

Рассудочное, абстрактное, аналитическое мышление, поскольку оно абстрактно, аналитично, не отображает изменения, развития процессов, а фиксирует предметы (стороны и т. п.) как данные, неизменные, готовые, ибо расчленение предметов есть отвлечение от связи расчленяемых сторон, частей, а тем самым отвлечение от изменения, от развития.

Рассудочное мышление необходимо, и оно с необходимостью выдвигается на первый план на определенной стадии развития любой науки, на определенной стадии развития всей совокупности наук в определенные исторические эпохи развития человечества.

Каждая наука, изучающая реально относительно самостоятельную существующий особый объект, в своем развитии проходит путь от хаотического представления с своим объекте, от чувственного конкретного к абстрактному. Путь этот в зависимости от разных объективных и субъективных условий может быть более или менее длительным (эта длительность может измеряться и годами, и десятилетиями, и веками). На этом пути в науке неизбежно выходит непосредственно на первый план рассудочное мышление.

В историческом развитии всей совокупности наук рассудочное мышление непосредственно выступило на авансцену тогда, когда на смену в общем и целом нерасчлененного познания пришла эпоха возникновения и развития отдельных наук, и прежде всего этот процесс совершался в естествознании. Познание окружающего мира и познание человеком и человечеством самих себя идет в эту эпоху главным образом по пути выделения отдельных, частных областей научного познания, подобно тому как сами выделявшиеся науки шли по пути преимущественно аналитического, абстрактного, рассудочного отображения своих объектов.

Следует сказать, хотя бы мимоходом, и о том, что широкой

социальной основой рассудочного мышления людей служит в конечном счете разделение труда. Там и тогда, где и когда преобладает тенденция разделения труда над тенденцией объединения труда, там для общественного сознания характерно рассудочное мышление. В истории человечества первой общественно-экономической формацией, с которой связано вполне развитое разделение труда, является капитализм. Поэтому для буржуазного общественного сознания характерно рассудочное, а не разумное мышление.

Но отсюда отнюдь не следует, что рассудочное мышление по своей природе буржуазно. Рассудочное мышление уже потому не буржуазно по своей природе, что оно возникло и существовало задолго до возникновения буржуазного общественного сознания и останется существовать после исчезновения последнего.

Рассудочное мышление не тождественно метафизическому методу мышления.

Метафизический метод мышления представляет собой *определенный способ осознания* рассудочного мышления. Метафизический метод — конечно, не с точки зрения метафизика — противоречив, но это иное противоречие, нежели то, о котором говорилось выше при рассмотрении рассудочного мышления. С одной стороны, как метод мышления, как метод осознания мышления, метод мышления о мышлении метафизический метод есть результат действия разума, есть разумное мышление. При этом мы имеем в виду то обстоятельство, что разумное мышление в отличие от рассудочного необходимо предполагает осознание самой природы мышления. С другой стороны, специфика метафизического метода мышления заключается в *абсолютизации* рассудочного мышления. Более того, те или иные отдельные абсолютизации, возникающие в рассудочном мышлении в процессе движения от чувственного конкретного, от хаотического представления об объекте к абстрактному, еще не есть метафизический метод. Метафизический метод есть метод осмысления, утверждения в *общем виде* рассудочного мышления как *единственного*, единственно возможного мышления.

Так, например, если ученый, исследуя какой-то предмет, отвлекается от его развития, имея в виду рассмотреть затем последнее, то тем самым он еще не становится метафизиком. Не является он метафизиком и тогда, когда он в тех или иных отдельных случаях неосознанно воспринимает в действительности развивающиеся стороны, предметы и т. п. в качестве неизменных. Метафизиком он оказывается, если вообще, *принципиально и осознанно*, отрицает развитие, взаимодействие, связи (внешние и особенно внутренние), если он отрицает всеобщую связь.

Метафизика (в значении антидиалектики) является особой *философией*, или, говоря словами Ф. Энгельса, своеобразным *общим мировоззрением*, «центром которого является представление об абсолютной неизменяемости природы» [1, 20, 348].

Метафизический метод есть метод философский. С точки зре-

ния соотношения рассудка и разума метафизический метод, будучи философским, сознательно применяемым методом мышления, оказывается реализацией разумной способности людей, в то же время в метафизическом методе осознается посредством использования разумной способности именно и только рассудочное мышление и притом — что и определяет специфику рассматриваемого метода — как в принципе вообще единственно возможного мышления. Следовательно, разум, по сути дела, используется для отрицания самого себя и утверждения только своей противоположности.

Рассудочное мышление не тождественно и формальной логике как науке. Формальная логика как наука имеет своим предметом рассудочное мышление. Притом формальная логика может изучать и рассудочное мышление в чистом виде и переходить к изучению рассудочного мышления в его непосредственной связи с разумным мышлением. В самом деле, рассудочное мышление людей проявляется в языке, в речи. Речь, язык с необходимостью предполагают рефлексирующее, разумное мышление. Изучение проявления рассудочного мышления в языке и представляет собой вместе с тем изучение рассудочного мышления в его непосредственной связи с разумным мышлением, изучение, не ставящее своей специальной целью исследование разума и различия рассудка и разума.

Любая наука, в том числе и формальная логика, есть результат реализации довольно развитой разумной способности людей. В отличие от метафизического метода формальная логика не включает в себя отрицания разума, отрицания всеобщей связи, развития и т. д. Возможности и перспективы формальной логики в исследовании рассудочного мышления вообще, проявления рассудочного мышления в языке и особенно рассудочного мышления в научном познании велики и заманчивы.

Формальная логика как наука не содержит в себе того противоречия, о котором мы писали выше, рассматривая метафизический метод. Она есть результат и процесс реализации разумной способности людей, применяемой к изучению, осознанию рассудочного мышления, но формальная логика как наука не включает в себя в отличие от метафизического метода принципиального, всеобщего, осознанного отрицания разумного мышления. В отличие от метафизики формальная логика как наука не отрицает наличия в самой отображаемой действительности всеобщей связи.

Рассудочная способность есть низшая по сравнению с разумной. В этом положении нет ничего уничижительного для формальной логики, нет отнесения ее к разряду низших наук, подобно тому как, например, для биологии отнюдь не унижительно, что она имеет своим объектом менее развитую форму движения материи, нежели социальная форма.

Поскольку рассудочная способность — низшая по сравнению с разумной, постольку понимание разумного мышления — в известном смысле ключ к пониманию рассудочного мышления.

Рассудочное мышление с историческим развитием разумного мышления претерпевает определенные изменения. И осознание рассудочного мышления на основе осознания разумного мышления проливает новый свет на рассудок.

§ 2. Разумное мышление

Разумное мышление господствует на пути восхождения от абстрактного к конкретному. Рассмотрим сначала разумное мышление в его развитом виде и в его относительной независимости и «очищенности» от рассудочного мышления, а затем специально охарактеризуем единство разумного и рассудочного мышления.

Для выделения разумного мышления в его развитом виде необходимо рассмотреть общий ход всемирно-исторического познания природы, общества, мышления.

Развитие познания происходит в конечном счете под определяющим воздействием материальной человеческой практики. Вместе с тем оно имеет и свою относительно самостоятельную внутреннюю логику. Проблема рассудочного и разумного мышления как ступеней познания прежде всего и ближайшим образом соотносится с проблемой внутренней логики познания. Относительно самостоятельная внутренняя логика познания наиболее развита в научном познании (по сравнению с донаучным и обыденным познанием).

Общий ход всемирно-исторического развития научного познания природы, общества, мышления со стороны относительно самостоятельной внутренней логики познания представляет собой движение от чувственного конкретного, от живого, непосредственного созерцания, от хаотического представления об окружающем мире и людей о самих себе к абстрактному, к анализу, к изучению отдельных сторон, «частей» природы, общества, мышления и от абстрактного к конкретному, от анализа к синтезу. С самого начала этот ход существует вместе со своей противоположностью. При движении от живого созерцания к абстрактному мышлению, к анализу создаются сначала догадки, позднее гипотезы о сущности, о внутреннем, превосходящих представления синтетического типа о природе, обществе, мышлении.

Напротив, по мере продвижения от абстрактного к конкретному, от анализа к синтезу степень абстрактности растет, анализ углубляется. Тем не менее определяет общий характер развития познания сначала движение от живого созерцания и т. д. к абстрактному, а затем движение от абстрактного к конкретному.

Ныне в развитии познания человечества в общем и целом начинает господствовать или отчасти уже господствует путь движения от абстрактного к конкретному.

Следовательно, общий ход познания человечества представляет собой как бы виток *двойной спирали*: движение соверша-

ется сразу в противоположных направлениях, с доминированием на каждой стадии одного из направлений движения и со сменой доминантного направления на противоположное с переходом от одной стадии к другой.

Этот же ход познания в снятом виде имеет место и в процессе развития отдельных отраслей научного познания, и в процессе развития познания индивидов, приобщающихся к науке.

Движение познания от чувственного конкретного к абстрактному включает в себя переход от чувственно-конкретного мышления к абстрактному мышлению, а движение познания от абстрактного к конкретному содержит переход от абстрактного мышления к конкретному мышлению, но уже не к конкретно-чувственному мышлению. На каждом из этих путей познания в качестве подчиненного имеется противоположное движение познания.

Движение познания идет по спирали. Выделяя мышление, следует сказать, что оно совершается от чувственно-конкретного мышления к абстрактному, или, иначе говоря, к рассудочному мышлению, а затем происходит как бы возвращение к чувственно-конкретному мышлению, однако уже на новой основе, на основе «снятия» предшествующего развития мышления в более развитом конкретном, или, иначе говоря, в разумном мышлении.

Разумное мышление можно кратко определить как, во-первых, мышление, направленное на отображение внутреннего единства многообразного в объектах, и мышление, совершающееся во внутреннем единстве многообразных определений; во-вторых, отображение внутреннего единства многообразного в объектах невозможно без осознания самого мышления, без мышления о мышлении.

Но само это краткое определение (как и краткие определения всяких предметов познания) есть рассудочное определение. Разум можно рассматривать с позиции чувств, и тогда характеристики разумного мышления требуют наглядности, образности. Однако разум можно рассматривать с позиций рассудка, и тогда требуется, чтобы в характеристике разумного мышления каждое определение в отдельности от других определений было исчерпывающе понятно. И первое и второе рассмотрение разума не адекватно разумному мышлению.

Разумное рассмотрение разумного мышления с точки зрения чувств вызывает претензию, заключающуюся в том, что оно не есть наглядное, образное, *а с точки зрения рассудка возникает возражение такого рода, что оно слишком сложно, трудно, непонятно.*

Следует предупредить, что если рассудочное изложение просто, доступно, доходчиво, так как каждое определение порознь представляется вполне понятным, то разумное изложение все время ставит ловушки неискушенному читателю: каждое определение по отдельности не может быть понято, и эта неясность каждого отдельного определения при внимательном чтении дает себя знать. Разумное изложение в отличие от рассудочного тре-

бует для своего понимания значительно больших умственных усилий. Это трудности, коренящиеся не в изложении, а в излагаемом предмете, то есть в разумном мышлении.

Разумное мышление, конкретное мышление доминирует, как уже было сказано, в восхождении от абстрактного к конкретному.

Разумное мышление в познании является отрицанием² рассудочного мышления и отрицанием отрицания чувственного конкретного отображения. Ближайшим образом разумное мышление отличается от рассудочного, абстрактного мышления и вместе с тем едино с ним. Если рассудочное, абстрактное мышление направлено на отвлечение, абстрагирование, то разумное, конкретное мышление — на соединение, связывание выделенного. Разумное мышление невозможно до и без рассудочного мышления, ибо оно связывает, соединяет выделенное, абстрагированное, а выделенное, отвлеченное есть результат рассудочного мышления. Разумное мышление включает в себя рассудочное мышление как «снятый», преобразованный в соответствии с разумом, но все же относительно самостоятельный момент. Разумное мышление включает в себя свою противоположность — рассудочное мышление.

На той стадии познания, на которой господствует рассудочное мышление, синтез имеет место, но главным образом не в качестве мысленного, а в качестве чувственного синтеза. На той же стадии познания, на которой господствует разумное мышление, осуществляется синтез выделенных рассудочным мышлением сторон и т. п., то есть главным образом мысленный синтез, а не чувственный.

Разум отрицает отвлечение, абстрагирование, осуществленное в рассудочном мышлении, однако отрицает так, что отрицаемое понимание преобразуется, изменяется и в измененном виде сохраняется. Результат абстрактного, рассудочного мышления — абстракции, отвлечения. До снятия их в разумном мышлении абстракции, отвлечения с точки зрения мышления предстают как *только* абстракции, как только отвлечения. Не абстрактным, не отвлеченным является лишь чувственноданное. Лишь чувственноданное тут конкретно. Мышление, мыслительное тут *только* абстрактны. В разумном мышлении устраняется этот характер абстракций, отвлечений; обнаруживается теперь уже на уровне мышления, что разъединение есть соединение, а то, от чего происходит отвлечение, едино с отвлечением.

До снятия рассудочного мышления в разумном мышлении первое выступает *только* в отношении к чувственноданному, к чувственно-конкретному. В рамках рассудочного мышления мысли предстают как отвлечения от чувств, как отрицание чувств.

Для лишь рассудочно мыслящего человека, остающегося в пределах рассудка, мысли — простые отрицания чувств. В таком случае, во-первых, мысли выступают как простые отрицания и,

² Отрицание понимается здесь диалектически, то есть как снимающее в себе отрицаемое, а не как простое, зрящее отрицание.

следовательно, как существующие просто *наряду, рядом* с чувствами. Мысли оказываются просто не-чувствами. Мысли в качестве простых отрицаний чувств пусты. Во-вторых, мысли выступают как простые *отрицания* чувств. *Простое* отрицание мыслями чувств есть отвлечение от движения от чувств к мыслям. Простое отрицание мыслями чувств означает, что абсолютного разрыва между чувствами и мыслями при этом не происходит. Движение от чувств к мыслям фиксируется, но фиксируется отрицание связи: мысли образуются не сами по себе, а именно через отрицание и притом отрицание именно чувств. Связь мыслей и чувств понимается как отрицательная связь: чем более абстрактны мысли, тем больше происходит отвлечение от чувственных данных, тем беднее содержание мыслей. Следовательно, мысли для рассудочно мыслящего человека в качестве мыслей пусты, их позитивное содержание образуют чувства. Работа мысли отрицательная, она заключается в устранении, отвлечении от «части» чувственных данных и сохранении остальной «части» также чувственных данных.

С одной стороны, мысли представляются чем-то бедным по сравнению с чувствами, с другой стороны, «часть» чувственных данных, остающаяся всякий раз после отвлечения, понимается как непосредственно тождественная мыслям.

Таким образом, в рассудочном мышлении чувственные данные, чувственное конкретное просто отрицается. Но такое отрицание есть и допущение отрыва мыслей от чувств и сохранение отрицательной связи мыслей с чувствами. Такое отрицание означает и преобразование мыслей чувствами, образование мыслей, отличающихся от чувства; и незавершенное, неполное преобразование, вследствие чего мысли не вполне отличаются от чувств, чувства (та «часть» чувственных данных, которая сохраняется после отвлечения) представляются непосредственно тождественными мыслям.

Разумное мышление «снимает» рассудочное мышление, то есть преобразует и вместе с тем сохраняет его в преобразованном виде.

Теперь уже внутри мышления обнаруживается рассудочное и разумное мышление. Рассудочные мысли перестают казаться единственным видом мыслей. Разумное мышление, или, говоря точнее в данном контексте, разумные мысли (поясним мы это уточнение позже) есть отрицание рассудочного мышления, рассудочных мыслей.

В первом отрицании на первый план выступает именно отрицание, а если неизвестно второе отрицание, то оно осмысливается в качестве только отрицания. Второе отрицание как отрицание отрицания есть *положительное*. С позиций именно второго отрицания первое отрицание понимается как не только отрицание, но как уже внутри себя заключающее в неразвитом виде второе отрицание.

Разумное мышление есть отрицание рассудочного мышления.

Однако теперь уже отрицание с самого начала осознается как не только отрицание, но и как положительная связь, преемственность. Разумное мышление есть отрицание отрицания чувств и, следовательно, как бы возвращение к чувствам, то есть это и возвращение к чувствам, и возвращение не непосредственно к чувствам.

Чтобы образовались разумные мысли, необходимо образование мыслей как отвлечений от чувств, необходимо расчленение чувственных данных, отвлечение от тех или иных их «частей» и оставление других. Рассудочное мышление направлено на *отделение* мыслей от чувств, на *разделение* чувственных данных; разумное мышление — на *соединение* мыслей и чувств, но не на их непосредственное отождествление, а на *соединение разделенных* мыслей и чувств. Разумное мышление направлено на соединение чувственных данных, но это не непосредственное тождество чувственных данных, а *разделенное в мышлении единство* (тем самым *мысленное единство* расчлененного) чувственных данных.

Рассудочно мыслящий человек, отображая объекты, расчленяет их, выделяет различные предметы, различные стороны предметов. Рассудочное мышление направлено главным образом на отображение *различий* предметов, сторон и т. д. В действительности различия не существуют без единства. Поэтому фиксирование различий при отвлечении от единства не может быть абсолютным отрывом различий от единства. Даже тогда, когда мышление освещает своим светом только различие, оно может это делать через отрицание связи с единством, а значит, через отрицательную связь с единством. Следовательно, единство, связь не может не фиксироваться рассудочным мышлением, но фиксируется единство, связь отрицательно, через их отрицание. Но отрицательная связь есть такое разделение единого, при котором разделение означает устранение связи, а вместе с тем непосредственное тождество различаемых сторон, предметов и т. п.

Рассудочное мышление не может быть абсолютно абстрактным, абсолютно анализирующим. Оно и синтезирует. Но синтез определяется анализом и существует в двух противоположных и единых формах: поскольку разделение уже произошло, постольку синтез — это *внешняя связь по сути различных сторон, предметов* и т. п., поскольку же разделение еще не произошло, не завершилось, постольку синтез есть *непосредственное тождество*.

Разумное мышление в отличие от рассудочного занято отображением не различий, а единства, но при этом единства расчлененных сторон, предметов и т. п. Синтез, совершаемый разумным мышлением, отличается от обеих названных форм рассудочного синтеза. Если в рассудочном мышлении синтез есть установление связи по сути обособленных сторон, предметов и т. п., то есть установление *внешней связи*, то в разумном мышлении синтез есть установление различий *внутри единого*, а значит, установление *внутренних связей*, внутреннего единства различного. Если в рассудочном мышлении синтез есть также отображение непосред-

венного тождества, то в разумном мышлении синтез — отображение опосредствованного тождества, тождества различного.

Вместе с тем разумное мышление невозможно без рассудочного мышления. Установление внутренней связи необходимо предполагает установление внешней связи. Внутренняя связь, понятая только в отличие от внешней связи, понята рассудочно и сама предстает как внешняя, как непосредственно тождественная внешней связи.

Разумное мышление как бы возвращается к чувствам, то есть это и возвращение к чувствам и удаление от них. Причем, если в рассудочном мышлении доминирует удаление от чувств (хотя рассудочное мышление реально никогда не может абсолютно оторваться от чувств), то в разумном мышлении господствует возвращение к чувствам, к чувственным данным.

В известном смысле, правда, рассудочное мышление ближе к чувствам, а именно постольку, поскольку оно еще не отделилось от чувств, поскольку оно непосредственно тождественно чувствам.

Подчас предъявляют ко *всякому* изложению требование: чтобы мысли были *поняты* (а не только для эмоционального воздействия на читателя или слушателя), их следует иллюстрировать примерами, образами. Нужно заметить, что при этом мы имеем дело с требованием сугубо рассудочно мыслящего человека. Для него мышление выступает лишь в двух возможных формах, либо как содержательное, а значит, образное, наглядное, вообще чувственно воспринимаемое, либо как сугубо абстрактное, а значит, пустое, бессодержательное, чисто умозрительное, схоластическое.

Если рассудочное мышление главным образом отделяет мысли от чувств, то разумное мышление преимущественно соединяет, устанавливает единство мыслей и чувств. Но разумное мышление устанавливает единство мыслей и чувств на основе успехов рассудочного мышления, а не путем игнорирования последнего. Разумное мышление *как бы* возвращается к чувствам, то есть не в смысле возрастания наглядности мышления. Следовательно, единство мыслей и чувств оказывается не их непосредственным тождеством и не простым отрицанием мыслями чувств, а различенным единством мыслей и чувств.

Разумное мышление не просто, не непосредственно тождественно чувственным данным, разумное мышление не есть и просто отрицание чувственных данных в мышлении и мышлением. *Разумное мышление* есть *осмысленное, понятое внутреннее единство чувственных данных*. Поэтому на уровне разумного мышления те или иные отдельные чувственные данные, те или иные примеры не дают разумного понимания и с этой точки зрения, в этом аспекте они ничего не доказывают, даже если привести очень много примеров.

Рассудочное мышление — абстрактное мышление, разумное мышление — конкретное. С точки зрения рассудочно мыслящего человека конкретным могут быть лишь чувства, а абстрактным —

мышление. С точки зрения разумно мыслящего человека наоборот: мышление (разумное) конкретно. Но в первом и втором случаях термин «конкретное» употребляется в разных смыслах, и притом второе понимание отнюдь не отвергает полностью первое.

В первом случае конкретное — чувственно данное многообразие, во втором — единство многообразного, отображенное в мышлении. Различен и смысл термина «абстрактное». В первом случае абстрактное — различенная сторона чувственно данного многообразия, во втором — мысленная сторона мысленного единства многообразного. Рассудочное мышление как доминирующее в познании и рассудочное мышление в качестве подчиненного момента разумного мышления не совершенно тождественны, о чем речь пойдет в дальнейшем.

Содержание абстрактного, рассудочного мышления позитивно существует в виде чувственноданного. Собственно абстрактное мышление в отличие от чувств оказывается лишь формой, лишь формальным мышлением. Рассудочное мышление в качестве именно мышления формально. Действительно, чем абстрактнее мышление, чем более оно отвлекается от чувственных данных, тем беднее его содержание, тем более оно формально.

Рассудочное мышление отображает различия предметов, сторон и т. п., внешнюю связь по сути различных предметов, сторон, непосредственное тождество. Общее фиксируется рассудочным мышлением либо в виде непосредственного тождества, либо в виде одинаковости по сути изолированных предметов, сторон.

Иначе обстоит дело с разумным мышлением.

Разумное мышление, опираясь на рассудочное мышление и снимая его, отображает единство различных сторон, предметов, их внутреннюю связь. Для разумного мышления общим оказывается внутреннее единство многообразных сторон, предметов, внутренне расчлененное, а не непосредственное тождество.

В разумном мышлении его содержание — *мысленное* отображение внутреннего *единства* различных сторон, предметов — и представляет собой вместе с тем его форму. Форма разумного мышления не есть нечто образующееся как отвлечение от содержания, а есть само изменяющееся содержание. И это проявляется в том, что если рассудочное мышление чем оно рассудочнее, абстрактнее, тем беднее содержанием, то разумное мышление чем оно разумнее, конкретнее, тем оно богаче содержанием. Чем конкретнее разумное мышление, тем больше оно приближается к чувствам. Но приближение разумного мышления к чувствам заключается не в том, что оно становится все более наглядным, не в том, что оно все более непосредственно воспринимается. Чем конкретнее мышление, тем менее оно наглядно, тем более оно становится опосредствованным. Приближение разумного мышления к чувствам состоит в том, что оно все глубже вскрывает внутреннее единство: сущность, закон, всеобщность, охватывая все в большей мере внутреннюю связь многообразия чувственных данных. Разумное мышление преимущественно идет по пути не отвле-

чения «части» чувственных данных, не их разделения, а соединения разделенного, все более глубокого и полного учета совокупности чувственных данных, осмысления внутреннего единства, сущности и т. п., бесконечного тождества чувственных данных.

Итак, для рассудочного мышления характерно следующее. Чем рассудочнее, чем абстрактнее мысль, тем больше отступление, отлет от действительности, тем больше отвлечение от действительных связей. Но этот отлет, отступление и т. п. не есть только отлет, отступление, а и приближение к действительности; он необходим для того, чтобы затем отступление сменилось преимущественно приближением к действительности. Для разумного мышления, напротив, характерно то, что чем более конкретна мысль, тем более она приближается к действительности и к тому, как эта действительность первоначально отображается, то есть к чувственному отражению.

Вместе с тем характерное для разумного мышления приближение к действительности тоже существует в единстве с противоположным, хотя и подчиненным движением: отражение становится все более опосредствованным, все менее наглядным, все менее чувственным.

Основной, главный путь движения, развития разумного мышления — путь движения к *практике*, к осознанию ее *всеобщности*.

Рассудочное мышление на той стадии познания, на которой оно господствует, не вполне тождественно рассудочному мышлению на той стадии, когда господствующим становится разумное мышление. В первом случае люди мыслят ближайшим образом и преимущественно рассудочно, и они не могут провести более или менее определенную границу действия, условий применимости рассудочной способности, допускаются неосознаваемые абсолютизации, выходы за пределы применимости рассудочной способности. Во втором случае создаются принципиально новые возможности определения пределов применимости рассудочной способности.

Разумное мышление отображает внутреннее единство различного, то есть предмет (стороны и т. п.) соотносится с самим собой как с другим, а значит, понимается рефлексивно. Разумное мышление есть мышление рефлексивное. Оно необходимо предполагает выделение мыслящего из остальной природы и то или иное осознание себя как природного существа, отличного от остальной природы и единого с ней. Следовательно, разумное мышление необходимо предполагает то или иное осознание людьми самих себя и в том числе своей способности мышления.

С появлением языка мышление становится, несомненно, рефлексивным. Выражая мысль в словах, люди уже тем самым используют разумную способность. Другое дело, что эта способность может быть развита в очень различной степени. Осуществление и фиксирование рассудочного мышления в языке — выражение рассудочного мышления через призму его противоположности, через призму реализации разумной способности человека.

Рассудочное мышление не существует у людей в чистом виде. Что касается животных, то у них, у высших животных, у антропоидов, возможно, имеются зародыши разумной способности.

Разумное мышление достигает развитой, «зрелой» формы, во-первых, тогда, когда достигается разумное мышление о мышлении, во-вторых, тогда, когда в познании человечества становится господствующим восхождение от абстрактного к конкретному. Поскольку разумное мышление отображает внутреннюю связь, внутреннее единство, то оно отображает и изменение, движение, развитие, объективную диалектику.

Но разумное мышление невозможно без рассудочного мышления в качестве своего момента, хотя последнее непосредственно, прямо не отображает именно *диалектику* объектов.

Отражение движения в мышлении происходит через остановку движения и снятие этой остановки, отображение связи в мышлении осуществляется через отвлечение от связи и снятие этого отвлечения. Остановка движения, отвлечение от связи в мышлении совершается в конечном счете для отображения движения, связи. Тем не менее, во-первых, упомянутые остановки и отвлечение представляют собой относительно самостоятельный момент в отображении движения, связи, а во-вторых, границы остановки и отвлечения не могут быть вполне определены, уточнены до их снятия.

Разумное мышление — одна из противоположных сторон человеческого мышления, другая сторона — рассудочное мышление. Вместе с тем, хотя рассудочное мышление может доминировать на определенной стадии познания, в конечном счете определяющим, главенствующим в человеческом познании является разумное мышление.

Отношение разумного и рассудочного мышления и отношение диалектического и метафизического методов мышления нельзя отождествлять. Рассудочное мышление существует до и помимо его философского осмысления, хотя, возникнув, философское осмысление может в той или иной степени модифицировать рассудочное мышление. Рассудочное мышление может осмысливаться и с позиций метафизического и с позиций диалектического метода, подробнее об этом скажем несколько позже.

Разумное мышление необходимо включает в себя момент рефлексии, направленность мышления не только на отображаемые предметы и т. п., но и направленность мышления на самое себя. Однако разумное мышление людей длительное время существует в истории и неразвитом виде, соответственно не развито и мышление о разумном мышлении. Лишь в современном диалектическом методе разумное мышление осмысливается адекватно, в развитом, зрелом виде.

Метафизический и диалектический методы — два основных философских метода — образуются на определенных стадиях общего хода познания человечества. В истории познания человечества первая крупная историческая, классическая форма фило-

софского метода представлена греческой философией. «...Греческая философия. Здесь диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте, не нарушаемой теми милыми препятствиями, которые сама себе создала метафизика XVII и XVIII вв.— Бэкон и Локк в Англии, Вольф в Германии — и которыми она заградила себе путь от понимания отдельного к понятию целого, к постижению всеобщей связи вещей... Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но в этом же заключается и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими противниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то в целом греки правы по отношению к метафизике... в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений» [1, 20, 369]. Рассматривая характер греческой философии, Ф. Энгельс писал: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно охватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения тех частных, из которых она складывается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина» [1, 20, 20].

Греческая философия опиралась на в основном еще не расчленившуюся (хотя и начавшую расчлениваться) совокупность наук и сама существовала пока преимущественно неотчлененно от наук. В познании преобладало непосредственное созерцание, чувственно-конкретное мышление. Вместе с тем общество развивалось настолько, что требовалось осознать во всеобщем виде познание. Греческая философия фактически и оказалась попыткой осмысления главным образом непосредственного созерцания, чувственно-конкретного мышления и того, что им отражается.

Характерным для такого осмысления является понимание всеобщего в его непосредственной тождественности с особенным, отдельным. Например, материя представлялась в непосредственной тождественности или с водой, или с воздухом, или с огнем и т. п. Отражаемое выступает как бесконечное сплетение связей и взаимодействий, в которых все изменяется и исчезает. Но частности, из которых складывается общая картина, не познаны. И поэтому, с одной стороны, улавливается общий характер кар-

тины, а с другой стороны, это есть хаотическое представление о целом. Одновременно образуются зародыши изучения и осмысления различных сторон, частностей общей картины, тем самым возникают также начатки более развитого познания, более развитых мировоззрений.

В дальнейшем развитие наук, философии шло по пути дифференциации, познание двигалось от непосредственного созерцания, от чувственного конкретного к абстрактному. Мышление в процессе познания развивалось — если брать главную тенденцию — от чувственно-конкретного мышления к абстрактному мышлению. С точки зрения того, что отражается в познании, движение шло от хаотического представления о целом, о целостности к выделению отдельных сторон и их специальному изучению. «Чтобы познавать... частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д.» [1, 20, 20]. Если на предыдущей стадии точное исследование, познание, мышление только возникали, то теперь они стали преобладающими. На первый план в познании человечества выдвинулось рассудочное мышление. Вырывание частных из их естественной или исторической связи и исследование каждой в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям было рассудочным исследованием. Происходило отвлечение от связи, от движения, от изменения, от развития.

Однако не всякое отвлечение от связи, движения, развития есть метафизика. В метафизику рассудочное мышление было превращено благодаря осмыслению его в качестве принципиально, вообще единственно возможного способа мышления, благодаря мировоззренческому истолкованию его в качестве принципиально единственного способа. «Но тот же способ изучения (Ф. Энгельс явно имеет в виду рассудочное мышление.— В. В.) оставил нам вместе с тем и привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно изменчивые, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления» [1, 20, 20—21].

Именно перенесение рассудочного способа мышления из естествознания в философию, то есть философское истолкование рассудочного мышления, и означало рождение метафизического способа мышления.

Весьма любопытно, что философское истолкование представляет собой использование разумной способности, но разумная способность используется для отрицания разума и утверждения рассудка (в качестве принципиально, вообще единственно возможного способа мышления). С позиций метафизического метода философский метод и рассудочное мышление необходимо пред-

ставлялись как непосредственно тождественные, не отличающиеся друг от друга. С позиций метафизического метода необходимо представлялись также непосредственно тождественными, сливались в нечто неразличимое философский метод, философская интерпретация рассудочного мышления и конкретнонаучное изучение рассудочного мышления.

По мере развития научного познания начинают возникать предпосылки для перехода к господству в научном познании изучения связей, взаимодействия, движения, развития, для перехода к господству движения от абстрактного к конкретному. Нарастают и возможности осмысления познания, мышления с точки зрения этих возникающих и формирующихся предпосылок. «Первая брешь в этом окаменелом воззрении на природу была пробита не естествоиспытателем, а философом. В 1755 г. появилась «Всеобщая естественная история и теория неба» *Канта*» [1, 20, 350—351]. Кант явился первым великим диалектиком Нового времени, родоначальником классической идеалистической диалектики.

Только с позиции более развитого познания, мышления возможно выявить и ограниченность абстрактного мышления и, значит, обнаружить его границы, его отрицание, а тем самым и определить его, зафиксировать его специфику. Не случайно именно первый великий диалектик Нового времени выделил формальную логику в качестве особой логики.

Но диалектика классиков идеалистической философии (в том числе и Гегеля), во-первых, соответствует такому уровню развития отдельных наук, когда для перехода к господству научного постижения связей, взаимодействий, движения, развития только возникали и формировались предпосылки; во-вторых, эта диалектика еще существует в единстве с идеализмом, а идеализм с необходимостью включает в себя понимание мышления как оторванного от материи, как изначального, то есть идеализм по природе своей метафизичен (мышление оказывается сугубо обособленным образованием). Поэтому классики идеалистической диалектики могли выделить формальную логику в качестве особой логики, но не могли в достаточной степени различить формальную логику и метафизический способ мышления.

Впервые в истории человечества в детальном научном исследовании движение познания, в котором господствует восхождение от абстрактного к конкретному, отражение внутренних связей, взаимодействия, развития, реализовал К. Маркс при изучении общества, экономики капитализма. В процессе рассмотрения капитализма с точки зрения потребностей его коренного преобразования возникла и сформировалась материалистическая диалектика.

С позиций материалистической диалектики принципиально повальному осветилось и настоящее, и будущее, и прошлое познание человечества. Лишь материалистическая диалектика позволила *последовательно выявить спиральный ход движения, развития*

познания человечества: от чувственно-конкретного, от непосредственного созерцания, от хаотического представления о целом к абстрактному мышлению и от абстрактного к конкретному и к практике, а также обнаружить, что это *двойная спираль*: на каждой стадии витка спирали имеет место противоположное движение познания, правда, в качестве подчиненного, — что двойная спираль представляет собой единство противоположных движений познания и как ступеней, и как сторон движения познания.

Следовательно, в прошлом познании человечества было выявлено то, что прежде не освещалось светом осознания (связь разных уровней познания, переход низшего в высшее, как возвращение от высшего к низшему и т. д.), устранены прежде господствовавшие абсолютизации (применительно к теме главы это абсолютизация анализа, абстрактного, рассудочного мышления).

Рассудочное, абстрактное мышление, если оно рассматривается под углом зрения материалистической диалектики, самостоятельно, и постольку может изучаться специально, но *относительно* самостоятельно, это одна из противоположных сторон специфически человеческого мышления, а потому в своей сути она может быть определена и постигнута через единство со своей противоположной стороной — разумным *мысленно-конкретным* мышлением.

Рассудочное и разумное мышление — две относительно самостоятельные противоположные *стороны* специфически человеческого мышления, существующие в нем на протяжении *всего* его существования и развития. Но они также представляют собой *ступени* по отношению друг к другу: в истории познания человечества рассудочное, абстрактное мышление есть низшая ступень по сравнению с разумным мысленно-конкретным мышлением постольку, поскольку абстрактное, рассудочное мышление характерно для движения познания от чувственно-конкретного к абстрактному, а мысленно-конкретное, разумное мышление господствует на следующей, более развитой ступени познания — восхождении от абстрактного к конкретному, хотя на каждой из упомянутых ступеней они существуют также одновременно в качестве сторон.

То же самое верно и по отношению к каждой новой области познания и к развитию познания индивида, происходящим в ту эпоху развития познания человечества, когда в общем и целом в общественном познании преобладает разумное мышление, движение от абстрактного к мысленно-конкретному. Тут онтогенез познания в «снятом» виде воспроизводит его филогенез, снова появляется необходимость при познании нового предмета и при приобщении каждого нового индивида к познанию человечества сначала пройти стадию, на которой ближайшим образом господствует рассудочное мышление.

Материалистическая диалектика возникла и формировалась тогда — если иметь в виду гносеологический аспект, — когда в научном познании (более точно, сначала в познании экономики капитализма, то есть в познании общественного процесса) стало

доминировать постижение внутренних связей, взаимодействий, развития, то есть когда получило преобладание движения познания от абстрактного к конкретному, ибо только тогда и становится возможным адекватное осмысление мышления, отражающего развитие, внутренние связи (в их единстве и различии с внешними) и т. д.

Но даже уже после того как материалистическая диалектика образовалась, в познании нового предмета и в приобщении каждого нового индивида к общественному познанию материалистическая диалектика оказывается действительно и ближайшим образом *методом* действительного познания тогда, когда в качестве реальной ближайшей познавательной цели становится отражение единства противоположностей, противоречий, внутренних связей, развития, то есть когда в реальном, действительном познании нового предмета главенствующее значение приобретает восхождение от абстрактного к конкретному.

«Ядром», или специфическим предметом, материалистической диалектики служит внутренняя связь, то есть связь как единство и «борьба» противоположностей, как единство противоречий. Развитое разумное мышление, то есть мышление, идущее от абстрактного к конкретному (как преобладающее и осуществляющееся в единстве с противоположным движением познания) и совершающееся в единстве с научным пониманием самого себя, есть «ядро» диалектического мышления.

Отчетливое и развитое выделение и различие рассудочного и разумного мышления возможно лишь с позиций такого диалектического метода, который последовательно преодолевает метафизику, то есть с позиций материалистической диалектики. Идеалистическая диалектика не способна последовательно преодолеть метафизику, ибо она покоится на *отрыве* мышления, сознания от материи, а следовательно, на метафизическом подходе к мышлению. Поэтому идеалистическая диалектика есть отрицание метафизики, совершающееся на основе метафизики.

Различение рассудочного и разумного мышления важно. Оно способствует устранению сохраняющейся в умах людей абсолютизации рассудочного мышления. Кроме того, если отсутствует такое различие, то рассудочное мышление представляется метафизикой, статус формальной логики как науки подвергается сомнению. (Формальная логика в большей или меньшей степени отождествляется с метафизическим методом.) Если отсутствует такое выделение, то мышление об объектах кажется только исключительно вечным, бесконечным *приближением* к объектам и фактически отрицается необходимость изучения познания, мышления как *противоречивого*. Исчезает, по сути дела, как не заслуживающая внимания диалектика другая (в конечном счете подчиненная) сторона мышления — движение к объекту через *отступление* от него. Хотя эта сторона играет в конечном счете подчиненную роль в мышлении людей, однако она есть одна из противоположных сторон мышления, а потому и другая в конечном

счете главенствующая сторона мышления без ее учета выступает в существенно измененном виде.

Без выделения рассудочного и разумного мышления и их отношения нельзя вполне оценить значение для развития наук о мышлении, для развития материалистической диалектики гениального ленинского положения: «Движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть — reculer pour mieux sauter (savoir?)» [4, 29, 252].

100-ЛЕТИЕ РАБОТЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»

В. А. Вазюлин

ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ В РАБОТЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»

В предлагаемой статье мы остановимся не на всех проблемах материалистического понимания истории, содержащихся в исключительно богатом по идейному содержанию сочинении Ф. Энгельса, а лишь на тех из них, которые впервые выдвигаются в этой работе и до сих пор остаются открытыми.

В предисловии к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал о цели своего труда: «Нижеследующие главы представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс... Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешенным загадкам древней греческой, римской и германской истории»¹.

В действительности достигнутый Ф. Энгельсом результат превзошел по содержанию и значимости цель, скромно сформулированную им. Он не только резюмировал содержание эпохального труда Л. Г. Моргана «Древнее общество» и не просто изложил его в связи с материалистическим пониманием истории. Ф. Энгельс привлек дополнительный материал, использовал свои собственные исторические исследования и развил исторический материализм по ряду существенных вопросов.

Еще до знакомства с произведением Л. Г. Моргана «Древнее общество» в исследованиях К. Маркса и Ф. Энгельса все большую роль играет интерес к истории человечества, предшествовавшей капитализму, в том числе к древней истории. Это было обусловлено и новым этапом революционного движения, наступившим после Парижской коммуны, и внутренней логикой развития взглядов основоположников марксизма. Рабочее движение распространяется на сравнительно отсталые страны. Особое значение имел переход к новому этапу революционного движения в России. В ходе этого движения встали вопросы о возможности применения марксистской теории к условиям России, об исторических судьбах России и особенно русской сельской общины. В том же направлении — в направлении изучения докапиталистических формаций — вела и внутренняя логика дальнейшей ра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25—26.

боты К. Маркса над «Капиталом». Задача систематического выведения, объяснения буржуазного государства из капиталистической экономики, при решении которой исследователь сталкивается с относительной самостоятельностью «сферы» государственной жизни, с необходимостью уводила в глубь веков, вплоть до изучения возникновения государства, частной собственности и даже человеческого общества². В 70—80-е годы К. Маркс интенсивно изучает литературу об общине, общинной собственности, о происхождении цивилизации и о первобытном состоянии человечества. Но уже и раньше в связи с исследованием главным образом экономики капитализма К. Маркс обращался к изучению других общественно-экономических формаций преимущественно для того, чтобы выявить специфику капитализма, отличие его от предшествующего развития, при этом, естественно, немало внимания уделяя изучению общины, общинной собственности, первобытной истории. К. Маркс штудирует работы А. Хеерена, Ф. Бернье, Д. Кэмпбелла, Т. Рафлза, М. Уилкса, Р. Паттона, Х. Х. Банкрофта, А. Гакстаузена, Г. Л. Маурера, М. М. Ковалевского, Г. С. Мейна, Дж. Лебокка, Дж. Фира и др. В 70—80-е годы К. Маркс приходит к ряду новых важнейших выводов относительно начальных стадий общественно-исторического процесса.

Ф. Энгельс также глубоко интересовался этими вопросами, о чем свидетельствуют такие его произведения, как «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», «Марка», «К истории древних германцев», «Франкский период», содержавшие и оригинальный материал, и оригинальные мысли. Но вплоть до выхода в свет в 1877 г. книги Л. Г. Моргана «Древнее общество» наука о первобытности еще не имела развитого характера. Л. Г. Морган первым создал целостную теорию этого этапа истории человечества, открыв род в качестве универсальной специфической формы первобытного общества. «Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадий, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, — отмечал Ф. Энгельс, — имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии»³.

К. Маркс первый в полной мере оценил историческое значение этого труда Л. Г. Моргана. В 1880—1881 гг. он детально конспектирует книгу Л. Г. Моргана «Древнее общество». Ф. Энгельс, разбирая архив К. Маркса после его смерти, обнаруживает конспект книги Л. Г. Моргана.

Со времени написания и опубликования работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» прошло уже 100 лет. Она была написана с тщательнейшим учетом всех достижений современной Ф. Энгельсу исторической науки.

За прошедшие десятилетия историческая наука ушла далеко вперед. И как во всякой науке, в ней утверждались новые положения и устаревали некоторые ранее принятые. Известному переосмыслению подверглась и концепция первобытного общества Л. Г. Моргана, в особенности в той ее части, где речь идет о развитии семьи (из пяти

² О внутренней логике исследований К. Марксом капитализма, стимулировавшей переход К. Маркса к специальному изучению докапиталистических формаций, см.: Вазюлян В. А. Вопросы теории общественно-экономических формаций в трудах К. Маркса (исторический аспект). — Вести. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия, 1983, № 2.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 223.

ступеней развития семьи — кровнородственной, пуналуальной, парной, патриархальной и моногамной — «первая оказалась плодом недостоверной информации, а вторая — лишь частным случаем, но отнюдь не самостоятельным этапом»⁴). Соответственно устарели и некоторые положения труда Ф. Энгельса. Однако основное содержание работы Ф. Энгельса не только не устарело, но значение ее возросло. Таковы разделы о моногамии, о происхождении частной собственности и государства, таковы и основополагающие идеи об определяющем моменте в истории, высказанные в предисловии к первому изданию.

Возрастание исторического значения «Происхождения семьи, частной собственности и государства» связано прежде всего со следующими обстоятельствами.

Во-первых. Построение нового, коммунистического общества с необходимостью усиливает потребность в изучении первобытного общества, его разложения и перехода к классовому обществу, ибо коммунизм есть отрицание отрицания старого общества и, следовательно, такое развитие, которое есть как бы «возвращение» к исходному пункту. Изучение процесса устранения частной собственности, развития общественной собственности, превращения общества в бесклассовое, «судьбы» государства и семьи по мере продвижения к коммунизму — все это с необходимостью предполагает исследование общинной собственности, возникновения частной собственности, семьи (особенно ее моногамной формы) и государства. «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁵.

Предвидение будущего развития зрелого социализма, построения высшей фазы нового общества с неизбежностью предполагает творческое освоение трудов классиков марксизма-ленинизма, в том числе и «Происхождения семьи, частной собственности и государства», в связи с фактами современной действительности.

Во-вторых. За период, прошедший со времени написания работы Ф. Энгельса, значительно выросло освободительное и революционное движение. К самостоятельной современной жизни пробудились и пробуждаются также и многие народы, еще недавно находившиеся (или находящиеся) на различных ступенях разложения первобытнообщинного строя.

В-третьих. Попытки представить мир частной собственности с неизбежным для него государственным принуждением естественной формой всякого человеческого общежития отнюдь не оставлены идеологами капитализма. Такого рода попытки стали лишь в общем и целом более изощренными, резко возросли усилия и средства, затрачиваемые на них. В условиях обострения идейно-теоретической борьбы творческое использование ясного, четкого решения вопросов о характере моногамной семьи, о происхождении частной собственности и го-

⁴ История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы социогенеза. Отв. редактор Ю. В. Бромлей. М., 1983, с. 125—126.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

сударства имеет неопределимое значение для пропаганды и развития марксистской теории.

Один из центральных вопросов в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и в марксистской теории в целом — вопрос о производстве и воспроизводстве непосредственной жизни и роли этого производства и воспроизводства в жизни общества.

Краткая характеристика видов производства и воспроизводства непосредственной жизни, данная Ф. Энгельсом в предисловии к первому изданию его работы и реализованная в самой работе, не раз квалифицировалась врагами марксизма как отступление от марксизма. По-разному она истолковывалась и истолковывается марксистами. Неадекватные трактовки сохраняются до сих пор. Между тем речь идет об одной из весьма важных проблем исторического материализма. Думается, что этот вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении.

Приведем краткую характеристику полностью, поскольку это существенно важно для нашего последующего изложения и, в частности, для доказательства того, что в ней резюмируются воззрения Ф. Энгельса, развернутые в тексте самой работы, и, следовательно, во взглядах Ф. Энгельса занимают отнюдь не периферийное положение. «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях, структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту. Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место занимает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *линейной* истории вплоть до нашего времени»⁶.

Если сопоставить это место из предисловия к первому изданию работы Ф. Энгельса с самой работой, то станет ясно, что его структура и структура работы в основных чертах совпадают. В первой главе Ф. Энгельс рассматривает развитие способа производства средств к жизни, во второй — производство самого человека, развитие семьи,

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25—26.

образование рода, в последующих главах он пишет о структуре общества, основанной на родовых связях, беря типичные примеры такого общества, и прослеживает разложение родового и образование классового общества.

Таким образом, вся работа построена на основе принятия идеи о двух видах производства. Более того, эта идея имеется как в ранних, так и в зрелых трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Еще в рукописи, написанной летом 1843 г. и посвященной критике гегелевской философии права, К. Маркс рассматривает отношение системы частного интереса (семьи и гражданского общества) и системы всеобщего интереса (государства), понимая семью как естественный, а гражданское общество как искусственный базис государства. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивают: «Итак, производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели»⁷.

Следовательно, положение о двойном отношении производства жизни, о двух видах производства непосредственной жизни выражало и взгляд К. Маркса. К. Маркс и Ф. Энгельс придавали этому положению весьма важное значение.

В. И. Ленин критиковал народника Михайловского, который трактовал материализм К. Маркса и Ф. Энгельса как сугубо экономический и упрекал Ф. Энгельса в отступлении от этих взглядов, поскольку последний признавал в качестве определяющего момента истории не только производство средств к жизни, но и производство самого человека. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея... состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования... Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?»⁸

Следует заметить, что важнейшее положение К. Маркса и Ф. Энгельса о двух видах производства непосредственной жизни почти не реализуется в работах современных философов-марксистов по историческому материализму. Более того, некоторые авторы, специально исследующие материалистическое понимание истории в «Немецкой идеологии», полностью обходят вопрос о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс, когда говорят о производстве, имеют в виду производство жизни в двойном отношении.

В приведенной характеристике Ф. Энгельсом двух видов производства содержится также идея об изменении отношения этих видов по мере развития общества. Эта идея по-разному интерпретируется в советской философской литературе. В частности, в ней высказывается мнение, что первобытнообщинная формация не есть общественно-экономическая формация. Для обоснования этого мнения его сторон-

⁷ Там же, т. 3, с. 28.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149—150.

ники пытаются опереться на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Родственна такому взгляду и позиция известного советского исследователя воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса Г. А. Багатуря. Справедливо выделяя идею Ф. Энгельса об изменении отношения двух видов производства как самую важную новую идею, предисловия, он полагает, что «Энгельс как бы применяет принцип историзма к самому материалистическому пониманию истории»⁹. В применении принципа историзма к материалистическому пониманию истории Г. А. Багатуря видит, по сути дела, самый существенный шаг вперед в развитии Ф. Энгельсом в 70—90-е годы исторического материализма.

Не может быть сомнений в том, что принцип историзма применим и к материалистическому пониманию истории, что Ф. Энгельс в предисловии к первому изданию своего труда высказывает эту идею. Сомнения вызывает тот смысл, который Г. А. Багатуря вкладывает в нее. «В работах Энгельса... — пишет он, — постепенно складывается и развивается мысль об историческом характере материального производства, производства жизненных средств. Выясняется, что материальное производство не всегда играло роль главного определяющего фактора человеческого общества... К пониманию структуры общества, его определяющего фактора, теперь применяется принцип историзма. В этом отношении развитие материалистического понимания истории классически демонстрирует действие универсального диалектического закона перехода количества в качество в сфере познания. Сначала определяется некоторая закономерность (в данном случае определяющая роль производства), а затем в ходе дальнейшего более глубокого познания выясняются те пределы, в которых эта закономерность действует»¹⁰.

Во-первых, под «материальным производством» и под «производством» здесь подразумевается только производство средств к жизни. Между тем под «материальным производством» и «производством» Ф. Энгельс имеет в виду не только производство средств к жизни, но и производство самого человека.

По-видимому, сработал стереотип. В современной философской и экономической литературе под «материальным производством» и «производством» имеется в виду только производство средств к жизни. И это не случайное словоупотребление, оно выражает состояние исследований производства, материального производства.

Во-вторых, Г. А. Багатуря полагает, что в первобытнообщинной формации производство средств к жизни, труд не играли определяющей роли в жизни общества, и думает, что эта мысль, безусловно, содержится в предисловии к первому изданию, а значит и в самой работе Ф. Энгельса.

На самом деле, по нашему мнению, все не так просто. Действительно, Ф. Энгельс относит к производству самого человека продолжение рода, семью; родовые связи он рассматривает как связи, обусловленные производством самого человека, а структуру первобытного общества — как основанную на родовых связях. Более того, развитие форм семьи вплоть до моногамии он объясняет вслед за Л. Г. Морганом действием естественного отбора, которое, согласно Ф. Энгельсу, заканчивается с образованием парной семьи. Ф. Энгельс выводит род из группового брака, высшей формой которого он считает пуналуаль-

⁹ Багатуря Г. А. Формирование и развитие материалистического понимания истории. — В кн.: Маркс — историк. М., 1968, с. 165.

¹⁰ Там же, с. 168.

ную семью, а австралийскую систему брачных классов — первоначальной его формой. «Непосредственно из пуналуальной семьи, по-видимому, возник в громадном большинстве случаев институт *рода*. Правда, исходным моментом для него могла служить также и австралийская система брачных классов...»¹¹ Переход от парной семьи к моногамии Ф. Энгельс объясняет экономическими причинами. Моногамная форма семьи становится господствующей формой с наступлением цивилизации. «Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, — притом в руках мужчины, — и из потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не кого-либо другого»¹².

Все это говорит как будто в пользу того мнения, что Ф. Энгельс не считал определяющим в жизни первобытного общества производство средств к жизни, труд. Для подтверждения такой позиции приводят и слова Ф. Энгельса из письма К. Марксу от 8 декабря 1882 г.: «Чтобы наконец полностью уяснить себе параллель между германцами Тацита и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта. Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это как раз доказывает, что на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (*sexus*) у племени. Иначе глинянки в бывшей русской Америке не могли бы быть чистой копией германцев, и, пожалуй, в еще большей мере, чем твои ирокезы»¹³. Вряд ли отсюда можно сделать только тот вывод, что Ф. Энгельс отрицал решающую роль способа производства (здесь под способом производства подразумевается способ производства средств к жизни) и утверждал решающую роль родовых связей и взаимной общности полов в первобытном обществе.

На наш взгляд, Ф. Энгельс выражает несколько иную мысль, свидетельствующую о том, что он видел сложности проблемы: способ производства средств к жизни играет у тех племен и народов, о которых он говорит, решающую роль, но не столь решающую «как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов».

Кроме того, Ф. Энгельс и саму работу начинает с рассмотрения развития способа производства средств к жизни («I. Доисторические ступени культуры»), а отнюдь не с семьи. В заключительной части второй главы, посвященной семье, Ф. Энгельс пишет о соответствии форм семьи стадиям развития человечества, подразумевая под этими стадиями развитие производства средств к жизни, а не наоборот; не о соответствии стадий развития производства средств к жизни формам семьи. «Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия...»¹⁴.

Да и как можно было бы совместить представления о решающей роли только производства самого человека в первобытном обществе с идеями написанной им, вероятно, в июне 1876 г. статьи «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», где труд рассматри-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 45—46.

¹² Там же, с. 78.

¹³ Там же, т. 35, с. 103.

¹⁴ Там же, т. 21, с. 77.

ваются как решающий фактор уже в более раннем процессе — процессе превращения обезьяны в человека?!

В чем же заключалась основная трудность рассмотрения первобытного общества? Морган открыл род как универсальную ячейку этого общества. Изложение его открытия с позиций материалистического понимания истории необходимо предполагало соотнесение родовых связей с ролью труда, способа производства средств к жизни с ролью экономики в жизни общества.

В то же время развитие форм семьи (до парной семьи включительно) объяснялось в тогдашней науке действием естественного отбора, т. е. биологического фактора, а род — как возникающий из той формы семьи, которая образовалась под действием биологического фактора.

При таком соответствовавшем уровню развития исторической науки того времени понимании процесса развития семьи оказывалось, что, с одной стороны, семейные (вплоть до моногамии) и родовые связи, а с другой стороны, связи, выработавшиеся в процессе производства средств к жизни и на основе этого процесса, выступали как рядоположные, не связанные друг с другом: одни как по сути биологические, другие как экономические и порожденные экономикой. Родовые связи при этом понимании развития форм семьи (включая парную семью) неизбежно — если быть последовательным — должны были представляться в отрыве от трудовых, экономических связей, от связей, возникающих в процессе производства средств к жизни и на основе этого производства.

Ф. Энгельс, естественно, опирался на уровень развития конкретных наук своего времени и соответственно воспринял объяснение развития форм семьи (до моногамии) биологическим фактором — естественным отбором. И вместе с тем он проявил гениальную интуицию, остро почувствовал сложность проблемы: Это сказалось в том, что Ф. Энгельс, выделив два вида производства, отвлекся от специального рассмотрения их внутренней связи. В то же время он не свел производство самого человека к сугубо биологическим связям, о чем свидетельствует, например, исследование им моногамии. Возникновение и развитие последней Ф. Энгельс объясняет развитием способа производства средств к жизни. Родовые связи он трактует не только как биологические, но и как социальные.

В настоящее время в науке о первобытном обществе господствует взгляд на то, что «биологическая» теория возникновения экзогамии, рода недостаточно обоснована. «Разрабатывая сложную проблему происхождения экзогамии, советские ученые стремятся найти внутреннюю взаимосвязь между этой формой регулирования половых отношений и всем ходом развития производственной деятельности первобытных человеческих коллективов»¹⁵.

Большинство советских исследователей, по существу, объясняют возникновение экзогамии и родового строя, говоря языком Ф. Энгельса, только «развитием производства средств к жизни». Критика «биологической» теории экзогамных запретов недостаточно убедительна. И верно пишут А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев: «Проблема возникновения экзогамии и родового строя остается открытой»¹⁶. Следовательно, остается открытой проблема соотношения двух видов производства — производства средств к жизни и производства самой жизни—

¹⁵ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982, с. 77.

¹⁶ Там же, с. 79.

применительно к истории первобытности. Совершенно недостаточно разработан вопрос о соотношении того и другого производства и в современной литературе по историческому материализму.

Если в той части труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где рассматривается собственно первобытное общество, мы находим важные проблемы, которые и до сих пор остаются открытыми, то несколько иначе обстоит дело с той частью, в которой речь идет о разложении первобытного строя и переходе к классовому обществу. Глубокий анализ Ф. Энгельсом этих периодов истории человечества в своих основных чертах сохраняет значение до сих пор. Здесь содержатся классически ясные и точные решения многих вопросов.

Энгельсовское исследование моногамии, ее развития не только раскрывает сущность современной семьи, но и позволяет строго научно предвидеть ее будущее.

Учение о происхождении, специфике и судьбе государства, содержащееся в работе Ф. Энгельса, играло и продолжает играть важнейшую роль в идеологической борьбе, в развитии теоретических основ коммунистического и рабочего движения. В. И. Ленин в лекции «О государстве», отмечая, что «едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве»¹⁷, и указывая, что самое надежное для того, чтобы верно ориентироваться в этом вопросе, — подойти к нему исторически, с точки зрения развития, рекомендовал в связи с этим изучать именно труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹⁸.

Без дальнейшего творческого освоения этого произведения Ф. Энгельса в связи с фактами и тенденциями развития современной истории человечества невозможно развитие марксистских воззрений на семью, собственность и государство.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 66.

¹⁸ Там же, с. 67.

В. А. Вазюлин

**СИСТЕМА ЛОГИКИ ГЕГЕЛЯ И СИСТЕМА ЛОГИКИ В «КАПИТАЛЕ»
К. МАРКСА**

Сравнительное изучение системы логики Гегеля и системы логики «Капитала» К. Маркса позволяет достигнуть ряда важных результатов. Во-первых, детально и систематически выявить рациональное содержание логики Гегеля, чего нельзя осуществить в полной мере без сравнительного исследования с «Капиталом». Во-вторых, творческое использование и применение идей «Капитала» во всем их богатстве и глубине необходимо предполагает понимание взглядов К. Маркса с учетом их развития, а значит, и связи с идейными источниками их возникновения и формирования. И логика Гегеля среди этих источников занимает не последнее место.

Характеризуя соотношение своего метода и метода Гегеля, К. Маркс писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹. Здесь К. Маркс указывает на противоположность своего метода методу Гегеля. Но в том же Послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» он утверждает: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»².

Если исток и тайна гегелевской философии заключены в «Феноменологии духа», то сущность философии Гегеля содержится главным образом в его «Науке логики». Логика в философии Гегеля занимает центральное место.

К. Маркс перерабатывал диалектику, логику Гегеля в течение многих лет. Раскрытие под мистической оболочкой «рационального зерна» диалектики, логики Гегеля К. Маркс осуществлял уже в 40-е годы XIX в. Но акцент он делал тогда на критику идеализма гегелевского метода, гегелевской логики. Основным итогом теоретической деятельности К. Маркса в эти годы было открытие материалистического понимания истории.

В 50—60-е годы положение несколько изменилось. В процессе пе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

² Там же, с. 22.

реработки К. Марксом гегелевского метода, гегелевской логики изменяется акцент. Критика идеализма Гегеля продолжается и углубляется, но внимание К. Маркса преимущественно сосредоточивается на дальнейшем выделении «рационального зерна» метода Гегеля. Это произошло под воздействием следующих причин. Одну из них указал сам К. Маркс в том же Послесловии: «...Как раз в то время, когда я работал над первым томом «Капитала», крикливые, претенциозные и весьма посредственные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Мозес Мендельсон третировал Спинозу, как «мертвую собаку». Я поэтому открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения»³.

Характеристика другой, не менее важной, причины содержится в рецензии Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии», где говорится об эпохальном значении труда К. Маркса. «В сочинении, подобном тому, которое лежит перед нами, — пишет Ф. Энгельс, — не может быть и речи о простой критике отдельных, оторванных друг от друга положений политической экономии, об обособленном рассмотрении тех или других спорных экономических вопросов. Напротив, это сочинение с самого начала построено на систематическом охвате всего комплекса экономических наук, на связанном изложении законов буржуазного производства и буржуазного обмена...

Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана хотя бы одна попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной, внутренней связи»⁴.

В 50—60-е годы перед К. Марксом встала задача систематизации своих политэкономических исследований, развития науки в ее внутренней связи, а так как Гегель был единственным человеком до К. Маркса, который, хотя и на идеалистической основе, попытался таким образом развить науку, то обращение к этой попытке и критическое использование достигнутых Гегелем рациональных результатов было естественным и необходимым. Создание теории прибавочной стоимости, развитие политэкономии капитализма в ее внутренней связи потребовали осмысления рационального содержания системы логики Гегеля.

К. Маркс переосмысливал метод, логику Гегеля не умозрительно, а в связи со своим конкретно-научным исследованием. В процессе изучения логики дела он развивал и дело логики. И именно в «Капитале» — произведении, в котором К. Маркс выразил теорию прибавочной стоимости, — содержится и система Логики К. Маркса (Логика с большой буквы, т. е. логики, имеющей всеобщее значение); и вместе с тем «Капитал» фактически заключает в себе критику системы логики Гегеля, хотя логическое содержание важнейшего труда марксизма и присутствует слитно с его политэкономическим содержанием. Поэтому необходимо специальное диалектико-логическое исследование «Капитала» для выявления системы диалектической логики К. Маркса.

В. И. Ленин гениально наметил задачи изучения логики «Капитала». Среди его высказываний есть следующий парадокс, имеющий чрезвычайное значение для постижения логики «Капитала» К. Марк-

³ Там же, с. 21—22.

⁴ Там же, т. 13, с. 494.

са: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!»⁵

Сравнение системы логики Гегеля и системы логики «Капитала» К. Маркса обнаруживает большее рациональное содержание логики Гегеля и более глубокие отличия диалектико-материалистической логики от логики Гегеля, чем это обычно представляют⁶. В самом общем виде схема, структура логики «Капитала» К. Маркса соответствует схеме, структуре «Науки логики» Гегеля. Действительно, К. Маркс начинает «Капитал» с рассмотрения товара и денег, т. е. именно с того, как прежде всего выступает «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства...»⁷, как капиталистическое богатство выступает на поверхности⁸. При рассмотрении товара и денег К. Маркс еще не раскрывает сущности капитала и поэтому не определяет, что такое капитал. Затем через характеристику превращения денег в капитал он переходит к отображению производства капитала. Но производство капитала есть сущность капитала.

Во втором томе анализируется обращение капитала. К. Маркс как бы возвращается к товару и деньгам, однако теперь его интересуют не товар и деньги сами по себе, а то, как капитал проявляется в обращении товаров и денег, а это уже не просто товары и деньги, но товарный и денежный капитал. Следовательно, во втором томе рассматривается явление капитала.

В третьем томе К. Маркс продолжает как бы возвращение к исходному пункту — к поверхности. «Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, — пишет он, — шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в действии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»⁹. Предметом исследования в третьем томе служит единство процессов производства и обращения капитала. В общем виде это единство характеризуется уже в конце второго тома, предмет же третьего тома более точно определяется так: «Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*. В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид (Gestalt) капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступает лишь в качестве особых моментов»¹⁰.

Конкретные формы единства процессов производства и обращения, т. е. конкретные формы единства сущности и явления капитала, и есть не что иное, как действительность капитала. Таким образом, это движение мысли похоже на движение мысли в логике Ге-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.

⁶ Систематическое и подробное сравнение системы логики Гегеля и системы логики «Капитала» см.: Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 43.

⁸ В обыденном сознании прилагательное от существительного «поверхность» часто имеет предосудительное значение и вызывает отрицательные эмоции. Мы употребляем здесь слово «поверхность» в категориальном смысле, для обозначения того необходимого уровня познания, от которого начинается движение познания вглубь.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 29.

¹⁰ Там же.

геля от бытия к сущности, явлению, действительности. Но уже здесь имеются и принципиальные различия.

Логика К. Маркса — это логика диалектико-материалистическая, логика Гегеля основывается на идеализме. Гегель отрывает мышление от породившей его основы, превращает мышление в изначально самостоятельно существующее и порождающее весь остальной мир как свое инобытие. С позиции К. Маркса исследуемый предмет не зависит от теоретически осмысляющей его головы, с позиции Гегеля предметы внешнего мира суть отчуждения мышления. Поэтому К. Маркс исследует не зависящую от мышления, но отображаемую мышлением, специфическую сущность определенного предмета, а для Гегеля задача заключается в том, чтобы подвести рассматриваемый предмет под те или иные логические категории. Говоря словами К. Маркса, Гегеля интересует «не логика самого дела, а дело самой логики»¹¹.

Гегель абсолютизировал мышление, истолковывал его в качестве абсолютного. Действительным исходным пунктом философии Гегеля, как доказал Л. Фейербах, является абсолют. Но признание существования абсолюта есть признание существования абсолютного в отрыве от относительного. Абсолютное в отрыве от относительного на самом деле не существует, а следовательно, есть ничто, и оно совершенно неопределенно. Поэтому исходить из существования абсолюта — значит исходить из того, что абсолют есть, но это такое «есть», которое совершенно неопределенно и совершенно тождественно ничто. Гегель и исходит в построении системы своей логики из совершенно неопределенного бытия, совершенно неопределенного есть.

К. Маркс как материалист не может признавать мышление в отрыве от порождающей его основы, не может признавать всеобщее в предметах в отрыве от специфики предметов. Для материалиста всеобщее в предметах не существует только само по себе, в отрыве от особенного и единичного в предметах. Выделение всеобщего в процессе познания идет через исследование специфических, определенных, конкретных предметов, и всеобщее, будучи отлично от единичности, конечности, специфичности этих предметов, вместе с тем отлично лишь в единстве со своей противоположностью.

Логика «Капитала» начинается с поверхности, или бытия, однако не с абсолютного, не с неопределенного бытия, а с бытия относительного, определенного, конкретного предмета. Поскольку рассматриваемый конечный особый специфический предмет сразу не обнаруживает свою сущность, поскольку сущность специфического предмета вначале скрыта от познающего, постольку для мышления познающего человека сущность предмета оказывается неизвестной, неопределенной. В этом смысле в мышлении, отображающем поверхность конечного, специфического предмета, главным образом констатируется то, что некий предмет есть, а не то, что он есть по своей сути. Следовательно, можно сказать, что логика «Капитала» начинается с категории бытия, но в этой категории фиксируется некое конечное определенное, относительное бытие, бытие определенно-конечного предмета.

Гегель начинает с совершенно неопределенного, абсолютного бытия. Здесь его идеализм оказывается вместе с тем метафизикой, отрицанием диалектики. Логика «Капитала» начинается с противоречия: с одной стороны, предмет рассмотрения есть, с другой стороны,

¹¹ Там же, т. I, с. 236.

еще не раскрыта его сущность и постольку неизвестно, что есть предмет, но вместе с тем предмет как особый, отличный от других предметов хотя еще и не постигнут в мышлении, однако существует независимо от мышления и первоначально дан в живом созерцании.

В мышлении может быть отображен не зависящий от него предмет только в том случае, если мышление совершается в единстве с живым созерцанием, если мышление корректируется предметом, не зависящим от мышления и выступающим сначала в живом созерцании. С позиции же идеализма Гегеля мышление существует изначально, первично и творит из себя предметы, а потому чувственное познание не имеет самостоятельного значения, не сводимого к мышлению. Ему отводится лишь феноменологическая роль, лишь роль обнаружения уже существующего мышления. Каждый логический переход в таком случае не корректируется предметом, существующим вне и независимо от теоретически мыслящей головы и данным первоначально в живом созерцании.

Таким образом, диалектико-материалистическая логика берет мышление в единстве с его противоположностью — чувственным познанием, и притом не только мышление не сводимо к чувственному познанию, но и чувственное познание не сводимо к мышлению. И как мышление не может быть действительным мышлением вне его единства с чувственным познанием, с отображением предмета как не зависящего от мышления, так и логика не существует в качестве логики вне связи с теорией познания и диалектикой, логика должна быть понята в единстве с теорией познания и диалектикой.

В познавательном аспекте в «Капитале» господствует движение познания от абстрактного к конкретному. Это движение есть главным образом движение мышления. В «Капитале» в восхождении от абстрактного к конкретному предмет не порождается, а отображается мышлением. Поэтому восхождение от абстрактного к конкретному происходит в единстве со всей не сводимой к восхождению противоположностью — движением познания от чувственно-конкретного к абстрактному — и корректируется в соответствии с этой своей противоположностью.

Само мышление должно быть понято как снимающее внутри себя свою противоположность — предмет, не зависящий от теоретически мыслящей головы и первоначально данный в живом созерцании. В специально логическом плане это означает, что движение мысли от поверхности, бытия к сущности, явление и действительности совершается в единстве с противоположным движением мышления — от действительности к явлению, к сущности и бытию, т. е. к поверхности, хотя явно и на первый план в изложении выступает движение: бытие → сущность → явление → действительность. Чтобы осмыслить какой-нибудь предмет, уже с самого начала приходится сделать выбор изучаемого предмета, а для этого необходимо предварительно составить себе представление о том, что он есть. В «Капитале» К. Маркс рассматривает, например, товар, но уже с точки зрения исследования капитала, т. е. анализ товара он осуществляет с учетом имеющихся у него представлений, что такое капитал, какова его суть и т. д. Напротив, логика Гегеля представляет собой «однонаправленную» логику, логику, воспроизводящую по сути дела движение мысли «бытие → сущность → явление → действительность».

В этом различии логики «Капитала» и логики Гегеля проявляется то, что логика «Капитала» представляет собой логику изложения.

единую с не сводимым к ней полностью процессом исследования, а логика Гегеля оказывается логикой изложения, совершенно тождественной процессу исследования.

Итак, с одной стороны, общая схема гегелевской логики, общее движение мысли «бытие → сущность → явление → действительность» имеет место и в «Капитале» К. Маркса. Но, с другой стороны, К. Маркс начинает с поверхности, бытия определенного, конкретного предмета. Логика «Капитала» как логика материалистическая означает не наложение на предметы идей, категорий и сведение к ним предметов, а отображение в идеях, категориях логики предметов, не зависящих от мышления и обладающих своей спецификой, с которой мышлению приходится соотносываться при отображении каждого нового предмета. И это касается не только начала, но и всего хода движения мысли. А так как каждый раз предмет первоначально дан в живом созерцании, то ход мышления должен осуществляться в единстве с живым созерцанием, с чувственным познанием, с предметом, существующим независимо от мышления. Следовательно, логика должна пониматься в единстве с теорией познания и диалектикой и вместе с тем быть не сводимой к ним. Более того, логика внутри себя содержит свою противоположность, и эта противоположность заключается в том, что движение мысли от бытия, поверхности к сущности, затем к явлению и к действительности совершается в единстве с противоположным логическим движением.

Предмет рассмотрения сначала дан в общественной практике как заслуживающий изучения, отличный от других предметов, как предмет, сущность которого требуется познать. И сначала имеется настоятельная потребность в изучении предмета, представшего в качестве особого предмета, а затем образуется догадка (позже — гипотеза) о его сути.

Однако логика «Капитала» и ее отличие от логики Гегеля не исчерпываются сказанным. Будучи идеалистом, Гегель исходит из мышления, взятого в отрыве от материи, которая ее порождает и которую оно отображает. Поэтому мышление у него с необходимостью замыкается в самом себе, абсолютизируется. Логика Гегеля есть логика замкнутого в себе и на себя мышления, Гегель исходит из абсолюта и кончает им. Логика Гегеля — логика замкнутой системы и замкнутая система логики. Как таковая она не имеет ни будущего, ни прошлого.

Напротив, К. Маркс — материалист, мышление для него есть специфическое особое отображение бесконечно движущейся и не зависящей от мышления материи. Поэтому наука логики, во-первых, изучает мышление не только само по себе, в отрыве от того, что мышлением отображается, но и в единстве мышления с отображаемым и в отличии мышления от отображаемого. Следовательно, логика имеет свою специфику, но специфика ее существует лишь в единстве логики с тем, что логикой не является: с отображаемыми предметами, данными первоначально в живом созерцании. Поэтому Логика, т. е. всеобщая логика «Капитала», с одной стороны, отлична от логики политэкономии капитализма, а с другой стороны, неразрывно с ней связана, внутренне едина. Логика «Капитала», с одной стороны, отлична от теории познания марксизма, а с другой стороны, внутренне связана с ней. Во-вторых, логика представляет собой историческое образование, она не может не изменяться с изменением отображаемых предметов. В-третьих, всякая материалистическая логика должна в категориях зафиксировать прошлое, настоящее, будущее отображаемых

предметов. Между тем в логике Гегеля изображается лишь настоящее, да и то в мистифицированном виде.

Если мы отвлечемся от первого и второго пунктов, которые требуют специального рассмотрения и выходят за рамки статьи, то следует сказать, что в таком случае логика К. Маркса сложнее логики Гегеля. Прошлое и будущее не могут быть полностью сведены к настоящему. Это верно и относительно логики К. Маркса исходит из несводимости настоящего, прошлого и будущего, из их единства как единства различного. Логика К. Маркса принципиально трехвитковая, логика Гегеля, поскольку она идеалистична, одновитковая. В логике К. Маркса должен быть виток спирали, посредством которого специально отображается прошлое, сохраняющееся в снятом виде в настоящем, виток спирали, посредством которого специально отображается настоящее, и виток спирали, посредством которого отображается будущее, вызревающее в настоящем. При относительно различных этих витков они не представляют собой чего-то совершенно самостоятельного, но образуют внутреннее единство. Так, прошлое капиталистической экономики присутствует в снятом виде во всем рассмотрении К. Марксом капитала. Вместе с тем прошлое капитала, существующее в снятом виде при капитализме, специально выступает в исследовании К. Марксом товара и денег. Товар и деньги существовали до капитализма, до появления капитала. Товарно-денежные отношения превращаются в капиталистические тогда, когда они становятся всеобщими, всеохватывающими, когда они подчиняют себе и обращение и производство (т. е. когда товаром становятся факторы собственно производства — рабочая сила и средства производства). К. Маркс рассматривает вначале не товарный и не денежный капитал, а простые товар и деньги. Однако предметом его рассмотрения они служат постольку, поскольку в таком виде существуют при капитализме (а не в таком, в каком они существовали до капитализма). Другими словами, простые товар и деньги исследуются не в отрыве от других сторон, образований капитализма, а с учетом того места и значения, которые они имеют в капиталистической экономике.

Отображение товара и денег К. Марксом представляет собой виток спирали. К. Маркс начинает характеристику товара с потребительной стоимости. Товар «бросается в глаза», выступает на поверхности прежде всего как вещь, способная удовлетворить ту или иную потребность. Потребительная стоимость в категориальном аспекте выступает в качестве категории бытия, поверхности товара (но не капитала). Рассмотрев потребительную стоимость саму по себе, К. Маркс переходит к исследованию общественных отношений, которые скрываются за отношением потребительных стоимостей, и вскрывает стоимость — кристаллизацию общественно-среднеобязательного труда. Стоимость как таковая не дана чувственно, ее нельзя пощупать, нельзя увидеть, но тем не менее она существует. Стоимость есть внутреннее товара, она есть сущность товара. Если потребительная стоимость создается конкретным трудом, то стоимость — абстрактным трудом. Исторически определенный труд оказывается субстанцией товара, и эта субстанция двойственна.

Проанализировав стоимость саму по себе, К. Маркс идет снова от сущности к поверхности, к бытию, но теперь уже на основе познанной сущности. Он исследует то, как стоимость проявляется в отношении потребительных стоимостей, рассматривает формы проявления стоимости (простую, развернутую, всеобщую, денежную). В ходе развития форм стоимости развивается поляризация стоимости и по-

ребительной стоимости; непосредственное тождество потребительной стоимости и стоимости поляризуется в отношении различных товаров. Анализируя движение от сущности (стоимости товара) к явлению (проявлению стоимости в отношении потребительных стоимостей), изучая формы явления сущности, К. Маркс рассматривает не просто потребительную стоимость и стоимость сами по себе, а единство стоимости и потребительной стоимости и формы этого единства. После отображения форм стоимости К. Маркс характеризует процесс обмена и затем деньги, или обращение товаров. Речь идет специально об обмене в целом, о целостности обращения. Так, в третьей главе первого тома «Деньги, или обращение товаров» К. Маркс раскрывает функции денег, т. е. функции не тех или иных отдельных товаров, но именно целостности движения всех товаров. А это и есть не что иное, как действительность, единство сущности и явления и его формы. Это есть виток отображения прошлого, или малый виток спирали логики «Капитала». Настоящее отображается специально в том витке спирали логики «Капитала», о котором мы говорили выше, рассматривая структуру «Капитала» в целом. Назовем его большим витком спирали логики «Капитала» К. Маркса.

Развитие капиталистического общества, в частности капиталистической экономики, ведет в конце концов — но не автоматически — к его гибели и к образованию нового, коммунистического общества. Сущность нового общества в недрах капитализма не образуется, создаются только его предпосылки. Соответственно логика отображения будущего при рассмотрении развития капиталистической экономики не может доходить до непосредственного отображения сущности нового. О ней можно судить по развитию предпосылок новой, еще не существующей сущности. Воспроизведение будущего в логике «Капитала» в точном соответствии с предметом исследования представляет собой отрезок спирали — движение мысли от бытия к сущности. Но сущность здесь непосредственно не воссоздается, так как ее в самой действительности еще не было.

Остановимся на этом витке несколько подробнее. На поверхности, в бытии (в данном случае капитала) пределы существования предмета не обнаруживаются. В самом деле, в сфере обращения движение капитала есть процесс постоянного возрастания денег, и он выражается всеобщей формулой капитала $D - T - D'$, где D — деньги, T — товар и D' — возросшие деньги. Тут нельзя увидеть никакого предела существования, движения, возрастания капитала, так как исходный и конечный пункты движения, сколько бы оно ни совершалось, остаются качественно тождественными друг другу. Различие между конечным и исходным пунктами чисто количественное. Капитал и капитализм, если ограничиться сферой обращения, взятой в отрыве от сферы производства, представляются вечными. И это объективная иллюзия.

Предел существования предмета в логике «Капитала» начинает обнаруживаться с переходом от бытия к сущности этого предмета (в данном случае капитала). Переход от поверхности, бытия к сущности представлен в «Капитале» при рассмотрении превращения денег в капитал. Превращение денег в капитал есть продажа свободным рабочим («свободным» от собственности на средства производства и свободным в смысле возможности распоряжаться своей способностью к труду) своей рабочей силы собственнику средств производства. Пока процесс совершается в сфере обращения, создание капитала еще не выявляется. Но вот купленная рабочая сила (спо-

способность к труду) вступает в процесс производства, начинает потребляться. Ее потребление путем использования принадлежащих капиталисту средств производства означает создание трудом рабочего стоимости, превышающей стоимость купленной рабочей силы. Это процесс собственно созидания, производства капитала. Капитал создает потребление купленной капиталистом рабочей силы, капитал живет, пока потребляется купленная рабочая сила.

К. Маркс выделяет две основные формы прибавочной стоимости — абсолютную и относительную. Абсолютная прибавочная стоимость есть прибавочная стоимость, производимая за счет удлинения рабочего дня при неизменном необходимом рабочем времени, т. е. времени, которое требуется ежедневно для воспроизводства стоимости рабочей силы. Относительная стоимость «возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения соотношения величин обеих составных частей рабочего дня»¹². При производстве абсолютной прибавочной стоимости способ производства остается неизменным. Для производства относительной прибавочной стоимости «необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости»¹³.

Производство абсолютной прибавочной стоимости наталкивается на природный предел длины рабочего дня — 24 часа в сутки. Да и этот предел регулярно достигать невозможно. Конечно, сохраняется возможность применения все большего числа рабочих при неизменяющемся способе производства, но при этом норма прибавочной стоимости (или отношение $\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$, где m — прибавочная стоимость, а v — переменный капитал) остается неизменной, т. е. остается неизменной степень эксплуатации рабочей силы капиталом.

Капитал при производстве абсолютной прибавочной стоимости развивается экстенсивно, изменяется количественно. Предел рабочего дня — предел количественного изменения капитала. Увеличение массы прибавочной стоимости за счет увеличения числа рабочих при неизменной норме прибавочной стоимости тоже имеет в конечном счете количественный предел. Но развитие капитализма прежде всего наталкивается на количественный предел в виде предела длины рабочего дня, ибо природа капитала, как указывает К. Маркс, с необходимостью направляет его прежде всего по пути увеличения степени эксплуатации рабочей силы.

Капиталисты в своем стремлении к увеличению рабочего дня наталкиваются и на возрастающее сопротивление рабочих. Как результат борьбы капиталистов и рабочих устанавливается законодательное ограничение рабочего дня. К. Маркс показывает это на огромном фактическом материале. Конечно, капиталисты находят множество уловок, чтобы обойти фабричное законодательство. И всё же длина рабочего дня ограничивается. Основным путем усиления степени эксплуатации рабочей силы оказывается в этих условиях повышение производительной силы труда. Капитализм при господстве производства относительной прибавочной стоимости развивается преимущественно

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 325.

¹³ Там же.

интенсивно. Тут и обнаруживается уже не количественный предел определенной формы существования, движения капитала, а качественный, точнее, мерный предел движения капитала вообще. Действительно, по мере развития производительной силы труда, по мере развития производительных сил сокращается применение переменного капитала относительно постоянного капитала. Между тем именно переменный капитал есть живой капитал, именно потребление рабочей силы создает капитал. «Накопление капитала, которое первоначально представлялось лишь как его количественное расширение, осуществляется, как мы видели, в непрерывном качественном изменении его строения, в постоянном увеличении его постоянной составной части за счет переменной»¹⁴. Говоря языком математики, постоянный капитал стремится к бесконечности, а переменный — к нулю.

Абсолютное устранение переменного капитала, сведение его к нулю, а следовательно, и абсолютный предел существования капитализма могут быть достигнуты при абсолютной автоматизации, при полном исключении живого труда из процесса производства. Но это вряд ли будет достигнуто, по крайней мере в обозримом будущем. Надежды на автоматический крах капитализма по сути своей бесперспективны и не имеют ничего общего с марксизмом. Однако, как доказал К. Маркс, «по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»¹⁵, образуются субъективные и объективные условия для победоносной борьбы рабочего класса.

Мерный предел существования капитала обнаруживается при производстве относительной прибавочной стоимости также в том, что необходимой формой «жизнедеятельности» капитала оказывается развитие производительных сил. Характер же производительных сил превращается при этом в свою противоположность: с утверждением машинного производства становится технической необходимостью общественный характер труда. Частнобуржуазные капиталистические производственные отношения вступают в непреодолимое в условиях капитализма, зрелое противоречие с уровнем и характером развития производительных сил. Мерный предел в отличие от количественного предела — это предел самого существования капитализма как такового.

Сравнение системы логики «Капитала» и логики Гегеля представлено в данной статье в самом общем виде. Однако уже и такое сравнение позволяет сделать некоторые выводы.

«Рациональных зерен» в логике Гегеля значительно больше, чем это обычно представляют. Вместе с тем логика «Капитала» принципиально отлична от логики Гегеля. Материализм и логика в «Капитале» внутренне едины. Именно материалистическая позиция дает возможность для последовательного развития диалектической логики, в то время как идеализм по своей сути внутренне един с метафизикой. Причем материалистический характер логики К. Маркса и идеалистический характер логики Гегеля внутренне связаны также и с различным строением систем их логики.

«Капитал» К. Маркса представляет непревзойденный образец деятельного и систематического сознательного использования диалектико-материалистического метода в процессе исследования целой кон-

¹⁴ Там же, с. 643.

¹⁵ Там же, с. 660.

кретной науки (политэкономии капитализма). Изучение логики «Капитала» и творческое ее применение в различных науках открывают огромные перспективы.

Глава X. **ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ**

Восхождение от абстрактного к конкретному — способ отображения сущности объекта как органического целого.

Непревзойденным, классическим образцом исследования объекта как органического целого служит «Капитал» К. Маркса. Именно в «Капитале» способ восхождения от абстрактного к конкретному представлен в наиболее развитом виде. Подход К. Маркса к капиталистической общественно-экономической формации

как к органическому целому коренным образом отличается от подхода буржуазных экономистов. Классики буржуазной политэкономии представляли себе общество в основном как сумму изолированных индивидов, как такое целое, элементы которого связаны друг с другом главным образом внешне. Элемент как часть целого, будучи взят отдельно от других элементов, не мог быть понят.

Представление буржуазной политэкономии об изолированном человеке (так называемая робинзонада) выросло на почве частной собственности. Частная собственность отчуждает людей друг от друга. Люди, захваченные отношениями частной собственности, представляют себе человека как «атом», как изолированного индивида, а общество — как механическое целое, как агрегат таких индивидов. К. Маркс, отстаивавший практически и теоретически интересы класса, «призванного» объективным ходом истории возглавить борьбу за общественную собственность, в области методологии упор сделал на изучение внутренней связи явлений, на внутреннее взаимодействие.

Предмет в качестве органического целого изучал уже Гегель. Но позиция К. Маркса коренным образом отлична от гегелевских воззрений на органическое целое. С одной стороны, Гегель видел некоторые отрицательные последствия отчуждения, порабощающего человека разделения труда (например, отрицательное воздействие на человека одностороннего механического труда). Но с другой стороны, он пытался преодолеть отчуждение, оставаясь в целом на позициях теории отчуждения. Гегель представлял органическое целое, по сути дела, как исключительно духовный продукт. Органическое целое представлялось ему существующим не в самой реальной действительности, не независимо от мышления, а лишь в мышлении. Предметный мир, действительность представлялись как не имеющие своей сущности, их сущностью оказывалось мышление. Мышление в предметном мире познает лишь себя. Следовательно, представление, мысль об органическом целом была понятна как изначальная, оторванная от материальной действительности, духовная реальность.

Если Гегель попытался преодолеть отчуждение лишь мысленно, на основе сохранения существующего антагонистического общества, то К. Маркс выражал взгляды последовательно революционного класса, возглавлявшего борьбу всех трудящихся против эксплуатации, борьбу за упразднение старого, антагонистического общества. В области методологии он, во-первых, строго различал реальное органическое целое и его отображение в мышлении и, во-вторых, последовательно рассматривал органическое целое в его развитии.

Выяснение роли, места, значения метода восхождения от абстрактного к конкретному предполагает рассмотрение процесса отображения органического целого в его развитии.

С чего начинается отображение органического целого? Прежде всего необходимой предпосылкой отображения органического це-

лого является его реальное существование. Реально существующее органическое целое обозначается термином «реальное конкретное». Реально существующее органическое целое первоначально отображается чувственно, в живом созерцании, воспринимается по преимуществу непосредственно, внешне. Попадающие в «поле зрения» стороны реального конкретного представляются в основном как не связанные друг с другом, здесь преобладает хаотическое представление о предмете.

От хаотического представления о целом, т. е. от конкретного, как оно дано в живом созерцании, познание движется ко все более и более простым определениям, пока, наконец, не выделится простейшая сторона (отношение) целого. На этом пути преобладает анализ. Но уже здесь движение познания противоречиво. Анализ совершается в единстве с синтезом, существует противоречие между догадкой (отнюдь не всегда верной) о сущности и предметом как непосредственно данным. Наличие догадки о том, что предмет собой представляет, направляет познание и в определенной степени заставляет искать связи анализируемых сторон, не сводимые к установлению лишь их сходства. Тем не менее первоначально все же господствует анализ.

Таков первоначальный путь познания органического целого. Осознание же его может быть односторонним. Преобладание анализа может заслонить наличие в этом процессе познания моментов синтеза, тогда эта стадия познания органического целого предстанет как только аналитическая.

Конечный пункт движения от хаотического представления о целом, от чувственно-данного конкретного к абстрактному — выделение простейшей стороны, простейшего отношения органического целого. Что же такое простейшая сторона (отношение), если ее определить в связи с обозначенным выше движением познания?

Дальнейшее расчленение уже выводит за рамки данного предмета, так как теряется его специфика. Например, простейшее отношение капиталистической экономики — товар. Товар имеет потребительную стоимость и стоимость. Стоимость нельзя понять, не поняв, что такое потребительная стоимость. Но потребительную стоимость нельзя взять в качестве простейшего при рассмотрении экономики капитализма, ибо потребительная стоимость существует не только при капитализме и даже не только при наличии товара. Если взять в качестве простейшего потребительную стоимость, то будет утеряна специфика капитализма. Правда, стоимость существует не только при капитализме, для капитализма стоимость специфична лишь в ее полном развитии, когда она пронизывает и «освещает» соответственно все производство. Но такое понимание стоимости создается главным образом на следующей, более глубокой стадии познания предмета. Следовательно, отражение простейшей стороны, поскольку оно происходит в процессе и в результате преобладания движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному, преобладания анализа, представляет собой понятие абстрактное.

Выделение простейшего отношения, таким образом, есть результат движения познания от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному. Результат этот становится исходным пунктом следующей стадии познания, от абстрактного к конкретному. Отражение простейшего отношения в процессе восхождения от абстрактного к конкретному существенно углубляется и полное понимание простейшего отношения достигается с завершением процесса восхождения от абстрактного к конкретному.

Если на предыдущей стадии органическое целое главным образом (но отнюдь не исключительно) расчленилось на отдельные стороны, которые изучались преимущественно по отдельности, сравнивались между собой по сходству и различию, то восхождение от абстрактного к конкретному в качестве главной задачи имеет установление связи, единства, взаимодействия различных сторон. Результат восхождения от абстрактного к конкретному — такое отображение реально существующего органического целого, в котором стороны этого целого поняты в единстве. Главная цель движения познания, совершающегося способом восхождения от абстрактного к конкретному, — раскрытие сущности органического целого.

На предыдущей стадии связь, если она фиксируется, представляется по преимуществу как простое сосуществование сторон предмета друг с другом или как следование одного за другим, как внешняя связь сторон. На стадии восхождения от абстрактного к конкретному преобладает отражение внутренней связи, внутреннего единства сторон, т. е. такой связи, когда каждая сторона выступает определенной по своей сущности именно вследствие ее связи с другими сторонами органического целого. Конкретное как результат, конечный пункт восхождения от абстрактного к конкретному есть единство (и притом главным образом внутреннее единство) различных, многообразных определений предмета.

В восхождении от абстрактного к конкретному преобладает синтез. Вместе с тем если на первой стадии анализ хотя и преобладал, но все же не осуществлялся в полном отрыве от синтеза, то на стадии восхождения от абстрактного к конкретному на первый план выступает синтез в его внутреннем единстве с анализом. Установление различия отдельных сторон (анализ) невозможно без фиксирования того или иного сходства, связи между ними; установление сходства, единства сторон (синтез) невозможно без фиксирования различия между ними. Но преобладание анализа или синтеза возможно.

Однако в движении познания от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному анализ есть преимущественно изоляция сторон, а синтез — преимущественно сходство, одинаковость, внешняя связь изолированных сторон. В восхождении от абстрактного к конкретному имеет место в большей мере единство синтеза и анализа, различие представлено через единство, а единство есть внутренняя связь различного, т. е.

синтез осуществляется через анализ, а анализ через синтез. Следовательно, так или иначе мышление человека и на первой, и на второй стадии осуществляется в единстве противоположностей — анализа и синтеза. Кроме того, и сами стадии существуют как противоположности по отношению друг к другу: на первой преобладает анализ, притом преимущественно как фиксирование различий внешне сходных сторон, а на второй — синтез, внутренне единый со своей противоположностью, анализом.

В целом — если брать основную линию движения познания — отображение органического целого совершается по спирали, причем движение совершается в противоположных направлениях. От чувственно-данного, а значит, в общем и целом, еще теоретически не расчлененного отображения реального конкретного, познание идет к абстрактному, путем вычленения отдельных сторон и их изучения, затем познание идет в противоположном направлении: к установлению связи, единства, но уже теперь расчлененных сторон. Одновременно, еще на первом пути, имеется противоположное движение познания — возникает догадка о сущности, а следовательно, и зародыш синтетического отражения предмета, проникновения во внутренние связи; на втором же пути первый путь не исчезает полностью, а присутствует в «снятом» виде.

Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой главную стадию в отображении органического целого, ибо именно на этой стадии первостепенной задачей становится раскрытие внутренних связей, внутреннего единства сторон органического целого, иначе говоря, совокупности законов и закономерностей, сущности органического целого.

В истории познания человечества было два наиболее типичных заблуждения по поводу описанных выше стадий познания. Реальный процесс познания очень сложен, труден, и эти заблуждения при определенных условиях могут иметь место — пусть и не в развитом виде — и в индивидуальном познании. Знание истории и сути заблуждений — довольно эффективное лекарство против них.

Первое типичное заблуждение: движение от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному познающий человек воспринимает в отрыве от восхождения от абстрактного к конкретному, анализ в отрыве от синтеза и абсолютизирует движение от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, абсолютизирует анализ. Такое заблуждение, если его придерживаться последовательно, ведет к беспорядочному, хаотическому накоплению знаний, к скольжению по поверхности предметов, процессов, к отрицанию сущности, к отрицанию внутренних, невидимых на поверхности связей предметов, процессов. В наиболее отчетливом виде такая позиция в области политической экономии присуща вульгарным экономистам, а в области философии — эмпирикам и позитивистам.

Второе типичное заблуждение — восхождение от абстрактного к конкретному отрывается от противоположного движения позна-

ния, синтез отрывается от анализа и абсолютизируется восхождение от абстрактного к конкретному, абсолютизируется синтез. Это заблуждение в наиболее развернутом и последовательном виде представлено в логике Гегеля. Гегель высказал много гениальных догадок о месте и роли способа восхождения от абстрактного к конкретному в познании, о его механизме и т. д. Однако Гегель представил восхождение от абстрактного к конкретному как единственный способ образования знания и лишил действительного познавательного значения движение познания от чувственного конкретного к абстрактному. Движение от чувственного конкретного к абстрактному есть движение от живого созерцания к мысли, к понятию, это есть процесс сопоставления мыслей, понятий с фактами. Лишить действительного познавательного значения движение от чувственного конкретного к абстрактному и утверждать, что только восхождение от абстрактного к конкретному есть действительное познание, — значит оторвать ход мысли от сопоставления с чувственными данными, с данными живого созерцания, с фактами, значит, признать, что развитие мысли не зависит от фактического положения дела. В еще более общем виде это означает, что мышление отрывается от реальной действительности и изображается как только само себя порождающее. И это есть не что иное, как идеализм.

Последовательное, диалектико-материалистическое понимание способа восхождения от абстрактного к конкретному необходимо включает в себя следующие моменты.

Во-первых, восхождение от абстрактного к конкретному — не чистое самопорождение мыслью самой себя, а отображение реального органического целого, реального конкретного. В восхождении от абстрактного к конкретному отображается главным образом сущность, внутренние связи органического целого, причем отображение осуществляется от простейшего отношения органического целого ко все более сложным отношениям этого целого. Чтобы способ восхождения от абстрактного к конкретному стал господствующим отображением органического целого, нужно чтобы оформились его стороны, отношения. Простейшее отношение реально становится вполне простейшим отношением данного органического целого тогда, когда формируются остальные, более сложные отношения этого целого.

Во-вторых, правильное применение способа восхождения от абстрактного к конкретному необходимо предполагает предварительное осуществление стадии движения познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. Это относится и к науке в целом, и к отдельному индивиду. Наука, предметом которой является данное органическое целое, должна пройти путь, на котором преобладает движение познания от чувственного конкретного к абстрактному. Познающий индивид должен быть достаточно развит, чтобы в его познании данного органического целого мог стать господствующим способ восхождения от абстрактного к конкретному. Для этого он также должен прой-

ти в своем развитии стадию, на которой преобладает движение познания от чувственного конкретного к абстрактному.

В-третьих, оба хода движения познания — от чувственного конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному — должны постоянно браться в их единстве, но при этом следует различать преобладание то одного, то другого на разных этапах познания. Способ восхождения от абстрактного к конкретному применим постольку, поскольку те или иные черты процесса, развития созрели, достигли развитого вида. В классическом же, наиболее полном виде способ восхождения от абстрактного к конкретному есть мысленное отображение зрелой стадии процесса развития.

Сформулированная таким образом проблема восхождения от абстрактного к конкретному оказывается проблемой исторического и логического, а именно проблемой отношения отображения в мышлении реального процесса развития (логического) и самого реального процесса развития (исторического).

Реальное органическое целое развивается, оно не возникает в готовом виде, сразу. Его развитие проходит несколько стадий, прежде чем новое органическое целое не преобразует унаследованную основу, из которой оно возникло. Органическое целое, преобразуя унаследованную основу, достигает стадии зрелости. Стадии развития незрелого, неразвитого органического целого по преимуществу воспроизводятся посредством движения познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, а восхождение от абстрактного к конкретному играет здесь подчиненную роль. Положение меняется на прямо противоположное в процессе отображения развитого, зрелого органического целого: теперь доминирует восхождение от абстрактного к конкретному, а движение от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному становится подчиненным моментом. Известно, что прошлое не сохраняется полностью в настоящем, но и не исчезает полностью, оно сохраняется в настоящем в преобразованном виде. Настоящее изменяется, развивается, а значит, так или иначе содержит зародыш будущего, превращается в будущее. Поэтому в марксистском понимании восхождение от абстрактного к конкретному должно быть таким отображением существующей стадии развития настоящего, чтобы это отображение было и отображением тенденций будущего в настоящем.

Рассмотрим, каковы универсальные моменты отображения в мышлении двух взаимодействующих сторон органического целого. С чего начинается отображение? С отображения простейшего, элементарного отношения, являющегося в то же время и всеобщим для данного органического целого. Так, К. Маркс в «Капитале», начиная рассмотрение товара с потребительной стоимости, т. е. с наиболее «массовидного», всеобщего, вначале характеризует эту сторону главным образом саму по себе, независимо от другой стороны, взаимодействующей с ней. Затем уже обнаруживает

ся, что потребительная стоимость при определенных условиях является носителем стоимости. От установления связи между указанными двумя сторонами товара мысль движется к характеристике второй, внутренней стороны самой по себе, вторая сторона берется независимо от первой. Так, К. Маркс в «Капитале» после рассмотрения потребительной стоимости товара самой по себе и установления ее внешней связи со стоимостью переходит к определению стоимости самой по себе, в ее независимости от потребительной стоимости. Вторая, внутренняя, сторона взаимодействия и оказывается сущностью взаимодействия. Только на этом уровне начинается познаваться собственно самодвижение. Дойти до познания сущности предмета — значит дойти до отражения его внутренних противоречий.

Мы упомянули, что вторая сторона, сущность предмета теперь рассматривается сама по себе, независимо от первой стороны. Однако речь идет не об абсолютном забвении того, что стало известно о первой стороне. При диалектическом движении мышления предшествующий путь познания не исчезает полностью, а сохраняется в «снятом», преобразованном виде. Во второй стороне «снимается» первая, первая становится моментом второй. Сущность предмета противоречива: предмет в сущности соотносится с самим собой, как с другим, внешним ему предметом.

После того как определена сущность сама по себе, мышление отправляется в обратный путь: от сущности к явлениям. Но теперь явления предстают иначе, другими сторонами, гранями, нежели до определения сущности. В явлениях оказываются теперь интересными лишь те ее грани, через которые «светится», проявляется сущность. Это есть явление сущности предмета. В анализе товара К. Маркс, рассмотрев сначала потребительную стоимость саму по себе, затем внешнюю связь потребительной стоимости со стоимостью и стоимость саму по себе, излагает учение о формах проявления стоимости, т. е. как бы возвращается назад, к потребительной стоимости, ибо стоимость является лишь в отношениях потребительных стоимостей товаров.

Наконец, фиксируются единство явления и сущности, а также и формы этого единства. Оформленное единство явления и сущности есть действительность. Можно заметить, что термин «действительность» здесь употребляется не в значениях «реальность», «материя», «реализованная возможность» и т. п. Важно не путать эти значения друг с другом.

Только на пути рассмотрения сущности самой по себе и на пути движения от сущности к явлению и действительности предметом специального рассмотрения становятся внутренние связи и отношения. На пути от поверхности к сущности на первом плане стоит анализ внешних связей и отношений. Однако сказать только это было бы недостаточно. Мышление все время движется в противоположных направлениях, реализуется как единство противоположностей. Уже на пути от явления к сущности хотя и не доминирует, но присутствует в качестве подчиненного момента проти-

воположное движение мысли. Так, К. Маркс определяет потребительную стоимость в товаре через стоимость, хотя саму эту связь он еще не рассматривает специально. К. Маркс выделяет в определении потребительной стоимости самой по себе только то, что важно для обмена товаров. Каждого товаровладельца (чтобы он мог обменять свой товар и получать другой) интересует лишь способность товара удовлетворять соответствующую потребность; товаровладельцу безразлично, как была открыта и создана потребительная стоимость товара другого товаровладельца и т. п. К. Маркс в определении потребительной стоимости самой по себе отвлекается от того, чем порождается потребность, как данная вещь удовлетворяет человеческую потребность. Он не поясняет, почему им одно выделяется, а другое опускается. Лишь затем, при специальной характеристике обмена товаров читатель может обнаружить эти основания.

Следовательно, мысль тут идет и от поверхности к сущности и от сущности к поверхности, хотя господствует первый путь. На пути от сущности к явлению и действительности положение меняется на прямо противоположное, господствует движение от сущности к явлению и действительности, а движение от поверхности к сущности сохраняется в качестве подчиненного момента.

Освоение теоретического отображения органического целого также должно быть одновременно и движением вперед, и как бы возвращением к уже освоенному материалу.

Движение познания от явления к сущности, поскольку осознается категориальный строй этого движения, есть «снятое» в восхождении от абстрактного к конкретному движение от чувственного конкретного к абстрактному, отображение простейшего отношения, причем последнее движение оказывается стадией уже внутри самого восхождения, восхождения в широком смысле слова. Движение же от сущности к явлению и действительности представляет собой, так сказать, собственно восхождение в узком смысле слова. Иначе говоря, восхождение от абстрактного к конкретному в широком смысле слова — это движение познания в единстве со «снятым» в нем противоположным движением познания; в узком смысле слова восхождение есть первая из этих противоположностей. Если рассматривать восхождение в узком смысле слова, то оно необходимо предстает как начинающееся с сущности; если же рассматривать восхождение в широком смысле слова, то оно начинается с «элементарного, простейшего отношения». Если не различать эти два смысла, то это необходимо влечет за собой большее или меньшее смещение сущности и простейшего отношения.

Исходя из всего сказанного выше, можно высказать соображения о возможностях применения способа восхождения от абстрактного к конкретному в современных науках. Движение мышления от абстрактного к конкретному происходит везде, где наука проникает во внутренние связи своего объекта. Осознание этого обстоятельства, осознание способа восхождения позволяет приме-

нять его более целенаправленно. Но восхождение от абстрактного к конкретному не доминирует в науке в тех случаях, когда она имеет дело с неразвитым органическим целым или когда она, имея дело с развитым органическим целым, еще не прошла путь от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. Когда наука имеет дело с развитым органическим целым и завершает путь движения от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, тогда и применение метода восхождения от абстрактного к конкретному оказывается более плодотворным и необходимым. Так обстоит дело с марксистской политэкономией капитализма. Подобная перспектива встает и перед другими науками. Но это уже предмет специального исследования.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ КОММУНИЗМА

В связи с нарастанием в стране антикоммунистических настроений, попытками создания антикоммунистических партий, широким тиражированием в популярных средствах массовой информации утверждений того типа, что «пришлось потратить пять лет перестройки, чтобы понять — логика развития вырывается из прокрустова ложа сохранения прежней коммунистической легитимности»¹, пора, наконец, всерьез обсудить вопрос: насколько обоснованы нынешние сомнения в достижимости конечной цели коммунистического движения? Развернутый ответ на данный вопрос я старался дать в своей последней книге², а своего рода резюмированные соображения на этот счет и предлагаю вниманию читателей журнала.

Коммунистическую перспективу нельзя осмыслить, если замкнуться только на трудностях, которые переживают СССР и восточноевропейские страны в последние десятилетия. Недостаточно и изучить историю социалистического развития за последние семьдесят два года, мало даже исследовать взаимоотношения капитализма и социализма как мировых систем. Помимо этого следует принять во внимание *весь ход истории человечества, результатом которого коммунизм и является*. Результат же можно в полной мере понять лишь в связи с процессом его становления.

В данной связи ключевым служит Марксов вывод о том, что переход к коммунизму — это переход от предыстории к подлинной истории человечества³. А значит, этот переход несравним по глубине и длительности просто со сменой одной формации другой (например, феодализма капитализмом). И сам коммунизм предстает не просто как формация в ряду других формаций, а как *принципиально новый тип развития общества*.

Протекшую человеческую историю, если учитывать случайности, зигзаги, прерывы, разные линии развития и т. п., можно образно сравнить с деревом (с его стволом, ветвями и листьями). Если же выделить закономерный, основной ход этой истории, т. е. сосредоточить внимание на «стволе дерева», обнаружится, что последний имеет вид как бы витка спирали, а человечество в настоящее время находится где-то ближе к концу такого витка. Обычно этот виток (в тех случаях, когда его характеризуют) рассматривается по схеме «доклассовое общество — классовое общество — бесклассовое общество». При подобном подходе (который, кстати сказать, более или менее развернуто так нигде и не реализован) акцент делается на классовом обществе; оно и служит точкой отсчета, а остальное определяется посредством отрицания: неклассовые (до- и послеклассовые) общества.

Мне думается, исторически созрели (или созревают) условия для более глубокого осмысления этого витка спирали человеческой истории. Доказательство данного тезиса, очевидно, должно начинаться с характеристики **отношений людей к природе**.

Исходно это, как известно, были естественно возникшие отношения, когда имело место преимущественно потребление результатов самодействия природы. Такое отношение людей к природе доминирует до тех пор, пока господствует добывающее, присваивающее хозяйство. Добыча есть использование готовых, предметов природы, пусть и при помощи произведенных средств воздействия.

Последние возникают, разумеется, с возникновением человека как биологического существа (образуя важнейшую «сторону» антропосоциогенеза), но впервые они начинают определять материальную жизнь общества с переходом от присваивающего хозяйства к

Виктор Алексеевич Вазюлин, доктор философских наук, профессор кафедры истории марксистско-ленинской философии философского факультета МГУ

¹ Ципко А. Возможно ли чудо? // Советская культура. 1990. 28 мая. С. 4.

² См.: Вазюлин В. А. Логика истории. М., 1988.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 8.

производящему. При этом еще много и много веков происходит процесс формирования решающей роли искусственных, созданных людьми средств воздействия. Опуская характеристику стадий этого процесса, отмечу лишь, что вплоть до капитализма основным средством производства оставалась земля, т. е. средство производства, преимущественно данное природой в готовом виде. Решающую роль играли животноводство и растениеводство; хотя люди и перешли к выращиванию растений и животных (к их, так сказать, «обработке»), они продолжали иметь дело с тем, что по своей сути выступает даром природы. «Обработка» предметов природы в общем и целом остается поверхностной. Человечество, следовательно, главным образом лишь внешне преобразует природу.

С образованием крупной промышленности в производстве начинается доминирование искусственных средств производства. А это означает: в преобразующем отношении людей к природе все более важное для их жизни значение приобретает проникновение в сущность, во внутренние связи природных процессов и образований.

Переход от средств производительного воздействия на природу, данных в готовом виде природой, к производительным средствам воздействия, требовавшим уже непосредственных усилий человека для их производства и их использования, означал переход к *самодействующим* средствам. Это было как бы возвращение к исходному пункту — к самодействию (в исходном пункте, повторю, «самодействует» девственная природа), но уже к самодействию искусственной природы. Причем со временем самодействующие (автоматически действующие) средства сами начинают производить себя (автоматы начинают создавать автоматы); иными словами, осуществляется *самовоспроизводство* самодействующих средств воздействия на природу.

Момент возвращения к исходному пункту заключается, конкретнее говоря, в том, что человек вновь имеет дело с такими процессами создания способных удовлетворить его потребности предметов, которые в немалой степени совершаются сами собой, без непосредственного труда. Однако это всего лишь как бы возвращение, ибо, во-первых, рассматриваемые процессы ведут свою родословную от труда. Во-вторых, автоматизированное производство в конечном счете направляется трудом людей в соответствии с их потребностями, т. е. остается подчиненным труду, остается средством производительного воздействия людей на природу. Это не естественно возникшее, а искусственное и подчиненное своим создателям средство, хотя и ставшее в значительной мере самодействующим, т. е. независимым от людей. Последние получают возможность все более гибко использовать в своих целях производство как целое.

Нечто аналогичное происходит с материалом — предметом производительного воздействия. Сначала применяется материал, данный природой в готовом виде; затем такой материал, который предварительно обрабатывается в процессе труда, но сохраняет свои исходные природные свойства. Заключительный этап — создание искусственных материалов с заранее заданными свойствами. Следовательно, с одной стороны, человек имеет данный природой материал, использует природные закономерности. Но, с другой стороны, он не просто приспособливается к природному материалу, а сознательно ставит и реализует задачу его преобразования.

Это изменение отношения к материалу определяется прежде всего развитием средств труда. Вся протекшая история человечества — это история преобладания *механического* производства, применения главным (хотя и не исключительным) образом механической формы движения. Такое преобладание — печать происхождения человека из животного мира (рука — орган механического перемещения). Труд со всеми его атрибутами становился и утверждался в преимущественно механической форме движения (по сути своей ручной труд приспособлен именно к механической деятельности). На основании же определенных ныне тенденций можно прогнозировать: в будущем все более значительную роль будет играть преобразование именно процессов (в механическом производстве в основном преобразуются предметы) и на первый план выдвинутся *технологии*, базирующиеся на использовании более высоких, нежели механическая, форм движения.

В конечном счете производство, по моему мнению, станет преимущественно *биологическим*. Биотехнология уже сегодня — одно из самых перспективных направлений развития науки и производства. Однако переход к биопроизводству тождествен овладению природой всего живого (включая человека в качестве биологического существа). А в связи с этим возникают альтернативные возможности: 1) устранения болезней и продления жизни человека, гармонизации его как биологического существа и 2) подрыва условий бытия человечества в качестве совокупности биологических существ. Вмешательство в биологическую природу человека чревато для человечества самоубийственной перспективой. Здесь тоже наблюдается виток спирали: от «создания»

человека (в качестве биологического существа) природой к биологическому самосозиданию (в единстве со способностью к саморазрушению) человека.

Прохождение этого витка спирали меняет взаимоотношение человечества с природой и в других аспектах. Исходным (животным) взаимодействием с природой, повторюсь, выступает по преимуществу приспособление к природе. С появлением человеческого рода возникает устойчивый процесс — процесс преобразования природы, когда она становится средством удовлетворения потребностей человека. Пока человечество становится, человек борется за биологическое выживание. Причем эффективность этой деятельности людей минимальна в том смысле, что дает лишь минимум необходимого для поддержания жизни человеческого рода. Это, между прочим, проявляется в том, что население земли растет чрезвычайно медленно, в низкой продолжительности жизни.

Новый период формирования человечества в этом отношении (в отношении возможностей удовлетворения потребностей) начинается с того времени, когда человеческий род уже приобретает способность добывать и производить средства к существованию, несколько превышающие упомянутый минимум, но еще не достигает такого уровня эффективности производства, когда становится возможным удовлетворять оптимум биологических потребностей (в пище, одежде, обуви, жилье, параметрах труда и т. д.).

В течение всего этого периода сохраняется (хотя и в изменяющейся степени) борьба людей за существование как между собой, так и с природой. Остановлюсь на последнем. Отношение к природе, преобразуемое на нее воздействие выступает преимущественно как борьба с неумолимым и грозным противником. Поэтому на передний план выходит подчинение природы человеком, господство человека над природой, хищническое к ней отношение. Но это воздействие человечества на природу первоначально вполне сравнимо по своим масштабам и глубине с воздействием на окружающую среду животных (правда, люди в отличие от животных с самого начала воздействуют на природу главным образом при помощи производительных органов). К тому же люди не представляют ни естественных, ни общественных последствий своего воздействия (как человечества, человеческого рода) на среду обитания.

Таким образом, отношение людей к природе и на этапе возникновения, и в период формирования человечества, с одной стороны, уже противостоит отношению животному (уже выступает как преобразующее), а с другой стороны, еще остается животным (хищническим, без учета последствий).

Постепенно это отношение начинает все более и более отличаться от воздействия животных: люди научаются предвидеть как непосредственные, так и более отдаленные результаты своего воздействия на природу. И вместе с тем углубляется и расширяется хищническое отношение к природе, подчинение ее человеку. Масштабы и глубины такого подчинения в конечном счете становятся столь значительными, что охватывают все лоно, в котором образовалось человечество, т. е. всю Землю (ее поверхность и ее недра); охватывают столь глубоко, что искусственно формируемая среда начинает пронизывать всю исходную среду обитания. Конкретнее говоря, хищническим путем созданная «искусственная природа» начинает пронизывать всю «естественную природу».

Человечество получает тем самым две противоположные потенции: с одной стороны, возможность в соответствии со своими потребностями положительно преобразовывать все земные условия своего существования, а с другой стороны, возможность разрушить всю Землю (военным или мирным путем). Эти колоссальные и созидательные, и самоубийственно разрушительные перспективы человечества как целого ставят его перед дилеммой: либо сознательно овладеть силами природы во благо себе, либо погибнуть.

В настоящее время разьединенное человечество способно нейтрализовать в лучшем случае те или иные частные (и лишь в незначительной мере общие) последствия своей хищнической производительной деятельности. Более того, по мере образования и интенсификации мировых производственных связей и бурного прогресса науки и техники разрушительное действие производства на нашу Землю становится все более глубоким и всесторонним.

Лишь объединение человечества, лишь сознательное общечеловеческое, т. е. планомерное в масштабах человечества, развитие откроет принципиально новые перспективы устранения указанных негативных следствий. Рождая угрозу гибели человечества, ход истории вынуждает к принципиально новому отношению к природе. Это отношение, представляющее собой как бы возвращение к исходному пункту. Речь идет о таком преобразовании природы, которое призвано вновь стать как бы приспособлением к ней (как бы сохранением ее в девственном виде), т. е. о преобразовании, учитывающем всю совокупность отдаленных последствий человеческого воздействия на природу.

В то же время речь идет о полном производительном использовании разума, науки, постепенно ведущем к радикальному преобразованию всей Земли, к созданию главным образом уже не естественной, а искусственной среды, окружающей человечество. Рост возможностей ее создания, потенций автоматизации и применения искусственных материалов означает образование предпосылок выхода человечества за рамки его природного лона, за пределы сугубо земной цивилизации. Иначе говоря, означает становление предпосылок перехода к космической цивилизации. Этот переход диктуется, в частности, ограниченностью запасов сырья для производства, а также площадей для размещения производства и населения (по моему мнению, достижение изобилия материальных благ повлечет за собой новый демографический взрыв).

Итак, прошедшая и продолжающаяся в настоящем цивилизация — это виток спирали земной цивилизации, на смену которой уже идет (становится практической необходимостью) цивилизация космическая. Одно из абсолютно обязательных условий перехода к последней — объединение человечества. Без такого объединения человечество не сможет ни выжить, ни сосредоточить силы для широкого прорыва в космос (уже сейчас крупные космические программы способны осуществлять лишь либо наиболее могущественные государства, либо группы государств, объединяющих свои усилия).

Спиралевидно развиваются не только средства производительного воздействия на природу и используемые в производстве материалы, но и *сам человек*. С самого начала труд — определяющий фактор возникновения и дальнейшего развития человечества. Но в первобытном обществе, как уже отмечалось, преобладает не производство, а добыча. Соответственно люди — с точки зрения их доминирующей деятельности — не производители, а «добытчики». Их умения и навыки суть преимущественно умения и навыки применения средств воздействия (созданных или взятых в готовом природном виде) в процессе добычи, а их знание — это главным образом непосредственное наблюдение. Так как добыча есть «снятое» животное отношение к природе, то и в сознании людей преобладает осознание животного отношения к природе, живой конкретной связи со всем, что их окружает, и друг с другом. С переходом же к преимущественно производящему хозяйству люди становятся в первую очередь производителями, хотя в их производстве длительное время основными средствами остаются, как уже также говорилось, естественно возникшие средства производства — земля и скот. Отсюда и длительное преобладание непосредственного отношения к природе. Это значит, что сам производитель выступает непосредственно или в значительной мере как «природное тело», как данное природой средство производства, т. е. сам производитель еще в той или иной степени не отделен от средств производства, является средством производства. Разделение средств производства и производителей, выделение производителей происходит по мере развития и распространения произведенных и воспроизведенных, созданных трудом средств производства. Среди них вначале преобладают средства труда, приводимые в действие индивидуальным ручным трудом.

Распространению ручного труда (с его разделением или без такового) соответствует упомянутое выше начало проникновения в сущность процессов и явлений, осознаваемых, однако, лишь в форме единичности или особенности, т. е. в противоречащем сущности виде. Поскольку же предпринимаются и попытки познать сущность «в чистом виде», постольку это познание существует как догадка, обычно связанная с изрядной дозой фантазии. На основе развития ручного труда в конечном итоге возникает разрыв между физическим и умственным трудом, а также между опытным и теоретическим знанием (причем производственное значение имеет именно первое, а не второе).

С развитием машинного производства, превращением его в доминанту преобладающим становится механический, физический труд по применению машин. Вместе с тем совершенствование, а тем более создание и тиражирование новых типов машин, во все большей степени требует теоретических знаний (сам опыт постепенно превращается в экспериментальную деятельность). Теоретическое и экспериментальное знание приобретает непосредственное производственное значение. Машинное производство, таким образом, готовит почву для устранения разрыва между физическим и умственным трудом (предварительно доводя его до предела), между опытным и теоретическим познанием. Однако окончательно и вполне эта почва подготавливается развитой автоматизацией, когда труд, связанный с прогрессом автоматизированного производства, и общее управление этим производством начинают доминировать над простым применением машин.

Как известно, с развитием простого машинного, а затем и автоматизированного производства развивается *общественный характер труда*.

Историческая эволюция характера труда происходила также спиралевидно. Исходным

пунктом был естественно возникший коллективный труд (он был обусловлен необходимостью самого выживания человеческого рода в суровых природных условиях, абсолютной невозможностью выжить в одиночку). Затем развивается индивидуальный ручной труд. Капиталистические производственные отношения первоначально и возникли на основе ручного труда, приведя далее к его кооперации. В процессе кооперации и разделения ручного труда происходил переход к машинному труду, что знаменовало и переход к собственно общественному характеру труда. Таким образом и осуществлялось как бы возвращение к исходному пункту — к труду объединенному.

Развитие, резюмирую, шло от получения предметов потребления (которому свойственно преимущественно непосредственное наблюдение) к проникновению в сущность осваиваемых процессов, к выделению сущности «в чистом виде», к теории и опыту, основанному уже на использовании теории (эксперименту), к науке как производительной силе. Применение науки в этом качестве есть уже реализация теории и эксперимента как *общественных феноменов в общественной же практике*, в производительной практике общества.

Спиралевидно развивались также **отношения людей друг к другу**, к анализу коих я и перехожу. Развитие шло от естественно возникших коллективных связей к разрушению этих связей, к выделению людей из первобытных коллективов и к образованию связей обособленных индивидов (объединенных тем, что все остальные служат для индивида лишь средством поддержания его собственного существования); а уже от этих связей — к подлинно общественным связям людей как личностей. При этом, если исторически исходные коллективы малочисленны и обособлены друг от друга, то в конце этого гигантского витка спирали «коллектив» — это *объединенное человечество в целом*. Что же лежит в основе этой спиралевидной динамики? В соответствии с марксистской методологией — проанализированное выше развитие производительного взаимоотношения с природой.

Несколько огрубляя, можно сказать: при господстве в производительном взаимоотношении с природой средств производства, естественно возникших, в отношениях между людьми господствуют связи, также возникшие естественным путем; при господстве же созданных средств производства доминируют собственно общественные связи между людьми. Созданные и воспроизводимые средства производства в общем и целом развиваются в направлении от индивидуальных (приводимых в действие ручным трудом) к собственно общественным по своему характеру. Собственно общественный их характер в результате прогресса машинного производства становится даже технической необходимостью. *Общественный же характер производства обуславливает объединение людей, общественную собственность на средства производства. Степень развития этого характера обуславливает в конечном счете и степень реального обобществления.*

Эволюция производственных отношений на базе развития производительных сил и в единстве с ним идет, конкретнее говоря, от родоплеменной и общинной собственности к частной собственности (кстати, частная собственность как таковая более всего соответствует именно ручным средствам труда) и от нее к общественной собственности на средства производства.

Очень важно иметь в виду, что исторически первоначально производительные силы и производственные отношения в указанном выше смысле тождественны (конечно, это не абсолютное тождество, различие между ними имеется с самого возникновения человека). Затем, в период формирования человеческого общества, на первый план выходит существенное различие между производительными силами и производственными отношениями. Однако полностью момент их непосредственной тождественности в этот период не исчезает.

В докапиталистических антагонистических формациях этот момент выражен явно и определено: раб и отчасти феодально зависимый крестьянин прямо включаются в состав средств производства, выступают «говорящими орудиями». При капитализме непосредственное тождество производительных сил и производственных отношений почти исчезает, однако в неявном виде и в определенной мере все же сохраняется: рабочая сила есть вещь, подлежащая продаже (т. е. она не отличается в этом отношении от любого другого товара), а будучи купленной капиталистом для производительного использования и извлечения прибавочной стоимости, рабочая сила приравнивается в такой ее функции к средствам производства, становится формой бытия переменной части капитала.

Следующий этап — восстановление тождества производительных сил и производственных отношений, однако на новой основе. Это иное, новое тождество, связанное прежде всего с освобождением человека от непосредственного труда по применению автоматизированных средств производительного воздействия на природу.

Данное освобождение означает передачу искусственным средствам производства

сначала функций физического воздействия человека на природу, а затем и все более сложных интеллектуальных его усилий. Направленность этой тенденции такова, что человек вытесняется самодействующими средствами из сферы труда. Объем живого труда, в котором нуждается общество, следовательно, в конечном счете не может не сокращаться. Сохраняющийся же труд все более опосредованно связывается с конечным продуктом, причем в этом труде сохраняются лишь самые сложные его функции. Конечно, охарактеризованная тенденция осуществляется и не в чистом виде и не по прямой восходящей линии (известно, например, что автоматизация на определенных начальных стадиях ведет к росту малоквалифицированного труда).

Самодействующие средства производительного воздействия на природу создают в последнем счете предпосылки для сокращения рабочего времени (необходимого для воспроизводства и каждого отдельного индивида, и для покрытия общественных нужд), уменьшения продолжительности рабочего дня, как и облегчения условий труда; открывается перспектива того, чтобы усилия, затрачиваемые индивидами в течение общего необходимого рабочего времени, составили меньшую часть тех производительных усилий, на какие способен человек. Это создало бы возможность большую часть этих усилий осуществлять свободно и целиком (или главным образом) в соответствии с непосредственными интересами индивидов.

Передача машинам физических функций человека вызвала потребность в развитии физической культуры (если труд преимущественно направлен на внешний для человека предмет, то занятия физической культурой по сути своей есть развитие человека в качестве самоцели). По мере же передачи машинам интеллектуальных функций будет расти потребность индивидов в интеллектуальной культуре. Само развитие средств производства создает возможность (а природа человека как социально-природного существа этого требует) жить полной жизнью, при которой физическая и интеллектуальная культура становятся необходимостью и потребностью, т. е. необходимостью и потребностью становятся физическое и интеллектуальное развитие индивидов как самоцель. Здесь дает себя знать и другая тенденция: сама биологическая жизнь как единство и противоположность жизни и смерти требует постоянной борьбы за жизнь со смертью. Труд, возникший как средство поддержания физического существования, сформировал биологический вид человека. Тем самым этот труд оказался не только тем, от чего стремятся избавиться, но и тем, без чего человек не может существовать не только специфически (в отличие от животных), но и даже как биологическое существо особого рода. Иначе говоря, человеческий труд не только «тяжесть» (обуза), а и первая жизненная потребность. Потребность в нем, будучи, с одной стороны, социально-природной, с другой стороны воспитывается; это — потребность здорового человеческого организма в трудовом напряжении. И по мере устранения чрезмерной интенсивности и продолжительности труда, облегчения его условий потребность в нем выходит на первый план.

Коммунизм как итог развития есть отрицание отрицания предшествующей истории. Коммунизм — это новый тип развития человечества, который сам, видимо, будет иметь различные стадии развития. Только коммунистически, только подлинно объединившись, человечество будет в силах окончательно устранить угрозу своего военного истребления, а также опасность вымирания от побочного действия производства. Только на коммунистической основе оно сможет разумно направлять развитие индивидов (в том числе усовершенствовать их биологическую природу) и общества в целом, преобразовывать в соответствии со своими потребностями Землю и околоземное пространство, вполне перейти к космической цивилизации, сохранив Землю как Мекку космического туризма.

Альтернатива, вытекающая из закономерного хода истории, такова: либо гибель человечества, либо в конечном счете подлинное, т. е. коммунистическое, объединение человечества и сознательное управление социальными силами, достигшими или достигающими убийственной мощи.

НЕ РАНО ЛИ СДАВАТЬ МАРКСА В МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ?

В. А. ВАЗЮЛИН,
доктор философских наук,
профессор МГУ

Знаменитый психотерапевт Фриц Перлз однажды написал: «Несколько лет назад мне в руки попала книга под названием «Корова не может жить в Лос-Анджелесе». Речь в ней шла о мексиканце, который обучал своих родственников приемам жизни в Америке. «Смотрите,— говорил он,— американцы — прекраснейшие люди, но есть один момент, который их очень задевает. Вы не должны говорить им, что они трупы».

Я не просто согласен с этим мексиканцем. Я считаю, что это предельно точное описание «болезней» современного человека. **Наш человек — мертв, он кукла** (подчеркнуто мною — В. В.), и его поведение действительно очень похоже на поведение трупа, который «позволяет» окружающим делать с собой все что угодно, хотя и сам, одним своим присутствием, воздействует на них определенным образом».

И далее он так описывает сегодняшних людей: они нарочиты и преднамеренны, лишены живых желаний, хотений, стремлений, их жизнь чрезвычайно скучна, пуста и бессмысленна; они бесконечно играют какие-то роли, как правило фальшивые, которые мешают им быть и жить.

Если выделить суть дела, то Перлз констатирует не что иное, как то, что современный человек — это **вещь**, что современная мораль — **двойная мораль**. Превращает же человека в вещь **рынок**, товарно-денежные отношения.

Трагичность существования чело-

века в мире, где господствуют товарно-денежные отношения, где правит бал бизнес, где люди «гибнут за металл», проникла в сознание многих западных ученых, западных идеологов. Они видят, как, например, выдающийся психоаналитик Карэн Хорни, «противоречие в том, что, с одной стороны, мы ценим и превозносим концепцию конкуренции как двигателя прогресса, а с другой — не устаем пропагандировать братскую любовь и смирение, что, с одной стороны, американский (как и вообще рыночный — В. В.) образ жизни и действующая мораль диктуют быть настойчивыми и агрессивными, устранять конкурентов, а с другой стороны, деятели церкви внушают смирение и любовь к ближнему».

Внимательный историк заметит, что в осознании современными западными учеными, западными идеологами трагичности, противоречивости существования человека в мире рынка, господства товарно-денежных отношений совершенно исключительную роль сыграли воззрения Карла Маркса. Этот факт могут оспаривать разве что «наши» доморощенные ненавистники Карла Маркса — «великие интеллектуалы», задающие тон в духовной атмосфере периода перестройки и постперестройки.

Но дело не только в том, что взгляды К. Маркса оказали огромное воздействие на мировую общественную мысль, в том числе этическую.

Дело также в том, что они продолжают оказывать это воздей-

ствие. Недаром практически во всех крупных высших учебных заведениях развитых капиталистических стран в той или иной форме преподаются идеи К. Маркса. Причем, несмотря на многочисленные заимствования у Маркса, они не включают в себя самую суть воззрений этого гениального мыслителя.

К. Маркс в своем творчестве не ограничился **констатацией** противоречивости и трагичности существования человека в мире, где господствуют рыночные, товарно-денежные отношения.

Хотя и эту констатацию он осуществил с такой четкостью и последовательностью, как никто из тех, кто заимствовал его идеи, испытал их влияние.

Он сделал то, чего до него никто не сделал и что после него было мало или почти не понято,— он дал глубинное **объяснение** общества, в котором доминируют товарно-денежные отношения, в котором все, в том числе и человек, превращается в товар, в частности он дал объяснение и морали этого общества.

В таком обществе в поверхностной сфере, сфере обмена, обращения действуют, по видимости, свободные товарладельцы, свободно обменивающиеся своими товарами для удовлетворения своих потребностей. На поверхности, в обмене существует **объективная** видимость того, что наемный работник свободно продает весь свой труд и получает за него эквивалент в виде заработной платы.

«Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой

осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например, рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса». (К. Маркс).

Разве не повеяло на нас «пленительными» «демократическими» идеалами последних лет перестройки и периода постперестройки? Разве это не сжатое изложение основных идеалов демократов? Разве это не их представление о совершенном обществе?

Но Маркс не остается в раю поверхностных представлений. Он вместе с умным и понятливым читателем опускается в подземные

сферы, в недра рыночного общества, в сферу производства и проходит все круги этого ада. Здесь в скрытом от обыденного сознания, от поверхностного человека мире господствует порабощение наемных работников, присвоение чужого труда, неравенство, здесь скрываются корни современной формы отчуждения, хищничества двуногих животных...

На аду капиталистического производства, как на фундаменте, покоится свободный обмен, или обращение товаров, рай прирожденных прав человека, «общечеловеческих ценностей». И только спустившись в этот ад и поняв его фундаментальное положение, можно обнаружить рай как **объективную видимость**, только в таком случае можно и достаточно последовательно **констатировать** противоречия, трагичность рая свободного обмена и **объяснить** его в его противоречивости.

Объяснение К. Маркса по своей сути систематично, целостно, требует для своего постижения дисциплинированный и развитый ум, а также готовность отказаться от любых социальных предрассудков, как бы они ни были модны, распространены, общеприняты, как бы долго они ни вводили людей в заблуждение. Иначе говоря, объяснение К. Маркса предполагает для своего постижения (не говоря уж об его развитии), помимо достаточно дисциплинированного, методологически вооруженного ума, также позицию духовного неприятия мира отчуждения, мира, в котором человек низведен до положения вещи, в котором лицемерие, фальшь пронизывают всю жизнедеятельность людей.

ПРОБЛЕМА ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА В ТРУДАХ К. МАРКСА И ЕЕ ПАРАДОКСЫ

1. В современном подходе к пониманию достоинства человека в «Международном билле о правах человека» ясно видна низкая методологическая культура: понятие «достоинство человека» принимается в качестве исходного понятия, но оно никак не раскрывается. А поэтому последующее изложение оказывается сугубо эмпирическим.

Методологическая беспомощность четко проявляется и в таком документе Совета Европы о правах человека, как, например, книга «Медицина и права человека» (Москва, 1992), в которой излагаются результаты многолетних исследований по этой теме, проведенных под эгидой Совета Европы. Основное содержание книги сводится всего лишь к простому изложению казусов, и провозглашается, по сути дела, принципиальный отказ от обобщений.

2. В общепотребительном значении (Словарь русского языка. М., 1957. Т. 1) *достоинство человека* понимается как уважение к себе, сознание своих прав, своей ценности. Следовательно, достоинство человека в обыденном сознании есть сознание, во-первых, своих *прав*, во-вторых, *ценности* своей личности.

3. Права человека и мораль, исследование этой проблемы в трудах К. Маркса.

Права человека — установления, относящиеся к сфере *права и политики*. Так их и трактует К. Маркс. Права человека рассматриваются К. Марксом как права, возникшие с возникновением буржуазного общества и представляющие собой права человека в *буржуазном обществе*.

С возникновением и дальнейшим развитием буржуазного общества, с устранением феодальных привилегий, показывает К. Маркс, происходит отделение, точнее, отчуждение сферы политики, где все равны перед законом, от гражданского общества, где общность есть общность частных собственников, где общность есть *средство* для реализации частной собствен-

ности. Да и политическая сфера служит средством для реализации частной собственности.

На примере наиболее радикальной и последовательной, наиболее открытой буржуазной конституции — конституции Великой буржуазной революции — К. Маркс доказывает, что основные права человека — свобода, равенство, собственность (т. е. частная собственность) — есть права обособленных друг от друга *эгоистических* индивидов, права *своекорыстия*, что эти права отражают положение изолированных индивидов, которые относятся к другим индивидам, к обществу и к общности как к *средству* для удовлетворения своих целей, своих потребностей, как к *отчужденным* от себя.

В самом деле, *свобода* определяется в Декларации прав человека 1791 г. как право делать все то и заниматься всем тем, что не вредит другому, т. е. устанавливает границы движения каждого *без вреда* для других. Следовательно, «...право человека на свободу основывается не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека — человека» (К. Маркс). *Право на частную собственность* — это «практическое применение права человека на свободу» (К. Маркс), это право по своему усмотрению, безотносительно к другим, независимо от общества пользоваться своим имуществом и располагать им, т. е. оно — право *своекорыстия*» (К. Маркс).

Равенство. Равенство есть равенство внешнеобособленной свободы: «Равенство состоит в том, что закон для всех одинаков, — защищает ли он или же карает» (Конституция 1795 г.). «Следовательно, ни одно из так называемых прав человека не выходит за границы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес, в частный произвол и обособившегося от общественного целого. Человек отнюдь не рассматривается в этих правах как родовое существо: напротив, сама родовая жизнь, общество рассматриваются как внешняя для индивидов рамка, как ограничение их первоначальной самостоятельности» (К. Маркс). Единственная связь, объединяющая этих индивидов — естественная необходимость, частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности.

Как же обстоит дело с моралью и достоинством человека?

Во-первых, мораль оказывается подчиненной сфере права и политики, что фиксируется и в общеупотребительном значении слов «достоинство человека» (как *осознание прав че-*

ловека). Гегель угадал положение морали, нравственности в буржуазном обществе: мораль, нравственность анализируется им в философии *права*.

Во-вторых, чем в большей мере общество является обществом частных собственников, изолированных индивидов, тем в большей мере их отношения регулируются правом, политикой, а не моралью, тем меньшее значение играет в обществе мораль.

В-третьих, свобода и равенство есть прежде всего и главным образом свобода и равенство частных собственников. Следовательно, основой свободы и равенства в буржуазном обществе служит частная собственность и, таким образом, достоинство человека *фактически*, реально определяется *частной собственностью* (а значит, и *имущественными различиями*), но отнюдь не значением человека, хотя *формально* все равны перед законом и, следовательно, все, имея *формально* равные права, обладают и *формально* равным достоинством.

4. *Ценность личностей*. Характеристика личности именно с точки зрения ее *ценности* есть частный случай рассмотрения с этой точки зрения природы, человека, мира, созданного человеком. Понятие «ценность» приобретает значение с установлением господства товарно-денежных отношений. При господстве товарно-денежных отношений все, в том числе и человек, индивид, вовлекается в их орбиту и получает *цену*. Все может быть продано и куплено, все может быть оценено и оценивается. Человек, его качества, свойства становятся товаром, а значит, также и вещью. Знаменитый психотерапевт Фриц Перлз справедливо считает, что «наш (современный— В. В.) человек — мертв, он кукла, и его поведение действительно очень похоже на поведение трупа, который позволяет окружающим делать с собой все, что угодно, хотя и сам, одним своим присутствием, воздействует на них определенным образом». Но задолго до Ф. Перлза К. Маркс, как ни один ученый, ни один мыслитель в мире, глубоко понял и объяснил, что человек в буржуазном обществе, в мире господства частной собственности, господства товарно-денежных отношений, в рыночном обществе низведен до положения товара, а значит, также и вещи.

Следовательно, поскольку человек низведен до положения вещи, постольку отвергается его *человеческое* достоинство.

5. С позиций К. Маркса и действительного, а не мнимого марксизма, человек есть высшая ценность для человека и главная стратегическая задача — создание общества, в ко-

тором люди свободно соединились бы в обществе, относясь каждый к каждому не как к средству, а как к цели.

Такое общество в определенном отношении противоположно бжуазному, рыночному обществу изолированных, эгоистических индивидов, каждый из которых относится к себе как к цели, а к другим как к средству.

К. Маркс предпринял гигантские усилия для осознания реальных путей, способов, средств и т. д. достижения собственно человеческого общества, подлинно человеческих отношений.

6. К. Маркс показал, что той основой, на которой покоятся права человека, ценность личности, представления о правах человека и ценности личности, служит господство товарно-денежных отношений, господство рынка.

В обмене продуктами труда обособленных производителей каждый из них обменивает, отчуждает продукт труда, который удовлетворяет потребность кого-то другого, чтобы получить за него эквивалентный продукт других (или другого), способный удовлетворить его потребность.

В эквивалентном обмене существуют *свобода* (каждый обменивает для удовлетворения своих потребностей и притом именно таким образом, что удовлетворяет потребность других), *равенство* (обмен, в закономерном случае, есть обмен эквивалентов), *частная собственность* (обмениваются обособленные собственники).

Но процесс обмена, обращения товаров и денег — *поверхностная* сфера, в ней царят свобода и равенство. Маркс не ограничивается исследованием обмена, исследованием *рынка*, как это делают вульгарные экономисты, как поступает в современном буржуазном обществе подавляющее большинство ученых-экономистов.

К. Маркс не просто фиксирует движение товаров и денег, а вскрывает его *противоречия*, которые ведут в глубь рыночного общества, в сферу *производства* товаров, и открывает, что в основе *видимого* рая прирожденных прав человека: равенства, свободы, частной собственности — лежит скрытый ад капиталистического производства, где царит неравенство и несвобода, где частная собственность обнаруживает себя как созданная главным образом не самими собственниками, а людьми, лишенными ее. Прикрытие этой наготы «рыночного общества» распределением фиговых листков-акций среди наемных работников лишь прикрывает, но не устраняет их положение в качестве наемных работников.

Но не только в аду буржуазного производства, а и в видимом раю товарно-денежного обращения, в видимом раю рынка, если присмотреться беспристрастно, бескорыстно и поглубже, можно выявить блеск адского огня. Эгоизм, низведение человека до положения вещи, до положения «живых трупов», духовно мертвых людей, манекенов, манипуляторов и манипулируемых, отрицание, по сути дела, человеческого достоинства — это все отблеск пламени ада в раю «свободного рыночного общества», пламени, которое нельзя погасить, не преодолев «райскую» систему «свободного предпринимательства», чему и была отдана жизнь гениального мыслителя, великого ученого К. Маркса.

«НАШ ЧЕЛОВЕК МЕРТВ. ОН КУКЛА»

Знаменитый психотерапевт Фриц Перлз однажды написал: «Несколько лет назад мне в руки попала книга под названием «Короза не может жить в Лос-Анджелесе». Речь в ней шла о мексиканце, который обучал своих родственников приемам жизни в Америке. «Смотрите, — говорил он, — американцы — прекраснейшие люди, но есть один момент, который их очень задевает. Вы не должны говорить им, что они трупы».

Я не прост осогласен с этим мексиканцем. Я считаю, что это предельно точное описание «болезней» современного человека. Наш человек мертв, он кукла, и его поведение действительно очень похоже на поведение трупа, который «позволяет» окружающим делать с собой все что угодно, хотя и сам, одним присутствием, воздействует на них определенным образом.

И далее он так описывает сегодняшних людей: они нарочиты и преднамеренны, лишены живых желаний, хотений, стремлений, их жизнь чрезвычайна скудна, пуста и бессмысленна; они бесконечно играют какие-то роли, как правило фальшивые, которые мешают им быть и жить.

Если выделить суть дела, то Перлз констатирует не что иное, как то, что современный человек — это вещь, что современная мораль — двойная мораль. Превращают же человека в вещь рынок, товарно-денежные отношения!

Трагичность существования человека в мире, где господствуют товарно-денежные отношения, проникла в сознание многих западных ученых, западных идеологов. Они видят, как, например, выдающийся психоаналитик Карэн Хорни, «противоречие в том, что, с одной стороны, мы ценим и превозносим концепцию конкуренции как двигателя прогресса, а с другой — не устаем

пропагандировать братскую любовь и смирение, что, с одной стороны, американский (как и вообще рыночный — В. В.) образ жизни и действующая мораль диктуют быть настойчивыми и агрессивными, устранять конкурентов, а с другой стороны, деятели церкви внушают смирение и любовь к ближнему».

Внимательный историк заметит, что в осознании современными западными учеными, западными идеологами трагичности, противоречивости существования человека в мире рынка совершенно исключительную роль сыграли воззрения Карла Маркса. Этот факт могут опровергать разве что наши доморощенные ненавистники Карла Маркса — «великие интеллектуалы», задающие тон в духовной атмосфере периода перестройки и постперестройки.

Но дело не только в том, что взгляды К. Маркса оказали огромное воздействие на мировую общественную мысль, в том числе и этическую, а в том, что они продолжают оказывать это воздействие. Недаром практически во всех крупных высших учебных заведениях развитых капиталистических стран в той или иной форме преподаются идеи К. Маркса.

К. Маркс в своем творчестве не ограничился констатацией противоречивости и трагичности существования человека в мире, где господствуют рыночные, товарно-денежные отношения.

Он дал глубинное объяснение общества, в котором доминируют товарно-денежные отношения, в котором все, в том числе и человек, превращается в товар, в частности он дал объяснение и морали этого общества.

В таком обществе в поверхностной сфере, сфере обмена, обращения действуют, по видимости, свободные товаро-

владельцы, свободно обменивающиеся своими товарами для удовлетворения своих потребностей. На поверхности, в обмене существует объективная видимость того, что свободный работник свободно продает свой труд и получает за него эквивалент в виде заработной платы.

«Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденный чрез человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товароладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно, потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всегиперейшему провидению, осуществляют лишь дело взаимной выгоды» (К. Маркс).

Разве не повяло на нас «пленительными» «демократическими» идеалами последних лет перестройки и периода постперестройки? Разве это не сжатое изложение основных идеалов демократов? Разве это не их представление о совершенном обществе?

Но Маркс не остается в раю

поверхностных представлений. Он вместе с умным и пенятым читателем осушается в подземные сферы, в недра рыночного общества, в сферу производства и проходит все круги этого ада. Здесь, в скрываемом от обманного сознания мире, господствует пераобращение наемных работников, присвоение чужого труда, неравенство, здесь скрываются корни современной формы отчуждения, хищничества двуногих животных...

На аду капиталистического производства, как на фундаменте, покорились свободный обмен, или обращение товаров, рай прирожденный прав человека, «общечеловеческих ценностей». И только спустившись в этот ад и познав его фундаментальные положения, можно обнаружить рай как объективную видимость, только в таком случае можно, и достаточно последовательно, констатировать противоречия, трагичность рая свободного обмена в его противоречивости.

Объяснение К. Маркса по своей сути систематично, целостно, требует для своего постижения дисциплинированного и развитого ума, а также готовности отказаться от любых социальных предрассудков, как бы они ни были модны, распространены, общеприняты, как бы долго они ни вводили людей в заблуждение. Иначе говоря, объяснение К. Маркса предполагает для своего постижения (не говоря уже о его развитии), помимо достаточно дисциплинированного, методологически вооруженного ума, также позицию духовного неприятия мира отчуждения, мира, в котором человек низведен до положения вещи, в котором лицемерие, фальшь пронизывают всю жизнедеятельность людей. Сегодняшний еврейский погром социализма поставил перед человечеством прямой и роковой вопрос: быть или не быть? Ответ на этот вопрос зависит от того, успеет ли человечество познать правоту Маркса.

В. А. ВАЗЮЛИН,
доктор философских наук, —
профессор МГУ

“Большой проект” Г.А.Зюганова с точки зрения марксиста (О “Манифесте НПСР”)

В.А.Вазюлин*

То, что знакомо, не значит, что оно познано

Многие коммунисты не считают Г.А.Зюганова коммунистом, полагают, что он социал-демократ или, быть может, кто-то еще. Чтобы действительно разобраться в этом вопросе, необходимо подойти к нему не с точки зрения обыденного сознания и эмоций, а подвергнуть взгляды лидера КПРФ и НПСР **теоретическому** анализу. В предлагаемой вниманию читателя статье мы попытаемся именно так рассмотреть “Большой проект”, представленный Г.А.Зюгановым в “Манифесте НПСР”.

Стратегия подлинно коммунистического движения необходимо предполагает вполне определенную теорию и метод. Если нет марксистской теории и метода, то не может быть ни подлинно коммунистической стратегии, ни подлинно коммунистического движения.

Марксизм как мировоззрение, теория и метод по самой своей сути есть развивающееся образование. Застывший, догматизированный марксизм – это уже не марксизм, а нечто противоположное ему, противоположная ему идеология¹, по букве марксистская, а по духу антимарксистская.

Соответственно развивается и конечная, стратегическая цель подлинно коммунистического движения. Оставаясь в общем той же самой, она уточняется, конкретизируется, развиваются ее содержание и форма, ее обоснование и т.д.

По сравнению с эпохой, в которую жили и действовали К.Маркс и Ф.Энгельс, и даже по сравнению с эпохой, на которую пришлось жить и деятельность В.И.Ленина, в истории человечества произошли существенные изменения. Сообразно этому и марксизм нуждается в существенном развитии. Сказанное отнюдь не означает, что марксизм принадлежит только прошлому, как утверждают его открытые и скрытые враги.

Лидер наиболее крупной коммунистической партии на территории бывшего СССР Г.А.Зюганов не раз говорил о необходимости трактовать марксизм в соответствии с изменившимися, современными условиями в мире, и в частности в России.

На самом деле его трактовка марксизма есть не что иное – или, если сказать помягче, скорее есть не что иное, как простое отрицание марксизма и замена его другой идеологией.

В последнее время это проявилось более отчетливо, чем когда-либо ранее. В докладе Второму съезду НПСР, носящем очень обязывающее, эпохальное название “Манифест НПСР”, Г.А.Зюганов, на наш взгляд, впервые так концентрированно высказал свое понимание стратегических целей НПСР. Притом таким образом, что остались лишь цели НПСР, а особые стратегические цели (или стра-

тегическая цель), которые должны быть присущи Коммунистической партии, отсутствуют совершенно. Если не обозначается особенность стратегической цели Коммунистической партии по отношению к стратегическим целям НПСР, то фактически стратегическая цель Коммунистической партии отождествляется со стратегическими целями НПСР, а сама Коммунистическая партия является не ведущей силой, а придатком НПСР

Стратегические цели НПСР Г.А.Зюганов обозначил как “Большой проект”.

В этом проекте имеется в виду, главным образом, если не исключительно, Россия. Изложение проекта разделено на четыре раздела: история России; Россия и остальной мир; отношения народов и языков внутри России; смысл жизни российского народа.

Оставив другим разрабатывать детали, Г.А.Зюганов берет на себя тяжесть определения “*главных мировоззренческих контуров*”, которые в современном воплощении содержат... “Русскую идею” – *тысячелетнюю мечту, рожденную не прихотью отдельного ума, не откровением проповедника-одиночки, а коллективным опытом нашего народа* (выделено Г.А.Зюгановым – В.В.), вопреки всем наветам творящего свою таинственную, неповторимую, трагическую и героическую историю”.

Итак, есть некая изначальная, предшествующая истории России “Русская идея”, которая затем воплощается в разные эпохи по-разному. Такое рассуждение К.Маркс называл спекулятивной конструкцией. Суть ее в том, что общее, например, понятие “плод”, являющееся на самом деле результатом отвлечения общих свойств от особенных конкретных плодов (яблони, груши, миндаля и т.д.), отрывается от особенного и отдельного, представляется в качестве изначально данного, конкретные же яблоки, груши и т.п. изображаются как реализации, воплощения понятия (идеи) “плод вообще”.

Таков ход мысли **идеалиста** (естественно, в философском, а не в житейском понимании этого слова). В представлении идеалиста идеи играют определяющую роль в истории. Откуда приходят эти идеи? От Бога, Мирового Разума, или, иначе говоря, даются Промыслом: “...*России Промыслом выделена особая роль, особая миссия...*” (Г.А.Зюганов).

Причем в каждую эпоху “Русская идея” воплощается сознательным творчеством всего народа: “Не случайно Россия из века в век развивается от одного грандиозного проекта к другому”. Так как проект есть продукт сознательного творчества, и осуществление проекта – сознательная деятельность, то вся история России оказывается историей, построенной сознательно в соответствии с “Русской идеей”. Словом, мы имеем дело с тривиальным **идеалис-**

*В.А. Вазюлин – доктор философских наук, профессор МГУ. Основатель и руководитель Международной логико-исторической школы.

тическим пониманием истории, которое было подвергнуто сокрушительной критике еще К.Марксом.

И эта идея, именно "Русская", неповторимая, исключительная, не имеет ничего существенно общего, скажем, с идеей Английской, или Французской, или Немецкой. История России тоже абсолютно исключительная, таинственная, мистическая.

В интерпретации Г.А.Зюганова "Русская идея" является, кроме того, идеей государственной, политической (политика выступает у него, главным образом, как геополитика), нравственно-религиозной и национальной. Или, выражая эту мысль иначе, история России сводится к истории государства, политики (в свою очередь, практически сводимой к геополитике), к религиозно-нравственной истории и к истории формирования национального самосознания.

Выходит, что производительные силы и производственные отношения, диалектика которых, как доказали К.Маркс и Ф.Энгельс, служит настоящей основой всей протекшей человеческой истории, не имеют в истории Г.А.Зюганова ровно никакого значения. Вся история России основывается, согласно его представлению, на идее (государственной, нравственно-религиозной и национальной).

Какие же специфические, по его мнению, национальные проекты выдвигались в истории России?

В XIII-XIV веках *национальный проект* "был связан с преодолением вековой внутренней междоусобицы и губительной разобщенности. Со свержением *тяжкого иноземного ига*.

В XV-XVI столетии сверхзадачей эпохи стало создание единого централизованного государства, теснейшим образом связанное с нравственно-религиозным постижением Высшего смысла народного бытия. С первыми попытками сформировать универсальный, воистину вселенский пафос Русской Идеи. С формированием глубинных, коренных основ нашего национального самосознания".

Содержат ли эти два "национальных проекта" нечто сугубо исключительное, не имевшее места в истории других стран в эпоху феодализма (ибо названные века – века господства феодализма в России)? Любому человеку, окончивший среднюю школу в эпоху социализма, обязан знать, что феодальные междоусобицы и образование единого централизованного государства – отнюдь не только русские, сугубо неповторимые явления; что религия была господствующей формой идеологии при феодализме, и поэтому нравственность неизбежно была религиозной; что с образованием единых централизованных государств формировалось и более или менее единое самосознание населения, проживающего на его территории; что каждое из образовывавшихся и образовавшихся единых централизованных государств стремилось к захватам, и в этом смысле в каждом из них формировался "воистину вселенский пафос" то ли Английской идеи, то ли Французской...

Века XVIII и XIX – эпоха, по Зюганову, "геополитического становления России", *установления российского контрполюса над евразийским "сердцем мира"*.

Захват возникшим единым централизованным Российским государством "евразийского центра мира" рассматривается Г.А.Зюгановым как осуществление некоей предустановленной Промыслом будущей освободительной миссии России. Это не что иное, как иллюзия, переворачивание с ног на голову действительного положения вещей: цели, которые ставят себе последующие поколения людей, приписываются предшествующим поколениям, жившим и действовавшим в других объективных условиях и преследовавшим совсем другие цели. Такое переворачивание – характерная, более того, необходимая черта идеалистического понимания истории. В данном случае оно

ведет к приукрашиванию, оправданию захватнической политики и Российского государства в целом, и участников завоеваний в XVIII-XIX веках. По сути, в данном случае мы имеем дело с **великодержавным шовинизмом** в рассмотрении истории России XVIII-XIX веков.

Говоря о "четвертом проекте", Г.А.Зюганов называет его "грандиозным Советским проектом" и полагает, что в его основе "лежала неутолимая жажда справедливости, от века присущая нашему народу".

Основой для выделения эпохи тут опять-таки служит признак государственной, политической власти: "Советский проект". И не принимается во внимание весь общественно-экономический строй, вся общественно-экономическая система, как будто государственная, политическая власть витает в воздухе, а не соответствует определенному экономическому базису.

По Г.А.Зюганову, "Советский проект" имеет своей основой вечную идею справедливости или нравственную устремленность к ней, присущую "нашему народу", то есть русскому народу. (А другим народам не присуща "жажда справедливости"?)

Второй раздел "Большого проекта" называется "Сердце мира" и содержит чистые благие пожелания, простые декларации.

Третий раздел – "Общий дом" – тоже наполнен благими пожеланиями и обещаниями сотрудничества, взаимодействия, дружной жизни, которую наладит НПСР во главе с Г.А.Зюгановым. Да вот только, как говорится, "гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить".

Овраг первый. В области национальных отношений Г.А.Зюганов обещает от лица НПСР восстановить справедливость и равноправие. С одной стороны. А с другой стороны, пишет о величии именно русского народа, его некоей особой миссии, вспоминает о чужеземном, татаро-монгольском иге, идеализирует становление единого централизованного государства и т.д.

В рамках такого подхода естественно пышно праздновать юбилей Куликовской битвы или взятие Иваном Грозным Казани. А как при такой реанимации прошлого должны чувствовать себя современные татары? Разве **такое** обращение к прошлому не задевает их национальной гордости? Тогда почему бы им не отмечать эти даты столь же пышно как дни национального траура?

О каком "общем доме" народов в таком случае можно говорить?

Позиция национальной русской **исключительности** есть **националистическая**, великодержавно-шовинистическая позиция, проявляющаяся в "Русской идее", в особой миссии русского народа. Она несовместима с декларациями о России как "общем доме" для разных народов и языков. Русофобству противопоставляется русский национализм, стремление законсервировать все русское только потому, что оно русское. Это уже консерватизм и, более того, реакционность, ведущие к национальной розни.

Только последовательное проведение в жизнь марксистской позиции позволяет преодолеть национальную рознь. Марксистский подход ясно выразил В.И. Ленин в учении о двух культурах в каждой нации².

Овраг второй. Г.А.Зюганов провозглашает: "Мы станем всемерно оберегать традиции и обычаи всех без исключения народов России. Их права и достоинство, язык и вера будут надежно защищены законом и государством". Он обещает, что власть НПСР будет направлена на "сохранение самобытности нашей цивилизации".

Где же понимание того, что развитие человечества идет по пути образования мирового хозяйства, следова-

тельно, по пути перемешивания разных народов и разных культур, по пути образования единой культуры человечества? Где понимание этой, в конечном счете, побеждающей мировой тенденции?

Где понимание не только того, что нельзя насильственно устранять традиции и обычаи любого народа, но и того, что не следует их искусственно консервировать и возрождать, если они противоречат развитию общества?

Националисты разного толка часто, если не всегда, не видят разницы между космополитами и интернационалистами. Идея мировой революции для националистов стала пугалом №1. Это связано с отсутствием у них классового подхода. С классовых позиций различие между космополитами и интернационалистами принципиальное: если первые – сторонники капиталистического “объединения”, сохраняющего внутри себя классовые антагонизмы, то вторые – сторонники объединения, в конечном счете, всего человечества путем устранения капитализма, устранения классов и классовых антагонизмов на основе развития взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Овраг третий. Лидер НПСР выражает убеждение: “Неоценимую помощь может оказать нам Русская Православная Церковь. *Возрождающаяся Церковь станет в нашем растерзанном смутой обществе одним из главных гарантов национального единства*, защитником народных святынь и традиций, хранителем и проповедником вечных ценностей православной духовности и христианского патриотизма”.

Вместе с тем Г.А. Зюганов мечтает о “Небе на земле”, первая попытка осуществления которого была предпринята, по его мнению, в Советскую эпоху.

Во-первых, из сказанного следует, что главная роль в идеологии, в мировоззрении “растерзанного смутой общества” отводится религии, причем именно православию. Более того, ни о какой другой идеологии, которая могла бы скреплять национальное единство, речи нет.

По сути дела, Г.А. Зюганов выдвигает **вместо** коммунистической идеологии религиозную, именно православную.

Во-вторых, “ценности православной духовности и христианского патриотизма” Г.А. Зюганов, вслед за Православной Церковью, воспринимает в качестве вечных, то есть неизменных, сохраняющихся в любом, самом отдаленном будущем. Следовательно, надо полагать, он планирует господствующую роль религиозной идеологии на все будущее человечества.

В-третьих, социализм в СССР он квалифицирует как попытку практического осуществления “Неба” или “Рая” на земле. Если учитывать весь контекст доклада Г.А. Зюганова, то это не просто метафора. Представление о коммунизме как о “Небе” или “Рае” на земле – это представление коммунизма в качестве абсолютно идеального, абсолютно совершенного, а значит, неизменного состояния общества. Это метафизическое, иллюзорное, утопическое представление, прямо противоположное диалектическому, марксистскому пониманию коммунизма.

В-четвертых, реальное образование реального коммунистического общества несовместимо с религией не потому, что реальные коммунисты впадают в “безумие богоборчества” (Г.А. Зюганов), а потому, что созидание реального коммунистического общества есть исчезновение земной основы, из которой вырастает и на которой держится религия.

Гениально, прекрасно писал молодой К.Маркс: “Человек – это *мир человека*, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они – *превратный мир*. Ре-

лигия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur³, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью...

Религиозное убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа.

Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзии о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии, следовательно, в *зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом* которой является религия”⁴.

Г.А. Зюганов верно отмечает рост влияния религии в нашем российском обществе, но не понимает причин этой тенденции, экстраполируя ее на неопределенное будущее.

Между тем оживление религии обусловлено кризисом всего российского общества вообще и идеологии в том числе. Но кризис не вечен. Первая попытка создания подлинно человеческого общества потерпела поражение, история совершила своего рода зигзаг. Со всемирно-исторической точки зрения – это лишь временное отступление.

Рассмотрение “Большого проекта” Г.А. Зюганов включает изложением своего и, надо полагать, всего НПСР, понимания “Смысла жизни”: “*Смысл народной жизни* можно сформулировать как непрерывное познание – научное, религиозное, творческое, направленное на раскрытие тайн Мироздания, в котором *России Промыслом выделена особая роль, особая миссия*, – защищать по-прежнему справедливость, воплощать в несовершенную земную реальность надмировые идеалы Веры и Любви, милосердия и людского братства”.

Итак. Есть Мироздание. Следовательно, есть и архитектор и строитель Мира, то есть Бог, или Высший Разум. Смысл жизни людей – непрерывно познавать его Творение. При этом выделяется и непрерывное религиозное познание, что, во-первых, означает признание Г.А. Зюгановым вечности существования религии, а во-вторых, им допускается противоречие между этими двумя представлениями: религия есть вера, а вера не требует обоснования, доказательства, собственно познания. Продукт познания – знание, а не вера. Религия и наука по своей **сути** есть исключают друг друга противоположности, они, по **сути**, несовместимы.

Бог (“Промысел”) наделил Россию особой ролью, предназначил ей особую миссию. Следовательно, русский народ, согласно Г.А. Зюганову, – богоизбранный народ, призванный воплощать в несовершенную земную “реальность” надмировые, то есть божественные, вечные, абсолютные идеалы (“Веры и Любви, Милосердия и людского братства”).

Таким образом, взгляды Г.А. Зюганова отнюдь не марксистские, более того, по ряду важнейших мировоззренческих представлений, по методу – прямо противоположные: это не материализм, а идеализм в понимании истории; не диалектика, а метафизика; это религиозная идеология, несовместимая с научной идеологией; это утопическое, а не научно доказанные положения.

Вместе с тем в мировоззрении Г.А. Зюганова, в целом

ненаучном, утопическом, содержится и стремление к народному счастью, к коллективизму и т.д. (при этом он не замечает или не хочет замечать, что народ с необходимостью, закономерно разделяется в классовом обществе на антагонистические классы).

Настроения, представления, традиции, обычаи каких слоев выражает "Большой проект" Г.А. Зюганова?

На наш взгляд, это еще сохраняющиеся в России, особенно, как говорят, "в глубинке" (наиболее отчетливо это видно в казачьих районах) традиции, представления, уклад жизни и т.п. "земледельческой общины", общинного крестьянства.

"Земледельческой общине" свойствен, как отмечал К.Маркс, дуализм: "...с одной стороны, общая собственность и обуславливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, не совместимое с условиями более древних общин.

Но не менее очевидно, что тот же дуализм может стать со временем источником разложения"⁵. Развитие "земледельческой общины", полагал К.Маркс, в зависимости от исторической среды может в новое время пойти либо по капиталистическому, либо – при существенной поддержке рабочего класса⁶ – по социалистическому пути.

"Россия, – писал К.Маркс В.И. Засулич в 1881 году, – единственная европейская страна, в которой "земледельческая община" сохранилась в национальном масштабе до наших дней"⁷. Ни последующее развитие капитализма в России до октября 1917 года, ни последующее развитие страны по пути социализма вполне преобразовать это общественное устройство не смогли. Более того, привычка крестьян к общинным, к артельным отношениям облегчала им переход к кооперативам, к колхозам и совхозам. Для мировоззрения крестьян, живущих в "земледельческой общине", характерны, по крайней мере, следующие черты: религиозность; традиционализм, тяга к сохранению традиций и обычаев предков; с одной стороны, общинный коллективизм, артельность, с другой стороны, мелкособственнические устремления. Особо следует подчеркнуть веру крестьян в сильное государство, в "сильную руку" или, часто, в сильного и доброго царя.

Почему образуются такие представления? Существенная черта "земледельческой общины" – "ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, возводит над общинами более или менее централизованный деспотизм"⁸.

Централизованный деспотизм служит охраной, защитой, гарантией безопасного существования "земледельческих общин", а поэтому их **общим делом**, выполняет общие функции сохранения совокупности "земледельческих общин".

Внутри "земледельческой общины" классовое расслоение хотя уже и появляется, но оно еще не сформировалось, поэтому ее члены не в состоянии увидеть классовую природу государства. Государство представляется им образованием, выполняющим, главным образом, функцию **защиты от внешнего врага**. Глава же централизованного государства, по аналогии с патриархальной семьей, представляется батюшкой-царем, отцом народа.

В настоящее время сложилась весьма своеобразная ситуация. Страна переживает период капиталистической контрреволюции. К началу капиталистической контррево-

люции Коммунистическая партия Советского Союза дискредитировала себя, в значительной степени переродилась, марксизм был догматизирован, формализован.

По своей сути коммунистическая партия должна быть авангардом, прежде всего, рабочего класса, но она оторвалась от рабочего класса.

По своей сути марксизм есть научная идеология, прежде всего, рабочего класса, но марксизм принял такой вид, что произошло отчуждение марксизма от сознания масс рабочих.

И до последнего времени коммунисты своей деятельностью не завоевали авторитет среди широких слоев рабочего класса. До последнего времени и марксизм существует в нашей стране в существенно деформированном виде.

Вместе с тем следует отметить своеобразие рабочего класса периода капиталистической контрреволюции.

С установлением Советской власти и господства общественной собственности (в форме государственной) рабочий класс перестал быть пролетариатом, приобрел существенно новые черты. Пролетариат как класс⁹ – рабочий класс капиталистического общества, не имеющий средств производства и вынужденный этим своим положением продавать свою рабочую силу собственникам средств производства.

С гибелью Советской власти и установлением господства частной собственности рабочий класс снова становится пролетариатом. Однако этот процесс в нынешней России еще не завершен, еще не завершено формирование капиталистических производственных отношений, не оформилось и пролетарское сознание **противоположности** коренных интересов рабочего **класса** коренным интересам **класса** капиталистов.

Естественно, что и рабочий класс при таких условиях не может выполнять свою передовую, ведущую роль по отношению ко всем трудящимся, – теперь, в период капиталистической контрреволюции, уже можно сказать – ко всей **эксплуатируемой** массе трудящихся России.

Как показывает, в частности, "Манифест НПСР", на роль ведущей идеологии претендует идеология "земледельческой общины" со свойственной ей двойственностью, которая имеет своей основой двойственность материального производства "земледельческой общины" (с одной стороны, общая, а именно общинная, собственность, а с другой стороны – частная собственность, и обусловленные этим двойственные общественные отношения).

Конечно, при ведущей роли рабочего класса, его авангарда – подлинно Коммунистической партии – и его научной идеологии – подлинного марксизма – возможно и даже необходимо использование коллективистских устремлений, коллективистских сторон уклада жизни "земледельческой общины" и трансформирование, развитие его от уровня общинного до уровня общественного и, в конечном счете, до уровня коллективизма в масштабах человечества.

При выдвижении на первый план идеологии "земледельческой общины" начинает главенствовать тенденция либо консервировать черты, свойственные "земледельческой общине", либо даже реставрировать "земледельческую общину" (например, настроения среди части казаков), либо опираться не только на коллективистские черты "земледельческой общины", но и на частнособственнические (здесь происходит смыкание с частнокапиталистическими кругами и их идеологией), либо делать все это в том или ином сочетании и в той или иной пропорции.

В "Манифесте НПСР" Г.А. Зюганова на переднем плане – консервативные и даже реакционные черты идеоло-

гии, свойственной “земледельческой общине”: религиозность, национальная ограниченность, представление о государстве как надклассовом образовании и т.п. А лучшие черты этой идеологии, хотя и присутствуют, но где-то на заднем плане и производят впечатление простых деклараций. И не случайно, ибо только в связи с научной идеологией, то есть подлинно марксистской, будучи переосмыслены с позиций этой идеологии, они могут быть разумно истолкованы и послужить действительно прогрессивному развитию России и всего человечества.

Примечания

¹ Под идеологией здесь понимается не превращенное, не извращенное сознание, а совокупность идей. Причем марксистская идеология (а именно о ней и идет

речь), если она действительно марксистская, представляет собой совокупность **научно** обоснованных идей, в общем и целом верно отражающих действительность.

² Для тех, кто не учился в советской школе или учился в ней плохо: см. статью В.И.Ленина “О национальной гордости великороссов”.

³ вопрос чести (*фр.*)

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., Т.1. С. 414-415.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., Т.19. С. 404.

⁶ Имелся в виду рабочий класс наиболее развитых капиталистических стран Западной Европы.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., Т.19. С. 405

⁸ Там же.

⁹ Не путать с люмпен-пролетариатом и пролетариями до капитализма.

В. А. ВАЗЮЛИН,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник ДППО СГИ

ОБ ОСНОВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ИСТОРИИ

История может постигаться как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях. Причем оба они, с одной стороны, едины, ибо подлинная теория предполагает осмысление фактов, вырастает на эмпирическом фундаменте, а, с другой стороны, противоположны и, более того, при прямом, непосредственном сопоставлении некоторых эмпирических утверждений с теоретическими положениями они могут выступать как прямо исключают друг друга.

Если в советской социологии официально господствовала по сути своей схоластическая; а по названию марксистская (на самом деле – псевдомарксистская) социология; а неофициально или полуофициально в противовес ей распространялась и завоевывала позиции эмпирическая социология, заимствованная с Запада, то в последние годы эмпирическая социология превратилась в доминирующую, что в общем-то соответствует перемене официального курса.

Для последовательного эмпирика всякая теория выступает схоластикой, для него эмпирический уровень (сознательно или подсознательно) воображается предельным, выше которого ничего быть не может. Но и для схоластического социолога, так же как и для эмпирика, действительная, живая теоретическая социология недоступна и представляется реля-

тивистской, неправомерно отвергающей некие абсолюты (вроде идеальных типов и т.п.).

Преобладающие ныне представления о том, что происходит в нашей стране и в мире в целом, куда идет (или точнее, куда зашла) страна и история человечества, либо схоластичны, догматичны, либо (что сейчас более распространено) сугубо эмпиричны, не поднимаются или незначительно поднимаются над уровнем обывателя. А некоторые публицисты, занимающиеся как бы научной деятельностью, прямо и откровенно заявляют, что наука и не должна подниматься выше уровня обывателя, выше здравого смысла. Какова эпоха – таковы и ее пророки.

Так какие же основные особенности сугубо эмпирического, обывательского представления о современном состоянии нашей страны и человечества в целом можно выделить?

Прежде всего, это ощущение тупиковости происходящего, ощущение, рождающееся разложением страны, общества, отсутствием видения каких-либо благоприятных перспектив. На противоположном полюсе общественного мнения мы можем наблюдать все уменьшающийся оптимизм, который опирается на веру в то, что, преодолев временные трудности, мы будем жить как на благословенном Западе. При этом, люди в нашей стране мало или почти ничего не знают о ширящемся на Западе разочаровании в “обществе потребления”, нарастающем числе неврозов, вызванных “экзистенциальным вакуумом”, ощущением бессмысленности существования при отсутствии выхода из этого тупика. Настроения, охватившие США в конце 60-х годов и в той или иной степени сохраняющиеся до сих пор, так описывает известный американский социолог П. Бергер: “...Ключевые институты и ценности американского общества оказались скомпрометированными (делегитимированными) в глазах интеллектуалов. Росла уверенность в том, что рыночная экономика по своей природе есть зло, что культура средних американцев (“Средней Америки”) – неполно-

ценна и патологична, и самое ужасное, что политическая система либеральной демократии есть коррумпированный обман” [1]. Обходящий молчанием эти разочарования наш “провинциальный” оптимизм, наша безоглядная вера в благословенность западного общества вряд ли могут быть длительными.

Нарастает ощущение в глобальных масштабах приближающегося “конца света” И такое ощущение имеет серьезные основания в реальных и достаточно известных кризисах (энергетическом, экологическом, военном...).

Нарастает разочарование в возможности подлинного посюстороннего прогресса человечества. Соответственно распространяются все шире и шире религиозные, мистические настроения, поиски “золотого века” и идеалов в прошлом, надежды на спасение человечества внеземными цивилизациями. Разнообразие форм таких настроений, верований, взглядов чрезвычайно велико, но общим является, по крайней мере, то, что все они более или менее осознанно, непосредственно или опосредствованно относятся к настоящему человечества как тупику.

При честном и последовательном эмпирическом подходе так и должно быть, так должно представляться, что человечество зашло в тупик и у него существует только одна реальная возможность – в довольно скором времени погибнуть.

При теоретическом подходе и современное состояние человечества, в том числе нашей страны, и перспективы предстают существенно иначе.

Для теоретического подхода одного анализа современности и ее тенденций мало. Здесь требуется иной масштаб – масштаб всей истории, вскрытие закономерностей всего развития человечества. Для теоретического понимания современности хотя бы схематическое воспроизведение узловых пунктов истории просто необходимо.

Исходным пунктом истории было образование предпо-

сылок возникновения человечества в недрах природы и сам процесс его первоначального возникновения. На этой стадии существует непосредственное единство человека, общества и природы (хотя единство это с различием).

Сначала присваиваются предметы потребления, данные природой в готовом виде, и создаются орудия для их добывания и собирания. Предметы потребления, главным образом, добываются, собираются, не производятся, в то время как, орудия добычи и собирания уже начинают производиться. И все же человек пользуется преимущественно пока готовыми результатами природных процессов самих по себе, осуществляемых без его вмешательства.

Связи между индивидами также преимущественно природные, сложившиеся естественным путем. Возникающее производство лишь делает эти связи более устойчивыми. Производственные отношения первоначально образуются в форме родовых отношений, но вряд ли к ним полностью сводятся. Иначе говоря, производственные отношения выступают в форме естественных, природных отношений и в известной степени существуют слитно с ними.

По мере того как добывающая деятельность уступает место производству предметов потребления, которое становится регулярным, постоянным, возрастает различие между природными и собственно производственными отношениями, а значит, между родом и общиной, и все большее значение приобретает община по сравнению с родом. В различии между родом и общиной проявляются различия между естественными связями и производственными отношениями. Однако ни родовые связи не есть чисто естественные связи, ни общинные связи не есть чисто социальные связи (община всегда, пусть в опосредованном и превращенном виде, предполагает те или иные родовые связи). Классически развитого вида община достигает с переходом к скотоводству и земледелию. Но этот переход есть одновременно и достижение общиной своего наи-

высшего расцвета, и вместе с тем начало ее разложения (с переходом к скотоводству и земледелию впервые создается возможность регулярного производства прибавочного продукта и начинает возникать частная собственность).

Характерно, что для людей первобытнообщинного строя общество, человечество ограничивается общинным коллективом. Вместе с тем от всего остального окружающего мира человек еще не вполне отличает себя.

Собственность на условия производства именно как собственность (в отличие от владения и пользования) и как самостоятельное общественное отношение (в отличие от естественных связей) начинает впервые оформляться в общине. Это общественное отношение существует в общине еще в природном “освещении” и как еще не вполне отделившееся от сугубо природных связей. В самом деле, общинная собственность, будь-то у скотоводов или земледельцев, предполагает прежде всего собственность на землю. Но земля есть данное природой в готовом виде, произведенное средство производства.

Поскольку земля используется как средство производства, постольку отношение людей к природе опосредованно, а значит, люди отличают себя от природы. Поскольку же земля есть не произведенное, а взятое в природе в готовом виде средство производства, постольку связь людей с природой не опосредствована, постольку люди относятся к земле как к своему, употребляя слова К. Маркса, неорганическому телу, то есть они не отделяют себя от земли и от всего, что на ней и в ней есть. С этой последней точки зрения общественное отношение еще не проникло в производительное отношение человека к природе.

Кроме того, человек есть собственник в качестве члена общины, то есть первоначально естественно сложившегося коллектива, в котором всегда в том или ином виде имеются естественные связи как неотъемлемый момент общественных отношений. Следовательно, отношение членов общины друг

к другу и опосредовано производством, и дано как нечто природное. И пока земля как непроедленное средство производства играет роль решающего средства производства, до тех пор сохраняется основа, в той или иной степени порождающая отношение человека к окружающей среде как к своему неорганическому телу. Ибо “действительное присвоение посредством процесса труда происходит при таких предпосылках, которые сами не являются продуктом труда, а представляются его природными или божественными предпосылками” [2]. В этом отношении люди еще непосредственно едины с природой. Объективно существующая цель такого строя – поддержание жизни человека как члена общины.

Следующая стадия развития человечества представляет собой отрицание предыдущей.

Переход к скотоводству и земледелию означает и развитие общины, и начало длительной, проходящей через многие эпохи, истории ее разложения. Возникает частная собственность. Развитие производительных сил отрицает прежний уровень и характер: создается возможность регулярного производства жизненных средств выше минимума, абсолютно необходимого для поддержания физического существования, складывается общественное разделение труда, в то время как прежде преобладало разделение труда на основании естественных различий (по полу, возрасту, индивидуальным естественным качествам). Совершенствование средств труда, приводимых в действие индивидуально, стало основанием развития частной собственности, которая на всех этапах преобразования общинной собственности в том или ином виде предполагала существование последней.

С появлением частной собственности возникают антагонистические классы, эксплуатация человека человеком. Эксплуатация, поскольку она не ограничивалась случайным изъятием прибавочного продукта, а становилась постоянной и захватывала процесс производства, с необходимостью дол-

жна была включать присвоение другого человека (или других людей) как объективного условия производства. Но экономическое присвоение человека как объективного условия производства невозможно, если не подчинить его волю, если не применить к нему насилия, если не установить отношения господства и принуждения. Такого рода эксплуатация человека неизбежно требует более или менее постоянного и непосредственного организованного насилия и с необходимостью порождает его, то есть экономические производственные отношения непосредственно предстают как политические, выступают слитно с политическими отношениями.

Так обстоят дела везде и до тех пор, пока земля как непроизведенное средство производства играет решающую роль в производстве и пока частная собственность не разложила окончательно общинную собственность, то есть такое положение характерно для рабовладельческого и феодального общества. И хотя частная собственность в этих обществах еще не вполне преобразовала унаследованную основу (отношения людей к средствам производства и отношения людей друг к другу, свойственные предыдущей стадии), но развитие идет таким образом, что отношение к земле как непроизведенному средству производства и община на этой стадии в общем и целом разлагаются, а ведущим в развитии общества является совершенствование средств труда, воссоздаваемых людьми, и причем длительное время таких средств труда, которые приводятся в действие индивидуально.

Апогея первое отрицание прежней стадии достигает при капитализме.

По мере развития производительных сил все большую роль в производстве начинают играть произведенные средства производства. Вначале это, главным образом, средства, приводимые в действие индивидуально. Соответственно развивается собственность, принадлежащая отдельным индивидам и основанная на собственном труде. (Конечно, полного исчез-

новения черт предыдущей стадии не происходит. Примером может служить средневековая организация городских ремесленников.) По мере развития этой собственности связь индивидов в производстве все больше осуществляется через обмен продуктами обособленных индивидуальных производителей. Такой обмен означает вместе с тем расширение рынка, рост многообразия потребностей. Дальнейший рост рынка ведет к производству на рынок, к подчинению производства обмену. Это вызывает необходимость в увеличении его масштабов, приводит к разорению и обнищанию одних и сосредоточению средств производства в руках других, отделению средств производства от производителей. (Мы здесь ведем речь о главной линии и притом в самом общем виде.)

Произведенные средства производства приобретают решающую роль в процессе производства. Это обстоятельство, а также связь между производителями посредством обмена продуктов труда представляют собой отделение человека от природы и притом отделение качественно иного уровня по сравнению с господством общинной формы собственности. Вместе с тем, это отделение осуществляется неполностью.

Действительно, решающая роль произведенных средств производства означает, что отношение производителя к средствам производства в масштабах общества в целом опосредовано трудом, а потому исчезает глубинное основание для отнесения производителя к объективным условиям производства, для отождествления человека со средствами производства.

Но различие между человеком и природой даже в условиях высшего развития частной собственности, которое имеет место при капитализме, с одной стороны, не доходит до конца, а с другой – выступает как разрыв. Оно не доходит до конца, так как люди в процессе производства связаны только посредством обмена вещей, продуктов труда, а потому и производители выступают как произведенные вещи, как продук-

ты труда и как продукты труда они покупаются и продаются. (Продуктом труда является не тело человека как таковое, а его способность к труду.)

Различие между человеком и природой в условиях частной собственности есть разрыв между ними. Разрыв между человеком и природой в высшей степени развивается при капитализме. Природа в качестве условий производства враждебно противостоит работнику, лишенному средств производства. Частные собственники стремятся к использованию ее в узких своекорыстных интересах. В условиях господства частной собственности преобладает стремление к порабощению природы, к господству над ней. Это порабощение включает две стороны: с одной, природа преобразуется людьми в нужном им направлении, а с другой, – она оказывается лишь рабом, с которым можно не считаться, силы которого можно нещадно эксплуатировать. При таком положении, когда производительные силы развиваются настолько, что люди становятся способными подчинить себе всю окружающую земную среду, наступает конфликт между человеком и природой – экологический кризис, грозящий самому существованию человечества. В условиях частной собственности возникает, нарастает и при капитализме получает свое высшее развитие также разрыв между людьми и порожденными ими социальными силами. Силы взаимодействия людей все больше противостоят самим людям, разъединенным частной собственностью, растет разрыв, противоречие между человеком и обществом. К проявлению стихийного действия социальных сил относятся, например, анархия производства, экономические кризисы.

В недрах капитализма и его необходимым развитием создаются материальные и духовные предпосылки упразднения капитализма и частной собственности вообще.

Важнейшей материальной предпосылкой упразднения капитализма и всей частной собственности является то, что произведенные средства производства, став решающими, при-

обретают общественный характер. Кооперативный, в конечном счете, общественный характер средств производства, становится технической необходимостью на той стадии производства, когда оно превращается в машинное: машины, а в особенности система машин, и создаются, и приводятся в действие многими людьми, коллективно.

Вместе с тем, если ранее ту или иную техническую структуру находили эмпирическим путем, то с появлением крупной промышленности положение резко изменилось: технические структуры обнаруживаются преимущественно теоретическим путем, и это имеет огромное значение для развития и самого существования частной собственности. В ходе развития крупной промышленности первостепенным становится не непосредственный труд, а технологическое применение естествознания и та всеобщая производительная сила, “которая вырастает из собственного расчленения труда в совокупном производстве и выступает как природный дар общественного труда (хотя и является историческим продуктом)” [3, с.208]. Но сущность капитализма – производство прибавочной стоимости, а прибавочная стоимость создается живым непосредственным трудом. Следовательно, капитал, развивая крупную промышленность, машинное производство (кстати, компьютеризация – это особый вид механизации), готовит тем самым условия собственного разложения и предпосылки нового, будущего общества.

Капитализм завершает стадию первого отрицания.

Отрицание отрицания в развитии истории человечества является необходимостью. Оно представляет собой как бы возвращение к первоначальному единству с природой. Но это лишь как бы возвращение, ибо единство восстанавливается с сохранением всего положительного, что было достигнуто на стадии первого отрицания. Люди продолжают стремиться к овладению природой, располагая для этого колоссальными возможностями. Но это такое овладение, которое должно быть

сохранением и совершенствованием природы. Установление такого отношения к природе становится вопросом жизни и смерти человечества: без его установления человечество погибнет без всякой войны.

Уже при капитализме образуются предпосылки для отрицания отрицания исходного характера использования человеком природы в производстве. Если исходным в истории человечества было использование природы просто как данной, непреобразованной, то затем человек стал преобразовывать объект посредством модифицированного предмета природы. Соответственно, главным преобразователем был непосредственный труд. В ходе же развития крупной промышленности и особенно на ее высшей стадии – автоматической системы машин – в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Следовательно, происходит как бы возвращение к исходному пункту, к использованию самодействия природных процессов, но это не просто возвращение к началу, одновременно сохраняются и достижения первого отрицания: человек сознательно направляет природные процессы для получения нужного ему полезного эффекта.

Однако при капитализме всеобщее богатство развивается в антагонистической форме. “С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения, – для того, чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости” [3, с.213].

Лишь обобществление собственности на средства про-

изводства устраняет это противоречие и открывает простор свободному развитию общества. Действительное богатство общества, если отвлечься от его буржуазной формы, есть не что иное, как постоянное производство и воспроизводство человеком себя в качестве целостного, универсального, гармоничного существа. Обобществление средств производства есть устранение социальных сил как отделенных от человека и враждебных ему. Установление общественной собственности на средства производства есть отрицание частной собственности и вместе с тем как бы возвращение к исходному пункту, к общинной собственности. И общинная, и общественная собственность – собственность коллектива. Но общественная собственность в отличие от общинной не есть собственность группы людей, а есть собственность всего общества. В наиболее развитом виде общественная собственность представляет собой собственность всего обобществившегося человечества. Кроме того, в общественной собственности сохраняется в преобразованном виде то положительное, что достигнуто в процессе развития частной собственности.

Цель обобществившегося человечества может быть только свободное, всестороннее, гармоничное развитие каждого человека, которое выступает и как самоцель, и как условие такого же развития всех остальных людей. Эта цель тоже отрицание отрицания. Исходным пунктом было воспроизведение физического существования как цель и как условие физического существования других членов общины и общины в целом. По мере того, как развивалась частная собственность, целью общественного производства становилось производство и воспроизводство частных собственников в качестве частных собственников, люди, в той или иной степени лишенные частной собственности, эксплуатируемые, выступали в масштабах общества как средство для этой цели. Развитие этой собственности было вместе с тем все большим отделением частной собственности от непосредственной связи с индивиду-

альностью собственника и с природными условиями (например, свобода перехода собственности из рук в руки), то есть частная собственность приобретала все большую самостоятельность по отношению к личности собственника и к природе. При капитализме эта самостоятельность достигает своей полноты. Поэтому главной целью общественного развития становится не индивидуальное потребление частной собственности, а ее постоянное производительное потребление как самовозрастающей частной собственности. Таким образом, и сам частный собственник, пусть он и удовлетворен своим положением, является в известной мере средством движения частной собственности, социальных сил, созданных людьми, обособившихся от людей и подчинивших себе людей.

При отрицании отрицания исходной стадии развития общества целью общественного развития снова становится каждый человек (поскольку он действительный собственник общественной собственности). Но теперь это уже человек не как член ограниченной общины, а как член человеческого общества в целом. Достижения стадии первого отрицания, стадии частнособственнического не устраняются. Ведь именно в ходе развития частнособственнического и, конечно, главным образом, капиталистического общества создаются, хотя и в ограниченной степени, международные производственные отношения, универсальные потребности и т.д. и т.п. С отрицанием отрицания исходной стадии развития человечества происходит “очищение” от антагонистической формы развития: главной целью становится не просто производство физического существования индивида (как на исходной стадии) и не просто потребление им материальных и духовных благ в качестве обособленного индивида (как на стадии первого отрицания), а производство и воспроизводство человека как свободного, всесторонне развитого члена человечества, члена человеческого общества.

На исходной стадии человечество боролось за физичес-

кое выживание в борьбе со слепыми, стихийными силами природы, и обеспечение средствами к жизни находилось где-то у границы минимально необходимого для физического выживания членов человеческого рода.

На стадии первого отрицания человечество стало гарантированно производить больше средств к жизни, чем это минимально необходимо для поддержания физического существования, и меньше, чем необходимо для оптимального удовлетворения потребностей каждого члена общества, что порождает и поддерживает борьбу людей друг с другом за средства к жизни, то есть борьбу людей друг с другом как животных, как биологических существ. Стадия отрицания отрицания становится возможной тогда, когда производство оказывается способным обеспечить оптимально жизненные, биологические потребности людей. Это означает переход к новому типу развития, к исключению борьбы людей друг с другом за биологическое существование.

На протяжении рассматриваемого нами витка спирали человечество все более и более овладевало земными условиями своего существования. В современную эпоху оно подошло к овладению всеми основными земными условиями своего существования. Вместе с тем это овладение есть и овладение возможностью уничтожения себя как целого (уничтожения “мирного” или военного). Подобно тому как на исходной стадии существовала угроза гибели человечества как человеческого рода, так и ныне снова возникла эта угроза, но уже созданная не природой, а самим человечеством. И перед человечеством встала еще недостаточно осознанная альтернатива: либо гибель, либо раньше или позже переход на качественно новую стадию развития, стадию отрицания отрицания.

Таков общий ход истории. Здесь он дан схематично, сжато, лишь как результат научного исследования, процесс выработки которого остался за рамками статьи. Но даже в этом теоретико-схематичном виде общая логика истории позволя-

ет лучше понять современность. Тем более, что нынешние события в нашей стране, в ряде других стран, казалось бы, опровергают выявленную выше логику.

Но это только на первый и очень поверхностный взгляд. История никогда не совершается по прямой линии, в ней много перерывов, возвращений назад, имеют место не только революции, периоды спокойного эволюционного развития, но и контрреволюции, которые, надо сказать, в истории – явление нередкое. Мы знаем, что контрреволюция была в республиках Северной Италии, когда там стал утверждаться капиталистический строй, затем наступила феодальная реакция. Мы знаем, что революция в Англии завершилась контрреволюцией, которая в целом-то не остановила развитие этой страны в сторону капитализма. Так же и во Франции Великая буржуазная революция окончилась контрреволюцией, а затем страна прошла целый ряд новых революций, пока в ней окончательно не победил капитализм. Собственно говоря, это происходило практически во всех крупных странах Западной Европы, то есть там, где капитализм возникал впервые в истории.

Если мы еще более углубимся в прошлое, то при переходе от доклассового общества к классовому обществу и на первой стадии классового общества видим такие же контрреволюции: возникали рабовладельческие государства, достигали расцвета, затем приходили в упадок, разлагались и разлагающиеся рабовладельческие государства сметались окружающими их варварскими сообществами. И это происходило не раз, пока, наконец, не утвердился окончательно рабовладельческий строй. И хотя он, в конечном счете, был сметен варварами, но на этот раз уже дал основание для возникновения новой формации. Поэтому контрреволюция, можно сказать, такая же закономерность, как и революция. В эпоху становления любой формации контрреволюции практически неизбежны.

И сегодня мы переживаем время контрреволюции. Прав-

да, особенность нынешнего этапа заключается в том, что в настоящее время, как мы показали выше, растут предпосылки для нового общества, предпосылки объединения человечества. И в силу того, что человечество все больше и больше объединяется, изменения оказываются всякий раз гораздо более обширными, захватывающими большие территории и большие массы населения, чем когда бы то ни было в прошлом. В настоящее время контрреволюция произошла в таких масштабах, что она по сути дела охватила целый ряд стран, произошла во всей новой системе. В силу достижения высокой степени интеграции, контрреволюция не могла произойти в отдельно взятой стране, как это было ранее. Она с необходимостью должна быть охватить очень широкие территории и вовлечь колоссальные массы населения. Естественно, контрреволюция должна была начаться в наиболее сильной из этих стран, ее ядро должно было формироваться прежде всего в Советском Союзе. Но это не исключает того, что более легко и быстрее она затем произошла в других странах Восточной Европы, во-первых, в силу малой территории каждой из них, а во-вторых, в силу самих причин совершения социалистических революций: здесь переход к социалистическому строю осуществился после войны в присутствии советских войск – если бы их не было, еще неизвестно, каков был бы исход событий. В странах бывшего Советского Союза контрреволюция встречается с гораздо большими трудностями, и процесс этот будет происходить более длительно. Есть еще определенная вероятность – хотя и сравнительно небольшая – поворота событий в другую сторону.

Следует заметить, что контрреволюции, как и революции, не возникают на пустом месте. Лишь решая нужные в данный момент для общества задачи, они могут рассчитывать на массовую поддержку. Скажем, почему стала возможной контрреволюция после Великой французской революции? Потому, что последняя не вполне соответствовала нарождающимся

ся буржуазным отношениям, в чем-то она явно забежала вперед. А пришедшие к власти термидорианцы более соответствовали определенным тенденциям, и все-таки их приход означал контрреволюцию.

Также обстоит дело и сейчас. На контрреволюцию следует смотреть преимущественно не с точки зрения определенных “рациональных” моментов в ней (хотя сбрасывать их со счетов нельзя), но с точки зрения того, что является основным, главным в этом процессе, и господствующим не только с точки зрения сиюминутной, а с позиции исторической перспективы. С последней же – совершающийся процесс – это прежде всего и главным образом контрреволюция.

Таким образом, только один факт краха социалистической системы сам по себе ничего не говорит в пользу того, что дальнейшее развитие не будет совершаться по пути к коммунизму.

Позиция человека, приемлющего только “голые факты”, позиция сугубо эмпирического социолога, позиция человека, “захваченного в плен” сегодняшними событиями, – это позиция, с которой видится история только как тупик, представляется единственно приемлемой возможностью возврата к прошлому. Такое сознание как камера-обскура дает перевернутые изображения истории, в частности, контрреволюция представляется революцией, левые кажутся правыми, а правые – левыми.

Напротив, если встать на позицию теоретической социологии, если рассмотреть общий ход всей истории человечества, если взять всю историю человечества в целом, то обнаруживаются тогда проходящие через нее, заключающиеся в ней закономерности развития к обобществленному, к единому человечеству, к коммунизму, обнаруживается, что человечество подходит, а точнее уже подошло к последнему отрезку большого витка спирали истории, к стадии отрицания отрицания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергер П.* Понимание современности // Социол. исслед. 1990. № 7. С. 134.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. Ч. I. С. 463.
3. Там же. Т. 46. Ч. II. С. 208, 213.

Еще раз о «большом проекте» Г. А. Зюганова (с точки зрения марксиста)

В. А. Вазюлин

В связи с тем, что после публикации нашей статьи о «Большом проекте» Г. А. Зюганова¹ появились возражения против ряда **существенных** положений, содержащихся в ней, оказалось необходимым дополнительно разъяснить идеи этой статьи.

В предыдущей статье мы писали о том, что Г. А. Зюганов в «Манифесте НПСР» не охарактеризовал так или иначе стратегические цели КПРФ. Нам возразили: это – манифест НПСР, а не программа КПРФ. Поэтому о стратегических целях КПРФ в «Манифесте НПСР» писать не нужно.

И все же хотелось бы спросить: допустимо ли руководителю **Коммунистической** партии в тексте «Манифеста НПСР» не обозначать **особые стратегические** цели КПРФ?

Представляется, что, с марксистской точки зрения, не писать в «Манифесте НПСР» об особых стратегических целях коммунистов – значит либо допускать крупную ошибку, либо это есть не что иное, как принципиальное отступление от стратегических коммунистических целей.

Ведь речь идет не о пустяке, а о проекте, который в случае его осуществления определит жизнь России на много-много лет вперед, и притом о проекте, который выражен в форме манифеста, то есть в форме письменного **обращения**, имеющего программный характер, к **массам** населения страны.

Итак, представим: руководитель Коммунистической партии обращается к массам населения с программой НПСР и не высказывает отношения Коммунистической партии к этой программе.

Способствует ли он просвещению, ориентации масс в коммунистическом духе или нет?

Ответ, по нашему мнению, очевиден: нет, не способствует.

Тем, к кому обращен «Манифест НПСР», придется самим сопоставить манифест НПСР и программу КПРФ, установить их сходства и различия, определить специфику стратегических целей НПСР и их соотношение со стратегическими целями КПРФ. Смогут ли проделать такую работу те, к кому обращен «Манифест НПСР»? Явно так будет очень немного, если таковые найдутся.

Мы думаем, что не случайно в «Манифесте НПСР» отсутствует характеристика Г. А. Зюгановым особых стратегических целей Коммунистической партии РФ.

Стратегические цели – это основные ориентиры деятельности, определяющие ее направление, это – своего рода «магнит», который упорядочивает всю деятельность в целом. (Конечно стратегические цели, в свою очередь, должны быть упорядочены. Но здесь мы отвлекаемся от этого вопроса.)

Между тем создается впечатление, что вообще Г. А. Зюганов, во-первых, по крайней мере, недостаточно верно и отчетливо представляет стратегические цели Коммунистической партии, и, во-вторых – что связано с первым, – нередко забывает о стратегии в угоду тактике и даже в уго-

ду «текучке», плывя по течению событий.

Остановимся на ставшей крылатой фразе Г. А. Зюганова: «Россия исчерпала лимит на революции», или в другом варианте: «Лимит на революции исчерпан». Главный аргумент Г. А. Зюганова: революция означает с неизбежностью гражданскую войну, а гражданская война в эпоху ядерного оружия, атомных электростанций приведет к губительным последствиям для страны и мира в целом.

Прежде всего, совсем не желая «убить Зюганова» (как высказался один из наших оппонентов), скажу: Г. А. Зюганов не понимает, что такое революция.

Что же такое революция?

Революция (имеется в виду революция в обществе, общественная, социальная революция), во-первых, **коренное**, а во-вторых, **прогрессивное** изменение социально-экономического, общественно-политического строя.

Противоположностью революции, если брать второй из отмеченных существенных признаков, является **контрреволюция**.

Контрреволюция – это, хотя и **коренное, но регрессивное** изменение социально-экономического, общественно-политического строя.

В нашей стране в 90-х годах произошла **буржуазная (капиталистическая) контрреволюция**, в результате которой Россия из социалистической стала капиталистической страной.

Становление капитализма в России в экономическом отношении еще, то есть к 2001 году и в 2001 году, не завершилось. В политическом же отношении буржуазная (капиталистическая) контрреволюция победила в октябре 1993 года, когда был расстрелян Верховный Совет РФ, то есть высшая советская власть в России.

И какие бы там ни были депутаты, но Верховный Совет РФ был высшей **политической властью социалистического общества**².

Отказ от революционной борьбы в мире, в частности в нынешней капиталистической России, – не что иное, как отказ от борьбы за переход к социалистическому, коммунистическому обществу, то есть **отказ от стратегических коммунистических целей**.

Если человек отказывается от революционной борьбы, то такой человек, естественно, – не коммунист.

Г. А. Зюганов, если он придерживается положения о том, что лимит на революции исчерпан, либо принципиально отказывается от борьбы за социализм, за коммунизм, соглашается с существованием капиталистического строя в мире, и в частности в России, а также соглашается с буржуазной, капиталистической политической властью, в принципе не хочет бороться с капитализмом по коренным вопросам ни сейчас, ни в будущем; либо не отдает себе отчета в том, что путает понятие «револю-

¹ См. «Марксизм и современность» № 1-2 (13-14), 1999 г., с. 67-71, В. А. Вазюлин, «Большой проект «Г. А. Зюганова с точки зрения марксиста (О «Манифесте НПСР»)»

² Нередко можно слышать и читать (главным образом в «демократических» СМИ): не нужны «измы», социализм и капитализм – идеологические мифы. Такие утверждения представляют собой либо глупость, либо подлость. «Капитализм» и «социализм» – понятия, отражающие в корне отличные друг от друга устройства всего общества, во всех его сферах, в том числе в корне отличные друг от друга образы жизни, представления о счастье, жизненных ценностях и т.д. и т.п.

ция» с понятиями «пути революции», «средства осуществления революции».

Однако и в случае неосознаваемой путаницы этих понятий невозможно последовательно проводить стратегическую линию, невозможно так или иначе не смешивать стратегию и тактику.

Под словом «революция» нередко и неправомерно подразумеваются только немирные пути и средства осуществления изменений в обществе.

Между тем пути и средства социалистической революции могут быть и мирными и не мирными, так же, впрочем, как пути и средства буржуазной, капиталистической контрреволюции.

Г. А. Зюганов, подразумевая под революцией фактически немирные пути и средства прогрессивного изменения общества, провозглашая исчерпанность лимита на революции, ориентирует, во-первых, **только** на мирные пути и средства прогрессивного изменения общества. Главными, основными мирными путями и средствами борьбы являются участие в выборах и деятельность в буржуазном парламенте. Во-вторых, Г. А. Зюганов, по сути дела, фактически ориентирует этим своим утверждением Компартию РФ и ее сторонников на принципиальный отказ от упразднения капитализма вообще, и в России, в частности, то есть ориентирует КПРФ и ее сторонников на **прогрессистски-реформистский** путь.

Кратко остановимся сначала на первом из положений, на вопросе о мирных и не мирных путях и средствах преобразования общества.

Г. А. Зюганов заявляет, что революция в России недопустима, так как она означает гражданскую войну. Если понимать, что такое революция, то из этого утверждения следует: не надо осуществлять коренных преобразований общества (в том числе деприватизацию собственности), не надо стремиться упразднить капитализм и не надо прибегать к вооруженной борьбе, поскольку тогда начнется гражданская война.

Такие представления более чем сомнительны. Буржуазная (капиталистическая) контрреволюция представляет собой тоже **коренное** изменение общества, как и революция. И она произошла в России в атомную и ядерную эпоху, как мирным путем (например, ваучеризация – это мирный способ перехода общественной собственности в частную), так и не мирным (расстрел Верховного Совета РСФСР в октябре 1993 года). Немирные пути и средства буржуазной контрреволюции не вызвали ни всеобщей гражданской войны, ни ядерной или атомной катастрофы. А ведь это было – подчеркнем еще раз, – хотя и регрессивное, но тем не менее **коренное** изменение общества.

Так почему в принципе невозможно коренное прогрессивное, то есть революционное социалистическое изменение общества как мирными путями и средствами, так и с тем или иным применением немирных способов и средств без гражданской войны или без всеобщей гражданской войны и ядерной или атомной катастрофы?

На наш взгляд, возможно. И выбор тех или иных путей и средств революции зависит, прежде всего и главным образом, **от соотношения борющихся сил**.

Теперь о том, что Г. А. Зюганов своим положением об исчерпанности лимита на революции, по сути, ориентирует КПРФ и ее сторонников на **прогрессистски-реформистскую** позицию в ее **противопоставлении революционной** позиции, как отрицание последней.

Понятие «реформа общества» в **отличие** от понятия «революция» есть количественное, а **не коренное** качественное изменение, преобразование общества. Реформы общества могут быть как прогрессивными, так и регрессив-

ными. Революционная позиция necessarily подразумевает реформы, но в качестве своих подчиненных моментов.

При том что в России и в мире в целом господствует капитализм, ограничение деятельности Коммунистической партии только реформами есть **согласие** с господством капитализма и, в лучшем случае, – стремление усовершенствовать капитализм. Если какая-либо партия становится на такую позицию, то эта партия – не коммунистическая, а социал-демократическая или «социалистическая» на манер западных «социалистических» партий.

Социал-демократы выдают реформирование капитализма за социалистические преобразования, с такой точки зрения ряд стран «золотого миллиарда» объявляются социалистическими. Так, например, трубят о шведском социализме.

С марксистской позиции говорить о социализме в современной Швеции совершенно недопустимо уже потому, что Швеция, в числе прочих стран «золотого миллиарда», участвует в эксплуатации стран так называемого «третьего мира» и является вполне капиталистической страной.

Социал-демократы, давно по сути перешедшие на капиталистические позиции, **смазывают существенное различие между реформами и революцией**. Социал-демократы, многие западные социалисты – такие же борцы за действительный социализм, какими борцами за социализм являются газеты «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда». Буржуазная, капиталистическая суть, прикрытая словами «социалист», «комсомолец» и т.п. И что поразительно, на такую примитивную удочку клюют сотни тысяч, миллионы людей.

Марксист (и уж конечно, руководитель Коммунистической партии) обязан **строго и четко** различать реформу и революцию, реформистскую и революционную деятельность и, не отказываясь вообще от реформ, **подчинять** реформистскую деятельность революционной, открыто, прямо, честно и четко просвещая народ по таким **чрезвычайно** важным вопросам.

Марксистская, то есть подлинно коммунистическая, партия – с необходимостью партия революционная (нереволюционная коммунистическая партия – полный абсурд, совершеннейшая чушь) – должна быть готова ко всем, мирным и не мирным, путям и средствам борьбы. Реформистская партия идет только мирным путем и применяет только мирные средства. И главным мирным средством являются предвыборная деятельность и выборы. Основная деятельность реформистской партии сосредоточивается в буржуазных выборных органах (она состоит, в лучшем случае, в борьбе за частичное улучшение капиталистического общества) и в организации избирательных кампаний.

Задачу упразднения капитализма такая партия либо не ставит вообще, либо ставит, но как задачу туманного будущего, как задачу, решение которой будет осуществляться в отдаленном будущем, **не имеющую отношения к нынешней тактике, к повседневной деятельности партии, к ее ближайшим задачам**.

Напротив, революционная, подлинно коммунистическая партия даже тогда, когда нет революционной ситуации и революцию нельзя совершить сейчас или в ближайшем будущем, **просвещает** народ, **готовит** и себя и народ **к революции**, то есть к коренному изменению капиталистического общества, к его упразднению. И эту цель никогда не забывает в своей повседневной деятельности (при достижении ближайших целей, при блоках, соглашениях с иными политическими силами, в пропаганде и агитации...).

Если соглашательские, реформистские, оппортунисти-

ческие, признающие только мирные пути и средства борьбы партии стремятся смазать, затушевать коренное различие между капитализмом, с одной стороны, социализмом и коммунизмом – с другой, отказываются от выявления **эксплуататорской сути** капитализма, от критики **антинародной сути любого господства капитала и его политической власти**, то действительно коммунистическая партия и действительно коммунистический руководитель используют все возможности для того, чтобы в сознании трудящихся масс утвердилось убеждение: капитализм, господство капитала – это свобода эксплуатации трудящихся; всякая власть капитала, какими бы лицами она ни была представлена, ельциными ли, путиными ли, березовскими ли, ивановыми ли, сидоровыми ли, фоминскими ли, евреем ли, русским ли или человеком любой другой национальности – антагонистична, в корне враждебна коренным интересам масс трудящихся; только при упразднении политического, экономического, духовного и всякого другого господства капитала открываются возможности для реализации коренных интересов масс трудящихся.

Просвещению, воспитанию, организации трудящихся масс в таком духе должна быть подчинена вся деятельность действительно коммунистической партии и действительно коммунистического руководителя, действующих в условиях господства капитала. В этом центр тяжести их деятельности, все остальное (работа в представительных органах, участие в выборах и т.д.) играет лишь подчиненную роль.

Напротив, соглашательские, реформистские, оппортунистические партии свое внимание, силы, устремления сосредотачивают на усовершенствовании законов, процессов, сглаживании противоречий и т.п., оставаясь в рамках капиталистического общества, не посягая на господство капитала.

Поэтому такая партия делает акцент на критике не всего капиталистического строя в целом, не на критике самой сути капитала, самой сути его господства, а на критике недостатков отдельных лиц, например Ельцина, и не может **сразу и четко** разобраться, например, в том, что собой представляет власть Путина, сея иллюзии, будто при господстве капитала может быть избран президент, выражающий коренные интересы трудящихся масс населения.

Если главная задача подлинно Коммунистической партии и подлинно коммунистического руководителя в условиях господства капитала заключается в том, чтобы всячески способствовать осознанию трудящимися массами **их коренных интересов**, в том, чтобы воспитывать трудящиеся массы в духе борьбы за их коренные интересы, в том, чтобы организовать их на борьбу за свои коренные интересы, то для соглашателей, реформистов и оппортунистов такая задача либо не существует вообще, либо встанет когда-то в неопределенном будущем, не имея никакого отношения к деятельности в настоящем.

Принципиально коммунистическая позиция всегда должна выражаться коммунистической партией и ее руководителем ясно и отчетливо, так как без этого условия невозможно прояснить сознание народа, невозможно осознание народом своих коренных интересов. Но невозможно подготовить народ к социалистической революции, невозможно победа социализма, коммунизма, если коммунисты все это отложат на неопределенное будущее. Невозможна победа социалистической революции и без овладения социалистическими силами **всеми** формами и средствами борьбы, ибо им противостоит сильный противник, готовый к отчаянному сопротивлению и не останавливающийся ни перед чем.

Если положение Г. А. Зюганова об исчерпанности лимита на революции всего лишь метафора (как написал в оправдание Г. А. Зюганова один из известных идеологов КПРФ)³, то это – принципиально ошибочная метафора, не проясняющая, а затемняющая сознание народа по принципиальному вопросу, «метафора», представляющая собой шаблон, бытующий уже очень давно среди оппортунистов, и, точнее говоря, выражающая одну из основных черт оппортунизма, реформизма.

Вся совокупность взглядов и действий Г. А. Зюганова свидетельствует о том, что мы имеем дело отнюдь не с метафорой. Да и одной такой «метафоры» достаточно, чтобы утверждать, что во взглядах Г. А. Зюганова очень силен **социал-демократизм** в современном западноевропейском смысле слова.

Такой человек, в той степени, в какой у него имеются социал-демократические взгляды, и Швецию признает социалистической страной, и власть «социалистов» в ряде стран Западной Европы – подлинно социалистической властью, хотя на самом деле и Швеция – страна капитализма, и западные социалисты давно уже перешли на позицию буржуазии, оставаясь социалистами только по названию. Для такого человека, например, Е. М. Примаков, придерживающийся идеи конвергенции капитализма и социализма, можно сказать, единомышленник.

Постановка и достижение стратегических целей подлинно, а не только по названию, коммунистической партией необходимо основываются на марксистском мировоззрении, на марксистском методе.

Отступления от марксистского мировоззрения, от марксистского метода недопустимы при любых соглашениях, союзах и т.п. коммунистов с другими силами, недопустимы для партии, которая концентрирует свою деятельность на осуществлении коренных интересов трудящихся масс путем просвещения, воспитания, организации самих этих масс на борьбу за их собственные коренные интересы. Напротив, для «социалистических» и «коммунистических» соглашательских, реформистских, оппортунистических партий, партий, стремящихся **исключительно** к мирным формам борьбы, к борьбе за власть **только** путем выборов, характерны погоня за электоратом во что бы то ни стало, готовность идти на принципиальные компромиссы и в экономической, и в политической областях, и в области мировоззрения, в области метода.

Отступления, искажения, иллюзии в области мировоззрения, в области метода неизбежно сказываются весьма отрицательно на вовлечении трудящихся масс в борьбу за их коренные интересы и на самой этой борьбе.

Коммунистическая партия, если она действительно коммунистическая, должна опираться на научное, истинное мировоззрение, на научный метод и не отступать от них. Вступая в союзы, соглашения и т.п. коммунисты всегда и везде должны быть принципиальны, честны, открыто говорить о своих взглядах, о своих убеждениях, не подстраиваться под некоммунистические взгляды, и уж тем более – не отказываться от своих убеждений под давлением тех или иных исторических ситуаций; например, под влиянием разочарования какой-то части населения России в коммунизме или под влиянием распространения религиозных настроений.

Принципиальность, честность, открытая, откровенно коммунистическая позиция при создании союзов, заклю-

³ См. Юрий Белов, «Десница и шуйца», «Советская Россия», 27.09.2001 г., № 112 (12157), с. 3

чении соглашений с другими партиями, движениями – необходимая черта коммунистической партии, отражающей **коренные интересы угнетенных, эксплуатируемых** масс населения.

Поскольку же коренные интересы угнетенных, эксплуатируемых масс населения могут быть, в конечном счете, удовлетворены лишь в коммунистическом обществе, то действительно коммунистическая партия при всех соглашениях, союзах и т.п. должна прояснять сознание угнетенных, эксплуатируемых масс в коммунистическом духе, поднимать массы до осознания их конечных коренных интересов.

В статье о «Большом проекте» Г. А. Зюганова мы утверждали и утверждаем сейчас, что во взглядах Г. А. Зюганова присутствует не марксистское, а идеалистическое, более того, **религиозно-идеалистическое понимание истории**, что концепция (если это можно назвать «концепцией») «Русской идеи» – идеалистическая концепция. Нам возражают: дескать, автор искажил воззрения Г. А. Зюганова, никакого идеализма в них нет, «Русская идея» же вызревала в течение тысячелетия как коллективный опыт народа, как сознательное творчество народа.

Каковы же основные аргументы оппонентов, отвергающих идеализм в понимании истории Г. А. Зюгановым? **Первое.** Слова «промысел», «святая цель», «высший смысл народного бытия» и т.п. – лишь художественные образы, метафоры, подобно тому, как К. Маркс и Ф. Энгельс написали в «Манифесте Коммунистической партии» о призраке коммунизма, хотя коммунизма в действительности не было и в помине. **Второе.** Г. А. Зюганов не пишет о диалектике производительных сил и производственных отношений, ибо это – «Манифест НПСР». Но вообще-то де было бы нелепо приписывать Г. А. Зюганову отрицание или непонимание им указанной диалектики. **Третье.** Если – возражают – считать положение о сознательном творчестве масс, выработавшем за тысячелетие «Русскую идею», идеализмом то де идеалистично и положение В. - И. Ленина о социализме как сознательном творчестве масс. И тогда надо отречься от возможности сознательного влияния людей на историю.

Являются ли слова Г. А. Зюганова «промысел», «святая цель», «высший смысл народного бытия» и т.п. всего лишь метафорами? Думается, нет, ибо все изложение Г. А. Зюгановым истории России в «Манифесте НПСР» идеалистично, в отличие от «Манифеста Коммунистической партии», где К. Маркс и Ф. Энгельс, употребив в начале, в самом деле, метафору, затем ясно и четко рассматривают историю человечества с позиций материалистического понимания истории, с позиций диалектико-материалистического метода.

В статье о «Большом проекте» Г. А. Зюганова мы уже цитировали места из «Манифеста НПСР», в которых выражается его представление об истории России. В связи с возникшими возражениями оппонентов вернемся к ним еще раз и выскажем дополнительные соображения в пользу того утверждения, что Г. А. Зюганов идеалистически представляет себе историю России.

«Так, с XIII по XV столетие **национальный проект** [выделено нами – В. В.], потребовавший невиданной ранее мобилизации народных сил, был связан с преодолением вековой внутренней междоусобицы и губительной раздробленности. Со свержением тяжкого чужеземного ига»⁴. Итак, период с XIII века по XV век в истории России интерпретируется **вполне телеологически**. Ведь проект

– это **план** созидания чего-либо. Выходит, что вся история России с XIII по XV век происходила по плану. Куда уж пятилетним планам Советского периода истории России до плана, рассчитанного на века и притом осуществленного! И где тот таинственный Госплан XIII века, который спроектировал национальную идею, разработал национальный проект?

Это тем более удивительно, что русская **нация** образуется с образованием общерусского рынка, что происходит, как известно, значительно позже.

Следовательно, Г. А. Зюганов, к сожалению, не имеет **понятия** нации, то есть не понимает, что такое нация. Это не его личный, особенный недостаток, им страдают практически все патриоты, все националисты. Парадоксально, но факт: националисты не понимают, что такое нация. Это характерно для современной, по крайней мере, России, когда эмоции подавляют разум, приводя к тому состоянию в головах, о котором М. Горький выразился примерно так: будто черт кочергой перемешал их мозги.

Что же происходило в истории России затем, согласно Г. А. Зюганову? «В XV – XVII столетиях **сверхзадачей** [выделено нами – В. В.] стало создание единого централизованного государства, теснейшим образом связанное с нравственно-религиозным постижением Высшего смысла народного бытия. С первыми попытками осознать и сформулировать универсальный, воистину вселенский пафос Русской идеи. С формированием глубинных, коренных основ нашего национального самосознания»⁵. Оказывается, и в XV – XVII веках история России совершается **не стихийно, а сознательно**, в соответствии со **сверхзадачей**. Но откуда возникла сама такая «сверхзадача»? Чем она порождена? Порождена ли она только политическими и нравственно-религиозными причинами или причинами более глубокими? Марксист – это материалист, он тем и отличается от идеалиста, что объясняет политику, государство, религию, нравственность и т.д. и т.п. не из «национального самосознания», не из какой-либо идеи, а из реальных исторических условий жизни, из материального производства как самой глубокой основы жизни человеческого общества. Отвлекаться от такого объяснения там, где речь идет о многих веках истории страны – означает быть не просто идеалистом, а можно сказать, махровым идеалистом в понимании истории, в данном случае – в понимании истории государства, нравственности, религии, самосознания народа.

Перейдем к характеристике Г. А. Зюгановым XVIII – XIX веков в истории России: «XVIII и XIX века стали эпохой, главным достижением которой можно признать установление российского контроля над евразийским «сердцем мира». Эпохой геополитического становления России в качестве важнейшего элемента мирового равновесия сил»⁶.

Как при интерпретации истории России с XIII до XVIII века, так и здесь на первый план выходит история государства, история политики, а также нравственно-религиозная история, история самосознания. Причем материального производства, классов и классовой борьбы как будто в истории России не было, будто государство на протяжении «1000-летней истории России» было надклассовым, внеклассовым, не имело определенной классовой природы, но осуществляло некий абстрактный геополитический интерес.

О геополитике в будущем, видимо, придется писать особо. Здесь же скажем лишь то, что выпячивание геополитики

⁵ Там же.

⁶ Там же.

4 «Манифест НПСР».

литики на первый план в объяснении истории человечества – это в лучшем случае наивное, поверхностное представление, а в худшем – сознательный отказ от более глубокого, марксистского понимания истории, сознательное искажение истории человечества.

Вся история России с XIII века предстает в изображении Г. А. Зюганова историей проектов, «сверхзадач», то есть историей идей, мыслей...

Для определения взглядов Г. А. Зюганова на историю России вполне подходят очень верные и глубокие слова К. Маркса о мелкобуржуазном идеологе Прудоне:

«Предположим вместе с г-ном Прудонем, что действительная история, соответствующая порядку времен, представляет собой ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории, принципы.

Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма – XVIII век. Переходя от следствия к следствию, мы должны будем сказать, что не принцип принадлежит веку, а век принципу. **Другими словами, не история создавала принцип, а принцип создавал историю.** Но если – чтобы спасти как принципы, так и историю, – мы спросим себя далее, **почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырье; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые изучали из всех этих условий существования.** Разве вычитать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как действующих лиц и авторов их собственной истории, то вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись вначале»⁷ [везде выделено нами – В. В.].

«Извечная Русская Идея» как раз из разряда «вечных принципов».

Оппоненты возражают: Русская Идея не имеет отношения к идеализму, ибо она выработана сознательным живым творчеством масс на протяжении столетий, а мы знаем, например, по Ленину, что социализм не может не быть сознательным творчеством масс. Так, выходит, что надо либо социализм объявить идеалистическим построением, либо отказаться от сознательного влияния людей на историю.

Конечно, ни того, ни другого делать не следует, а вот получше знать марксизм не мешало бы. **Предпосылки для сознательного творчества масс, для осознания угнетенными и эксплуатируемыми массами своих коренных интересов и для сознательной борьбы за их осуществление образуются лишь с возникновением и развитием крупной промышленности, с образованием крупнопромышленного рабочего класса.** Это было выяснено еще в 40-е годы XIX века К. Марксом и Ф. Энгельсом.

«Коммунизм, – писал К. Маркс в «Немецкой идеологии», – отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и **впервые сознательно** рассматривает все стихийно возникшие предпосылки, как создания предшествующих поколений, **лишает эти**

предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов [выделено нами – В. В.]»⁸.

Г. А. Зюганов, как и многие его защитники, по сути дела, не улавливают разницы между идеалистическим и материалистическим пониманием истории России. В головах многих представителей левой оппозиции царит невероятный хаос, причем чуть ли не каждый из них стремится все перевернуть, создать нечто новое миропотрясающее (в том числе Русскую идею), потрясая на самом деле своим невежеством относительно того истинного, что уже установлено марксизмом.

В связи с рассмотрением взглядов Г. А. Зюганова и его защитников на «1000-летнюю» историю России приведем гениальное рассуждение К. Маркса:

«Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту действительную основу истории [имеются в виду, по сути, производительное отношение людей к природе и отношения людей друг к другу в материальном производстве – В. В.], или же рассматривало ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом.

При таком подходе историю всегда должны были писать, руководствуясь каким-то лежащим вне ее масштабом; действительное производство жизни представлялось чем-то доисторическим, а историческое – чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то стоящим вне мира и над миром. Этим самым из истории исключается отношение людей к природе, чем создается противоположность между природой и историей. Эта концепция **могла видеть в истории поэтому только громкие и пышные деяния и религиозную, вообще теоретическую борьбу** [выделено нами – В. В.], и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи она вынуждена была *разделять иллюзии этой эпохи* [выделено К. Марксом – В. В.]. Так, например, если какая-нибудь эпоха воображает, что она определяется чисто «политическими» или «религиозными» мотивами, – хотя «религия» и «политика» суть только формы ее действительных мотивов, – то ее историк усваивает себе это мнение»⁹.

Именно «политические» и «нравственно-религиозные» мотивы и выступают в «Манифесте НПСР» в качестве первичных и ничего не сказано о тех мотивах в «1000-летней» истории России, которые К. Маркс квалифицирует как действительные мотивы.

Г. А. Зюганов разделяет многие иллюзии современной эпохи в истории России, в частности иллюзии политические и религиозные.

Сначала о политической иллюзии. В «Манифесте НПСР» государство выступает в качестве образования первичного, определяющего историю России (наряду с нравственно-религиозными исканиями), совершенно не связанного со сферой материального производства.

Возражают: о производительных силах и производственных отношениях не следует писать в «Манифесте НПСР».

Весьма сомнительно. Во-первых, нельзя, заключая блоки, соглашения, отказываться от своих принципиальных убеждений. Во-вторых, дело в том, что Г. А. Зюганов и не отказывается от своих принципиальных взглядов на государство, религию, нравственность, историю России, они-то у него как раз такие, какие выражены в «Манифесте НПСР».

На наш взгляд, что касается государства, то Г. А. Зюганов, по меньшей мере, не понимает сути этого образо-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. изд. 2-ое, т. 4, с. 137-138.

⁸ Там же. Т. 3, с. 70-71.

⁹ Там же, с. 38.

вания вообще и существующего ныне в России, в частности. Свои представления по этим вопросам он высказывал не раз, не только в «Манифесте КПСР». Посмотрим, например, как в докладе ХХХII съезду СКП-КПСС (октябрь 2001 г.)¹⁰ говорится об отношении КПРФ к нынешнему главе государства России: «Мы довольно долго проявляли сдержанность в оценке деятельности нового президента. Многие граждане, включая и часть тех, кто голосует за оппозицию, надеялись, что Путин пойдет по патриотическому пути. Тем более что поначалу он говорил о сильном государстве и социальной защите народа. В его команде появилось несколько новых лиц, разбавившие криминальную ельцинскую группировку. Но чем дальше, тем очевиднее: вера в государственный инстинкт Путина – это иллюзия. Под ней нет никаких реальных оснований. Его облик наследника Ельцина стал приобретать все более четкие очертания. Двусмысленность растаяла, как утренний туман. Стало очевидно, что принципиальных изменений в политике Кремля не произошло и не предвидится. Об этом мы прямо сказали на VII съезде КПРФ в декабре прошлого года»¹¹.

Это – образец теоретической беспомощности. Если бы Г. А. Зюганов обладал пониманием природы современного государства России, то трезвая и правильная оценка сути того, что будет делать Путин, должна была быть дана сразу же, уже при назначении его премьер-министром. Ссылки на то, что многие граждане верили в Путина, на то, что он разбавил группировку Ельцина новыми людьми, надежда на «государственный инстинкт» Путина – все это и есть проявления иллюзии, проистекающей из отсутствия понимания природы современного государства России. Дело не в лицах правителей (Ельцин ли, Путин ли, кто другой), не в том, что они говорят, а в том, что в России господствует капитал (в первую очередь финансово-торговый) и **все** президенты, **все** правительства **при господстве капитала** будут вести политику **в интересах капитала**, прежде всего и главным образом – крупного капитала.

Научная, марксистская теория, между прочим, тем и важна, что она позволяет предвидеть ход событий, ход истории, поведение отдельных действующих в политике лиц... И тем самым не плестись в хвосте настроений граждан (как это было у руководства КПРФ в отношении Путина), а вести за собой угнетенные и эксплуатируемые массы, убеждая их на их собственном опыте.

Представление Г. А. Зюганова о государстве совершенно отвлекается от истории классово-борьбы, от классовой природы Российского государства. Создается впечатление, что на протяжении XIII – XVIII веков и вообще на протяжении всей «1000-летней» истории России Российское государство руководствовалось исключительно или главным образом тем, чтобы утвердиться на естественном для нее геополитическом пространстве (говорят, что для этого надо было занять соответствующую территорию: на юге до гор, на востоке и севере до океана...), и соседние народы – за некоторыми исключениями – с радостью шли под начало России и радостно и дружно в ней жили, сохраняя свою самобытность и наслаждаясь

¹⁰ Речь идет о съезде Союза Коммунистических партий, проведенном в октябре 2001 г. под руководством Г. А. Зюганова. Уместно напомнить, что на ХХIX съезде КПСС (март 1993 г.) КПСС была временно преобразована в СКП-КПСС. И с того времени Председателем Совета СКП-КПСС, что подтвердил чрезвычайный ХХХII съезд СКП-КПСС в июле 2001 г. является О. С. Шенин (примечание гл. редактора журнала Т. И. Ябровой).

¹¹ Цитируется по: «Советская Россия», 30.10.2001.

ею.

Остается только неясным: если на юге Россия, подчинив Среднюю Азию, уперлась в свою естественную геополитическую границу, то почему царизм стремился к пронижению и проникнул на юге в Афганистан, в Иран (вплоть до юга Ирана), на востоке перешел через океан и захватил Аляску, Калифорнию? Если естественной геополитической границей России являются горы, моря, океаны, то почему в свое время Русь пошла за Урал? И почему тогда не сказать, что вся Средняя и Западная Европа должна быть подчинена Российскому государству?

Представление о естественных геополитических границах весьма поверхностно, абсурдно противоречиво и **неисторично**. Главным, определяющим в развитии как мира в целом, так и отдельных стран является не геополитика, не геополитические интересы, а уровень и характер развития производительных сил, тип производственных отношений. Вечных, естественных геополитических границ не было и нет, геополитические границы, геополитические интересы изменяются с изменением производительных сил и производственных отношений. И если человек хочет быть марксистом, если он понимает суть происходящих процессов, он не может и не должен выпячивать геополитику на первый план и тем самым перемешивать мозги людей «чертовой» (прямо скажем, буржуазной по своей природе) кочережкой.

Неклассовый, внеклассовый подход Г. А. Зюганова, имеющийся в «Манифесте КПСР», отнюдь не связан с особенностью этого документа. Г. А. Зюганову вообще свойствен такой недостаток в интерпретации государства. Государство представляется только инструментом, вроде ножа. Ножом можно резать разные поддающиеся его воздействию предметы, но во всех случаях нож, хотя и может затупиться, износиться, остается тем же самым ножом, его природа остается внешней по отношению к материалам, на которые он воздействует.

Рассматривать государство только как инструмент – значит подходить к государству сугубо формально, совершенно отвлекаясь от его содержания. Так, например, поступают «демократы», характеризуя СССР, главным образом или даже исключительно, как «тоталитарное» государство и на этом основании отождествляют фашистское государство и СССР.

Между тем государство по своему содержанию есть общественные отношения в определенной сфере жизни общества, суть государства не в управлении (управление может осуществляться и не государством).

О сути государства хорошо написал Ф. Энгельс: «Так как государство **возникло из потребности держать в узде противоположность классов**, так как оно в то же время **возникло в самих столкновениях этих классов**, то оно по общему правилу является **государством само-го класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса**»¹².

Итак, суть государства заключается в том, что это организация, посредством которой экономически господствующий класс осуществляет свое политическое господство для подавления и эксплуатации угнетенного класса.

Из этого определения следует, что надежда **исключительно** на мирные пути и средства борьбы – а именно на это ориентирует Г. А. Зюганов КПРФ – иллюзия, утопия, если не сказать больше.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-ое, Т.21, с. 171.

Игнорирование классовой природы государства – не что иное, как игнорирование его сути, его содержания.

Инструментальный, формальный, неклассовый подход к государству присутствует не только в «Манифесте НПСР», но и в других работах Г. А. Зюганова, например в уже упомянутом докладе, рассчитанном, прежде всего, на коммунистов.

Мы могли бы процитировать ряд мест, где такой подход проявляется. Остановимся здесь лишь на одном достаточно характерном рассуждении Г. А. Зюганова: «Для нас укрепление Союзного государства – главнейшая задача. Сначала союз России и Белоруссии. Затем присоединение к нему Украины и Молдавии. Наконец, вхождение в новый Союз нынешних государств Закавказья и Средней Азии. Таким, как нам представляется, должен быть порядок объединительных действий»¹³.

Здесь опущен главный вопрос: могут ли **коммунисты** решить такую задачу, **оставаясь в рамках капиталистического государства** России. На наш взгляд, ставить такую задачу, не говоря четко и ясно, что она не может быть решена без завоевания подлинно социалистическими силами политической власти и без устранения господства капитала, – это в лучшем случае **иллюзия**.

Отсутствие определенности в вопросе, об укреплении какого Союзного государства идет речь, капиталистического или социалистического, свидетельствует о том представлении, будто классовая природа государства, его содержание тут безразлично, не имеет значения.

Столь же иллюзорно, утопично, поверхностно и дальнейшее рассуждение: «Пока же [то есть при господстве капитала, в рамках капиталистического государства? – В. В.] крайне важно восстановить единое экономическое пространство России и Белоруссии. Необходимы единые тарифы на энергоресурсы и транспорт. Пора дать приоритет белорусским товарам на рынках России и других стран СНГ. Решая проблемы экономики, мы [кто это «мы»? Кто будет «давать приоритеты»? Разве у власти коммунисты, а не капитал? «Мы» – это и Путин, и «Единство», и «Отечество»? Как можно говорить «мы» в таком контексте? – В. В.], тем самым, укрепив позиции русского языка, неуклонно идем к политическому объединению. **Мы** [выделено нами – В. В.] вплотную подошли к созданию единых государственных структур, вооруженных сил и органов правопорядка, к обеспечению взаимной поддержки во внешней политике. При этом крайне важно не допустить, чтобы основы социализма в экономике, социальной сфере и государственном строительстве в Белоруссии были раздавлены катком российских разрушительных реформ. Тут разговор особый...»¹⁴.

Туманное многозначительное замечание об «особом разговоре» не устранивает, а усиливает неопределенность, иллюзорность высказанных представлений: если в Белоруссии сохранились основы **социализма**, а в России не просто проводятся «разрушительные реформы», а проводятся **капиталистические** реформы, естественно имеющие разрушительный характер для существовавшей до того экономики России, то чем теснее экономическое объединение Белоруссии с капиталистической Россией, с Россией, где властвует капитал, тем разрушительнее действует капитализм России (при значительно более мощном экономическом потенциале России) на основы социализма в Белоруссии. И кто этому может

воспрепятствовать, если – еще и еще раз подчеркиваем – в России господствует капитал?!

Следовало бы четко и ясно сказать, что сохранение основ социализма в Белоруссии при ее экономическом и политическом объединении с Россией невозможно без завоевания социалистическими силами политической власти в России.

Г. А. Зюганов – реформист. Реформизм же необходимо связан с непониманием или (и) с игнорированием классовой природы государства.

В самом деле, если капитализм **только** постепенно (и, конечно, **сугубо** мирными путями) перерастает в некое иное общество, которое, скажем, считают социалистическим, то исчезает, отсутствует качественная граница, разделительная грань между капитализмом и социализмом и государство такого общества представляется неклассовым, лишь инструментом управления.

Деятельность Г. А. Зюганова в значительной мере происходит, говоря прямо, под знаменем идеи конвергенции капитализма и социализма – независимо от того, отдает ли он себе в этом отчет или нет, – идеи по сути буржуазной, широко распространенной в рядах социал-демократов, но для подлинных коммунистов, для подлинно коммунистической партии совершенно неприемлемой.

В России сознательным, горячим и давним приверженцем идеи конвергенции капитализма и социализма является, в частности, Е. М. Примаков, до недавнего времени возглавлявший в Государственной Думе фракцию «Отечество», которая теперь объединяется с «Единством».

Все сказанное говорит само за себя – о реальной «непримиримости» позиции Г. А. Зюганова по отношению к существующей в России власти капитала.

И здесь мы не можем не сказать о неправомерном подтягивании Г. А. Зюгановым ленинской позиции к своей: «Путеводным для нас было и остается указание В. И. Ленина: «Проявить свою «революционность» одной только бранью по адресу парламентского оппортунизма, одним только отрицанием участия в парламентах очень легко, но именно потому, что это слишком легко, это – не решение трудной и труднейшей задачи. Создать **действительно революционную** [выделено нами – В. В.] парламентскую фракцию в европейских парламентах – гораздо труднее...»

Очевидно, что В. И. Ленин видит трудности задачи не в том, чтобы создать парламентскую фракцию, а в том, чтобы создать **действительно революционную** фракцию в парламенте. Г. А. Зюганов же утверждает исчерпанность лимита не революции. Что же тогда остается от действительно революционной фракции и связанных с этим трудностей? К позиции В. И. Ленина такая позиция не имеет никакого отношения.

Весьма характерно, что социальную опору для своей позиции Г. А. Зюганов ищет и находит в так называемом «среднем классе». Представление о «среднем классе» – отнюдь не марксистское понимание классов, это представление выдвинуто буржуазными идеологами. Основным признаком выделения классов здесь является величина дохода или заработной платы, тогда как в марксистском понимании классов самое главное – это отношение к средствам производства, и остальные признаки классов вытекают именно отсюда. Г. А. Зюганов воспроизводит в своем докладе буржуазную, поверхностную идею о «среднем классе» и говорит о необходимости опоры именно на него, тем самым еще раз проявляя немарксистский характер своих представлений о классах и социальной опоре Коммунистической партии.

¹³ Из доклада Г. А. Зюганова «Служить народу и отечеству» очередному XXXII съезду СКП-КПСС, «Советская Россия», 30.10.2001.

¹⁴ Там же.

Итак, в «Манифесте НПСР» Г. А. Зюгановым выражено идеалистическое **представление** (о понимании говорить не приходится) об истории, идеализм в представлении о государстве и эти представления внутренне связаны с социал-демократизмом, реформизмом, оппортунизмом в его взглядах (хотя и – о чем ниже – не только с этим).

На наш взгляд, было бы неверно характеризовать воззрения Г. А. Зюганова как только социал-демократические, то есть по своей основной природе мелкобуржуазные. Его воззрения представляют собой конгломерат социально разнородных представлений, и в нем, наряду с социал-демократическими воззрениями, важное место занимают представления, характерные для земледельческих общинников, особенно для периода уже происходящего, но еще далеко не завершеного разложения земледельческой общины, далеко не завершеного преодоления традиций, представлений, привычек и т.п., свойственных ей.

Земледельческая община у многих народов мира, в том числе в России, существовала многие века. В России с возникновением и развитием капитализма земледельческая община разлагалась, происходила классовая дифференциация. Но это с одной стороны. А с другой стороны, община в той или иной степени продолжала сохраняться.

Тем нашим оппонентам, которые утверждают, что уже к 1917 году капитализм почти полностью разложил общину и уж тем более, дескать, это следует сказать о послеоктябрьском, послереволюционном положении российского крестьянства, ответим следующими данными:

«К 1917 году формально из передельных общин вышла только треть крестьянства, к тому же их силы были раздроблены и распылены, так как половина из них жила на хуторах и отрубях, а вторая половина оставалась на старых местах жительства и находилась в сложных отношениях с общинниками. Еще почти четверть крестьян сомневались и колебались, но все-таки оставались в общине. В отличие от них 41 % крестьян, принципиально сохранивших верность общине, были сплочены и решительны. Огромная потенциальная добыча в виде земель помещиков (49 млн. га), хуторян и отрубников (19 млн. га) превратила сомневающийся в сторонников передельной общины...»¹⁵.

В 1922 году в Советской России 85 % всей земли находилось в общинной собственности...¹⁶.

Теперь зададимся вопросом: могло ли образование и существование колхозов за несколько десятков лет преодолеть пережитки общинного устройства крестьян, их традиции, обычаи и т.п., если даже крестьяне, переселившиеся в города и живущие в городах много лет, до сих пор часто сохраняют привычки, представления, традиции, воспоминания, черты поведения и т.п., свойственные земледельческим общинникам. Более того, колхозы, если вдуматься, имеют черты переходного хозяйства. Колхозы в СССР не только пользовались общественным достоянием – землей, но и имели коллективную, но не общенародную, и в этом смысле не общественную, собственность, собственность данного коллектива, а не всего общества.

Поэтому, когда социализм в СССР погиб, а вместе с этим произошло разочарование миллионов масс в социалистических и коммунистических идеях, и стала господствовать капиталистическая идеология, то население

страны, которое не приняло капиталистическую идеологию и в той или иной мере разочаровалось в коммунистической идеологии, обратилась к представлениям, традициям и т.п. по своей сути, по своему происхождению **докапиталистическим**. Наиболее близким большей части этого населения оказались пережитки, традиции, верования и т.п., свойственные земледельческой общине (как, впрочем, наряду с этим и мелкобуржуазные представления, черты психологии и т.д. и т.п.). В такой форме эта часть населения (и довольно большая часть) выразила и выражает свое неприятие буржуазной идеологии и буржуазной действительности и ищет, полагая, что находит, позитивные идеалы в докапиталистическом прошлом, причем для этой части населения идеалы, устройство и т.п. докапиталистического прошлого выступают как желаемое будущее. Движение назад воспринимается как движение вперед, реакция как прогресс. Подобно тому, как в годы «перестройки» «демократы» называли себя «левыми», хотя в действительности – и они это признали впоследствии – были правыми, а действительных левых называли «правыми». И это было естественно, так как они буржуазную контрреволюцию, то есть реакцию, принимали и выдавали за прогресс, за революцию. Для тех, кто повернулся спиной к прогрессивному ходу истории, левое стало правым, а правое – левым до тех пор, пока не утвердился более трезвый взгляд на происходящее в «пореформенной» России.

Поиски идеалов, традиций, верований и т.п. в докапиталистическом прошлом, с одной стороны, есть объективно реакция, причем реакция более глубокая, чем реакция капиталистическая, а с другой стороны, во-первых, здесь скрывается неадекватный, но все же протест довольно широких слоев населения России против капиталистической действительности, и во-вторых, само по себе возвращение назад отнюдь не во всем носит негативный характер. Вопрос заключается в том, **что** реставрируется, воспринимается, оживляется из докапиталистических форм жизни общества.

Развитие истории идет по спирали. Если выделить из общего развития такую важную его сторону, как развитие собственности, то можно заметить, что собственность развивается от первобытнообщинной к частной и, наконец, к общественной собственности. Каждая стадия этого спиралевидного развития и отрицает предшествующую, и сохраняет в снятом, преобразованном виде достижения предшествующих стадий, а конечный пункт витка спирали – это вообще как бы возвращение к исходному. Так, общественная собственность есть общая собственность и представляет собой как бы возвращение к исходной, общей форме собственности. Но это лишь как бы возвращение, ибо, отметим, исходная форма – общая собственность **части** общества, отдельного коллектива – родовой общины и позднее – земледельческой, а конечная форма этого витка спирали – общая собственность **всего** общества.

Черты как бы возвращения конечной стадии этого витка спирали к исходному имеются не только в отношении собственности, но пронизывает фактически все стороны жизни общества.

К сожалению, и это было неизбежно, возврат к докапиталистическим представлениям, верованиям, традициям и т.п. в условиях, когда не понимается общий ход истории и, в лучшем случае, неадекватно воспринимается коммунизм в целом и в том числе социализм, а в худшем случае коммунизм отвергается совсем, возвращение к докапиталистическим идеалам (тут мы имеем ввиду главным образом общинную жизнь), верованиям, традициям и т.п. происходит стихийно, без уме-

¹⁵ Б. Н. Миронов Социальная история России. М., 2000. Т. 1, с. 483.

¹⁶ Сборник статистических сведений по Союзу СССР. 1918 – 1923. – М., 1924, с. 98.

ния, без способности выделить то, что необходимо сохранить в преобразованном виде из докапиталистического прошлого, в том числе из общинной жизни. При этом происходит смешение того, что действительно в настоящем и будущем необходимо сохранить из общинной жизни, и того, что вполне реакционно и вполне устарело. Напротив, при таком стихийном подходе могут не попасть в поле зрения некоторые действительно ценные для будущего черты докапиталистического прошлого. Сознательное и последовательное сохранение (разумеется, в преобразованном виде) возможно лишь с позиций конечной стадии переживаемого в настоящее время человечеством витка истории – с сознательной и последовательно коммунистической позиции.

Взгляды Г. А. Зюганова в немалой степени – выражение стихийно возникшего и стихийно осуществляемого, а значит страдающего серьезными ограниченностями, возврата к пережиткам докапиталистического прошлого, к представлениям, верованиям, обычаям, традициям, свойственным общинным крестьянам и сохраняющимся в той или иной степени больше в сельской местности, но не изжитым полностью и у городского населения, переселившегося из деревни в город и живущего, с точки зрения исторической, сравнительно недавно в городе (в пределах одного, двух, а может быть, в зависимости от прочих условий – и большего числа поколений).

Чтобы понять эти пережитки, необходимо обратиться к русской общине. Русская община на протяжении «1000-летней» истории существовала в основном в условиях феодализма, затем в условиях возникновения и формирования капитализма. Правда, капитализм до Великой Октябрьской социалистической революции так и не стал господствующим в жизни России. Земледельческая община на протяжении «1000-летней» истории изменялась, в особенности с развитием капитализма, интенсивно разлагающего общину на присущие капитализму классы. Но тем не менее, как было сказано выше, земледельческая община к 1917 году и некоторое время после 1917 года продолжала в той или иной степени сохраняться.

В связи с интересующим нас в данной статье вопросом о наличии в воззрениях Г. А. Зюганова пережитков, свойственных земледельческим общинникам, выделим некоторые существенные черты идеологии, присущей общинному крестьянству.

Такой чертой – в той мере, в какой крестьянство остается именно общинным, – является **коллективизм**. Однако, так как это общинный коллективизм, то он отличается большей или меньшей **местной замкнутостью**. На такой основе в числе прочего вырастают представления о местной исключительности. С образованием единого централизованного государства (на Руси это происходило в условиях феодализма), с одной стороны, земледельческие общины, хотя и изменились, но отнюдь не исчезли, и не исчезли представления каждой из общин каждой местности как о своей, так сказать, малой Родине, так и о своей местной исключительности. С другой стороны, это представление о местной исключительности тоже как бы централизовалось, разбухло до рамок всего, ставшего единым, феодальное российское государство. Так постепенно образовывалась идея об исключительности России, русского государства, становилось то, что называют сейчас «Русской идеей».

Феодальное государство – это, как и земледельческая община, по преимуществу тоже **местнозамкнутое** образование, хотя по сравнению с общиной масштаб замкнутости, так сказать, на порядок выше. Если истоки «Русской идеи» находятся в земледельческой общине, то оформ-

ляется она в рамках **феодального** государства в России, под его эгидой идеологами феодализма (в форме ли идеологии Москвы как третьего Рима, в форме ли славянофильства или в чем-то тому подобном). Люди, в той или иной мере сохраняющие общинные пережитки, представляющие о местной исключительности, довольно легко усваивают идею об исключительности русского народа, Российского государства, «Русскую идею», то есть представления в «развитой» форме по своей основной природе феодальные.

В отличие от феодализма капитализм по своей природе **космополитичен**: развитие капитализма ведет к образованию, в конечном счете, единой мировой хозяйственной системы, ломая, устрояя на этом пути местную этническую, национальную, государственную, языковую, культурную и иную замкнутость.

Разумеется, с последовательно понимаемых и защищаемых позиций капитализма ни «Русская Идея», ни культурная, ни языковая, ни этническая, ни национальная замкнутость, в конечном счете, неприемлемы.

«Русская идея» и тому подобные идеологемы могут быть приемлемы лишь для местного, национально-го капитала в той степени и постольку, **в какой степени и постольку он слаб для того, чтобы броситься в океан мировой конкурентной борьбы капиталов**. Но как только такой капитал крепнет настолько, что оказывается способен к мировой конкурентной борьбе капиталов, ему становятся ненужными, мешающими узкие рамки идеологем типа «Русской идеи». Так называемое «глобалистское» развитие капитализма – **естественно-исторический** процесс развития капитализма на его высшей стадии.

Термин «глобализм» заимствован из буржуазной литературы и точно суть дела не выражает. «Глобализму», **буржуазному космополитизму** марксист должен противопоставлять не какую-либо «Русскую Идею», или «Исламскую Идею», или некую другую «Идею», не этническую, культурную, языковую, геополитическую и тому подобную исключительность, **не национализм, а интернационализм**.

С нашей точки зрения, в представлениях о «нации», «национализме», «интернационализме» царит хаос, а понятие «буржуазный космополитизм» вообще не употребляется.

Если в марксизме под «нацией» понимается образование, возникающее с возникновением капитализма и не существующее до капитализма, включающее в число существенных признаков не только единые территорию, язык, культуру, но и **единую** обособленную экономику, то в настоящее время в оппозиционных кругах нация смешивается с народом, с племенем или союзом племен и т.п.

С позиции марксиста национальная (именно национальная) обособленность, будучи порождена капитализмом на относительно ранних этапах его развития, затем им же начинает разрушаться, как им разрушается и всякая другая обособленность, местная замкнутость (экономическая, политическая, культурная, языковая...). Устранить развитие мировой экономики как мировой системы невозможно, утопично.

Марксистский интернационализм сходен с буржуазным космополитизмом в том, что он признает эту тенденцию развития капитализма, видит, что тут действует объективная закономерность.

Но отсюда не следует вывод, что марксистский интернационализм и буржуазный космополитизм есть одно и то же или нечто родственное. В оппозиции многие вос-

принимают слово «интернационализм» как постыдное, ругательное. Но это аналогично тому, что отождествлять убийцу, признавшего в убийстве, и судью, назначившего ему наказание, на основании того, что оба признали факт убийства.

Буржуазный космополитизм – идеология создания и совершенствования мировой системы **капитализма**, системы, **основанной на угнетении и эксплуатации большинства населения мира.**

Марксистский интернационализм, опираясь на естественно-историческую закономерность развития истории, своей целью выдвигает создание мировой системы социализма и коммунизма, **системы, свободной от угнетения и эксплуатации, системы, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.** Марксистский интернационализм необходимо предполагает образование единого свободного человечества с сохранением в преобразованном виде всего ценного, что было в истории.

Национализм отличается от буржуазного космополитизма и от марксистского интернационализма тем, что стремится сохранить во что бы то ни стало экономическую, политическую, культурную, языковую и т.д. обособленность, даже если эта обособленность противоречит закономерному ходу истории.

В таком случае с позиции националистов и буржуазный космополитизм, и марксистский интернационализм выступают как нечто неразличимое, как одно и то же. Недаром же Троцкий стал пугалом среди националистов (в том числе некоторых из руководителей КПРФ) не почему-либо, а потому, что он в их глазах своего рода символ интернационализма¹⁷.

Но! Но если **буржуазный космополитизм** – это идеология своекорыстия, идеология насилия над нациями и народами со стороны империалистических стран и главного ныне звена мирового капитала – транснациональных корпораций с привлечением на свою сторону верхушки, правящих кругов угнетаемых и эксплуатируемых стран, наций, народов, то **марксистский интернационализм** – это идеология сознательной борьбы **за коренные интересы угнетенных и эксплуатируемых всего мира.**

Поэтому марксисты, во-первых, в нации, в народе упор делают не на принадлежность к нации, а на принадлежность тех или иных представителей нации, народа к угнетателям или угнетенным, к эксплуататорам или эксплуатируемым. С этой позиции угнетаемому и эксплуатируемому русскому ближе угнетаемый и эксплуатируемый еврей, чем русский угнетатель и эксплуататор. Во-вторых, если буржуазный космополитизм напрочь разрушает все национальное, все, что присуще данному народу, а национализм стремится некритически сохранить все национальное, все специфическое для данного народа, то марксистские интернационалисты, пока и поскольку они действительные интернационалисты, стремятся сохранить все то в нации, в народе, что не противоречит закономерному ходу истории, что сохраняет свое значение для устройства мира без разделения на угнетенных и угнетателей, все, что позволяет достигнуть такой жизни на Земле, когда свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех. Причем принципиально допустимо достижение этого, с точки зрения марксиста, только без насилия над угнетенными и эксплуатируемыми нациями, народами, ибо такое насилие, в свою очередь, есть способ угнетения.

¹⁷ Автор здесь не высказывает своего отношения к деятельности Троцкого.

Национализм¹⁸ в своей крайней форме, **в форме шовинизма**, направлен уже не просто на **сохранение** национальных, народных, племенных, расовых **особенностей в любых формах**, а на разжигание вражды и ненависти к другим нациям, народам, племенам, расам, на их подавление, подчинение. Условно говоря, первая форма национализма – оборонительная, а вторая – наступательная. Естественно, оставаясь в пределах национализма, к шовинизму склонны более сильные нации, народы, племена, расы, национальности.

В национализме следует выделять также сторонников докапиталистического прошлого и сторонников собственно **национальных** интересов, имея в виду, что собственно нации образуются лишь при капитализме.

Общий ход развития капитализма **в основном** разрушает докапиталистическое прошлое. Что же касается наций, то при капитализме имеются лишь **буржуазные** нации, то есть образования, в которых уже существует дифференциация на своих, национальных капиталистов и рабочих. Ход развития капитализма на ранних стадиях ведет к формированию наций, и во главе таких наций стоит национальная буржуазия. Однако чем более капитализм превращается в мировую систему, тем более он разрушает им же порожденные буржуазные нации и тем более на первый план выступает буржуазный космополитизм. Причем космополитические тенденции начинают преобладать, прежде всего, у буржуазии более развитых капиталистических государств. Национализм более развитых капиталистических государств приобретает космополитический характер, который при дальнейшем развитии мировой капиталистической системы все больше выдвигается на передний план по сравнению с национализмом. Но до сих пор и в ближайшем будущем буржуазный космополитизм стран «золотого миллиарда» вряд ли полностью вытеснит национализм буржуазии этих стран.

В общеисторическом плане рассматривая ход современной истории в целом, надо сказать, что главный противник марксистов – буржуазный космополитизм и шовинизм. Что же касается, так сказать, национализма оборонительного, то национальная буржуазия может быть временным союзником, но это союзник весьма неустойчивый. Национальная буржуазия отчасти, иногда может идти на союзы с коммунистами до тех пор, пока чувствует свою слабость. Но национальная буржуазия скорее склонна продавать интересы нации буржуазии развитых капиталистических стран или по мере усиления становиться на позиции шовинизма (например, это проявляется у буржуазии исламских стран).

Настоящие коммунисты обязательно интернационалисты и, по нашему глубокому убеждению, не должны принимать в качестве **своей** националистическую (в широком смысле слова) «Русскую Идею». Ее принятие означает не что иное, как фактическое пристраивание **в хвост** национально-патриотических сил.

В упомянутом выше докладе Г. А. Зюганов цитирует слова И. В. Сталина об отношении коммунистов к борьбе за национальную независимость и национальный суверенитет и утверждает, что «сегодня перед коммунистами стоит именно та задача, на которую указывал еще И. В. Сталин». Вроде бы Г. А. Зюганов согласен с И. В. Сталиным. Однако на самом деле между его позицией и позицией И. В. Сталина имеет место существенное, принципиальное различие. Действительно,

¹⁸ Здесь автор употребляет это слово в широком, обычном смысле, когда имеется в виду не только нация, но и народ, племя и т. д.

что говорит И. В. Сталин в приведенной цитате?

«Раньше **буржуазия** считалась **главою нации**, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «выше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь **буржуазия** продает права и независимость нации за доллары. **Знамя** национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это **знамя придется поднимать вам**, представителям коммунистических и демократических партий и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации». «Коммунисты, – говорит Г. А. Зюганов сразу после процитированных слов И. В. Сталина, – стали сегодня не только самыми последовательными, но и единственными по-настоящему принципиальными борцами за истинную демократию и национальные интересы своей страны и суверенитет других государств»¹⁹.

Итак, И. В. Сталин указывает: чтобы коммунисты стали руководящей силой нации, они должны поднять знамя национальной независимости и национального суверенитета, выброшенное буржуазией за борт, «теперь буржуазия права и независимость нации продает за доллары». Следовательно, коммунисты, согласно И. В. Сталину, борются за национальную независимость и национальный суверенитет не вместе с буржуазией своей нации, а в противоположность ей. В этой борьбе «своя» буржуазия является не союзником, а противником. Значит, коммунисты должны идти **вперед**, выражаясь словами И. В. Сталина, со знаменем борьбы за национальную независимость и национальный суверенитет. Вперед! А не в хвосте! Не отказываясь от своих стратегических целей, от своих принципов!

Отсутствие четкого классового подхода при рассмотрении Российского государства на протяжении «1000-летней» истории России, отсутствие четкого классового подхода к существующему в нашей стране государству, братание Г. А. Зюганова с предпринимателями, например, сначала с Семаго, с Подберезкиным, потом с Семигиным, принятие как своей «Русской идеи», зюгановское отношение к православной религии и церкви – это и есть призравание в хвост некоммунистических сил, но отнюдь не «принципиальная борьба за истинную демократию и национальные интересы своей страны и других государств».

Если оценивать представления Г. А. Зюганова с точки зрения того, мировоззрению каких **классов** они, в конечном счете, соответствуют, то должно, по нашему мнению, констатировать, что в «Манифесте НПСР» выражено преимущественно их соответствие крестьянской идеологии, а более узко – идеологии патриархального общинного крестьянства. Это и стремление к некоей неопределенной, но общей для всех справедливости, к коллективизму, это и отсутствие представления о классовой природе государства, понимание государства как действующего для народа вообще, в интересах народа вообще. С этим связаны вера в доброго царя-батюшку и иллюзия о мешающих доброму царю злых боярах – вспомните характерную иллюзию Г. А. Зюганова о возможных «добрых делах» Путина. Наконец, это и религиозность, и отношение к церкви как организации, в рамках которой (наряду с государством) оформляется да и происходит нравственно-религиозное постижение «Высшего смысла народного бытия» (Г. А. Зюганов).

Наше утверждение в предыдущей статье о том, что Г. А. Зюганов стоит на религиозной позиции, вызвало

¹⁹ «Советская Россия», 30.10.2001.

бурю отрицательных эмоций. У защитников Г. А. Зюганова его позиция в отношении к религии и церкви проявилась даже отчетливее, чем в собственном изложении Г. А. Зюганова. Остановимся лишь на характерных стереотипах.

Первое. Говорят, что в своей статье о «Большом проекте» Г. А. Зюганова автор «привел даже слова Маркса о религии как опиуме **для народов**» [выделено нами – В. В.]. Это стереотипное непонимание отношения К. Маркса и, естественно, настоящего марксизма к религии. Поразительно! Отсутствует даже умение внимательно прочитать цитату из К. Маркса! К. Маркс пишет ясно: «Религия есть *опиум* народа»²⁰. Не «**для** народа», а «*опиум* народа». Эта, казалось бы, мелочь включает в себя разницу между домарксистским, немарксистским пониманием религии, с одной стороны, и марксистским пониманием – с другой.

Это французские просветители рассматривали религию как то, что привносится в народ извне, как будто религиозный опиум изготавливается кем-то вне народа, но для народа, чтобы его обмануть, поработить и т.п. Поэтому освобождение от религии сводилось к ее разоблачению, к просвещению народа, к разумной критике религии.

Ближе всего подошел к пониманию религии Л. Фейербах. «Фейербах исходит из факта удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе»²¹. К. Маркс воспринял и развил достижение Л. Фейербаха: «Основа иррелигиозной критики такова: человек *создает религию*, религия же не создает человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял [как ныне многие граждане России – В. В.]. Но человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это *мир человека*, государство и общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они – *превратный мир*»²². Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический словарь, его логика в популярной форме, его спиритуалистический *point d'honneur*²³, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, духовной *услადой* которого является религия»²⁴.

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс формулирует принципиальное отличие своего отношения к религии от фейербаховского: «Он не замечает, что после выполнения этой работы [сведения религии к ее земной основе – В. В.] главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически рево-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. изд. 2-ое. Т. 1., с. 415.

²¹ Там же. Т. 3., с. 2.

²² «*Превратный мир*» порождает превратное, в данном случае религиозное мировоззрение – В. В.

²³ *Фр.*, вопрос чести – *Ред.*

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. изд. 2-ое. Т. 1., с. 414 – 415.

люционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована»²⁵.

Имеющий глаза да увидит! Представление о религии как «опиуме для народов» – и потрясающее невежество для человека, претендующего быть марксистом, коммунистом, и проявление **идеалистического** представления об истории.

Второе. Возражают, Г. А. Зюганов говорит не о религии как о веровании в бога, а о православной церкви:

Православная Церковь – единственный на протяжении всей истории России общественный институт, который накапливал и сохранял все те принципы и ценности, которые вынашивали русские люди. Коммунисты, отвергнув верование в потустороннего бога [есть и посюсторонний бог? – В. В.], взяли от религии самое ценное, что она за всю историю накопила. Моральный кодекс строителя коммунизма практически полностью повторил заповеди Христа. Сегодня, когда на первый план вновь вышли вопросы морали и нравственности, когда практически все общественные институты, которые играют важную роль в формировании общественного сознания: школа, телевидение, радио и печать – оказались под влиянием недругов нашего Отечества, Православная Церковь ныне вновь оказалась одним из немногих островков (наряду с левой патриотической прессой), в котором сохранились принципы морали и нравственности русского народа в неизменном, нетронутом виде. И если сфера воздействия левой прессы, явно немногочисленной, ограничивается пока левым электоратом, если она еще пока с трудом находит дорогу к основной массе населения, то Церковь «работает» как раз с той массой населения, которая сегодня пока еще не повернута к нам. И как раз она продолжает сеять те принципы, которые отражены как в заповедях Христа, так и в Моральном кодексе строителя коммунизма.

Все это выдается за новое, зюгановское направление, обогащающее марксизм тем, что достраивает марксизм учением о сознательном участии масс в переходе к новому обществу, более подробно и предметно изучает влияние духовного фактора в этом сложном историческом процессе.

Противники же «зюгановского направления», дескать, «заснули» на рубеже XIX и XX веков.

Основополагающие положения во всем этом... (тут мы затрудняемся с определением) таковы: Православная Церковь хранит нравственные ценности русского народа, выношенные им за всю свою историю; нравственные ценности русского народа Православная Церковь сохраняет в неизменном, нетронутом виде; именно Православная Церковь сеет принципы, которые отражены как в заповедях Христа, так и в Моральном кодексе строителя коммунизма, причем сеет их и среди масс населения, которые пока еще не повернуты к левой оппозиции.

Какую мораль хранит, какую мораль «сеет» Православная Церковь? Разве мораль, очищенную от «верований в бога»? Нет, конечно. Если она и «сеет» мораль, то **мораль религиозную, мораль, основанную на вере в бога.**

Признание того, что именно Православная Церковь

«сеет» ту же мораль, что выражена в Моральном кодексе **строителя коммунизма** (кстати, сочинении, весьма сомнительном с марксистской точки зрения, о чем надо говорить особо) как раз и значит выдавать **религиозную мораль за мораль коммунистическую**, что с научным коммунистическим воззрением по своей **сути** не имеет ничего общего. Тогда надо прямо и открыто сказать, что «новизна» зюгановского направления заключается в том, что это – христианский коммунизм, или, точнее, православный коммунизм. По факту такой «коммунизм» может существовать, только к марксизму, к сути научно понимаемого коммунизма он не имеет отношения. Практически и тактически с таким «коммунизмом» возможны те или иные соглашения, но стратегические цели марксистов и христианских, в данном случае православных коммунистов принципиально различны.

Церковь, оставаясь церковью, не может отказаться от религиозной морали, от морали, основанной на религии, на вере в бога. Религия, вера в бога – не внешняя оболочка религиозной морали, религия пронизывает эту мораль и внутренне едина с ней. Только при поверхностном понимании религии как «опиума для народа» можно прийти к мысли, будто религиозность в проповедуемой церковью морали нечто совершенно незначительное, будто ее можно убрать – и нате вам коммунистическую мораль в готовом виде.

Религиозная мораль – это мораль, возникшая на почве мира отчуждения, порожденная этим миром **как отчужденная форма и освящающая** его. Позиция марксизма – позиция борьбы с миром отчуждения, устранения различных форм отчуждения, в том числе и религиозной морали.

Религиозная мораль есть форма религиозного общественного сознания, мораль, определяемая религией, именно религия дает такой морали ее содержание. Религия же есть **сердце**, но «сердце **бессердечного мира**», она есть протест против этого мира и его принятие.

«Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, следовательно, *в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия*»²⁶.

Религия освящает «юдоль плача», а не ведет к ее устранению. Религиозная мораль по существу содержит религиозные мотивы поведения, религиозные ценности, религиозные идеалы и т.д., и т.д. Все это в принципе отлично от мотивов, ценностей, идеалов и т.п. в той морали, которая является частью движения, направленного на действительное устранение «юдоли плача», на достижение **не иллюзорного, а действительного** счастья народа, то есть морали коммунистической.

Словом, как о том, что Православная Церковь сеет «коммунистическую мораль», так и о новизне «зюгановского направления» можно говорить, лишь употребив «опиум для народа». Тем более это относится к цельности «зюгановского направления». Перепутав направление хода истории, пожалуй, можно и в пещере проснуться.

Москва, 2001 г.

²⁵ Там же. Т. 3., с. 2.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. изд. 2-ое. Т. 1., С. 415.

Предисловие ко 2-му изданию «Логике «Капитала» Карла Маркса»*

В.А. Вазюлин

В.А. Вазюлин родился 30 августа 1932 г. В 1955 г. окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, с 1962 г. и по сей день преподает на факультете, ныне в должности профессора.

Предметом научного интереса проф. Вазюлина являются проблемы философской методологии. Он посвятил много сил изучению исследовательского метода К. Маркса. Результатом этого труда стали книги «Логика «Капитала» К. Маркса (1968 г., второе издание – 2002 г.) и «Становление метода научного исследования К. Маркса» (1975 г.). Развивая диалектический метод Маркса, проф. Вазюлин выдвинул новаторскую концепцию общественного развития, изложив ее в книге «Логика истории. Вопросы теории и методологии» (1988 г.).

Философские позиции, а также талант преподавателя и педагога всегда привлекали к Виктору Алексеевичу учеников не только из нашей, но и из зарубежных стран – Германии, Греции, стран Латинской Америки, Кореи и других. В 1992 году организационно оформилась Международная логико-историческая школа, главой которой является проф. Вазюлин.

После 1-го издания «Логике «Капитала» в 1968 г. обстановка в нашей стране коренным образом изменилась: погиб социализм, произошла буржуазная контрреволюция, капитализм победил политически, происходит (но еще не завершилось) его формирование в экономике.

Соответственно изменилось отношение к марксизму. С одной стороны, господствует отрицание марксизма у сторонников победившего в России капитализма и разочарование в марксизме довольно значительной массы населения. С другой стороны, в среде левой оппозиции, на ее левом фланге – марксизм воспроизводится догматически, в законсервированном виде, в центре и на правом фланге левой оппозиции – марксизм пытаются развивать, но это развитие представляет собой у одних движение к соединению тех или иных сторон марксизма с идеологией докапиталистического прошлого, у других – стремление (осознанное или неосознанное) соединить марксизм с приемлемыми, с их точки зрения, идеями, заимствованными, фактически, из арсенала буржуазной идеологии, у третьих имеет место смешение того и другого, у четвертых – смесь всех перечисленных компонентов.

За последние годы появился целый ряд пророков, создающих свои «миропотрясающие» произведения (А. Зиновьев, В. Кожин, С. Кара-Мурза и др.). Эти люди или плохо, или совсем не знают марксизм, но, тем не менее, выступают с претензией на то, что они решили или решают основные вопросы современности.

Хочу довести до сведения тех, кто не знает, и напомнить тем, кто забыл, увлекшись безоглядным плюрализмом, что марксизм (в том числе: материалистическое понимание истории, диалектический материализм, теория прибавочной стоимости) есть наука, а главной задачей науки является истина.

И если стоять на позиции добросовестного и объективного ученого, то добытая в прошлом истина не может быть напрочь отвергнута, как и не должна быть превращена в музейный экспонат.

Марксизм был и остается истинным. А истина есть как результат, так и процесс.

В связи с тем, что мир после К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина существенно изменился, и марксизм должен был существенно измениться. Однако этого не произошло. Но задача есть и ее необходимо решить.

*Вазюлин В.А. Логика «Капитала» Карла Маркса. – М.: Современный гуманитарный университет, 2002. – 390 с.

Марксизм стоит на магистральном пути развития метода наук, на магистральном пути развития наук об обществе. Он был и – несмотря на кажущуюся парадоксальность этого утверждения – остается по своей сути *вершиной наук о методе, вершиной наук об обществе*.

В области метода Г.Ф. Гегель был гениальным предтечей нового всемирно-исторического этапа развития метода наук – современной сознательной диалектики, К. Маркс же первым показал действие этого метода в целой конкретной науке (политэкономии капитализма) и, тем самым, стал *зачинателем* эпохи современной, сознательной диалектики.

Гегель и К. Маркс именно начали, открыли эпоху современной сознательной диалектики.

В этом отношении их труды (главным образом, «Наука логики» Г.Ф. Гегеля и «Капитал» К. Маркса) остаются непревзойденными, хотя в частности в области постижения диалектики было многое сделано марксистами разных стран.

К. Маркс, как настоящий ученый, «снял» логику Гегеля, то есть взял у него все ценное в виде, преобразованном соответственно новой, более высокой стадии развития диалектического метода. Одним из важнейших принципиальных отличий диалектической логики К. Маркса от логики Г.Ф. Гегеля было то, что Г.Ф. Гегель рассматривал логику, как науку о всеобщем, в отрыве от особенного и единичного. По словам К. Маркса Гегеля интересовало «дело логики», в противоположность Гегелю К. Маркс рассматривает всеобщее в единстве с особенным и единичным. Поэтому К. Маркса, по его словам, интересует «логика дела».

Такой подход в наиболее развитом в трудах К. Маркса виде и был реализован в «Капитале» (с той оговоркой, что «Капитал» не был закончен). «Логика дела» К. Маркса не могла быть создана без предварительного создания «Дела логики» Г.Ф. Гегеля. Непосредственно же «Капитал» выступает как сугубо политэкономическое произведение, как конкретное научное исследование. *Логика, метод* политэкономического дела присутствует в неявном виде.

К. Маркс неоднократно намеревался специально, в общем виде, изложить метод логики «Капитала». Но этот замысел не был им осуществлен, что оказалось – как, по моему, выяснилось впоследствии – серьезнейшим препятствием и для глубинного понимания главного произведения марксизма и для развития марксизма в магистральном направлении.

После смерти К. Маркса наступил своего рода пере-

рыв в магистральном направлении исследования диалектического метода, диалектической логики. И – что может показаться странным – в развитии материалистического понимания истории.

Даже гениальный В.И. Ленин в силу разных причин только на 44-м году жизни приступил к тщательному, детальному, систематическому изучению Логике Гегеля и сделал для себя открытие, сформулированное им в виде парадокса: «Афоризм. Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля».

Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 0,5 века спустя!!» (В.И. Ленин. ПСС. - Т. 29. - С. 162).

В.И. Ленин не выделил уровней понимания «Капитала» К. Маркса и с этим связана некоторая неопределенность афоризма: с одной стороны, «нельзя вполне понять» (т. е. в какой-то мере все же можно понять), а с другой стороны, «никто из марксистов не понял Маркса» (т. е. совсем не понял).

На мой взгляд, в понимании и применении «Капитала» (то же относится к его Логике) имеет смысл выделить следующие три основных уровня.

Первый, самый поверхностный: понимание отдельных положений «Капитала» и их применение. Это аналогично, например, тому уровню освоения и использования телевизора, когда ограничиваются приобретением способности включать и выключать телевизор, не более того.

Второй уровень – освоение, развитие, применение тех или иных блоков, групп положений (например, функций денег). Развитие марксизма (в том числе «Капитала») имеет, по происхождению, более или менее частным вопросам.

На этом уровне, как и на первом, марксизм (в том числе «Капитал», Логика «Капитала», диалектический метод) предстает в виде *суммы* положений, а не как нечто целостное, даже если люди, находящиеся на этом уровне говорят и пишут вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом и целостности марксизма и, в том числе, диалектико-материалистического метода.

На третьем, самом глубоком уровне понимания марксизма (в том числе «Капитала», Логике «Капитала», диалектико-материалистического метода) действительно обнаруживается его целостность, его самые глубокие корни, то есть на этом уровне открываются возможности для развития марксизма в магистральном направлении.

Если продолжить аналогию, то второй уровень соответствует, в общем и целом, ремонту телевизора специалистом и даже частичному усовершенствованию телевизора, а третий уровень соответствует созданию нового типа телевизора или даже переходу к какому-то новому типу передачи и воспроизведения изображения, звука.

В аналогии с телевизором, как во всякой аналогии, выделяются лишь некоторые сходные черты. Однако, помимо аналогичных черт, имеет место и существенное различие. Телевизор – вещь, которая сама по себе не развивается, а может лишь разрушиться, развивается же (если иметь в виду названные уровни) знание о нем и уровни его созидания. Марксизм же имеет дело с предметами, которые развиваются сами по себе (с природой, обществом...), и отображает их в качестве развивающихся.

С этим связано и этим определяется, в конечном счете, то, что сам марксизм есть открытое *целое*, притом – с необходимостью – *развивающееся* целое.

Поэтому и в постижении, и в применении марксизма можно выявить – в отличие от примера с телевизором – в более развитом, в более сложном виде спиральность хода познания. Не рассматривая подробно весь закономерный процесс постижения марксизма, естественно же-

лающим его постигнуть и добросовестно осуществляющим это желание, выделю лишь следующее.

Человек, находящийся на первом – из названных выше уровней постижения марксизма с неизбежностью, с одной стороны, в какой-то мере, верно понимает и применяет отдельные марксистские положения, а с другой стороны, не постигнув марксизма (и в том числе, диалектико-материалистического метода) как открытого и изменяющегося целого, воспринимает его метафизически (антидиалектически) и догматически. Соответствующий характер имеет и применение марксизма на первом уровне.

На втором уровне постижение, развитие и применение марксизма более глубоки и верны, однако и тут марксизм (в том числе, диалектико-материалистический метод) не постигается как открытое и изменяющееся целое.

Только постижение и применение марксизма (в том числе, диалектико-материалистического метода) на третьем уровне становится соответствующим сути марксизма (в том числе, диалектико-материалистического метода).

С глубины (или, если угодно, с высоты третьего уровня) существенно иначе предстают отдельные положения, или иные «части» марксизма (в том числе, «части» диалектико-материалистического метода), их развитие, их применение.

В.И. Ленин в своем процитированном мной выше афоризме имеет в виду фактически, по-моему, именно третий уровень.

В число тех, кто «не понял Маркса 0,5 века спустя» В.И. Ленин включает и такого выдающегося марксиста как Г.В. Плеханов: «Плеханов написал в философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + основные вопросы etc. etc.). Из них о большой Логике, *по поводу* нее, ее мысли (т. е. *собственно* диалектика как философская наука) nil!!* (Там же. - С. 248).

В.И. Ленин отмечает кардинальный недостаток в понимании Г.В. Плехановым диалектики: «... тождество противоположностей берется как сумма *примеров* [«зерно», например, «первобытный коммунизм». Также у Энгельса. Но это «для популярности»...], а не как *закон познания* (и закон объективного мира)». (Там же. - С. 316).

Но и сам В.И. Ленин только подошел к освоению и начал осваивать Логике «Капитала» на третьем уровне.

В.И. Ленин в «Философских тетрадах» ставит задачу выделения Логике «Капитала», т. е. «логики дела».

Однако, в *обобщающем* виде как задачу выделения *системы* законов и категорий Логике «Капитала» он ее не формулирует.

Задача предстает с точки зрения *одного* закона диалектики – единства и борьбы противоположностей.

Две нижеследующие цитаты подтверждают это:

*Разделение единого и познание противоречивых частей его (см. цитату из Филона о Гераклите в начале III части («О познании») Лассалевского Гераклита) есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом *respectively*** с гераклитовскими идеями).

Правильность этой стороны диалектики **должна быть проверена историей науки** (Там же. - С. 316).

И вторая цитата: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встреча-

* – ничего. Ред.

** – соответственно. Ред.

ящееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ^* его отдельных частей, от его начала до его конца» (Там же. - С. 318).

То, что закон единства и борьбы противоположностей выражает суть диалектики, с этим, по-моему, нельзя не согласиться. Однако к этому диалектика не сводится.

С одной стороны, В.И. Ленин поставил вопрос необходимости исследования Логике «Капитала» К. Маркса. С другой стороны, вопрос не был поставлен во всеобщем виде, и не была реализована **задача детального и систематического** выявления Логике «Капитала».

Наибольший вклад в исследование Логике, Метода «Капитала» после В.И. Ленина внесли советские философы и экономисты. Прежде всего, на мой взгляд, следует отметить Э.В. Ильенкова и Л.А. Маньковского.

Э.В. Ильенков первый, кто попытался целостно, на теоретическом уровне интерпретировать раздел о методе политической экономии из «Введения к экономической рукописи К. Маркса 1857-1858 гг.». Это было интересно и очень талантливо. Но Э.В. Ильенков, во-первых, ограничился в основном упомянутым «Введением» К. Маркса и отдельными примерами из «Капитала». Во-вторых, он не поставил, по сути дела, задачи систематического изучения самого «тела» Логике «Капитала».

В известной мере эту задачу попытался решить Маньковский, но ему удалось лишь подойти к логическому анализу некоторых разделов «Капитала».

Исходя из такого понимания достигнутого в области исследования Логике «Капитала», я попытался в книге «Логика «Капитала» К. Маркса» путем детального и систематического сравнительного изучения Логике Гегеля и «Капитала» К. Маркса выделить систему Логике «Капитала» К. Маркса, ее сходство и принципиальное отличие от Логике Гегеля. Логика (Диалектика, Теория познания), которая

содержится в «Капитале» – это Логика наук, достигших такого уровня, когда они изучают свой предмет как развивающееся целое.

Гений К. Маркса проявился, между прочим, в том, что он выбрал предмет, исследование которого давало объективную возможность в наиболее полном и глубоком (для его эпохи) виде выявить Диалектику, Логике развивающегося целого.

Другие науки, до сих пор, не достигли такой полноты и глубины проникновения в свой предмет, какое мы находим в «Капитале», хотя со времени создания и публикации «Капитала» прошло много десятилетий и появились специальные исследования систем, или так называемые «системные исследования».

На мой взгляд, следующим предметом, при изучении которого возможно было углубить; развить марксизм в целом (и в том числе материалистическое понимание истории и диалектико-материалистический метод) было изучение истории человечества, со времен К. Маркса, Ф. Энгельса (и даже В. И. Ленина) существенно изменившейся.

Результаты моего изучения истории человечества были выражены, хотя и не полностью, в книге «Логика истории». Это была попытка на основе достигнутого понимания Логике «Капитала» К. Маркса, с учетом происшедших после К. Маркса существенных изменений в истории общества, с учетом выявленных мной исторических ограничений в Марксовом исследовании диалектико-материалистического метода (так, например, материалистическое понимание истории К. Марксом было преимущественно обобщением результатов, полученных на пути движения познания общества от поверхности к сущности, движение же познания общества от сущности к явлению и действительности не стало доминирующим в понимании строения общества в трудах основоположников марксизма), с учетом выявленных особенностей исторической формы существования марксизма в трудах классиков представить современную историческую форму марксизма. Эта работа не закончена. Более того, не полностью опубликованы даже уже полученные мною результаты.

Введение

В.А. Вазюлин

Со времени написания «Капитала» прошло много десятилетий. Первый том был издан более 100 лет назад. Тем не менее «Капитал» К. Маркса и сейчас находится на переднем крае науки. «Капитал» был и остается **единственным систематическим и детальным изображением целой конкретной науки** (политэкономии капитализма) **с сознательных диалектико-материалистических позиций**.

Метод и логика «Капитала» есть метод и логика воссоздания исторически определенного развивающегося предмета. Развитие предмета науки прежде всего улавливается там, где предмет изменяется в сроки, наиболее близкие к жизни одного поколения людей и где, следовательно, один человек может фиксировать весь процесс развития. Наиболее сложное для исследователя предмет, развивающийся в течение периода времени, или чрезвычайно превышающего продолжительность жизни человека или, наоборот, значительно меньшего сроков человеческого существования.

* – в сумме. Ред.

Первое изображение развивающегося предмета наблюдается в науке о мышлении (Гегель). Гегель абсолютизировал процесс мышления и попытался свести всю диалектику к диалектике процесса мышления. «Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление»¹.

К. Маркс первый выявил диалектику материального предмета и отражающего его мышления. Этот необходимый шаг вперед в развитии науки диалектики логически вытекал из предыдущего. Но он мог быть сделан лишь с совершенно новых классовых позиций, с позиций класса, последовательного в революционном преобразовании общественной жизни. Ибо диалектика в своем рациональном виде «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматрива-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – С. 21.

ет в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»². Перейдя к изучению материальной действительности с сознательной целью ее революционного преобразования, К. Маркс смог впервые в истории наук принципиально правильно интерпретировать и диалектику мышления. Была устранена абсолютизация процесса мышления и установлено истинное отношение идеального процесса к материальному: «У меня же, наоборот (в противоположность Гегелю – В. В.), идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»³.

В «Капитале» методология и логика модифицированы особым предметом исследования – капитализмом. Однако поскольку «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики»⁴, постольку диалектика «Капитала» сохраняет свое значение при изучении всякого процесса развития. Наша задача заключается в том, чтобы выделить систему материалистической диалектики вообще путем изучения частного случая диалектики, а именно диалектики капитализма.

Мы будем рассматривать систему диалектики с точки зрения логики. Под термином «логика» «Капитала» нами подразумевается диалектическая логика. Предмет диалектической логики – мышление о развивающемся предмете. Диалектическая логика есть наука о мысленном воссоздании развивающегося предмета. Логика «Капитала» К. Маркса – это логика систематического рассмотрения целой науки, исходя из ее внутренних связей.

Первая в истории человеческой мысли попытка рассмотреть целую науку с этих позиций была предпринята Гегелем. Действительным объектом его исследования, как мы отметили выше, было мышление. Этот гениальный мыслитель изобразил в своей системе логики диалектически интерпретированное познание с точки зрения последовательности и связи обнаруживающихся в нем логических категорий. Категориальное исследование развития познания было верно угаданным принципом создания системы диалектической логики. Последовательность субординированной системы логических категорий может быть ближайшим образом лишь последовательностью появления этих категорий в познании. **Диалектическая логика есть прежде всего изучение развития познания в категориальном плане.** Мышление было понято Гегелем как объективный процесс, не зависящий ни от произвола отдельного человека, ни от произвола человечества. Здесь мы встречаемся с догадкой о том, что мышление есть естественноисторический процесс.

Однако Гегель абсолютизировал мышление, превратил его в процесс совершенно самостоятельный в самой своей основе. Не останавливаясь на социально-политических причинах отмеченной абсолютизации, ибо они, на наш взгляд, достаточно выяснены в марксистской литературе, скажем о гносеологических корнях гегелевского идеализма. Натолкнувшись на объективный характер мышления, на его известную независимость в любую данную эпоху от отдельного человека и человечества, обнаружив, что каждое поколение человечества вынуждено считаться с уже имеющимися категориями как данными, Гегель оказался не в состоянии объяснить происхождение категорий. И поэтому объективность мышления выступила в качестве абсолютной самостоятельности мышления. Система

категорий современной мыслителю эпохи представилась ему вечной, неизменной, абсолютной. Если же система категорий кажется вечной, неизменной и, следовательно, абсолютно самостоятельной, то история мысли не может быть не чем иным, как осознанием заранее существующей системы логических категорий, и завершение осознания ее есть завершение развития мышления. Развитие системы логических категорий по отношению к прошлому искажается. Все предшествующее развитие мысли представляется исключительно с точки зрения тех сторон, которые вошли в рассматриваемую логическую систему данной эпохи. Следовательно, упускается из виду качественное своеобразие предшествующих этапов развития мышления человечества, и они фиксируются односторонне. Но если прошедшие этапы, ступени развития мышления искажаются, трактуются односторонне, то по отношению к будущему развитие мышления отвергается вообще.

Позиция абсолютной самостоятельности мышления неизбежно заставляет рассматривать переход от одной категории к другой в виде процесса «саморазвертывания» уже полностью заранее существующих категорий. Задача исследования каждого нового предмета сводится к обнаружению в нем известных до исследования категорий логики. Между тем действительный переход от понятия к понятию, от категории к категории в процессе познания есть переход от известного понятия, категории к неизвестным, непознанным еще понятиям, категориям и совершается он при том условии, что в сознании исследователя «витают» реальный объект, независимый от исследователя, данный в живом созерцании, и каждый шаг движения мышления должен соотносываться с данными живого созерцания. Даже в самых развитых формах мышления движение мысли от категории к категории происходит в единстве двух противоположных моментов: в движении от категорий, понятий к новым данным живого созерцания и от последних к новым понятиям, категориям. При этом решающим, определяющим в конечном счете является второе движение. Категории представляют собой результаты процесса познания и в свою очередь воздействуют на него. Однако определяющим в этом взаимодействии является процесс познания. Умозрительность, сухость логического исследования Гегеля обусловлены тем, что он представил категории, результаты познания в качестве момента, изначально данного и целиком определяющего процесс познания. Естественно, что это есть не что иное, как отрыв логики от познания и сведение познания к логике в качестве момента, целиком обусловленного логикой. Переход от чувств, от живого созерцания к понятиям и категориям выступает не в качестве действительной предпосылки и действительного момента движения мышления, а как видимости, целиком положенная «саморазвертыванием» мышления.

Конечно, логика, взятая в ее специфике по отношению к познанию, есть совокупность категорий, результатов познания, движение от категории к категории в отвлечении от перехода живого созерцания в понятие. Однако весь вопрос заключается в том, как происходит выделение специфики логики и отвлечение от процесса познания. Образец строго научного отвлечения одного момента от внутренне связанного другого момента дает К. Маркс. Например, излагая процесс производства капитала, К. Маркс сначала отвлекается от процесса обращения капитала, хотя оба процесса в самом капитализме осуществляются в единстве. Отвлечение от одного момента с целью изучения внутренне связанного с первым другого момента в его относительной самостоятельности происходит в исследовании К. Маркса таким образом: то, от чего отвлекаются (в данном случае процесс обращения и формы, возникаю-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – С. 22.

³ Там же. – С. 21.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. – С. 318.

щие из единства производства и обращения), не исчезает из сознания исследователя, но все время имеется в виду, и воспроизведение одного момента расценивается не как конечная, а как ближайшая задача, решение которой еще не дает полного воспроизведения рассматриваемого момента. Исследование познания наиболее целесообразно начинать с его результатов, при этом с наиболее развитых результатов – логических категорий и лишь затем перенести центр тяжести изучения на процессы познания. После чего необходимо рассмотреть единство процессов и результатов познания. В результате всего этого изучения откроются новые возможности для воздействия человечества на развитие мышления и познания. В таком случае на первом этапе исследования, который в силу сложности предмета изучения не может не занять более или менее длительный срок, логические категории будут рассматриваться преимущественно как данные, акцент должен быть сделан больше на специфику логики, чем на ее единство с процессом познания. Исследование неизбежно будет выдвигать на первый план сходство логики Маркса и Гегеля. Но и при этом позиция марксиста принципиально отлична от позиции гегельянца.

Марксистский анализ специфики логики требует, во-первых, постоянно иметь в виду действительный процесс познания изучаемого результата; во-вторых, требует постоянно учитывать, что исследование специфики логики есть лишь ближайшая задача, необходимое условие для перехода к следующим более глубоким этапам исследования. На последующих этапах в связи с необходимостью изучения собственно процесса познания и единства мышления и познания на первый план выступит коренное, качественное отличие логики, гносеологии К. Маркса от логики Гегеля. Если принципы К. Маркса последовательны, строго научны, открывают широчайший простор исследованию мышления и познания, то позиция Гегеля внутренне противоречива. С одной стороны, принцип абсолютной самостоятельности, первичности мышления, идеализм, устраняющий задачу действительного изучения мышления и познания. С другой стороны, догадка о естественноисторическом процессе развития мышления и общества, порождающая необходимость изучать действительность. То огромное чутье, которое, как отмечал Ф. Энгельс, лежало в основе гегелевского способа мышления и отличало его от способа мышления всех других философов, было обусловлено идеей развития. «Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, – продолжает Ф. Энгельс, – все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории, и последнее, собственно, должно было служить только подтверждением первого»⁵. Ф. Энгельс там же указывает, что, несмотря на идеализм, метод Гегеля был единственным логическим материалом, который можно было по крайней мере использовать. Весьма высоко оценивает достижения Гегеля в области логики и К. Маркс. «...Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее (диалектики – В.В.) всеобщих форм движения». И непосредственно далее К. Маркс формулирует свою задачу в области диалектической науки: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»⁶. «Маркс, – пишет Ф. Энгельс, – был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, ос-

вобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли»⁷.

Материалистическая интерпретация логики Гегеля позволила К. Марксу поднять диалектическую логику на качественно более высокую ступень и в чисто логическом отношении. Маркс впервые принципиально решил вопрос об отношении мышления к действительности, вопрос об историческом возникновении и развитии мышления, об исторически преходящем характере системы категорий любой данной эпохи, вопрос об отношении мышления и общественной практики, а также мышления и познания. Если для Гегеля на первый план выдвинулась целостность мышления, то в марксовой логике наряду и в единстве с принципом целостности выступает в качестве одного из важнейших принципов исторического происхождения целостности мышления из материальной общественной практики, принцип качественно своеобразных этапов в развитии мышления, принцип исторически преходящего характера всякой системы мышления.

Колоссальный шаг вперед делает К. Маркс по сравнению с Гегелем и в понимании предмета мышления. С логической точки зрения наибольшее значение имеет то обстоятельство, что К. Маркс первый занял предмет исследования как **исторически преходящую** ступень развития, качественно отличную от предыдущих и последующих ступеней этого развития⁸. Впоследствии мы постараемся показать, что прежде всего данное обстоятельство обуславливает существенные особенности в построении логики «Капитала», в постановке и решении всех логических проблем.

Материалистическая переработка и развитие метода, логики Гегеля есть дело чрезвычайной сложности и огромной важности, составившее эпоху в развитии науки о мышлении. Выделение и развитие рационального ядра логики Гегеля могло быть осуществлено лишь в ходе конкретного научного исследования материального развивающегося предмета, путем построения целой науки, исходя из ее внутренних связей. Действительно, диалектическая логика – по существу своему, во-первых, логика развивающегося, т. е. действующего, живого познания и, следовательно, может быть понята исключительно при рассмотрении действующего познания, в ходе познания. Во-вторых, система диалектической логики есть квинтэссенция науки в целом. Той наукой, в ходе создания которой прежде всего и главным образом перерабатывалась логика Гегеля, была политэкономия капитализма.

Следовательно, только завершение создания марксистской политэкономии капитализма и критики метода буржуазных экономистов могло знаменовать завершение материалистического переосмысления логики Гегеля.

«Капитал» является наиболее глубоким не только экономическим, но и методологическим, логическим обоснованием марксизма.

Завершающий этап формирования марксистской политэкономии капитализма начинается с 50-х гг. XIX в. Имен-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – С. 496-497.

⁸ Более или менее блестящие догадки предшествующих К. Марксу экономистов об исторически преходящем характере капитализма, об исторически определенных эпохах общества не были ими использованы как исходные принципы для целостного объяснения всех явлений капитализма. Такую стройную, внутренне единую теорию дал только К. Маркс. Поэтому, на наш взгляд, специфика логики «Капитала» выясняется прежде всего в сравнении с другой попыткой построения теории, исходя из внутренних связей. Это же до К. Маркса предпринимал только Гегель.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – С. 496.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – С. 22.

но с этого времени наступает и завершающий этап материалистической интерпретации логики Гегеля, критики метода прежней политэкономии и образования логики «Капитала». Главную задачу этого этапа развития политэкономики марксизма определяет сам К. Маркс в письме Ф. Энгельсу: «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»⁹. Позже, в «Предисловии «К критике политической экономии» (январь 1859 г.) Маркс пишет: «Весь материал лежит предо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе; последовательная обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств»¹⁰.

На первый план выдвинулся вопрос о **системе** категорий экономической науки, их последовательности и связях. Решить его можно было лишь в ходе критического осмысления имевшегося логического материала о системе науки. Таковым была единственно логика Гегеля. С другой стороны, создание системы экономических категорий в процессе критической переработки системы логики Гегеля оказывалось процессом выделения и развития рационального ядра последней.

Характер главной задачи конкретного, экономического исследования в этот период обусловил то обстоятельство, что центр тяжести в критике логики Гегеля К. Марксом переместился по сравнению с 40-ми гг. на выявление рациональных моментов этой гигантской логической системы. Между тем в 40-е гг. Маркс акцентировал свое внимание на мистифицирующей ее стороне. Соответственно его работы в этот период носят по преимуществу критический характер.

Мы хотим особо подчеркнуть, что сказанное не означает, конечно, будто в 50-60-е гг. предавалась забвению или преуменьшалась спекулятивная сторона гегелевской конструкции, а в 40-е – ее рациональный смысл. Речь идет лишь об определенном акцентировании. Рассматривая логику «Капитала» К. Маркса в связи с логикой Гегеля, мы также, прежде всего, будем фиксировать эту связь в аспекте **преемственности**, говоря об идеализме Гегеля лишь постольку, поскольку это необходимо для выделения действительно научных моментов его логической системы. В логике Гегеля нас будет интересовать то рациональное, что сохраняется и в «Капитале».

Диалектическая логика изучает логические категории в их развитии. Развитие отличается от простого изменения своей направленностью. На прогрессивной стадии развития – это движение от менее развитого к все более развитому, от простого к сложному. Мышление, несомненно, находится на восходящей стадии развития. Поэтому система категорий диалектической логики должна быть субординированной соответственно направлению восходящей стадии развития. Движение от одной категории к другой есть движение от менее развитой, абстрактной категории, к более развитой, конкретной категории. Логические категории развиваются в познании, вместе с познанием и как стороны, моменты развития познания. Следовательно, логические категории должны рассматриваться в той последовательности и в том расчленении, в каких они появляются в развивающемся знании. Система логических категорий действительно существующего мышления, как доказал К. Маркс, всегда есть исторически, качественно определенная, преходящая система. Развитие этих систем, их

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. – С. 185

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – С. 5.

смена друг другом происходят объективно, естественно исторически, определяясь уровнем и характером материальной общественной практики. Подобно тому, как общество проходит в своем развитии ряд общественно-экономических формаций, так и мышление: имеет ряд исторических форм. Получеловеческое-полустадное, так сказать, первобытное мышление человека, мышление, непосредственно вплетенное в материальную практическую деятельность. Развитое мышление: для этой стадии развития мышления характерна уже не непосредственная, а опосредованная связь его с материальной практикой. В свою очередь развитое мышление человека (назовем его так в отличие от первобытного мышления) разделяется на крупные этапы в зависимости от метода мышления: наивная диалектика, метафизика, сознательная диалектика. Подобно тому как различные общественно-экономические формации имеют не только специфические, но и общие закономерности, общие для всех или для ряда формаций, так и исторические формы мышления имеют категории, законы, специфические для каждой из них, общие для всех форм, а также общие для некоторых из них.

Имена Гегеля и особенно К. Маркса символизируют переход человеческого мышления к сознательной диалектике, этой величайшей исторической форме человеческого мышления. Гегель первый предпринял попытку построения развернутой системы современной диалектической логики, но в рамках извращенного понимания природы логического, трактуя последнее в качестве совершенно самостоятельной, определяющей субстанции. К. Маркс рассмотрел эту систему в связи с целой конкретной наукой, преодолел ограниченность постановки и решения вопроса своим предшественником и тем самым выделил и развил ее научные моменты.

Итак, система логических категорий Маркса есть исторически определенная логическая система, логика сознательно-диалектического этапа развития **мышления**¹¹.

Система логики «Капитала» делится прежде всего на объективную и субъективную логику. Это деление, по-видимому, является также и наиболее общим делением диалектической логики вообще. Объективная логика изучает отражение в мышлении развивающегося **объекта**. Субъективная логика имеет предметом **отражение в мышлении** развивающегося объекта. Иначе говоря, предмет объективной логики – мышление, взятое с точки зрения того, как в нем, или им отражается объект, т. е. ее предмет – мышление под углом зрения того, что в нем отражается. Предмет субъективной логики – мышление, взятое с точки зрения того, что **отражается, в чем, чем, как отражается** объект. Следовательно, в обоих случаях предметом служит мышление, но в первом случае рассматривается содержание мышления, а во втором – форма мышления. Диалектическая логика имеет дело и с содержанием и с формой мышления, изучая и то и другое с точки зрения их развития. Бытие, качество, количество, мера, сущность, явле-

¹¹ Сознательная диалектика отличается от наивной диалектики в первую очередь тем, что наивная диалектика вырастает на том уровне развития знаний, когда отдельные науки еще не обособились друг от друга и диалектика не могла базироваться на систематическом, детальном, конкретно-научном исследовании предметов. Сознательная диалектика отличается также от стихийной диалектики. Стихийный диалектик эмпирически приходит к диалектике, он лишь более или менее последовательно осознает отдельные моменты, стороны современной диалектики. Стоять на уровне сознательной диалектики – значит попятить действие теории материалистической диалектики в процессе систематического, детального, конкретно-научного рассмотрения предмета.

ние, действительность и т. д. – категории объективной логики. Понятия, суждения, умозаключения, анализ, синтез, индукция, дедукция и т. д. – категории субъективной логики. В конкретной науке объективная логика выступает на первый план там, где ученый изображает **предмет** своего исследования, и субъективная логика – там, где он изучает **познание** предмета своими предшественниками или исследует развитие своих знаний о предмете. Например, логика трех томов «Капитала» есть объективная логика, а логика четвертого тома, «Теории прибавочной стоимости», – субъективная логика. На самом первом уровне познания обе стороны мышления (объективная и субъективная) выступают в непосредственном единстве, не отличаются друг от друга. Затем они различаются и ставятся рядом друг с другом (это известное различие между онтологией и гносеологией). После этого устанавливается их единство друг с другом в их различии. Объективная и субъективная стороны мышления выступают в сознании как застывшее единство **противоположностей**, пока познание берется в качестве неподвижной системы. Но если рассмотреть познание в процессе движения, то застывшее единство противоположностей превращается в противоречие: объективная и субъективная стороны мышления взаимопревращаются, сливаются друг с другом в своем отрицании друг друга. В предлагаемой работе мы рассматриваем лишь объективную логику «Капитала».

Объективная логика Гегеля подразделяется на бытие и сущность. По-видимому, это деление должно быть сохранено в научной диалектической логике. Учение о бытии, взятое в его научном виде, есть не что иное, как **мыслительная, категориальная** характеристика объекта **чувственного** познания. Или, иначе говоря, это моменты осмысления предмета, логические категории, в каких определяется объект в чувственном познании. Учение о сущности есть категориальная характеристика предмета, как он выступает на рациональной стадии познания. Характеризуя категориальную специфику чувственного познания в самой общей форме, можно сказать, что вещи обнаруживаются здесь как **непосредственные**. Для рационального познания специфична **опосредованность, выделение внутренней связи вещей**. При переходе от чувственного познания к рациональному происходит скачок, перерыв постепенности. Вместе с тем в непосредственном знании зарождаются, нарастают моменты опосредованного знания.

Первый том «Капитала» в логическом аспекте подразделяется на учение о товаре и деньгах, что соответствует **бытию** капитала, и на учение о процессе собственно производства капитала, что соответствует **сущности** капитала. Мышление на чувственной ступени познания движется в рамках трех основных категорий: качества, количества, меры. Совершенно справедливо замечание Гегеля о том, что качество должно быть изложено в строгой логической системе раньше количества. Если качество делает предмет таким, каков он есть, а количество в своей специфике есть изменения предмета, не выходящие за пределы данного качества, то очевидно, что прежде чем определять количество предмета необходимо установить его качество. Иначе количество не есть количество какого-либо предмета. Естествен затем переход в изложении строгой логической системы от безразличного количества предмета к количеству, выводящему за пределы данного качества, т. е. к качественному количеству, к мере.

Наиболее трудно в учении о бытии понимание начала. В фило- и онтогенетическом развитии знаний человека познание начинается с ощущений. Если подойти к ощущению с позиций мышления и попытаться выявить в нем зароды-

ши мышления, то окажется, что ощущение есть категориально неопределенное, логически совершенно пустое, непосредственное, не опосредованное. Но ощущение **есть**, и оно служит исходным пунктом мышления. Ощущение не есть мышление, но оно есть предпосылка мышления, которая в движении мышления и для совершения движения должна все время присутствовать (действительное мышление в каждом своем шаге проверяется данными живого созерцания). Следовательно, в ощущении мышление присутствует в возможности, в зародыше, но оно находится в своей противоположности, ибо мышление по своей сути всегда **опосредованное** мышление. Мыслительная характеристика предмета, базирующаяся на отдельных ощущениях, есть неопределенность, непосредственность. **Есть**, но неизвестно что есть, есть совершенно неопределенное. Предмет качественно уже дан и еще не дан. Логически еще нельзя даже сказать есть или не есть предмет, хотя он вместе тем есть, ибо имеется ощущение. Поэтому в самом начале познания предмета отсутствует ответ на вопрос, началом **чего** оно является. На первых порах познания мелькают впечатления, предмет познания при этом остается логически неопределенным. Логически можно зафиксировать, что **есть и не есть**, но еще нельзя установить, что есть и не есть. Это – становление знания о предмете. Пока знание о предмете становится, нельзя определить качество, определенность предмета. Качество предмета как непосредственное должно быть схвачено **сразу**. В становлении знания качество предмета и есть и не есть (есть оно в возможности). Пока предмет или знание о предмете становятся, нельзя сказать, что становится. Но вот предмет или знание о предмете **стали**, возникновение и прехождение – моменты становления – превращаются в спокойное единство. Теперь качество предмета познано. «Ставшее» знание само в свою очередь затем становится исходным пунктом становления нового знания и с самого начала несет в себе его зародыши, тем не менее существует разница между становлением и ставшим знанием, точно так же как имеется различие между становлением и собственно развитием предмета: например, различие между переходом от капитализма к социализму и социализмом, формированием марксизма и зрелым марксизмом. «Ставшее» знание есть знание определенного предмета, и предмет понимается в рамках категории качества. Конечно, мы берем здесь идеализированный случай, ибо в чистом виде сознание, которое состояло бы из отдельного ощущения и мелькающих впечатлений, у взрослого современного человека отсутствует, оно включается в качестве одного из моментов в уже имеющийся запас знаний. Но генетически этот случай имеет место.

Категории качества и количества суть категории непосредственного знания предмета. Первая схватывает непосредственное отличие предмета от других предметов и непосредственное тождество его самому себе. Вторая определяет изменения предмета, но как непосредственно данные и безразличные к качеству. Категория меры фиксирует переход к сущности, но еще не самую сущность. В категории качественного количества предмет осмысливается в отношении к самому себе, но стороны отношения даны непосредственно. Категория сущности предмета есть специфичность предмета, определенная в более глубокой категории, нежели качество. В сущности предмет не есть нечто непосредственное, он сам относится к себе так, что стороны отношения лишь соотносительны. Зрелый предмет есть одновременно и качество и сущность. Как качество он есть таковой постольку, поскольку он есть наряду с другими предметами. Как сущность он есть то, что он есть только в отношениях к самому себе как от-

личному от себя. Например, прибавочная стоимость в своей чистоте есть не просто увеличивающаяся стоимость, а самовозрастающая стоимость, т. е. стоимость, существующая в своем отношении к себе как к чему-то отличному от себя. Категории сферы сущности предмета в «Капитале» делятся на категорию сущности самой по себе, категорию явления и категорию действительности. До обнаружения сущности предмета не имеет смысла говорить о явлениях предмета, можно констатировать лишь непосредственность предмета, ибо явление всегда есть явление чего-то. Когда сущность «нащупана», она должна быть рассмотрена прежде всего сама по себе. А так как она, между прочим, есть соотношение, то поэтому ее возможно рассматривать саму по себе. «Возвращение» к поверхности от сущности дает знание явления и, затем, действительности предмета. Поверхность, «просвеченная» сущностью, уже не есть просто непосредственное, а опосредованное непосредственное, или явление. Явление не есть сущность, а есть непосредственное, поскольку оно «пронизано» сущностью. Единство такого непосредственного, т. е. явления, и сущности есть действительность.

В «Капитале» исследуется бытие капитала, **сущность** капитала, самого по себе – процесс производства капитала, **явление** капитала – процесс капиталистического обращения, **действительность** капитала – единство процессов капиталистического производства и обращения. Все это движение мысли образует большой виток спирали. В логике Гегеля имеется лишь один виток спирали типа: непосредственное – сущность сама по себе – явление – действительность. В логике «Капитала» наблюдаются два витка спирали. Один из них – большой виток. В свою очередь начальный отрезок большого витка спирали сам представляет собой виток спирали того же типа. Малый виток спирали образует первый отдел «Капитала»: потребительная стоимость и меновая стоимость – **бытие** товара, стоимость независимо от форм ее проявления – **сущность** товара, взятая сама по себе, формы проявления стоимости – **явление** товара, процесс обмена и обращение товаров – **действительность** товара. Следовательно, логика «Капитала» более сложна, чем логика Гегеля. И это не случайно. Поскольку для Гегеля предмет логики отождествляется с логикой, и поскольку Гегеля интересует только логика вообще, то у него не возникает проблемы логики определенного предмета. Маркс же рассматривает капитализм в качестве исторически определенного развивающегося предмета. Более развитый предмет сохраняет в себе необходимую предпосылку своего возникновения и развития в преобразованном виде и в качестве своего момента. А этот момент сам имеет бытие, сущность, явление, действительность, которые, однако, рассматриваются лишь постольку, поскольку это необходимо для отображения более развитого предмета.

Кроме того, капитализм не только возникает, но своим развитием создает необходимость отрицания самого себя, образует предпосылки более развитого общества. Предпосылки социализма, формирующиеся в недрах капитализма, не представляют собой **бытия** социализма, они являются лишь **историческими** условиями социализма, которые сохраняются при социализме не в прежнем, а в преобразованном виде.

Итак, логика «Капитала», помимо уже сказанного, есть также воспроизведение в категориях отрицания исторически определенным предметом самого себя, логика отражения в мышлении исторических предпосылок предмета, более развитого нежели данный.

Если в учении о бытии (и в большом и малом витке спирали) предмет еще не вырисовывается в качестве пол-

ностью непосредственно определенного, то в учении о сущности он уже полностью непосредственно определен и предстает как типичный единичный предмет, существующий наряду с другими также полностью определенными предметами. В сущности самой по себе предмет есть **единичный типичный** предмет. В явлении сущность просвечивает через разные явления, явления берутся еще наряду друг с другом и наряду с сущностью самой по себе. Здесь предмет выступает **особенным** предметом, т. е. предметом, который специально фиксируется наряду с другими. В единстве сущности и явления, т. е. в действительности, все предметы выступают как **всеобщий** предмет. В самом деле, в «Капитале», начиная с изложения собственно капитала, т. е. исключая отдел о товаре и деньгах, появляется новое основание деления производства на крупные части. В первом томе К. Маркс обсуждает процесс производства индивидуального типичного среднего капитала, во втором томе речь идет об обращении различных видов капитала: товарного, денежного, промышленного. Индивидуальный типичный промышленный капитал изучается наряду с товарным и денежным капиталами, последние рассматриваются, однако, лишь как проявление промышленного капитала. Каждый вид капитала по отношению к другому представляется особенным капиталом. В третьем томе разбирается единство всех трех форм капитала и вместе с тем индивидуальный капитал анализируется уже в качестве стороны совокупного капитала. Следовательно, капитал рассматривается в качестве всеобщего предмета. Это основание деления является производным разделением на собственно сущность, явление и действительность. В малом витке спирали также имеется это основание деления. Товар, взятый до рассмотрения форм его проявления, есть **единичный типичный** товар. Формы стоимости показывают переход от товара как единичного типичного товара к товару в качестве **особенного**, стоящего наряду с другими единичными типичными товарами и, наконец, к всеобщему товару, к деньгам,

Движение мысли от непосредственного к сущности как таковой, от нее к явлениям и затем к действительности есть **«механизм»** восхождения мышления от абстрактного к конкретному. Восхождение, таким образом, совершается не по прямой линии, а **по спирали**. Именно так создается система логических и экономических категорий. На отдельных отрезках витка спирали на первый план выдвигаются различные законы диалектики. Если категории представляют собой моменты, элементы системы категорий, то логический закон представляет собой связь, единство, форму движения категорий.

Система экономических категорий в «Капитале» в целом совпадает с последовательностью исторического развития современного К. Маркса капитала. Система логических категорий Гегеля и К. Маркса в общем соответствует также историческому развитию познания. Здесь мы говорим о проблеме исторического и логического в самом общем плане, а именно так, как она вырисовывается до конкретного, детального рассмотрения логики «Капитала». После конкретного рассмотрения «механизма» логики «Капитала» мы вернемся к проблеме исторического и логического, но уже на более глубокой основе и охарактеризуем типы совпадения и несовпадения исторического и логического, условия применения логического способа и т. д.

Для «Капитала» К. Маркса, для «Науки логики» Гегеля, для всякого исследования системы внутренне связанных сторон характерно, что на любой промежуточной ступени изложения и исследования обсуждаемая сторона системы не находит окончательного изображения ее специфической связи с другими сторонами системы и, следова-

тельно, она воспроизводится односторонне. Так, изложение учения о товаре и деньгах в первом разделе «Капитала» остается односторонним до тех пор, пока не понята вся система капитализма в целом. Метод изложения системы внутренне связанных сторон на каждом промежуточном этапе «ставит ловушки» неискушенному читателю, уверенному в том, что он в изложении диалектически мыслящим автором той или иной отдельной стороны системы уже должен получить окончательное знание о ней (стороне). Каждая экономическая категория приобретает значение категории исключительно в рамках цельной теории. Категория, будь то экономическая, химическая и т. д., словом, любая категория конкретной науки или логики становится категорией только в системе категорий. Вне системы категорий категория не есть категория. Это большой важности обстоятельство подчеркивали и Гегель, и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и В.И. Ленин. Весьма популярно выразил его Ф. Энгельс, говоря о главном открытии К. Маркса в области политической экономии, поставившем его на голову выше своих предшественников, о том новом, что внес К. Маркс в понимание прибавочной стоимости. Ф. Энгельс приводит пример из истории химии. Еще в конце XVIII в. господствовала флогистонная теория. В 1774 г. Пристли, а затем Шееле открыли кислород – вещество, свободное от флогистона (предполагаемого горючего материала, отделяющегося от горящего тела). Однако они не поняли, что их открытие противоречит господствующей теории. «Но вскоре после этого Пристли... сообщил о своем открытии Лавуазье, и Лавуазье, руководствуясь этим новым фактом, вновь подверг исследованию всю флогистонную химию и впервые открыл, что новая разновидность воздуха была новым химическим элементом, что при горении *не* таинственный флогистон *выделяется* из горящего тела, а этот новый элемент *соединяется* с телом, и таким образом, он впервые поставил на ноги всю химию, которая в своей флогистонной форме стояла на голове»¹². И далее Ф. Энгельс указывает, что Пристли и Шееле, следовательно, лишь *описали* кислород. Понимание ими кислорода не было теоретическим, не было категориальным, а потому оставалось неизвестным и то, что описывалось. Теория прибавочной стоимости Маркса относится к учению классиков буржуазной политической экономии как открытию Лавуазье к открытию Пристли и Шееле. Существование прибавочной стоимости и ее состав (неоплаченный труд) были известны и до К. Маркса. Но Маркс первый понял, что этот факт есть ключ! для объяснения капитализма, рычаг для переворота всей экономической науки. «Руководствуясь этим фактом, он исследовал все установленные до него категории, как Лавуазье, руководствуясь открытием кислорода, исследовал прежние категории флогистонной химии»¹³. В просе этого исследования была впервые выделена в «чистом» виде и сама категория прибавочной стоимости.

То обстоятельство, что раскрытие и оправдание категорий логики, ее содержания и метода может быть дано исключительно изложением всей науки логики, неоднократно подчеркивалось уже Гегелем. Но Гегель усматривал в этом ее специфику. Между тем упомянутое обстоятельство есть черта, присущая всем наукам на теоретической стадии их развития. Достаточно глубокая трактовка этой черты невозможна без понимания проблемы исторического и логического. Соотношение логической и исторической последовательности в логической системе в общем то же

самое во всякой науке, систематически представляющей внутренне связанные стороны предмета. С одной стороны, последовательность системы логических категорий совпадает с исторической последовательностью их появления. Так, непосредственное знание возникает исторически и индивидуально до опосредованного знания. Далее, необходимо прежде знать сущность и только тогда становится возможным просвещение ею поверхности предмета и понимание единства сущности и явления. С другой стороны, последовательность системы логических категорий не совпадает полностью с исторической последовательностью их появления. В системе логических категорий в целом каждая категория существует одновременно с Другими. Например, непосредственное знание и в эпоху Гегеля, и в эпоху К. Маркса, и в нашу эпоху всегда является лишь одним моментом знания, оно находится во внутреннем единстве с опосредованным знанием. Если мы рассматриваем систему логических категорий с точки зрения сознательно-диалектической стадии развития мышления человечества, то в целом в мышлении **одновременно и во внутреннем подвижном единстве** имеются и категория бытия, и категория сущности, и категория явления, и категория действительности. Задача заключается в том, чтобы понять место и роль каждой категории именно в данной, исторически определенной системе категорий, а не так, как она существует вне и до этой системы. Логически последовательное изложение логических категорий неизбежно должно представлять **одновременно и во внутреннем единстве** существующие логические категории одну за другой. Поэтому каждая категория получает свое полное изображение лишь в развертывании всей системы логических категорий. Следовательно, нельзя требовать полного выяснения и обоснования содержания той или иной логической категории, когда речь идет только о ней.

Если К. Маркс выполнил гигантскую работу по материалистическому осмыслению системы диалектического мышления в процессе создания целой конкретной науки – марксистской политэкономии капитализма, то его главная теоретическая задача все-таки заключалась прежде всего в экономическом обосновании неизбежности гибели капитализма и необходимости свершения социалистической революции. Вопросы системы диалектического мышления решались постольку, поскольку это требовалось для исследования центральной проблемы, но не специально. В настоящее время, когда связи экспериментов, наблюдений, описания с теорией и строение самих теорий конкретных наук необычайно усложнились, когда в силу гигантского роста конкретных знаний стало чрезвычайно трудным делом для ученого удерживать в голове связь целого, в настоящее время специальное исследование системы внутренне связанных логических категорий и вооружение ученых конкретных наук систематическим сознательно-диалектическим пониманием логических категорий превратилось в одну из самых актуальных проблем. Хочется еще раз подчеркнуть, чтобы устранить недоразумения: речь идет об исторически определенной системе логических категорий, а именно о той логической системе, которая действует в научном мышлении тогда, когда развитие конкретных наук породило потребность в сознательной диалектике, базирующейся на систематическом и детальном изучении предметов конкретных наук.

Логика «Капитала» К. Маркса не лежит на поверхности этого величайшего произведения, ее выделение требует особого труда. На одно из важнейших условий успешности такого труда указывал В. И. Ленин: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштуди-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. - С. 19-20.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. - С. 20.

ровав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!»¹⁴. В гениальных ленинских «Философских тетрадах» развернуто даны принципы специального исследования логики «Капитала» в связи с логикой Гегеля. Основываясь на этих принципах, на специальных высказываниях и рассуждениях К. Маркса и Ф. Энгельса, привлекая материал «Капитала», советские исследователи создали ряд весьма ценных трудов по диалектике, логике «Капитала»¹⁵. Эти труды представляют собой значительный шаг на пути изучения непревзойденного образца исследования законов и категорий диалектики в процессе изложения целой конкретной науки.

В предлагаемой работе мы стремимся в меру своих сил способствовать решению следующей еще не решенной проблемы: представить объективную логику «Капитала» в сравнении с объективной логикой Гегеля как **систему** субординированных, внутренне связанных категорий путем выявления их из детального рассмотрения экономического материала «Капитала», взятого в его квинтэссенции, а не в качестве суммы примеров. Автор пытается, во-первых, рассмотреть **«механизм» объективной диалектической логики**, как он может быть выведен из исследования логики «Капитала»; во-вторых, дать обобщенное понимание логики «Капитала», основанное на подробном изучении этого произведения. **Эта логика и будет, на наш взгляд, объективной диалектической логикой вообще, развитой из ее внутренних связей. Другими словами, такая логика есть изображение систематического мышления о диалектическом объекте.** Важно иметь в виду, что мы рассматриваем логику в «чистом» виде. Действительно же действующее мышление человечества никогда не существует в «чистом» виде, а всегда модифицируется привходящими обстоятельствами. Так, даже самое развитое мышление существует, в конечном счете, в качестве момента материальной преобразующей общественной деятельности в единстве с чувственным познанием. Следовательно, действительное мышление не может быть изучено одной лишь наукой логики. Но, тем не менее, логика имеет свою «сферу влияния» в исследовании мышления. А именно, она рассматривает лишь специфику мышления, мышление в его отличии и от материальной общественной практики и от чувственного познания. Однако специфика мышления не есть нечто совершенно самостоятельное, изначальное. Специфика мышления есть отражение материальной общественной практики, отражение, взятое в «чистом» виде и в категориальном плане. Следовательно, выделить его специфику в «чистом» виде – значит изучить категории как таковые. Кроме того, объект мышления дан в мышлении в «чистом» виде только там и тогда, где и когда мышление абсолютно истинно отражает объект. Субъективная логика также имеется в «чистом» виде лишь в абсолютно истинном мыслительном воспроизведении объекта. Таким образом, чтобы исследовать исключительно специфику мышления, необходимо пред-

положить, что субъект в процессе отражения приходит к абсолютному совпадению с объектом. Только процесс исследования, завершающийся абсолютным знанием о предмете, есть процесс исследования в его «чистом» виде. Но это лишь временное предположение, строительные леса, которые убираются, когда здание построено. Ибо, рассмотрев мышление как таковое, следует понять связь мышления с чувственным познанием, происхождение мысли из материи и т. д. Такой подход с неизбежностью «снимает» предположение об абсолютном совпадении субъекта и объекта в результате мышления, «снимает» и результаты односторонне логического исследования мышления. Тем не менее односторонне логическое изучение мышления, т. е. рассмотрение мышления в «чистом» виде, служит необходимым этапом изучения мышления, только пройдя его, возможно воспроизвести действительное мышление и действительность мышления. Трагедия Гегеля заключалась не в том, что он принял принцип тождества мышления и бытия, но в том, что этот принцип не был осмыслен правильно, не был интерпретирован как простое **предположение**, необходимая временная идеализация. Частное предположение об абсолютном совпадении субъекта и объекта в результате мышления, вводимое с необходимостью на этапе односторонне логического исследования мышления, Гегель понял как абсолютное, непреходящее, как принцип абсолютно завершенной картины мира, что, между прочим, и породило всю его умозрительную, идеалистическую конструкцию. Это один из важнейших гносеологических корней идеализма Гегеля.

Ниже мы стремимся представить в «чистом» виде систему диалектической логики так, как она содержится в первых трех томах «Капитала» К. Маркса. Последующее строение работы таково: прежде всего рассматривается «механизм» способа восхождения от абстрактного к конкретному. Этот **«механизм»** заключается в движении мышления от непосредственного знания к сущности самой по себе и от сущности как таковой к явлению и действительности¹⁶. Названное развитие мысли охватывает первые три тома «Капитала» и образует большой виток спирали. В свою очередь отрезок большого витка спирали – этап непосредственного знания, которому в «Капитале» соответствует изложение учения о товаре, деньгах и превращении денег в капитал, – этот отрезок сам является витком, малым витком спирали. Логический **«механизм»** малого витка спирали тот же, что и логический **«механизм»** большого витка с тем основным различием, что малый виток воспроизводится как подчиненный большому витку и потому в сравнительно сокращенном и до известной степени преобразованном виде. Большой виток спирали содержит отрицание самого себя, исторические предпосылки более развитого предмета. Затем рассматривается процесс восхождения в целом. И, наконец, мы переходим к отношению восхождения (от абстрактного к конкретному) к действительному развитию предмета, т. е. к проблеме исторического и логического. Здесь выделяется несколько типов совпадения и несовпадения исторического и логического, поскольку они выступают в сфере объективной логики. Следует особенно подчеркнуть, что развертывание изложения

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. – С. 162.

¹⁵ См.: Розенталь М.М. Вопросы диалектики в «Капитале» К. Маркса. М., 1956; Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967; Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960; Маньковский Л.А. Логические категории в «Капитале» К. Маркса // Уч. зап. Московского пед. ин-та им. В.И. Ленина. 1962. № 179; Тилухин В. Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса // Труды Омского сельхоз. ин-та им. С.М. Кирова. 1961. Т. XIV, серия философия; Оруджев З.М. К. Маркс и диалектическая логика. Баку. 1964.

¹⁶ Такое понимание восхождения от абстрактного к конкретному отличается от общепринятого. Обычно сводят восхождение от абстрактного к конкретному к движению мысли от сущности к явлению. Мы полагаем, что восхождение от абстрактного к конкретному как к единству многообразных определений охватывает оба отмеченных вида движения мысли, по в их «чистом», закономерном виде.

в предлагаемой вниманию читателя работе происходит путем **постоянного, строгого и детального следования за ходом развития экономической теории в «Капитале» К. Маркса**. Подробно анализируя этот экономический материал, мы пытаемся выкристаллизовать в нем логическую структуру, логические категории, их связи, переходы, прослеживаем, как углубляются и развиваются логические категории, их связи, отношения по мере развертывания в

«Капитале» политэкономии капиталистического общества. Поэтому мы всегда отмечаем, от каких сторон экономики капитализма и к каким ее сторонам К. Маркс движется в «Капитале», как конкретно, экономически он их воссоздает, и только на этой основе делаем попытку выделения соответствующего логического движения мысли Маркса. Логическое рассмотрение не предшествует экономическому, а выводится из него.

В. А. Вазюлин

Москва, Россия.

Доктор философских наук

профессор, руководитель Международной

логики-исторической школы

ОТВЕТ С. И. РУДАКОВУ

ПЕРВОЕ

С. И. Рудаков говорит о том, что «многие аспекты «Логики «Капитала» пока упрощаются, в том числе и в вазюлинской «Логике». И в доказательство приводит один следующий пример: «Так, например, ученый пишет: «Сущность характеризуется как двойственный процесс: процесс труда (предпосылка в сфере сущности) и процесс возрастания стоимости (собственно сущность)». Представляется, однако, – комментирует С.И. Рудаков, – что предпосылка сохраняется в сущности не как процесс труда, а как процесс производства товара. Тем более, что сам проф. Вазюлин пишет: «Но если потребительные стоимости – сторона предпосылки, находящаяся в сфере бытия капитала, то процесс производства потребительной стоимости есть та сторона предпосылки, которая существует в сфере сущности».

В тексте «Логики «Капитала» Карла Маркса» было пропущено одно слово, там, где написано «предпосылка в сфере сущности», следовало написать: «предпосылка **предпосылки** в сфере сущности». Именно такое понимание и выражается в целом в тексте книги: предпосылка капитала (или, говоря в строго логическом аспекте, простейшее отношение капитала) снимается в сфере сущности капитала, причем **двойственность предпосылки** (здесь равно: простейшего отношения) капитала снимается в сфере сущности капитала **в двойственности сущности** капитала.

Двойственность простейшего отношения капитала (потребительная стоимость и стоимость, т. е. бытие и сущность товара) снимается в двойственности сущности капитала (процессе труда и процессе возрастания стоимости).

Или, если выразить сказанное чисто логически, то следует сказать так: бытие предмета снимается в сущности предмета, двойственность бытия предмета снимается в двойственности сущности (бытие бытия предмета или, менее строго, но более доступно говоря, – предпосылка предпосылки предмета), снимается в несущественной стороне сущности, а сущность бытия предмета, или сущность предпосылки предмета, снимается в существенной стороне сущности. Здесь, между прочим, можно фиксировать, что сущность предмета содержит в себе свое иное в двух отношениях: во-первых, свою предпосылку в снятом виде, и, во-вторых, снятую предпосылку своей предпосылки.

ВТОРОЕ

Создается устойчивое впечатление, что С. И. Рудаков отождествляет логический и исторический аспекты рассмотрения предмета. Он говорит: «Формирование человеческого общества (его **явленческая** стадия), с точки зрения ученого, охватывает рабовладение, феодализм и капитализм. Наконец, **зрелость** человеческого общества (его **действительность**) есть коммунизм» (подчеркнуто **В. В.**).

Тут формирование отождествляется с явлением, а зрелость предмета – с его действительностью. Историческое, исторический способ исследования и изложения сводятся к логическому, к логическому способу исследования и изложения.

На мой взгляд, и поверхность, и сущность, и явление, и действительность приобретают вполне развитый вид лишь на стадии зрелости предмета и в «чистом», во вполне логически последовательном виде категории «поверхность», «сущность», «явление», «действительность» представляют собой отображение предмета на стадии его зрелости. История же предмета – ближайшим образом и на прогрессивном этапе его развития – включает в себя стадии подготовки (начала развития) предмета, первоначального возникновения сущности, формирования, зрелости предмета. И поверхность, и сущность, и явление, и действительность развиваются, а не возникают сразу в готовом виде на зрелой стадии. В истории предмета не происходит так, что сначала образуется, например, сущность, но совсем отсутствует ее явление и действительность и так далее.

И в дальнейших утверждениях С.И. Рудакова присутствует упомянутое отождествление: «Однако применение логической схемы «Капитала» к истории в целом обнаруживает и ряд дискуссионных проблем. Прежде всего, коммунизм как **зрелость** общества, как его **действительность** (подчеркнуто **В.В.**) оказывается как бы наполовину в рамках самой предыстории. Ведь если сам товар как начало капитала подчиняется логике поверхности, сущности, явления и действительности и только потом происходит переход к собственно сущности предмета, каким является капитал, то в «Логике истории» предыстория как становление человеческого общества фактически включает в себя и коммунизм.

Во-первых, перенесение «логической схемы» «Капитала» К. Маркса (поверхность – сущность – явление – действительность) на рассмотрение истории человечества в целом было бы применением собственно логического способа там, где должен применяться исторический или, если угодно, логико-исторический.

При написании «Логике истории» было необходимо, **основываясь на логической системе «Капитала» К. Маркса, выйти за ее пределы. Выделение стадий развития и означало этот выход.** Логическое и историческое, логический и исторический способы исследования и изложения едины, но вместе с тем не сводимы друг к другу, как минимум **отличаются** друг от друга.

Во-вторых. По поводу того, что «если товар как начало капитала подчиняется логике поверхности, сущности, явления и действительности и только потом происходит переход к сущности предмета, каким является «Капитал», то в «Логике истории» предыстория как становление человеческого общества фактически включает в себя коммунизм».

На мой взгляд, стоит исходить не просто из аналогии, а, основываясь на логике «Капитала» К. Маркса, стремиться развить ее, соотносясь с иным, нежели в «Капитале» К. Маркса предметом.

В «Логике истории» предметом рассмотрения является человеческая история, человеческое общество (главным образом в его прогрессивном развитии) в целом. Чтобы понять человеческое общество в целом, необходимо взять его в соотношении не с теми или иными историческими формами, стадиями развития общества, а в соотношении с природой.

Общество, человечество, в конечном счете, возникает из природы и представляет собой новую, более высокую стадию развития по отношению к природе. Если предметом рассмотрения служит обще-

ство в целом, общество, человечество по отношению к природе, то стадия подготовки (начала) возникновения общества, человечества, то есть стадия, **предшествовавшая** стадии первоначального возникновения сущности общества, человечества совершалась **в недрах** природы до образования собственно общества, человечества. Такой стадией и была стадия антропосоциогенеза.

А первая историческая форма **общества** (в отличие от **природы**) – первобытнообщинный строй.

Последующие исторические формы общества – это этапы, стадии преобразования новой сущностью унаследованной, т. е. **природной** основы, преобразование новой сущностью как окружающей природной среды, так и природы самих людей. Коммунизм есть зрелое общество прежде всего в том смысле, что новая сущность (сущность общества, человечества) овладевает природными основами своего существования и развития, создает адекватную себе основу в отличие от девственной природы, в отличие – ближайшим образом – от животного мира, в котором важнейшим является борьба за выживание, за удовлетворение жизненных необходимых биологических потребностей.

В «Логике истории» предпринята попытка рассмотреть ход – главным образом прогрессивного – развития человечества в целом (и структуру, строение человеческого общества, насколько это представлялось возможным на нынешней ступени развития человечества).

Но я совсем не исключаю, а напротив, считаю необходимым исследование с точки зрения логико-исторической, в качестве относительно самостоятельного предмета изучения **классового общества**.

Если предметом исследования становится не общество, человечество в целом, а **классовое** общество, то тогда, по моему мнению, первобытное общество выступает как стадия подготовки (начала), рабовладельческое общество как стадия первоначального возникновения сущности классового общества, феодализм как стадия формирования, а капитализм как стадия зрелости классового общества.

Если С. И. Рудаков полагает, что «только с рабовладением возникает сущностная стадия общества, тогда как в первобытном обществе социальное лишь начало зарождаться», то он, на мой взгляд, смешивает два предмета рассмотрения – общество в целом и классовое общество, более того, фактически, неосознанно **сущность общества, взятого в общем и целом, сводится к сущности классового общества**.

Иначе говоря, сущность классового общества в сознании С.И. Рудакова предстает как сущность человеческого общества, взятого в целом.

По моему мнению, один из источников сведения сущности человеческого общества в целом к сущности классового общества заключается в **исторической** (подчеркиваю – исторической, а не личной) ограниченности той стадии, формы марксизма, которая была возможна в эпоху К. Маркса, хотя в явном виде в трудах К. Маркса не обнаруживается.

К. Маркс и Ф. Энгельс вполне закономерно при рассмотрении истории человечества выделяли доклассовое, классовое, бесклассовое общество. Совершенно естественно, что точкой отсчета служило классовое общество.

В ту эпоху складывались **только исторические предпосылки** коммунистического общества, не наступила даже стадия первоначального возникновения сущности коммунистического общества. Поэтому коммунистическое общество можно было рассматривать главным образом путем **отрицания** существующей и существовавшей истории классового и доклассового общества. При таких объективных исторических условиях было очень вероятно, а, по-моему, просто необходимо значительное, существенное неразличение друг от друга сущности классового общества и сущности общества, взятого в целом.

В современную эпоху различение их возможно на более глубоком уровне, чем в эпоху К. Маркса.

ТРЕТЬЕ. О структуре общества

«Еще более дискуссионным, – говорит С.И. Рудаков, – представляется применение логической схемы «Капитала» к толкованию структуры общества». И далее речь идет о трех идеях: Во-первых, о простейшем отношении. «В качестве простейшего отношения – «клеточки» общества – В.А. Вазюлин выделяет его биологическое бытие». Не буду пересказывать то, что по этому вопросу я написал в «Логике истории», скажу лишь, что, говоря о простейшем отношении общества, имею в виду не просто **биологическое бытие**, но **биологическое бытие человека**.

А между просто биологическим бытием и биологическим бытием человека существует существенное различие. Для пояснения проведем аналогию с «Капиталом» К. Маркса. К. Маркс начинает рассмотрение **товара** с потребительной стоимости. Однако потребительная сто-

имость существовала **до** появления товара и сохранится **после** его исчезновения.

Между тем потребительная стоимость в «Капитале» К. Маркса выступает как простейшее отношение именно товара. В чем тут дело? Дело заключается в том, что К. Маркс берет потребительную стоимость не саму по себе в отрыве от товара, а анализирует потребительную стоимость только в том отношении, в каком она есть **сторона товара**.

Он выделяет – при рассмотрении потребительной стоимости как стороны товара – **только** то, что «товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности»¹. От всего остального К. Маркс отвлекается: «Природа этих потребностей, – порождаются ли они, например, «желудком или фантазией – ничего не изменяет в деле (К. Маркс имеет в виду обмен товаров, взятый в чистом виде – **В. В.**). Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства»². Аналогично обстоит дело и с простейшим отношением человеческого общества. Еще раз подчеркну: речь идет не просто о биологическом, а о биологическом бытии **человека**.

Во-вторых, дискуссионной, двойственной кажется С.И. Рудакову трактовка в «Логике истории» надстройки: «...если сущность – материальная деятельность и материальные отношения, – говорит он, – то не может она разворачиваться в нематериальное явление и нематериальную действительность (имеются в виду, говоря словами С.И. Рудакова, «надстройка и социальная сфера с ее нематериальной стороны»).

Что можно коротко сказать об этом? Тут опять-таки имеет место отождествление разных аспектов. Конечно, материализм и идеализм противоположны, взаимно исключают друг друга. Но если подходить к материализму и идеализму только как к чему-то раз и навсегда данному, то становится невозможным объяснить происхождение этого отношения, происхождение, в том числе идеализма, превращения идеализмом идей в нечто первичное, изначально вечно существующее, становится невозможным объяснить происхождение идей. И

¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., II-е издание. Т. 23. С. 43

² Там же.

материалистическая позиция при таком подходе превращается в свою противоположность. В «Логике истории» речь идет о структуре общества главным образом как о существующей в «снятом» виде **генетической** связи разных сторон, сфер общества, т. е. предмет рассматривается не в логическом аспекте, взятом в отрыве от исторического, а в логико-историческом плане, во внутреннем единстве логического и исторического подходов, способов. Дальнейшее и весьма важное, на мой взгляд, по этому вопросу будет сказано чуть позднее.

ЧЕТВЕРТОЕ

Совсем неприемлемой считает С. И. Рудаков идею о снятии материалистического понимания истории. С его точки зрения может быть либо материализм, либо идеализм, и не может быть ничего третьего.

Здесь опять-таки проявляется позиция человека, сознание которого «захвачено в плен классовым обществом». Это с моей стороны не обвинение в адрес С.И. Рудакова, а констатация того, что классовое общество воздействует не только на идеи, мысли, сознание его защитников, но и на идеи, мысли, сознание марксистов. Это констатация представления, практически безраздельно господствовавшего и господствующего среди марксистов (о немарксистах и говорить не приходится), соответствующего эпохе К. Маркса, но подлежащего изменению в настоящее время.

В самом деле. Разделение на материализм и идеализм возникло с появлением разделения труда на физический и умственный. Разделение на физический и умственный труд не существовало в доклассовом, а возникло в классовом обществе.

Именно на почве разделения (и тем более противоположности и противоречия) физического и умственного труда возникло и развилось различие (противоположность, противоречие) материализма и идеализма.

В процессе развития коммунистического общества, когда будет «снято» различие (а тем более противоположность и противоречие) физического и умственного труда, соответственно, будет «снято» и различие (противоположность и противоречие) материализма и идеализма.

«Снятие» различия (противоположности, противоречия) материализма и идеализма произойдет, на мой взгляд, совсем не в том смысле,

что сохранится и то и другое, а произойдет их примирение, но в том смысле, что **сама реальная жизнь общества не будет порождать объективные и субъективные иллюзии** об абсолютно самостоятельном существовании сознания, идей, мыслей, представлений, чувств... об их первичности, о принципиальной непознаваемости мира. Основной философский вопрос перестанет быть **вопросом**.

В «Логике истории», написанной в конце 70-х – начале 80-х годов теперь уже прошлого столетия, при всем желании нельзя было четко и однозначно высказать идею о «снятии» материализма и идеализма, о вызревающих предпосылках и условиях коренного изменения развития философии (и вообще развития наук), о том, что разделение на материализм и идеализм, развитие философии (и вообще развитие наук) предстает существенно иначе с точки зрения зрелого человеческого общества, чем с позиций классового общества (как его утверждения, так и преимущественного его отрицания).

В. А. Вазюлин

Москва, Россия.

Доктор философских наук

*профессор, руководитель Международной
логики-исторической школы*

Ответы на вопросы

Прежде чем перейти к ответам на вопросы, еще раз о моем отношении к материалистическому пониманию истории.

Великое открытие материалистического понимания истории К. Марксом было сделано тогда, когда классовое общество достигло своей зрелости и когда капитализм – зрелая стадия классового общества в свою очередь вступил в зрелую стадию. Именно в эту эпоху соотношение физического и умственного труда, с одной стороны, перешло на зрелую стадию своего противостояния, а с другой стороны, стали образовываться исторические предпосылки исчезновения противоположности (и противоречия) физического и умственного труда.

Материалистическое понимание истории было (и остается) философской, методологической основой теории – главным образом – **отрицания** капиталистического, а также докапиталистического общества и практической борьбы против классового и в первую очередь против капиталистического строя.

Но со времен К. Маркса произошли коренные изменения в истории человечества. Хотя капитализм, классовое общество продолжают существовать, однако вместе с тем в XX веке в ряде стран произошли социалистические революции и эти страны пошли по социалистическому пути развития. И некоторые из них существуют до сих пор, до сих пор идут по социалистическому пути.

Таким образом, «в порядок дня» прогрессивного человечества встал вопрос не только об отрицании капитализма, но и о созидании социализма.

Решение проблем, связанных с созиданием социализма, необходимо предполагает существенное развитие теории и ее методологической основы.

Для созидания первой фазы **коммунизма** – социализма – необходимо стать на позицию главным образом **не отрицания** капитализма и даже всего классового общества, а на позицию **утверждения** новой, зрелой стадии развития человечества в целом.

С этой же позиции необходимо диалектическое «снятие» (диалектическое «снятие», напомню, есть преобразование существующего, при котором сохраняются в преобразованном виде все действительные достижения, имеющиеся ко времени преобразования) материалистического понимания истории, ибо на путях развития зрелой стадии человечества происходит **диалектическое «снятие» реальной основы этого понимания** – противоположности (и противоречия) физического и умственного труда. Диалектически «снимается» противоположность (и противоречие) материализма и идеализма, ибо по мере исчезновения противоположности (и противоречия) физического и умственного труда исчезает иллюзия об абсолютной самостоятельности сознания, мышления, идей, чувств от материальной жизни общества, исчезает объективная видимость абсолютно самостоятельного, первичного существования сознания, мышления, идей, чувств. А значит, исчезает и необходимость борьбы с этой иллюзией, с этой объективной видимостью.

Об альтернативности истории

Сейчас довольно широко распространено мнение о том, что историю нельзя сводить к закономерностям, к законам, а необходимо учитывать ее альтернативность.

Конечно, учитывать и исследовать альтернативность истории важно, но сначала с необходимостью приходится выделять закономерный ход истории. Если не выделить сначала закономерный ход истории, то нельзя понять действительную роль исторических случайностей, альтернативности развития человечества.

Так, сейчас перед человечеством стоит альтернатива: либо погибнуть, либо перейти, хотя и в течение длительного времени, к коммунизму. Третьего пути не дано.

Ни сформулировать, ни осознать эту альтернативу, ни предвидеть наиболее вероятный путь развития без изучения закономерного хода истории человечества невозможно. Если же принять во внимание исторический процесс в целом, то можно понять, что он закономерно идет, с одной стороны, к обострению противоречия между обществом и приро-

дой, к обострению противоречий внутри общества, внутри человечества, а с другой стороны, закономерно же образуются и вызревают возможности для разрешения этих противоречий на путях перехода к зрелой стадии развития человечества.

Следует особо подчеркнуть, что при переходе к зрелой стадии развития человечества и в ее дальнейшем развитии существенно более важную роль играет осознание этого процесса, по сравнению с ролью сознания в развитии человечества на его предшествующих стадиях: развитие коммунизма имеет своей необходимой предпосылкой осознание процесса развития человечества в целом. Это не чья-то прихоть, а именно необходимость. Она уже существует и дает о себе знать.

Уже не первый год и не первое десятилетие дает о себе знать отсутствие соответствующего современности по уровню и характеру разработанности теоретического понимания стратегических целей коммунистического движения.

В программах Коммунистических партий либо воспроизводится понимание стратегических целей на уровне, соответствующем прежним эпохам истории, либо действительное развитие марксизма подменяется псевдоновациями, не имеющими ничего общего с марксизмом.

Как раз накануне я смотрел новую работу Г.А. Зюганова о глобализме и перспективах мировой истории. По существу, это те же представления, которые были выражены в его прежних трудах: тот же эклектизм, то же стремление – возможно малоосознанное – совокупить принципиально несовместимые по своей социальной природе идеи, представления друг с другом, та же, мягко говоря, недостаточная обоснованность выдвигаемых положений и т. д.

На мой взгляд, нельзя считать, что такая, с позволения сказать, теория может быть основной для стратегических целей Коммунистической партии. Ведь речь идет ни много, ни мало, – о том, выживет ли человечество или не выживет, каковы пути и способы его выживания, каково будущее человечества. А тут нам предлагают некую несъедобную смесь.

Ныне есть много сомнений в том, что коммунизм осуществим, что человечество, в конце концов, должно к нему придти. Связаны эти сомнения в немалой степени с тем, что сомневающиеся плохо представляют глубину и направленность тех преобразований, которые совершаются в жизни современного человечества и будут совершаться в

ближайшие десятилетия и даже столетия. И поэтому, думают, что если бы коммунизм был возможен, то весь процесс должен был совершаться гораздо быстрее.

На самом деле, уже только **переход** человечества на зрелую стадию своего развития – это такой величайший перелом в истории, который сравним с переходом от доклассового к классовому обществу. Переход от доклассового общества к классовому происходил в течение **тысячелетий**. Если учесть ускорение хода истории, то и тогда переход от классового общества, от незрелого человечества, от незрелого общества к зрелому займет не одно столетие.

Я отнюдь тем самым не становлюсь на позиции меньшевиков в их борьбе с большевиками.

Борьба большевиков и меньшевиков носила конкретноисторический характер. И большевики, и меньшевики опирались на действительно существовавшие исторические тенденции, но эти тенденции были поняты ими как оторванные друг от друга, что было неизбежно, так как тенденции действительно противоречили друг другу, объективные противоречия были крайне острыми.

Большевики, на мой взгляд, были совершенно правы в том смысле, что объективные условия для совершения социалистической революции в России имелись, сложилась и революционная ситуация. Надо было брать власть.

В этом отношении меньшевики, отвергавшие позиции большевиков, были в корне неправы.

То же самое относится и к строительству социализма в нашей стране. Надо было строить социализм.

Вместе с тем и меньшевики были в некоторой степени правы, указывая на недостаточность развития производительных сил и на вытекающие отсюда следствия для движения нашей страны по социалистическому пути. Большевики, отвергая взгляды меньшевиков, не учитывали то «рациональное зерно», которое в них заключалось. Например, В. И. Ленин в одной из последних статей, а именно в статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)», говорит, по существу, следующее: Суханов утверждает, что в России недостаточно развиты производительные силы. А кто знает, какие производительные силы нужны? При наличии власти в наших руках (в руках рабочего класса – **В.В.**) мы их разовьем!

Но, во-первых, если смотреть с точки зрения «Капитала» К. Маркса, то уже тогда можно было предвидеть, какой уровень и характер производительных сил необходим.

Во-вторых, полное отрицание большевиками наличия в позиции меньшевиков «рационального зерна» означало, что в позиции большевиков существовало недопонимание отрицательных сторон движения нашей страны по социалистическому пути, а такое недопонимание внутренне связано с недооценкой опасностей для движения страны по социалистическому пути, опасностей, таящихся в самой специфике переживаемой стадии развития, в самой специфике **этого** исторического движения.

Для объективной оценки большевиков и меньшевиков необходимо принять во внимание следующее: условия для социалистической революции и создания нового общества – если брать их в целом, не различая ранние и поздние социалистические революции, ранний и поздний социализм, – **созревали, т. е. они уже были, они уже созревали и их (как зрелых) еще не было.**

Когда перед рабочим и коммунистическим движением в России в начале XX века встал вопрос: «Брать власть или нет?», а затем: «Строить социализм в одной отдельно взятой стране или нет?», то ответ мог быть только однозначным: Да, брать. Да, строить. Иначе дезорганизуется движение, не используются возможности, которые, **несмотря на их противоречивость, уже существовали.**

Вместе с тем есть большая опасность, о чем писал К. Маркс в «Немецкой идеологии»: если коммунисты возьмут власть, когда не будет для этого условий, то возродится «вся старая мерзость старого мира».

Трудность, сложность заключается в том, что условия для перехода к новому обществу и само новое общество не появляются сразу в готовом, зрелом виде, а в ходе более или менее длительного исторического **процесса** проходят стадии незрелости (и социализм есть **незрелый** коммунизм). Поэтому опасность возрождения «старой мерзости» сохраняется на всем его протяжении, становясь все менее вероятной по мере продвижения к зрелой стадии.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с точки зрения **общего закономерного хода истории.** Если рассматривать историю в аспекте единства исторических законов и исторических случайностей, то надо, с моей

точки зрения, выделить как определенный исторический период – период ранних социалистических революций и раннего социализма. Социалистическая революция и социализм в нашей стране относится к ранним. Гибель раннего социализма, поражение – в конечном счете – ранних социалистических революций весьма и весьма вероятны, хотя абсолютной необходимости в этом нет.

Но гибель, поражение ранних социалистических революций и гибель раннего социализма в тех или иных и даже во всех раннесоциалистических странах не может быть достаточным основанием для исторического пессимизма, для разочарования в возможности победы социализма и коммунизма в конечном итоге.

Любой переход от одной формации к новой, более прогрессивной формации является чередой побед и поражений. Как, например, утверждались рабовладельческие государства? Когда начинали созревать рабовладельческие отношения, внутри них обнаруживались противоречия рабовладельческого общества, соседние варвары их уничтожали, так как их сообщества были более прочными.

Возвышение рабовладельческих государств и падение их под ударами варваров происходило в истории много раз.

А если мы возьмем переход от феодального общества к капиталистическому, то и тут буржуазные революции не раз терпели поражение. Более того, имели место период ранних и период поздних буржуазных революций.

То, что в одной стране или в нескольких странах потерпело или потерпит поражение социалистическая революция или погибнет социализм, отнюдь не доказывает, что социализм как таковой, как стадия в развитии человечества потерпел окончательное поражение. Из поражений необходимо выходить обновленными. И это будет неизбежно.

Я перехожу, пожалуй, к последнему пункту выступления. Здесь прозвучало отрицание того, что в нашей стране был ранний социализм, и утверждение, что это был социализм утопический.

Что касается утопического социализма.

Утопический социализм, исходя из смысла слова утопия (фантазия, неосуществимая мечта) может существовать только в фантазии. Хотя это не исключает полностью влияние фантазий, иллюзий и т. п. на поведение людей. Но построить реальное утопическое общество просто невозможно.

А теперь о том, был ли в нашей стране ранний социализм. У нас в стране производительные силы – меньшевики в этом отношении были правы – не созрели для созидания такого социализма, который вот-вот перейдет к коммунизму. Но неправы они были в том отношении, что не понимали (как и большевики): процесс созревания условий – это процесс, проходящий разные стадии.

Производительные силы развивались неравномерно. Ряд отраслей был на самых передовых в мире позициях, но в то же время у нас было 45 % ручного труда, а в строительстве – намного больше. Ручной же труд не адекватен даже развитым капиталистическим отношениям. Это одна черта раннего социализма. Другая черта раннего социализма заключалась в следующем.

В связи с тем, что социалистическая революция победила в одной стране, окруженной врагами намного ее превосходящими, и в условиях надвигавшейся второй мировой войны, строительство социализма должно было происходить в предельно сжатые сроки, в спешном порядке, с отвоением для социализма максимума «жизненного пространства».

Поэтому, несмотря на то, что производительные силы не были готовы к всеохватывающему и полному обобществлению, такое обобществление попытались осуществить. На это толкала главным образом, но не только жесточайшая внешняя необходимость. Упрекать в том никого нельзя! Но забегание вперед должно было сказаться и действительно сказалось.

Вообще при социализме – если брать его, как сказано, с точки зрения общего закономерного хода мировой истории, отвлекаясь от его конкретноисторических проявлений и от исторических случайностей – имеет место преимущественно формальное, а не реальное обобществление, подобно тому, как в развитии капитализма существуют две реальные эпохи – формальное и реальное подчинение труда капиталу.

Формальное обобществление при социализме, в частности, ведет к тому, что люди воспринимают государственную собственность как формально свою.

Если же в строительстве социализма происходит забегание вперед в процессе обобществления, то формализм обобществления усиливается. Соответственно, усиливается и отношение к государственной собственности как формально своей.

У нас в первой половине 80-х годов XX века – как сообщалось в «Правде» – было примерно 500 тысяч «несунов» (мелких расхитителей социалистической собственности). Если учесть, что раскрываемость такого рода деяний очень незначительна, то можно себе представить, какое огромное количество людей участвовало, пусть в мелком, но расхищении социалистической собственности. Это было противоречие между общественными и личными интересами. В той или иной степени оно сохраняется на протяжении всего социализма, но в раннем социализме это противоречие существует в усиленном варианте.

Итак. Ранний социализм¹ имеет две основные особенности: во-первых, ранний социализм возникает и развивается на не вполне адекватной для социализма материально-технической базе, и, во-вторых, ранний социализм возникает в условиях превосходства сил мира капитализма. Соответственно, эпоха позднего социализма начинается тогда, когда, во-первых, социализм начинает развиваться на вполне адекватной себе материально-технической базе, и, во-вторых, когда силы мира социализма начинают превосходить силы мира капитализма.

А вот теперь – ответы на вопросы. По поводу вопроса В. И. Шмакова о модели социализма, выстроенной на основе научной теории.

Развитие общества – естественноисторический процесс, люди – как доказал К. Маркс, – могут ускорить его или замедлить, но не отменить. Поэтому, прежде чем действовать и для того, чтобы успешно действовать, нужно познать законы этого процесса, закономерные стадии, которые он проходит. И если, предположим, он находится на незрелой стадии, то от того, что это нам не нравится, незрелость его не исчезнет по волшебству, а приходится с ней считаться как с объективной данностью.

Действительно, в исследовании социализма как незрелой стадии коммунистического общества нельзя **непосредственно и в полной мере** использовать всю систему диалектической логики «Капитала» К. Маркса.

Однако разочаровываться в существенном значении логики «Капитала» К. Маркса для исследования социализма не стоит.

Во-первых, логика «Капитала» К. Маркса – логика исследования и изложения зрелого предмета. А так как «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» (К. Маркс), то подобно этому логика исследова-

¹ Характеристика раннего и позднего социализма дается здесь впервые.

ния и изложения зрелого предмета есть ключ к логике исследования и изложения незрелого предмета.

Конечно, переход к выявлению логики незрелого предмета есть выход за пределы непосредственно логики «Капитала» К. Маркса, но такой выход, который исходит и основывается на логике «Капитала» К. Маркса.

Вместе с тем такой выход за пределы логики «Капитала» К. Маркса представляет собой не только переход к логике незрелого предмета, но и переход к более широкому и более углубленному пониманию логики «Капитала». Именно в соотношении с логикой незрелого предмета логика «Капитала» предстает не просто как логика исследования конкретного предмета вообще, а как логика **зрелого** предмета, т. е. как логика **одной из стадий** истории предмета (процесса и т. п.).

Таким образом, логика «Капитала» оказывается «моментом» более широкого и более углубленного понимания диалектической логики, логики истории предмета, в которой логика отображения зрелого предмета не есть то, к чему сводится вся диалектическая логика, а есть логика отображения **одной из стадий** развития предмета.

Во-вторых. Капитализм как одна из стадий предыстории (по сравнению с подлинной историей) человечества есть тоже одна из стадий **незрелого** человеческого общества. В таком отношении в эпоху К. Маркса капитал не мог быть исследован в полной мере.

Тем не менее, если по отношению к подлинной истории человечества капитализм был одной из незрелых стадий процесса развития человечества, то по отношению к **своей** истории капитализм во времена К. Маркса уже вступил в стадию своей зрелости.

Подобно этому социализм – **незрелая стадия подлинной истории**, но социализм может быть зрелым по отношению к **своей** истории, но имеет и будет иметь и стадию подготовки (начала), и стадию первоначального возникновения, и стадию формирования.

Следовательно, возможности и перспективы как предвидения развития социализма, так и изучения реально существующего социализма не столь пессимистичны, как может показаться.

В вопросе, заданном В. И. Шмаковым, содержится такая фраза: «Сегодня состоит проблема не в том, чтобы сказать: необходим социализм, коммунизм, – это все заклинания».

Да, если просто говорить: «Социализм, коммунизм необходимы», то тут нет проблемы.

Но доказывать, обосновывать необходимость социализма, коммунизма чрезвычайно важно.

Не буду говорить о том, что ныне не только враги социализма, коммунизма утверждают, что история хоронит социализм, коммунизм, не буду говорить и о том, что многие люди, не настроенные против социализма, коммунизма сомневаются в их необходимости, скажу лишь о том, что по самой сути **обоснование** необходимости социализма и коммунизма не есть то, что раз и навсегда дано и к настоящему времени абсолютно достигнуто, а представляет собой процесс. ***Обоснование необходимости социализма и коммунизма развивается по мере их изучения и развития.***

Далее автор вопроса говорит: «Это заклинания до тех пор, пока нет научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д.».

Прежде всего, я не могу принять в таком контексте термин «модель». Создается впечатление, что социализм и коммунизм можно конструировать. Общественная наука, все человечество, в том числе теоретики социализма и коммунизма, **по крайней мере еще** не находятся на таком уровне, чтобы было возможно **конструирование** развития общества.

Создание «научно выстроенной, теоретически продуманной модели и методов, механизмов и путей ее реализации, т. е. программы и т. д.» то же есть процесс, который не появляется сразу в виде «программы и т. д.».

В истории марксизма имеется, например, такая программа как «Манифест Коммунистической партии». Однако прежде чем К. Маркс и Ф. Энгельс смогли написать его, они прошли довольно сложный путь теоретического развития, ими были созданы ряд классических трудов, таких как «Святое семейство...», «Немецкая идеология» и др.

Так что же получается? До написания «Манифеста Коммунистической партии» они занимались одними заклинаниями?

Программа нужна и важна, но она не может быть создана без предшествующих ее написанию других этапов теоретической работы.

Вспоминается застарелая болезнь пренебрежения к теоретической работе. Особенно она была характерна для чиновников от идеоло-

гии, они полагали, что все и всегда готово для написания программы, достаточно собрать несколько человек на правительственной даче, и они смогут написать программу, «научно выстроенную, теоретически продуманную». Они не понимали, что с теоретической работой дело обстоит не так просто, что предвидение не появляется одновременно (тем более по предписанию начальства), а есть тоже процесс, что предвидение осуществляется на каждой из стадий теоретического процесса, на каждом этапе теоретической работы и углубляется по мере ее углубления. Программа же (и план действий) – завершающий этап этой работы.

На вопрос А. С. Барсова о труде, стоимости и потребительной стоимости при коммунизме можно сказать следующее.

Труд и стоимость отнюдь не одно и то же. К. Маркс впервые в истории человечества последовательно различил труд конкретный, создающий потребительную стоимость, и труд абстрактный, создающий стоимость. Стоимость – есть продукт абстрактного труда, воплощенный в продукте конкретного труда.

Труд абстрактный, как впервые показал К. Маркс, представляет собой **исторически определенное общественное отношение**. Он существовал в истории человечества не всегда и исчезнет с переходом к собственно коммунистической стадии подлинной истории человечества.

Потребительная стоимость берется К. Марксом в «Капитале» не сама по себе, а в связи с рассмотрением именно капитала, постольку, поскольку потребительная стоимость и создающий ее конкретный труд включаются в движение капиталистических производственных отношений.

Производство вещей, предметов, способных удовлетворять какую-либо потребность, т. е. производство потребительных стоимостей («потребительных полезностей») имеется в любом человеческом обществе, в том числе и коммунистическом.

Стоимости же и порождающей ее абстрактного труда на зрелой стадии коммунизма не будет.

Стоимостные отношения достигают при капитализме своего наивысшего развития. Вместе с тем при капитализме они постепенно и в определенной степени вытесняются, однако, сохраняя господствующее положение.

Иначе говоря, стоимость постепенно и в определенной степени вытесняется уже в рамках своего господства, в пределах капитализма. В общем и целом изживаются стоимостные отношения на уровне пред-

приятий. Цех с цехом не вступают в отношения обмена товаров, а происходит прямое распределение.

В период монополистического капитализма конца XIX-го – начала XX века прямое распределение в известной мере переходит на уровень монополий.

Образованием и распространением транснациональных корпораций аналогичный характер отношений образуется и на этом уровне.

Но речь может идти только о предпосылках исчезновения стоимости при капитализме, а не об уничтожении стоимости в целом, речь идет о законе-тенденции и притом именно на стадии подготовки (начала) исчезновения стоимости.

Что же касается тенденции к уменьшению стоимости в единицах произведенной конкретным трудом продукции, то К.Маркс ее исследует, когда рассматривает относительную прибавочную стоимость: переменный капитал по мере развития производительных сил в пределе стремится к нулю, а постоянный капитал – к бесконечности. Тем самым самодвижение капитала, которое и осуществляется переменным капиталом, создает себе пределы своего существования. Движение к этому пределу – при прочих равных условиях – бесконечно. Здесь видно, что капитализм автоматически не рухнет, а нужна сила, которая устранил капитализм. Условия для образования такой силы вызревают по мере развития капитализма. Впрочем, это уже специальная тема.

При каких условиях может быть преодолена стоимость?

Тогда, когда будет преодолена хозяйственная обособленность субъектов хозяйств. А что лежит в основе хозяйственной обособленности? Обособленность (в развитом виде противоположность и противоречие) разных видов труда, т. е., если воспользоваться принятым ныне словоупотреблением, разделение труда. О процессе преодоления разделения труда я надеюсь написать в будущем. Это тоже специальная и весьма сложная тема.

И, наконец, о соотношении необходимости и случайности в историческом процессе. Этот вопрос задавал А. В. Чусов.

Возникновение и развитие раннего социализма – естественноисторический (но не автоматически совершающийся) процесс. Он складывается как равнодействующая деятельности масс людей², деятельность которых совершается при определенных условиях.

² Каждый из них стремится удовлетворить свои потребности, преследует свои цели и т. д.

Естественноисторический процесс закономерен. Однако законы не абсолютны. К сожалению, отсутствует понимание того, что **сами законы проходят стадии своего развития, сами законы возникают, формируются, исчезают**. Если встать на такую позицию, то существенно меняется методология и форма развития. Случайность и необходимость не просто едины в своем различии, но на разных стадиях процесса развития сама их взаимосвязь развивается, проходя различные стадии.

Если мы рассмотрим ранний социализм, то увидим, что существует его и политическая, и экономическая необходимость, как существует и политическая, и экономическая необходимость ранней социалистической революции. В России, например, именно главным образом экономическая необходимость обусловила переход страны к раннему социализму: крайнее обострение экономических (и, конечно, политических) противоречий мирового капитализма, а также крайнее обострение экономических (и, конечно, политических) противоречий внутри нашей страны.

В. И. Ленин, на мой взгляд, достаточно убедительно показал, что преодолеть грозящую (экономическую прежде всего и главным образом) катастрофу можно было только на пути социалистического развития России.

Великая Октябрьская социалистическая революция ни в коем случае не заговор, не сугубо политическая акция, не опиравшаяся на экономическую необходимость, «Заговор», выражавший конкретные потребности широчайших масс населения, поддержанный ими, – на самом деле не заговор, а самая настоящая революция.

Революционное движение масс в России в 1917 г. было вызвано главным образом жесточайшими экономическими противоречиями, жесточайшей экономической нуждой, условия для преодоления этой нужды в России в определенной степени уже возникли.

С точки зрения развития производительных сил и России, и всего мира в целом, экономические и политические условия для ранней социалистической революции, для образования **раннего социализма уже имелись**. Но именно для **ранней социалистической революции, для раннего социализма**. А для **позднего социализма таковых условий не было**. Между тем, понимания того, что в своем развитии социализм может пройти два этих этапа не было, социализм не подразделялся на ранний и по-

здний. С этим, между прочим, связана и некоторая неадекватность социалистической теории и практики того времени, реально существующей общественной жизни, реальной стадии развития производительных сил.

Итак, экономическая необходимость и была, поскольку она находилась на такой стадии развития, когда стали необходимы ранняя социалистическая революция и ранний социализм, и экономическая необходимость недостаточно развилась, ибо не сложилась экономическая необходимость поздней социалистической революции, позднего социализма.

Об альтернативности истории *

В.А.Вазюлин **

Сейчас довольно широко распространено мнение о том, что историю нельзя сводить к закономерностям, к законам, а необходимо учитывать ее альтернативность.

Конечно, учитывать и исследовать альтернативность истории важно, но сначала с необходимостью приходится выделять закономерный ход истории. Если не выделить сначала закономерный ход истории, то нельзя понять действительную роль исторических случайностей, альтернативности развития человечества.

Так, сейчас перед человечеством стоит альтернатива: либо погибнуть, либо перейти, хотя и в течение длительного времени, к коммунизму. Третьего пути не дано.

Ни сформулировать, ни осознать эту альтернативу, ни предвидеть наиболее вероятный путь развития без изучения закономерного хода истории человечества невозможно. Если же принять во внимание исторический процесс в целом, то можно понять, что он закономерно идет, с одной стороны, к обострению противоречия между обществом и природой, к обострению противоречий внутри общества, внутри человечества, а с другой стороны, закономерно же образуются и вызревают возможности для разрешения этих противоречий на путях перехода к зрелой стадии развития человечества.

Следует особо подчеркнуть, что при переходе к зрелой стадии развития человечества и в ее дальнейшем развитии осознание этого процесса играет существенно более важную роль, по сравнению с ролью сознания в развитии человечества на его предшествующих стадиях: развитие коммунизма имеет своей необходимой предпосылкой осознание процесса развития человечества в целом. Это не чья-то прихоть, а именно необходимость. Она уже существует и дает о себе знать.

Уже не первый год и не первое десятилетие дает о себе знать отсутствие соответствующего современности по уровню и характеру разработанности теоретического понимания стратегических целей коммунистического движения.

В программах Коммунистических партий либо воспроизводится понимание стратегических целей на уровне, соответствующем прежним эпохам истории, либо действительное развитие марксизма подменяется псевдоновациями, не имеющими ничего общего с марксизмом.

Как раз накануне я смотрел новую работу Г.А. Зюганова о глобализме и перспективах мировой истории. По существу, это те же представления, которые были выражены в его прежних трудах: тот же эклектизм, то же стремление – возможно малоосознанное – совокупить принципиально несовместимые по своей социальной природе идеи и представления друг с другом, та же, мягко говоря, недостаточная обоснованность выдвигаемых положений и т. д.

На мой взгляд, нельзя считать, что такая, с позволения сказать, теория может быть основой для определения

стратегических целей Коммунистической партии. Ведь речь идет ни много, ни мало, – о том, выживет ли человечество или не выживет, каковы пути и способы его выживания, каково будущее человечества. А тут нам предлагают некую несъедобную смесь.

Ныне высказывается много сомнений в том, что коммунизм осуществим, что человечество в конце концов должно к нему прийти. Связаны эти сомнения в немалой степени с тем, что сомневающиеся плохо представляют глубину и направленность тех преобразований, которые совершаются в жизни современного человечества и будут совершаться в ближайшие десятилетия и даже столетия. И поэтому думают, что если бы коммунизм был возможен, то весь процесс должен был совершаться гораздо быстрее.

На самом деле, уже только **переход** человечества на зрелую стадию своего развития – это такой величайший перелом в истории, который сравним с переходом от докалассового к классовому обществу. Переход от докалассового общества к классовому происходил в течение **тысячелетий**. Если учесть ускорение хода истории, то и тогда переход от классового общества, от незрелого человечества, от незрелого общества к зрелому займет не одно столетие.

Я отнюдь тем самым не становлюсь на позиции меньшевиков в их борьбе с большевиками.

Борьба большевиков и меньшевиков носила конкретноисторический характер. И большевики, и меньшевики опирались на действительно существовавшие исторические тенденции, но эти тенденции были поняты ими как оторванные друг от друга, что было неизбежно, так как тенденции действительно противоречили друг другу, объективные противоречия были крайне острыми.

Большевики, на мой взгляд, были совершенно правы в том смысле, что объективные условия для совершения социалистической революции в России имелись, сложилась и революционная ситуация. Надо было брать власть.

В этом отношении меньшевики, отвергавшие позиции большевиков, были в корне не правы.

То же самое относится и к строительству социализма в нашей стране. Надо было строить социализм.

Вместе с тем и меньшевики были в некоторой степени правы, указывая на недостаточность развития производительных сил и на вытекающие отсюда следствия для движения нашей страны по социалистическому пути. Большевики, отвергая взгляды меньшевиков, не учитывали то «рациональное зерно», которое в них заключалось. Например, В. И. Ленин в одной из последних статей, а именно в статье «О нашей революции (по поводу записок Суханова)», говорит, по существу, следующее: Суханов утверждает, что в России недостаточно развиты производительные силы. А кто знает, какие производительные силы нужны? При наличии власти в наших руках (в руках рабочего класса – В.В.) мы их разовьем!

* Выступление на Международной конференции «Актуальность методологии марксизма и перспективы ее развития», приуроченной к выходу в свет второго издания монографии В.А.Вазюлина «Логика «Капитала» Карла Маркса», состоявшейся в Москве 28 декабря 2002 г.

** В.А.Вазюлин – доктор философских наук, профессор – автор широко известных, глубоких новаторских трудов, таких как «Логика «Капитала» Карла Маркса», «Логика становления метода научного исследования К.Маркса», «Логика истории. Вопросы теории и методологии» и др.

В.А.Вазюлин – создатель и руководитель Международной логико-исторической школы, издающей сборник «Труды логико-исторической школы».

Но, во-первых, если смотреть с точки зрения «Капитала» К. Маркса, то уже тогда можно было предвидеть, какой уровень и характер производительных сил необходим.

Во-вторых, полное отрицание большевиками наличия в позиции меньшевиков «рационального зерна» означало, что в позиции большевиков существовало недопонимание отрицательных сторон движения нашей страны по социалистическому пути, а такое недопонимание внутренне связано с недооценкой опасностей для такого движения страны по социалистическому пути, опасностей, таящихся в самой специфике переживаемой стадии развития, в самой специфике **этого** исторического движения.

Для объективной оценки большевиков и меньшевиков необходимо принять во внимание следующее: условия для социалистической революции и создания нового общества – если брать их в целом, не различая ранние и поздние социалистические революции, ранний и поздний социализм, – **созревали, т. е. они уже были, они уже созрели, и их (как зрелых) еще не было.**

Когда перед рабочим и коммунистическим движением в России в начале XX века встал вопрос: «Брать власть или нет?», а затем: «Строить социализм в одной отдельно взятой стране или нет?», то ответ мог быть только однозначным: Да, брать. Да, строить. Иначе дезорганизуется движение, не используются возможности, которые, **не смотря на их противоречивость, уже существовали.**

Вместе с тем есть большая опасность, о чем писал К. Маркс в «Немецкой идеологии»: если коммунисты возьмут власть, когда не будет для этого условий, то возродится «вся старая мерзость».

Трудность, сложность заключается в том, что условия для перехода к новому обществу и само новое общество не появляются сразу в готовом, зрелом виде, а в ходе более или менее длительного исторического **процесса** проходят стадии незрелости (и социализм есть **незрелый** коммунизм). Поэтому опасность возрождения «старой мерзости» сохраняется на всем его протяжении, становясь все менее вероятной по мере продвижения к зрелой стадии.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с точки зрения **общего закономерного хода истории.** Если рассматривать историю в аспекте единства исторических законов и исторических случайностей, то надо, с моей точки зрения, выделить как определенный исторический период – период ранних социалистических революций и раннего социализма. Социалистическая революция и социализм в нашей стране относятся к ранним. Гибель раннего социализма, поражение – в конечном счете – ранних социалистических революций весьма и весьма вероятны, хотя абсолютной необходимости в этом нет.

Но гибель, поражение ранних социалистических революций и гибель раннего социализма в тех или иных, и даже во всех, раннесоциалистических странах не может быть достаточным основанием для исторического пессимизма, для разочарования в возможности победы социализма и коммунизма в конечном итоге.

Я уже говорил в одном из интервью, что любой переход от одной формации к новой, более прогрессивной формации является чередой побед и поражений. Как, например, утверждались рабовладельческие государства? Когда начинали созревать рабовладельческие отношения, внутри них обнаруживались противоречия рабовладельческого общества, соседние варвары их уничтожали, так как их сообщества были более прочными.

Возвышение рабовладельческих государств и падение их под ударами варваров происходило в истории много раз.

А если мы возьмем переход от феодального общества к капиталистическому, то и тут буржуазные революции не раз терпели поражение. Более того, имели место период ранних и период поздних буржуазных революций.

То, что в одной стране или в нескольких странах потерпело или потерпит поражение социалистическая революция или погибнет социализм, отнюдь не доказывает, что социализм как таковой, как стадия в развитии человечества потерпел окончательное поражение. Из поражений необходимо выходить обновленными. И это будет неизбежно.

Я перехожу, пожалуй, к последнему пункту выступления. Здесь прозвучало отрицание того, что в нашей стране был ранний социализм, и утверждение, что это был социализм утопический.

Что касается утопического социализма.

Утопический социализм, исходя из смысла слова утопия (фантазия, неосуществимая мечта), может существовать только в фантазии. Хотя это не исключает полностью влияния фантазий, иллюзий и т. п. на поведение людей. Но построить реальное утопическое общество просто невозможно.

А теперь о том, был ли в нашей стране ранний социализм. У нас в стране производительные силы – меньшевики в этом отношении были правы – не созрели для создания такого социализма, который вот-вот перейдет к коммунизму. Но неправы они были в том отношении, что не понимали (как и большевики): процесс созревания условий – это процесс, проходящий разные стадии.

Производительные силы развивались неравномерно. Ряд отраслей был на самых передовых в мире позициях, но в то же время у нас было 45 % ручного труда, а в строительстве – намного больше. Ручной же труд не адекватен даже развитым капиталистическим отношениям. Это одна черта раннего социализма. Другая черта раннего социализма заключалась в следующем.

В связи с тем, что социалистическая революция победила в одной стране, окруженной врагами намного ее превосходящими, и в условиях надвигающейся второй мировой войны, строительство социализма должно было происходить в предельно сжатые сроки, в спешном порядке, с отвоеванием для социализма максимума «жизненного пространства».

Поэтому, несмотря на то, что производительные силы не были готовы к всеохватывающему и полному обобществлению, такое обобществление попытались осуществить. На это толкала главным образом, но не только, жесточайшая внешняя необходимость. Упрекать в том никого нельзя! Но забегание вперед должно было сказаться и действительно сказалось.

Вообще при социализме – если брать его, как сказано, с точки зрения общего закономерного хода мировой истории, отвлекаясь от его конкретно-исторических проявлений и от исторических случайностей, – имеет место преимущественно формальное, а не реальное обобществление, подобно тому, как в развитии капитализма существуют две реальные эпохи – формальное и реальное подчинение труда капиталу.

Формальное обобществление при социализме, в частности, ведет к тому, что люди воспринимают государственную собственность как формальную свою.

Если же в строительстве социализма происходит забегание вперед в процессе обобществления, то формализм обобществления усиливается. Соответственно усиливается и отношение к государственной собственности как формально своей.

У нас в первой половине 80-х годов XX века – как сообщалось в «Правде» – было примерно 500 тысяч «несунов» (мелких расхитителей социалистической собственности).

Если учесть, что раскрываемость такого рода деяний очень незначительна, то можно себе представить, какое огромное количество людей участвовало, пусть в мелком, но расхищении социалистической собственности. Это было противоречие между общественными и личными интересами. В той или иной степени оно сохраняется на протяжении всего социализма, но в раннем социализме это противоречие существует в усиленном варианте.

Итак. Ранний социализм * имеет две основные особен-

ности: во-первых, ранний социализм возникает и развивается на не вполне адекватной для социализма материально-технической базе, и, во-вторых, ранний социализм возникает в условиях превосходства сил мира капитализма. Соответственно, эпоха позднего социализма начинается тогда, когда, во-первых, социализм начинает развиваться на вполне адекватной себе материально-технической базе, и, во-вторых, когда силы мира социализма начинают превосходить силы мира капитализма.

* Характеристика раннего и позднего социализма дается здесь впервые.

О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма *

В.А. Вазюлин **

Сегодня я хочу высказать некоторые, может быть даже критические, соображения по поводу взглядов К. Маркса и В.И. Ленина. И К. Маркса и В.И. Ленина я считаю, конечно, первоклассными гениями. Я считаю, что они сделали необыкновенный в истории человечества прорыв в теории. Совершенно необыкновенный. Маркс открыл новую теоретическую эпоху, можно сказать эру, которая отнюдь не закончилась в 19-м веке, она продолжалась и в 20-м, и будет продолжаться в 21-м, и в 22-м, и в 23-м веках... Многие идеи Маркса останутся живыми столетия.

Но, тем не менее, в какое-то время появилась историческая необходимость определённого «снятия» классической формы марксизма. Как известно, Фридрих Энгельс писал, что даже с каждым великим открытием в естествознании, марксизм принимает или должен принимать новую историческую форму. После же смерти К. Маркса, даже после смерти В.И. Ленина произошли в мире колоссальные изменения, и, прежде всего, появился новый общественно-экономический строй, социалистический строй, появилась первая фаза коммунизма. Другое дело, что это – ранний социализм. Надеемся, что будет ещё и поздний социализм, ранним социализмом история не завершила свою работу.

Маркс творил в условиях, когда нового общества не было, мы же прошли путь, когда оно возникло, расцвело и погребло в нескольких странах мира. В частности и, главным образом, поэтому мы находимся на новом историческом этапе, нам открываются новые возможности исследования и социализма, и коммунизма, и истории человечества в целом. К. Маркс вынужден был, осознавал он это или не осознавал, делать акцент на *отрицании капитализма*. После же появления и расцвета, а также гибели социализма в нескольких странах есть возможность перенести акцент с отрицательных аспектов на положительные, то есть на специальное рассмотрение нового общества. Проблема отрицания капитализма с такой точки зрения предстаёт глубже и несколько иначе. И предмет это позволяет делать. Но наверняка возникнут возражения по поводу того утверждения, что Маркс занимался главным образом проблемами *отрицания капитализма*.

Высказанное утверждение нередко воспринимается так, будто я говорю, что К. Маркс занимался только проблемами отрицания капитализма. Речь же, на самом деле, идёт о том, что он занимался этими проблемами главным образом, и что историческая ограниченность предмета исследования приводила к некоторым необходимым абсолютизациям. К. Маркс, естественно, исследо-

вал не только капитализм, он осуществил предвидение будущего общества, исследовал также в той или иной мере и докапиталистическое состояние общества. И я постараюсь это в какой-то степени показать. Однако полностью это сделать невозможно, это – отдельная, очень большая тема. Марксизм – теоретическое, очень сложное образование, более сложное, чем какое-либо другое теоретическое образование. И все же я постараюсь показать, что есть во взглядах К. Маркса исторические ограниченности, я подчёркиваю, – исторические, то есть определённые ограниченности эпохи, а не индивидуальные ограниченности. Всякая теория ограничена своей эпохой, но подробнее об этом немного позже. Сейчас же я хочу сказать о том, когда появилась необходимость диалектического снятия марксизма. В эпоху К. Маркса и в эпоху В.И. Ленина такой необходимости, в общем и целом, не было. И марксисты, когда обращались к трудам К. Маркса главным образом, стремились к пониманию К. Маркса. Даже в известном афоризме В.И. Ленина о том, что нельзя вполне понять «Капитал» К. Маркса, не исследовав, не изучив всей Логике Гегеля, речь идёт о понимании «Капитала». Именно В.И. Ленин в том же афоризме писал, что никто из марксистов, спустя полвека после выхода в свет «Капитала», не понял его.

Между тем речь идет о главном произведении марксизма, его фундаменте. Согласно В.И. Ленину, марксисты не поняли «Капитал» потому, что не поняли его диалектического метода, его Логике. В.И. Ленин написал этот афоризм спустя несколько десятилетий после издания I тома «Капитала», но положение существенно не изменилось и после написания этого афоризма В.И. Лениным. Положение с пониманием метода «Капитала» оставалось прежним. После смерти В.И. Ленина и до Великой Отечественной войны в Советском Союзе все, кто так или иначе занимался методом Логике «Капитала», в лучшем случае излагали *прямые* высказывания К. Маркса о методе, Логике «Капитала» и, в первую очередь, раздел о методе политической экономии из «Введения к экономическим рукописям 1857-1858 гг.». А надо сказать, что понимание метода, Логике «Капитала» впрямую подводило к диалектическому «снятию» марксизма, к творческому освоению самых глубоких основ марксистской теории.

После Великой Отечественной войны в СССР, именно в СССР начался период освоения метода, Логике «Капитала», тем самым образовались теоретические предпосылки для перехода к диалектическому «снятию» классической формы марксизма. Первым в послевоенное время стал изучать метод, Логике «Капитала» М.М. Розенталь. Он первым наиболее полно собрал и отчасти классифицировал высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина о методе, Логике «Капитала». Большинство марксистов как после войны, так и до неё в основном старались понять, изложить, рассказать идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Подход к К. Марксу марксистов в других странах отличался не существенно. После войны М.М. Ро-

* Доклад и ответы на вопросы на III ежегодной теоретической конференции Международной логико-исторической школы. МГУ им. М.В. Ломоносова – Современная гуманитарная академия. 2004 г.

** д.ф.н., профессор

зенталь собрал, по сути дела, все высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина о методе «Капитала», о методологии «Капитала», опубликовал их, и это было шагом вперёд.

Первым и единственным (за исключением, пожалуй, в какой-то мере Л.А. Маньковского) человеком, который начал подходить к *теоретическому* осмыслению «Капитала», был Э.В. Ильенков. Но, к сожалению, Э.В. Ильенков остановился, в основном, на Введении К. Маркса к «Экономическим рукописям 1857-1858 г.г.» и примерах из «Капитала». Но и у него, в его работе, по сути дела, осуществлялась в качестве главной задача – *понять метод К. Маркса. Понять то, что явно есть. А между тем, у самого К. Маркса, когда мы приступаем к рассмотрению этого Введения и, в том числе, его раздела о методе политической экономии, имеются противоречивые суждения о методе политической экономии, но не вполне явные.*

Ещё тогда, когда Ильенков был аспирантом и начал вести спецкурс, и мы, пятикурсники (в числе их были В.А. Лекторский, Г.С. Батищев, нас было меньше семи человек), пришли на спецкурс, у меня возник вопрос по поводу высказывания К. Маркса о том, что единственно правильным в научном отношении методом является метод движения от простейших отношений к сложным, то есть метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Сомнение возникло, но в каком смысле? Оно возникло в связи с тем, что говорил Э.В. Ильенков по этому поводу.

Обаяние К. Маркса было настолько велико, что несогласие с К. Марксом я перенёс на Э.В. Ильенкова. Интерпретацию Э.В. Ильенковым К. Маркса, которая вполне соответствовала смыслу высказывания классика, я приписал Э.В. Ильенкову. Когда я выразил своё несогласие с его интерпретацией этого высказывания К. Маркса, он ответил, что, после того как диалектика осознана, необходимость специального этапа движения от сложного к простому, вплоть до простейшего не является необходимостью, не является таким периодом в развитии, который предшествует восхождению.

Но позднее я заметил, что у Маркса есть определённые ограничения, я бы назвал их *историческими ограничениями* в понимании и метода восхождения от абстрактного к конкретному, и движения от поверхности к сущности.

Мы имеем в сознании не просто хаотическое нагромождение каких-то представлений, восприятий, но с самого начала его организуем в той или иной степени, в соответствии с некоторой определённой потребностью в познании исследуемого объекта. По мере продвижения от сложного к простому, от хаотического представления о целом к абстрактному мы строим сначала догадку, затем гипотезу. А это всё есть движение, в своеобразной форме, противоположное движению от хаотического представления о целом к абстрактному, от сложного к простейшему.

По существу недооценка роли и значения этого движения проявились и в его высказывании относительно лишь формального отличия метода изложения от метода исследования.

Между тем движение познания с самого начала идёт в противоположных направлениях. Это два противоположно направленных движения. И совершаются они в единстве. Когда этот путь завершён, и познание пришло к выделению простейшего отношения, начинает преобладать движение от простейшего ко всё более сложному. От абстрактного к конкретному. Но здесь, опять-таки, сохраняется *противоположное движение познания*. Если на первом пути (от хаотического представления о целом

к абстрактному) доминировал анализ, а синтез играл подчинённую роль, то на втором пути (движение от абстрактного к конкретному) синтез играет доминирующую роль, *но и анализ не исчезает совсем*, а осуществляется в единстве с синтезом. Имеют место, опять-таки, противоположные движения познания, осуществляющиеся во внутреннем единстве друг с другом. Таким образом, если недооценивать (или совсем устранять, не придавать этому научного значения) движение от хаотического представления к абстрактному, это значит устранить одно из противоположно направленных движений. Это значит также недооценить или не понять совсем («непонимание совсем», конечно, не касается К. Маркса) диалектики этого процесса.

Что касается Г. Гегеля, то он, по сути дела, не понял действительного значения и роли движения от сложного к простому, от хаотического представления о целом к абстрактному. Это движение познания совершается не просто в единстве противоположностей, но и спиралевидно. В результате познание как бы приходит к исходному пункту, но на существенно ином уровне. И, если изобразить движение познания схематически, оно будет отображено в форме двойной спирали.

К. Маркс во «Введении» рассматривает предмет политэкономии. А политэкономия до К. Маркса двигалась преимущественно от хаотического представления о целом к абстрактному, к выделению простейшего отношения капитализма. После того, как она подошла к выделению простейшего отношения (прежде всего в лице А. Смита), начались попытки осуществления познания в обратном направлении – от абстрактного к конкретному (Д. Рикардо). По сути дела, речь шла о подходах к рассмотрению капитализма как единого целого, то есть о первых шагах такого рассмотрения. Но продвинуться достаточно далеко и, тем более, представить зрелую теорию капитализма как единого целого буржуазная политэкономия не могла.

В области философии аналогичную попытку предпринял Г. Гегель. Он попытался представить мир идей современной ему эпохи как «единство многообразного», как мысленно конкретное. Но поскольку возможности отрицания капитализма как целого в его эпоху ещё не проявились, то Г. Гегель, изображая современный ему мир идей в целом, представил этот мир как процесс развития, происходящий на неизменной основе. В таком случае развитие не может быть представлено как реальное. Оно может происходить только в мире идей. Другими словами, развитие мира идей Г. Гегелю представлялось как раз и навсегда данное, как изначально существующее, то есть идеалистически, а не как порождённое реальным историческим процессом бытия.

Отрицание существующего ему совершенно необходимо представлялось как отрицание отрицания в сфере только мышления.

Таким образом, сама историческая эпоха вынуждала мыслителя к этой ограниченности, к этой противоречивости. С одной стороны, он мог, в общем и целом, постичь действительность только как существующую, неизменную, а потому и тем самым как идеалистически понятую. А с другой стороны, он пытался постичь её в целом, как единство многообразного, то есть диалектически. Противоречие Г. Гегеля не было произволом великого мыслителя, оно обуславливалось ограниченностью современно-го ему общества – капитализма.

Следующий коренной шаг в развитии диалектического метода и в постижении капиталистической действительности был возможен только в другую эпоху. В ту эпоху, когда на арену политической борьбы стремился вступить

как самостоятельная историческая и политическая сила – рабочий класс. Это означало, что стали проявляться возможности отрицания капитализма как целого. К. Маркс чутко уловил значение этой исторической тенденции и встал на позиции рабочего класса, то есть на позиции отрицания капитализма как целого. Это давало принципиально новые возможности в осмыслении диалектики капиталистической действительности.

Теперь вопрос об отрицании можно было ставить не только в плане чисто логического отрицания существующего мира идей и возвращения к нему как бы в «снятом» виде, но и как реального процесса отрицания.

К. Маркс в рукописи «К критике гегелевской философии права» сформулировал это афористично: Гегеля интересует дело *ЛОГИКИ*, а между тем нужно исследовать логику *ДЕЛА*. Поскольку сам К. Маркс стоит на позиции, главным образом, отрицания, то уже здесь проявляются некоторые *исключающие противопоставления* того и другого.

Уже в 1843 году в этой рукописи в некоторой степени проявляется исключительное противопоставление своей логики логике Г. Гегеля. Здесь К. Маркс существенно продвинулся по сравнению с Г. Гегелем в понимании Логики, но на его понимание некоторую ограниченность накладывает новая эпоха.

Подобная историческая ограниченность обнаруживается и в понимании К. Марксом соотношения движения познания от хаотического представления о целом к абстрактному, и от абстрактного к конкретному.

Живя в существенно более прогрессивную эпоху, чем Г. Гегель, К. Маркс сумел осмыслить её характер, возможности и создал целую конкретную науку, реально отображающую предмет способом восхождения от абстрактного к конкретному. Тем самым он представил этот способ не как движение чистой мысли, а как движение мысли, отображающее каждым своим шагом реальную действительность, реальную капиталистическую действительность. Таким образом, он понял способ восхождения от абстрактного к конкретному более последовательно, чем Г. Гегель и более диалектично. Ибо К. Маркс придавал существенное значение не только способу восхождения от абстрактного к конкретному, но и противоположному способу – движению мысли от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному.

У К. Маркса, в отличие от Г. Гегеля, мысль не рождается исключительно из мысли, не идёт самопорождение мысли мыслью, но как у действительно познающего человека всё время витает в живом созерцании реальный предмет. И, следовательно, движение от абстрактного к конкретному является не только этим движением, но и движением от живого созерцания к мысли. В то время как у Г. Гегеля движение от живого созерцания к абстрактному носило формальный характер. Он не придавал этому существенного значения. Здесь проявляется отрыв от реального предмета, от реальной действительности. Здесь проявляется идеализм Г. Гегеля и его метафизичность.

К. Маркс творил в эпоху, когда общества более совершенного, чем капитализм, коммунистического общества ещё не было. Поэтому о коммунизме можно было говорить на основании отрицания капитализма. А капиталистическое общество налагало отпечаток на уровень и характер взглядов К. Маркса на коммунизм. И на капитализм тоже. Если же общество познаётся на основании его отрицания, то это познание не является таким, когда могут быть поняты самые глубокие его основы.

Чтобы это в какой-то степени пояснить, обратимся к соотношению религии и атеизма. Атеизм по своему пря-

мому смыслу – отрицание религии. Но атеизм существует до тех пор, пока существует религия. Если нет религии, исчезает и атеизм. Атеизм существует тогда, когда условия отмирания религии возникли, но завершения их формирования не произошло. Эти условия ещё сохраняются в таком виде, когда религия не исчерпала полностью своих социальных функций. То есть наличие атеизма предполагает ещё сохраняющиеся условия существования религии. Отрицание религии необходимо предполагает существование своей противоположности. Вместе с тем, их отношения – это отношения *исключающего* противопоставления друг другу. Это противоречие ещё не зрелого отношения противоречивых сторон друг другу. С созреванием этого отношения исчезает и то и другое. Когда религия полностью преобразуется (исчезнут условия существования религии и, следовательно, сама религия), перестанет быть необходимым её отрицание.

Подобно этому, если в теории, вследствие уровня и характера эпохи, акцент приходится делать на отрицании этой эпохи, то здесь тоже возникает такое же *исключающее* противопоставление взглядов с позиций отрицания капитализма и взглядов с позиций утверждения капиталистического общества. Но *исключающего* противопоставления противоположных сторон друг другу (при том, что они не могут существовать друг без друга) капитализм не может не порождать. Как он не может не порождать и отрицательного к себе отношения. А отрицательное отношение к капитализму имеет существенное значение только в том случае, когда существует капитализм.

Исключающее отношение противоположных сторон друг к другу неизбежно. И это есть разрыв между ними. Можно сказать, непримиримая противоположность между ними. То есть, *исключающая* противоположность. Это, вместе с тем, нарушение связи.

Сложность понимания этого вопроса заключается в том, что они (противоположные стороны) необходимо предполагают друг друга. И, вместе с тем, между ними существует разрыв. Нарушение единства.

Такое отношение имеет место и в реальной действительности между людьми, стоящими на позициях капитализма, и людьми, отвергающими капитализм. И в теоретическом отображении эти отношения у любого, даже у гениального человека и даже сознательно применяющего диалектический метод, порождают моменты, противоположные диалектике. И моменты эти имеют существенное значение.

У К. Маркса есть уже упомянутое утверждение о том, что единственно правильным в научном отношении является способ восхождения от абстрактного к конкретному. Отсюда следует, что движение от хаотического представления о целом и от чувственно-конкретного к абстрактному научного значения не имеет. Но тогда можно подумать, что вся классическая буржуазная политическая экономия не имеет научного значения. В данном случае проявляется, главным образом, негативное отношение к буржуазной политической экономии. Здесь проявляется историческая ограниченность понимания К. Марксом классической буржуазной политической экономии. В то время как несколько ранее К. Маркс, по сути дела, в познании следует от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному и в области предшествующей ему политической экономии, и в области метода. Это означает, что движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному является правильным в научном отношении.

Таким образом, имеют место два противоположных друг другу понимания К. Маркса. В первом содержатся

утверждения, что движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному неправильно в научном отношении, а значит, неправильно движение предшествующей ему классической политэкономической мысли. А во втором неявно, но по существу признаётся правильность этого научного движения.

Данное противоречие К. Марксом не осознаётся. И это обуславливается исторической ограниченностью эпохи.

Утверждение, что способ восхождения от абстрактного к конкретному – единственно правильный в научном отношении, является, тем самым, отрицанием статуса научности движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному.

Такой подход представляет собой ещё не до конца преодоленный взгляд Г. Гегеля на проблему движения мысли от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному. Г. Гегель не придавал реального, существенного значения способу движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному, когда такое движение находится на стадии преобладания по отношению к движению от абстрактного к конкретному. В мистической форме это изображено в «Феноменологии духа». В соответствии с гегелевским взглядом на соотношение этих движений движение от абстрактного к конкретному необходимо представляется как некое изначально априорное движение. И оно становится действительно таковым, если движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному рассматривается как неправильное в научном отношении.

К. Маркс по поводу способов исследования и изложения писал, что изложение результатов может показаться априорным. Действительно, с моей точки зрения оно потому и кажется априорным, что изображение предмета начинается сразу с восхождения. При этом происходит отвлечение от собственно самой диалектики этого процесса, от единства этих противоположных движений.

Моё осмысление априорности некоторых положений марксизма (в прежде существующей исторической форме марксизма) начиналось не с трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а со знакомства с работами советских марксистов.

На третьем курсе философского факультета я пришёл к кризису из-за априорности (но не той априорности, о которой речь шла выше в связи с рассмотрением взглядов К. Маркса), пустой, бессодержательной, поверхностной априорности содержания учебников и другой советской философской марксистской послевоенной литературы, в том числе и очень популярного учебника, так называемой «Серой лошади».

Философия в этом учебнике представляла как игрушка, как искусство для искусства. Но не как средство преобразования общества. Авторы этого учебника наполняли головы сведениями разного рода, а зачем наполняли – непонятно. К этой же категории авторов можно отнести и Т.И. Ойзермана. Когда он нам читал спецкурс по классической немецкой философии, то это был пересказ, поверхностный пересказ работ классиков немецкой классической философии. У меня возник кризис, и я начал читать (это было уже на четвёртом курсе) диссертации, которые тогда на философском факультете каждому студенту по читательскому билету были легко доступны. Как раз в то время диссертацию написал Э.В. Ильенков. Диссертация лежала в библиотеке факультета. Очень интересная диссертация была подготовлена А.Л. Субботиним. Определённый ажиотаж вызвала диссертация А.А. Зиновьева. На меня эта работа произвела впечатление пустой. А вот что касается Э.В. Ильенкова, то он будил

мысль, это была единственная работа, в которой ощущалась живая мысль, в которой ощущалось, что человек думает над реальными проблемами. Вот после этого я занялся «Капиталом», детально изучал и диплом посвятил простейшим отношениям в первом отделе I тома, а главным образом – в первой главе «Капитала».

Почему я об этом вспомнил? Э.В. Ильенков возбудил интерес к методу исследования политической экономии, к экономическим работам К. Маркса и Ф. Энгельса. И когда я стал внимательно знакомиться с этими работами, мне показалось, что Ф. Энгельс не вполне понял логический способ исследования К. Маркса, не вполне понял проблему исторического и логического. (Потом я высказывал это на Университетском Совете по изучению законов и категорий социализма под руководством Н.А. Цаголова). А именно, он полагал, что К. Маркс следует за историей развития форм стоимости. В то время как Маркс не следовал за историей развития форм стоимости. У Маркса была другая логическая задача, рассмотрение этих форм в логическом аспекте, т.е. в том аспекте, в том содержании этих форм, которое сохранилось в зрелом предмете. А не историю он специально изучал, и не из истории он выводил логику.

Сам Маркс в этом введении говорил, что логические категории отражают роль и значение сторон исследуемого предмета именно в данную историческую эпоху. В рецензии Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» тоже есть такое высказывание, что Маркс историю буржуазного общества не мог подробно изучать, потому что эта работа была бы бесконечной, а вот можно было идти за литературой, появлявшейся в этом обществе. И историческое на самом деле, и логическое исследовать логическим способом, т.е. брать каждый момент в его зрелости, в высшем его развитии, в чистом виде. Это будет то же самое, что исторический способ, но только освобождённый от исторических случайностей, зигзагов, перерывов, от исторической формы. Так вот, мне думается, и я говорил об этом на совете Н.А. Цаголова, и сейчас у меня такое убеждение осталось, что это не вполне правильное, недостаточно глубокое понимание исторического метода. Если мы попробуем «опрокинуть» логический способ, вот те же самые категории «поверхности», «сущности», «явления» и «действительности» на прошлое, то окажется, что это прошлое имеет такую специфику, которая является существенной сама по себе и для понимания логического способа исследования. То есть необходимо идти от логического способа исследования, которым исследовал Маркс, и в этом сказались его громадная интуиция, громадное, огромное, очень глубокое понимание задач, которые следовало решать (а задачи решаются обычно последовательно) от изучения логики предмета, логического подхода, логического способа, к историческому способу, не сводимому просто к описанию истории, не сводимому просто к описанию случайностей, перерывов и зигзагов (это всё надо делать), а к тому, чтобы понять, какие стадии это проходило, когда вы накладываете логическое рассмотрение на историческое, не придавая существенного значения историческому рассмотрению, в отличие от логического, не понимая, что историческое рассмотрение должно быть углублением логического рассмотрения, а не просто иллюстрацией логического рассмотрения, не просто набором примеров. Тогда просто уходит из внимания изучение предмета как единого исторического процесса, в котором развитие происходит в ходе смены существенных исторических форм. И только при таком подходе к историческому рассмотрению процесс развития предмета ока-

зывается имеющим *различные стадии*, являющиеся, вместе с тем *различными стадиями единого процесса*.

В противном случае специфика этих стадий, специфические закономерности этих стадий могут уйти. И тогда может получиться так, что, с одной стороны, мы говорим о формациях, о том, что есть исторический процесс развития, а с другой стороны, в силу такого понимания метода, мы не воспринимаем историю как закономерный процесс перехода от одной формации с её специфическими закономерностями к другой, с другими специфическими закономерностями. И притом, как единый целостный закономерный процесс. Это единый исторический процесс развития, имеющий различные стадии, закономерная специфика которых не рассматривается при использовании собственно логического способа. Для меня стало в какой-то мере ясно, что с одной стороны, есть единство логического и исторического процесса, а с другой стороны – есть существенное различие. И поэтому после логического изучения предмета, например такого, как капитализм, необходимо переходить специально к исследованию исторического процесса, не сводимому просто к изучению случайностей или к исторической форме, понимаемой как нечто несущественное (в том числе и для логического понимания предмета), а к изучению закономерного развития предмета, в смене его исторической формы и изучению закономерностей, закономерных исторических форм.

Скажем, если, идя от логического способа к историческому, исследователь «опрокидывает» категорию логического способа «поверхность» на категорию исторического способа «начало» и полагает, что категория «начала» тождественна категории «поверхность», то для него исчезает *существенное* их различие, существенное отличие исторического способа исследования от логического применительно к этим категориям. Точно так же нельзя отождествлять рассмотрение превращения товара и денег в капитал с рассмотрением исторических закономерностей первоначального возникновения капитализма.

В связи с этим появилась также возможность понять, что у К. Маркса учение о формациях, с одной стороны, это колоссальный прорыв в теоретическом плане, а, с другой стороны, формации в некоторой степени рассматриваются с точки зрения капитализма, отрицания капитализма. Однако формации не могут рассматриваться только, или даже главным образом, с точки зрения отрицания капитализма уже потому, что это процесс, выходящий за рамки отрицания капитализма. Потому что, говоря языком Маркса, есть подлинно человеческая история и её предыстория. (Эту подлинно человеческую историю правильнее охарактеризовать как зрелую человеческую историю в отличие от её незрелости). Она вполне может быть понята только в том случае, если мы не ограничимся её рассмотрением с точки зрения отрицания капитализма, а рассмотрим всю историю человечества, подходя к коммунизму как к продукту *всей* человеческой истории. Иначе мы не поймём коммунизма в достаточной степени. А этот процесс развития не улавливается в том случае, если мы останавливаемся на таком понимании логического и исторического.

При таком подходе, скажем, это проявляется не только в том, что понимание капитализма как бы накладывается на историю предшествующих формаций. В этом случае, когда предшествующие формации и капитализм предстают как рядоположные, не улавливается в полной мере закономерное развитие капитализма из предшествующих ему формаций. И вся предшествующая история не представляется в достаточной степени как

единый закономерный процесс развития. Это проявилось у К. Маркса во введении к «Экономическим рукописям 1857-58 годов», когда он исследует общие взаимоотношения производства, потребления, обмена и распределения, где выделяет, по его мнению, *одинаковые* для различных эпох важные моменты.

Между тем если мы посмотрим с точки зрения диалектического «снятия» капитализма на всю историю человечества, то в этом случае *даже самые общие истматовские категории*, такие как «производительные силы», «производственные отношения» и другие, обнаружат свою *изменчивость*. А у нас они воспринимались как неизменные. Как будто эти общие категории можно наложить на все исторические эпохи без существенных изменений. И истоки этого мы находим ещё у К. Маркса.

На самом деле ничего похожего. Развиваются даже самые общие понятия. И это можно понять только в том случае, если мы существенно иначе подходим к соотношению исторического и логического.

Та же самая позиция проявляется и в отношении классов. То, что классы существуют сейчас и будут существовать как минимум до тех пор, пока существует противоположность физического и умственного труда, это положение не может быть подвергнуто сомнению. И *непримиримость* классовых противоречий будет сохраняться до тех пор, пока не исчезнут классы. Но понимание классовых взаимоотношений в классическом марксизме остановилось в общем и целом на уровне понимания противоположности. А что значит противоположность? Конечно, между противоположностями есть единство. Но если останавливаться на противоположности, и в основном, на отрицании противоположностями друг друга, то единство уходит куда-то в сторону, а противоположности оказываются *внешними* по отношению друг к другу.

Между тем, следующий этап, который должен бы быть сделан, но он в силу исторической ограниченности той эпохи не был сделан, – это понимание отношения классов как *противоречия*. А противоречие – это более глубокое понимание, чем понимание просто единства противоположностей. В противоречии эти противоположные стороны не просто отрицают, не просто *исключают* друг друга, *они отрицают друг друга в своём взаимопорождении*. Отношения классов как противоречия нельзя было вполне понять в ту историческую эпоху.

Это сказалось в решении многих практических вопросов. Речь идёт не просто о каких-то умозрительных представлениях, которые не имеют никакого отношения к теории и практике коммунистических партий.

На первом этапе возникновения марксизма закономерно на первый план выступила, как совершенно верно отмечал В.И. Ленин, его философская сторона. Так, при принципиальных изменениях марксизма, при возникновении его новой исторической формы тоже необходимо преимущественное (*но не исключительное*) обращение к разработке философских проблем, и прежде всего – метода.

С моей точки зрения, подход с позиции закономерного процесса развития истории даёт возможность понять многое, что раньше не привлекало внимания или не понималось.

Вот, кстати, в «Философских тетрадях» уже цитировавшийся афоризм В.И. Ленина о том, что нельзя вполне понять «Капитала», не исследовав, не изучив *всей* логики Г. Гегеля, относится в определённой степени и к самому В.И. Ленину. И это можно показать на тексте фрагмента «К вопросу о диалектике», где он в своём роде подводит некоторые итоги. Там есть смешение категории «противопо-

ложность» и категории «противоречие». На уровне категории «противоречие» там не осознаётся диалектика, диалектический метод. И в этом сказались то, что он только приступил к работе по систематическому изучению всей логики Г. Гегеля в сравнении с «Капиталом» К. Маркса.

Это сказались и на его работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Хотя это и гениальная работа, но не непосредственное, систематическое развитие науки о капитале. Доказательство такого положения не может быть приведено в рамках данного доклада.

Если подходить с точки зрения диалектического «снятия» марксизма, то следует иметь в виду, что сам метод необходимо должен развиваться, он должен быть преобразован по сравнению с тем, каким он был в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Это не просто прихоть. Без решения этих вопросов нельзя наметить, нельзя предвидеть будущее развитие человечества в той мере, в какой это сейчас необходимо. Нельзя наметить подлинные, отвечающие современной действительности, стратегические цели коммунистических партий. Это относится и к РКРП, которой я в наибольшей степени симпатизирую. Понимание коммунистами современной действительности находится на уровне, не учитывающем существенные, произошедшие после эпохи К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина изменения.

На состояние коммунистических партий, коммунистического движения влияет то важное обстоятельство, что в настоящее время мы переживаем период относительно мирного развития капитализма. (Мирного в том смысле, что его существованию в целом не угрожают социалистические революции в ближайшее время). И, вместе с тем, сейчас идёт своеобразная, невиданная в истории, то вспыхивающая, то несколько затухающая третья мировая «горячая» война. И, тем не менее, капитализм продолжает переживать относительно стабильный период своего развития, в том смысле, что эта война тоже не угрожает, ближайшим образом, его существованию.

И в этот период удержаться на коммунистических революционных позициях чрезвычайно тяжело. Не случайно имеет место упадок коммунистического движения. Но возрождение коммунистического движения невозможно без прорыва в области теории, в области мировоззрения. Ведь сначала, для того чтобы успешно действовали коммунистические партии, необходимо развитие мировоззрения и метода, соответствующих современной эпохе. На основе теоретических представлений намечаются стратегические цели и задачи. Уже на основе всего этого образуется организация, соответствующая намеченным целям. А организация-то должна меняться в соответствии с изменяющимися условиями. На основе этого определяется и тактика. Без таких необходимых условий коммунистическое движение не может быть успешным. Хотя, конечно, главная причина возрождения коммунистического движения будет заключаться в том, что через какое-то время всё-таки наступит пора новых революций в мировом масштабе. Сейчас я не хочу об этом подробно говорить, кое-что тут можно уже предвидеть, но это тема для специального разговора.

Итак, я остановился сейчас не на всех вопросах, потому что, скажем, в прошлом году уже речь шла о снятии исторического материализма. Вообще надо говорить о снятии всей современной философии. Дело заключается не в том, чтобы, сняв материализм, остаться на позициях идеализма. И не в том, чтобы примирить материализм и идеализм. Не об этом речь идёт. А о том, что сейчас постепенно созревают такие условия, когда вопрос об идеализме и материализме перестанет быть актуальным.

Ведь в связи с чем возникает этот вопрос? Он возникает в связи с возникновением и дальнейшим развитием противоположности физического и умственного труда. Существование такой противоположности является основой возникновения и существования противоположности материализма и идеализма.

Противоположность и классовое расчленение общества, они же не вечны. Не вечна противоположность физического и умственного труда. Вы посмотрите «Немецкую идеологию». В ней отношение идей и действительности и развитие этого отношения до степени противоположности имеет своей основой разделение физического и умственного труда, и развитие его до противоположности. Если исчезнет противоположность физического и умственного труда или даже их существенное различие, то изменится существенным образом и то, что порождается этой основой. И сейчас это уже можно предвидеть. Появляется возможность для создания новой, более продвинутой, если можно так выразиться, формы взглядов на природу, общество и их взаимодействие. Хотя, до тех пор, пока существуют классы, до тех пор, пока существует противоположность физического и умственного труда, об исчезновении материалистического понимания истории не может быть и речи.

Я хочу ещё раз напомнить, что, когда у нас боролись с религией, то боролись с *атеистических* позиций. Но ведь, если присмотреться (и Маркс это, собственно говоря, уже понимал, не в общем плане, но применительно к самому термину), – атеизм это отрицание религии, не более того. Но это отрицание только тогда имеет смысл, когда есть религия, когда есть теизм. Если нет религии, не нужен атеизм. Ибо нечего тогда отрицать. Значит, эта борьба, атеистическая пропаганда исходили в нашей стране из наличия теизма, и это вполне закономерно и естественно при определённых условиях.

С одной стороны, атеизм предполагает наличие того, что отрицается (а именно – религии), а с другой стороны, предполагает отношение, совершенно исключающее ее. Поэтому отношение к религии с такой точки зрения может быть как только ее исключение, как только ее отбрасывание, как только исключительное ее устранение. А это не диалектическое отрицание религии. Хотя, конечно, религия является социальной иллюзией, но иллюзией, не случайно возникающей и не случайно существующей столь длительное время.

Хочу подчеркнуть еще и еще раз. В недиалектическом отрицании атеизмом религии проявляется чисто односторонняя непримиримость отношения к религии. Атеисты начисто отрицают религию. Но между тем, религию необходимо диалектически «снять». Например, религия накопила ряд приемов воздействия на психику человека. Освоила некоторые приёмы психотехники. И если вот так с порога отбрасывать всё, мы не увидим этого накопленного опыта. Сказанное мной не означает, что я стою на позициях сохранения религии. Она должна преодолеваться, но более умно. Только и всего. А этот более умный подход и является диалектическим снятием.

Вот более простой пример. Более простой и менее вызывающий, наверное. Свадебные ритуалы. Те, которые идут ещё из докапиталистического прошлого. Что, их надо было отвергать? Прежде, чем их отвергать, их надо было изучить и понять, каким потребностям людей они соответствовали. Преодолены ли условия, порождающие эти потребности? Если они не преодолены полностью, значит надо было, изучив, создавать свои собственные традиции, учитывающие данный уровень развития людей.

Из сказанного, на мой взгляд, вытекает иное, более

историчное, понимание основных законов диалектики. На мой взгляд, оказывается, что понимание даже основных законов диалектики зависит от исторических условий. От уровня, от характера, от стадии развития общества. В том числе даже основные законы диалектики могут интерпретироваться и, более того, в какой-то степени, видоизменяться, но, конечно, не в том смысле, что отрицается полностью, к примеру, переход количественных изменений в коренные качественные. Нет, конечно, не об этом идёт речь. Просто речь идёт о более глубоком понимании основных законов диалектики. Они тоже могут быть подвержены, как мне представляется, (я мог бы об этом говорить, я об этом кое-что написал), они тоже могут быть «сняты».

В заключение я хочу подчеркнуть следующее. К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, в особенности К. Маркс, осуществили громаднейший прорыв в теории. Поэтому просто так, с кондачка, к тому, что они сделали, подходить нельзя. К. Маркс открыл новую историческую эпоху теории, открыл, но не закрыл. Он начал её. Причём открыл совершенно гениально. И то, что он был назван по Интернету мыслителем тысячелетия, это, по-моему, совершенно заслуженно. Ф. Энгельс отмечал, что до К. Маркса писали пухлые и бессвязные книги, но только К. Маркс, первый, если не учитывать Г. Гегеля, который всё это сделал на мистической идеалистической основе, К. Маркс первый создал такую работу, которая является связным целым. Что значит создать работу, которая является единым связным целым? Это и значит диалектически рассмотреть предмет. Рассмотреть предмет во взаимосвязи, взаимодействии, развитии и т.д. Это первым в истории человечества сделал К. Маркс в «Капитале». И до сих пор «Капитал» остаётся единственным произведением, в котором целая наука – политэкономика капитализма – представлена с позиций сознательного применения диалектического метода, Логике с большой буквы.

На этом я хочу закончить.

Ответы на вопросы

Е.Н. Харламенко

Вопрос. Вы сказали, что Гегель только в «Феноменологии духа» прошёл путь от поверхности к сущности. А в «Логике»?

Ответ. В «Логике» логическим способом – да.

Вопрос. Это была не оговорка? Вы сказали, что движение от поверхности к сущности и от сущности к поверхности является взаимоисключающим движением. Но оно ведь и взаимосвязанное тоже?

Ответ. Я об этом и говорил. О том, что это единство противоположных движений. В этом движении на одном этапе играет определяющую роль одно движение, а на другом – противоположное, но единство их сохраняется на всех этапах, если познание совершается сознательно, в соответствии с познанными его закономерностями.

Вопрос. Вы говорите, что Энгельс не вполне понял вот этот метод исследования Маркса. Вопрос: понимал ли его сам Маркс?

Ответ. Не вполне. Но, прежде чем ответить собственно на этот вопрос, я хочу сказать, что, по мере того как К. Маркс работал над «Капиталом», обнаруживалась потребность перейти к иному, более широкому предмету исследования, к исследованию всей человеческой истории.

Поэтому следует говорить о понимании К. Марксом исторического применительно не к одному только, а к двум предметам, говоря о «Капитале».

Что касается собственно капитала, то его К. Маркс исследовал действительно так, как писал Ф. Энгельс, в основном следуя за литературой, так или иначе отража-

ющей экономику капитализма.

На мой взгляд, сознательно и достаточно определенно он не поставил вопрос о том, что следующим шагом должно быть специальное историческое исследование капитализма, которое может и должно дать не только собственно знание истории капитализма, но и углубить понимание капитализма, достигнутое логическим способом. Более того, необходим еще следующий этап. Специальное рассмотрение единства результатов исторического и логического способов исследования. Это во-первых. А во-вторых, по мере того, как К. Маркс переходил к исследованию действительности капитала, когда он стал переходить к рассмотрению государства и классов, встала проблема, которая, к сожалению, не сформулирована им достаточно чётко, встала проблема исследования более широкого предмета, а именно общества в целом и всей его истории. То есть исследования и тех сфер жизни общества, которые покоятся на экономической основе. Эти сферы жизни общества формируются не только на капиталистической экономической почве. Они имеют свою, относительно самостоятельную историю, не сводимую только к их истории при капитализме. Таким образом, для того, чтобы вывести из капиталистической экономики другие сферы жизни общества, необходимо было перейти к исследованию докапиталистического развития и экономики, и других сфер жизни общества. То есть решение проблемы выведения с необходимостью требовало перехода к более широкому предмету исследования – к рассмотрению общества в целом и всей его истории. Можно назвать это переходом к логико-историческому исследованию. К. Маркс в конце жизни перешёл к хронологическим выпискам. А в этих выписках содержится в общем и целом традиционный описательный исторический подход. Между тем именно при решении этой проблемы как раз и требовалось несколько иное понимание исторического процесса. Иной способ исследования. Вот здесь он уже требовался в качестве необходимого.

Вопрос. То есть, если я правильно поняла, то соотношение исторического и логического, которое он продемонстрировал в «Капитале», для него самого тоже осталось неосознанным? Он это сделал, но сам не понял?

Ответ. Нет, он понимал, но, видите ли, понимал больше что? Что ЛОГИЧЕСКИЙ способ един с историческим. То есть то, в какой мере исторический процесс «снимается» в логике. Но не осознавал необходимости специального исследования историческим способом развития капитализма, как существенно углубляющим логическое понимание.

Димитриос Пателис

Вопрос. Вы говорили об исторической ограниченности, которая отражается в «Философских тетрадах» Ленина и в его работе об империализме. Вопрос: в каком смысле ограниченность В.И. Ленина отразилась в работе об империализме?

Ответ. В полной мере ответить на этот вопрос сейчас невозможно, но все же я постараюсь сказать о некоторых существенных моментах. Я говорил в докладе о том, что в эпоху К. Маркса и Ф. Энгельса требовался акцент на отрицании капитализма. В ту же эпоху, когда В.И. Ленин писал работу об империализме, – эпоху империалистических войн и социалистических революций, – вопрос об отрицании капитализма обострился до крайней степени. Поэтому, естественно, те исторические ограниченности во взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса, которые связаны с акцентом на отрицании капитализма, с необходимостью присутствуют и в работах В.И. Ленина. И они должны

присутствовать в еще более выраженной форме. Обострение классовой борьбы, доходящее до крайних форм, естественно, должно было вызвать непримиримость, более того, исключительную противоположность взглядов защитников капитализма, соглашателей, с одной стороны, и противников капитализма – с другой.

Я уже говорил ранее в этом выступлении, что у В.И. – Ленина во фрагменте «К вопросу о диалектике» есть понимание диалектики в значительной степени на уровне именно *исключающей* противоположности. То же самое наблюдается и в работе об империализме. И такое отношение к вопросу о взаимодействии противоположных сторон проявляется, в частности, там, где В.И. Ленин критикует ультраимпериализм К.Каутского. (Кстати, то же самое имеет место в статье В.И. Ленина «О лозунге Соединенных штатов Европы»). Если К. Каутский в своих взглядах на ультраимпериализм существеннейшим образом недооценивает внутриимпериалистические противоречия, то В.И. Ленин в *исключающую* противоположность ему недооценивает возможность объединения империалистических государств в некие сверхгосударства, недооценивает возможность создания Соединенных штатов Европы и переоценивает возможности грядущих социалистических революций, предполагая, что победоносная социалистическая революция произойдет раньше, чем это объединение, в той или иной степени совершится. В действительности, победоносная социалистическая революция произошла в России и в некоторых других странах, но они не устранили процесс интеграции империалистических государств в Европе в сверхгосударственное объединение.

Здесь как раз и проявились переоценка В.И. Лениным возможности социалистической революции и недооценка возможностей капитализма. К. Маркс тоже, когда работал над «Капиталом», стремился как можно быстрее его закончить, до «потопа» (К. Маркс). Он тоже преувеличивал возможности революции. Он тоже предполагал, что революция произойдет раньше, чем это в действительности произошло. А в этом, между прочим, выражается недооценка возможностей капитализма. Такая недооценка внутренне связана с акцентом во взглядах на отрицании капитализма.

Приведенный пример есть проявление и соответствующего понимания метода, диалектики, Логики. Но более подробно говорить об этом не позволяет время.

В.Г. Голобоков

Вопрос. Есть известное высказывание Ленина о том, что Гегель в своей «Логике» угадал диалектику реального мира. Именно угадал. Как Вы считаете, насколько истинно это высказывание по отношению к Гегелю, что он только лишь угадал? Что диалектическая логика Гегеля лишь плод угадывания диалектики мира?

Ответ: Ну, у Маркса есть и другое высказывание по поводу Гегеля, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», что Гегель, несмотря на мистификацию, т.е. идеализм, первым в истории описал всеобщие формы движения диалектики. Как можно описать основные формы диалектики, если только угадать...?!

Т.И. Яброва

Вопрос. Виктор Алексеевич, когда Вы говорите об ограниченности отрицания капитализма в работе Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и в связи с этим о необходимости развития теории, не следует ли из этого в частности, что Вы разделяете утверждение о наступлении качественно новой стадии развития капитализма – ультраимпериализма – широко распрос-

траненное в современной философской и экономической литературе.

И второе: Как Вы считаете, в чём развитие методологии Маркса в работе Ленина? Видите ли Вы там развитие самого метода?

Ответ. О «бытующих в философской среде разговорах» я отвечу вопросом на вопрос: А кто из философов основательно изучал современный капитализм?! Их позиция – позиция человека, покупающего шапку, не измерив предварительно головы.

К настоящему времени ещё нет, на мой взгляд, таких опубликованных марксистских работ, в которых бы империализм рассматривался с позиций диалектического «снятия» классической исторической формы марксизма. Все те марксистские работы об империализме, которые опубликованы, написаны с точки зрения, главным образом, отрицания капитализма. В них не учитываются те изменения в методологии, которые должны быть внесены на основе осмысления раннего социализма, его возникновения, развития и гибели в некоторых странах. (Более того, сам ранний социализм ещё в достаточной степени не осмыслен, не поняты глубинные причины его гибели в ряде стран). Поэтому завершённые ответы на поставленные вопросы давать пока, по меньшей мере, сложно не вызывая реакции непонимания. Изучение работы В.И. Ленина об империализме, как и изучение других работ, могут выявить некоторые необходимые заблуждения, содержащиеся в них и связанные с той эпохой, когда они были написаны, и с учётом углубления в сущность предмета. Я подчёркиваю, что здесь речь идёт о необходимых заблуждениях, а они всегда выявляются, когда происходит процесс диалектического «снятия».

Когда я говорил о ленинской работе, я не подвергал сомнению те выводы, которые там сделаны. Я могу пояснить здесь аналогией. Предположим, Маркс, в период формирования философии марксизма. Одно дело, что он написал об экономике капитализма в «Нищете философии», хотя вроде всё писал правильно, и совсем другое дело – в «Капитале». Это разные уровни. Речь идёт о разных уровнях понимания предмета, а не о том, что в этом предмете неправильно выявлены признаки империализма или сделаны неправильные основные выводы.

Если мы начнём изучать империализм с точки зрения диалектического «снятия» исторической формы классического марксизма с соответствующим пониманием диалектического метода, с точки зрения, учитывающей исторический опыт победоносных революций и опыт строительства социализма, а также уроки, следующие из гибели социализма в некоторых социалистических странах, то мы, уже поэтому, должны подняться на более высокий уровень осмысления империализма. Мы должны выйти на иной уровень, в том числе и прежде всего, на *новый* методологический уровень. Опять-таки, не в том смысле, что у Ленина всё неправильно. А только в том смысле, что более глубокий уровень изменяет в той или иной степени прежнее наше представление. Такая работа ещё не проделана.

Я написал книгу «Становление метода научного исследования Карла Маркса. Логический аспект» и обнаружил следующее. К. Маркс, идя всё более глубоко, в период формирования шёл, по сути дела, от поверхностных слоёв человеческого общества вглубь, к сущности человеческого общества. Так вот, К. Маркс, с одной стороны, шёл к истине и истинно, а с другой стороны, он на каждом уровне допускал необходимые заблуждения. И иначе процесс не может осуществляться. Любой, самый разгневанный исследователь находится на определённом уровне. Этот уровень необходимо ограничен некоторыми

заблуждениями. А эпоха необходимо порождает определённые заблуждения, которые «снимаются» на более глубоком уровне познания. Как ребёнок не может понять каких-то своих заблуждений, пока не станет взрослым, так и К. Маркс не мог устранить заблуждения процесса познания в процессе формирования его философских взглядов, то есть движение от поверхности к сущности, пока не пришёл к завершению этого движения. Исследование не может совершаться, если не допускаются неосознанно, а затем осознанно не «снимаются» необходимые заблуждения. Без этого остановится познание.

То, что я сейчас говорю о К. Марксе, применимо и к работам В.И. Ленина. Но говорить подробно в таком плане о работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» сейчас вряд ли целесообразно в связи с возможной повышенной эмоциональной реакцией. Поэтому я хочу здесь только сказать, в какой-то мере, может быть, и повторить, что исследование всегда есть единство истины и заблуждения, но такие заблуждения обнаруживаются в том случае, если исследователь переходит к ещё более глубокому постижению сущности.

Если продолжить развитие «Капитала» К. Маркса и, кроме того, продолжить исследования империализма с позиции диалектического «снятия» классической исторической формы марксизма, то мы лишь постепенно придём через некоторые промежуточные звенья к такой теме, как империализм.

А В.И. Ленин как бы опустил промежуточные звенья. Ну, иначе было нельзя, это было необходимо практически. Он, действительно, многое сделал. Но сам он не случайно сказал, что это научно-популярный очерк. Надо к этому прислушаться. Это не просто скромность. Это *реальная* оценка.

Периклис Павлидис

Вопрос. Вы сказали, что Ленин не вполне понимал разницу между противоречием и противоположностью. Как это сказалось на его взглядах относительно способов и путей строительства социализма в СССР? И в связи с этим ещё один вопрос: Считаете ли Вы, что такое непонимание разницы между противоречием и противоположностью является характерной чертой всех программ строительства раннего социализма?

Ответ. Я думаю, что когда эпоха выдвигает задачу отрицания капитализма, она, естественно, накладывает отпечаток и на понимание будущего общества. Кстати, я не сказал, когда открываются возможности для более глубокого понимания социализма. Когда открывается и требуется проблема снятия социализма. Не тогда, когда социализм идёт по восходящей. Вот когда социализм идёт по восходящей, здесь работает всё то, что было сделано К. Марксом, Ф. Энгельсом и затем продолжено В.И. Лениным. Всё это не подвергается сомнению. К. Маркс несколько по иному поводу, но, тем не менее, говорил о том, что эпоха понимается тогда достаточно глубоко, когда начинается её самокритика. Т.е., когда начался процесс разложения, упадка, тогда появилась, неосознаваемая, конечно, но объективная возможность для того, чтобы понять социализм как историческое явление более глубоко. Тогда, скажем, появилась возможность для того, чтобы понять то, что у нас было, — это ранний социализм, со своими особыми чертами. Но необходимый социализм. Необходимая стадия. Иначе быть не могло. Но попробовали бы... ну, об этом, во-первых, никто не мог подумать, когда социализм был на подъёме. О том, чтобы снимать марксизм или иначе относиться к социализму. Но опять

же, здесь речь идёт не о том, чтобы отрицать социализм. В смысле зряшного, пустого отрицания. Речь идёт о том, что степень постижения сути социализма в период восходящего социализма не могла быть достаточной для того, чтобы понять его в качестве раннего, в качестве определённой исторической стадии социализма. И поэтому отсюда следует, что не могли предвидеть и будущего социализма в нашей стране. Не могли в достаточной степени в то время предвидеть. Это опять естественноисторический процесс. Как я уже говорил, в тот период старались только понимать Маркса. Диалектическое «снятие» классической исторической формы марксизма могло быть связано только с тем направлением марксистской философии, которое шло по пути исследования фундамента марксизма. А именно «Капитала». И обнаружение возможности и необходимости диалектического снятия происходило по мере углубления в «Капитал», по мере более глубокого понимания метода «Капитала». Вот когда это как система предстало, тогда и обнаружилось, что сама система в своём методологическом содержании является продуктом определённой эпохи. И несёт следы этой эпохи. Только тогда. А сначала речь шла о том, чтобы сравнить логику Гегеля с логикой «Капитала». Причём, это был такой исторический период, когда социализм, в общем и целом, не отрицался как особое общество. Тогда только начинали внутри страны появляться «диссиденты», присвоившие себе название «демократы», только тогда стали подвергать сомнению социализм в целом.

Это был как раз такой период, когда стало возможным переосмысление социализма в целом с коммунистических позиций. Не отбрасывать то, что было сделано в СССР, не приуменьшать, а исследовать как явление, достигшее, ну, не зрелого социализма, а достигшее своей высшей точки развития раннего социализма.

Димитриос Пателис

Вопрос: В продолжение того, что было сказано Вами в процессе ответов на вопросы, мне хотелось бы спросить ещё об одном законе. О законе отрицания отрицания. Об уровне этого закона, методологическом уровне понимания этого закона, и о том, как это отражается на теоретическом предвидении и, соответственно, на стратегических задачах, которые ставит перед собой коммунистическое движение?

Ответ: У меня есть рукопись об основных законах диалектики, в особенности о законе отрицания отрицания, об исторической ограниченности понимания этих законов Г. Гегелем и К. Марксом, об историчности понимания этих законов. Но сейчас этот вопрос раскрывать нецелесообразно в связи с ограниченностью во времени. Я могу только сказать, что вот такая интерпретация закона отрицания отрицания, которая содержится в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, тоже является исторически ограниченной. Исторически. Это всё время приходится подчёркивать. Не об индивидуальности К. Маркса идёт речь. Он гениальный человек. И приуменьшать тут нечего. И В.И. Ленин — гениальный человек. Всё это первоклассные гении. Не о них идёт речь. А речь идёт об эпохе. И том, как эта эпоха с необходимостью должна была отражаться во взглядах. Наступила такая эпоха, когда без снятия марксизма не возродится коммунистическое движение. Оно не пойдёт на подъём. Догматическое представление о марксизме изживает себя. Это не прихоть. Я сам длительное время приписывал Э.В. Ильенкову то, что на самом деле сказал К. Маркс. А то, что появлялось у меня, я приписывал К. Марксу.

Еще раз о диалектическом снятии марксизма

В.А. Вазюлин

С одной стороны, мир всё глубже и глубже заходит в тупик. Всё больше и больше обостряются противоречия. Такие противоречия, которые грозят вообще существованию человечества. С другой стороны, ослабли и продолжают слабеть силы сопротивления. Т.е. мы живём в эпоху «межвременья». По аналогии можно было бы сказать, что это эпоха подобна той, которую переживала Европа перед первой мировой войной. Тогда сохранялось мирное существование капитализма. Не без каких-то конфликтов, но, тем не менее, европейские страны не воевали друг с другом. Примерно такая же ситуация наблюдается сейчас в мире. Правда, по крайней мере, с двумя следующими существенными отличиями.

Во-первых, капитализм вступил в стадию вооружённой борьбы развитых капиталистических стран, в первую очередь США, с рядом других стран мира, которая может рассматриваться как единый процесс вооружённой борьбы «золотого миллиарда» с остальным населением планеты. Но этот процесс пока находится на своих начальных этапах и пока ещё не грозит основам мирового капитализма.

Во-вторых, в то время уже существовала теория К. Маркса, которая *тогдашние* процессы объясняла достаточно хорошо. И существовала партия, которая располагала этим знанием и могла реализовать имеющиеся в то время возможности революционного изменения общества. В настоящее время нет ни такой теории, ни партии,

способной к коренным общественным преобразованиям. Но для того, чтобы появились партии, которые способны реализовать возможности коренного изменения общества, необходима, *прежде всего, теория*. Ведь если нет теории, не может быть организации. Не может быть правильной организации, — не может быть правильной тактики. Не может быть, само собой разумеется, правильной *стратегии* коммунистических партий. *Все существующие программы коммунистических партий построены на основании худшего или лучшего усвоения классической исторической формы марксизма*. А времени прошло много, изменения произошли колоссальные. Энгельс в свое время писал, что даже с каждым новым великим *естественно-научным* открытием марксизм принимает новую форму. А после Маркса, Энгельса и Ленина были сделаны не только великие *естественно-научные* открытия, но и произошли колоссальные изменения в обществе, значение которых для понимания развития человечества не сравнимо с какими-либо, даже великими, естественно-научными открытиями. В частности, и эта «частность» весьма существенна, — существовал и до сих пор в некоторых странах существует социализм. Я его называю *ранним* социализмом, и всю эпоху протекших социалистических революций — эпохой *ранних* социалистических революций.

Изменения произошли коренные, а марксизм остался на прежнем уровне. Между тем марксизм требует ряда

фундаментальных изменений. Это не значит, что марксизм надо отвергнуть. Нет такой дилеммы – либо всё принять в марксизме, либо всё отвергнуть. Якобы марксизм – это теория 19 века. Ничего подобного. Если марксизм был научной теорией, то он полностью отвергнут быть не может. Он может быть только «снят». То есть он должен быть преобразован с восприятием, пониманием, учётом того, что в нём сохранилось, сохраняется и будет ещё длительное время сохраняться. А некоторые идеи марксизма, если их рассмотреть поближе, показывают, что их значение сохранится и не на один век. Поэтому в настоящее время, для того чтобы коммунистические партии могли создать действительно современные программы, соответствующие современному уровню развития человечества, и нашей страны в частности, необходимо поднять марксизм на новую ступень.

Ныне не многие понимают и разделяют такую позицию. Действительно, в настоящее время рассчитывать на то, что многие это поймут, не приходится. Идеи К. Маркса ведь тоже пробивали себе дорогу не сразу. В частности, они пробивали себе дорогу не сразу потому, что, как справедливо писал К. Маркс в послесловии ко второму изданию 1-го тома «Капитала», «в своём рациональном виде диалектика внушает буржуазии и её доктринам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно также и с её преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹. Диалектика революционна, то есть она рассматривает существование, как подлежащее изменению в корне. Поэтому, естественно, в таких условиях, особенно в условиях нашей страны, когда буржуазия у нас снова победила и торжествует, когда буржуазия запрещает не только идею диктатуры пролетариата, но даже идею борьбы классов, идею, открытую буржуазными идеологами, когда она утверждает, что существует классовый мир, что нельзя разжигать социальную рознь, что надо забыть противоречие между богатыми и бедными, на быстрое и широкое распространение теории, соответствующей современным условиям развития человечества и направленной на коренное изменение общества рассчитывать нельзя. На участие в развитии и распространении такой теории могут решиться только немногие люди. Но дело это делать надо. Не потому, что это предмет амбиций какого-то отдельного человека, а потому, что, если не будет выявлен путь выхода человечества из тупика, человечество погибнет. Единственный путь, на котором можно найти этот выход, – это создание обобществившегося человечества, иными словами – построение коммунистического общества.

Возможности для перехода к новой форме марксизма возникли у нас в 60-х годах, когда социализм в нашей стране был подвергнут критике. Именно тогда стали нарастать противоречия социалистического общества, и, вместе с тем, рос – в значительной мере не осознаваемый – интерес к фундаментальным основам марксизма. То был короткий период – с конца 1950-х до конца 1960-х годов. Потом постепенно стала преобладать – опять-таки первоначально не вполне осознаваемая – буржуазная, реставрационная позиция. Позиция не развития марксизма, не развития социализма, а реставрации капитализма и соответствующих ему идей. Этой позиции

симпатизировало немалое количество людей. И со временем число их увеличилось. Почему так происходило, – особая тема, требующая специального обсуждения.

Дело заключалось не только в том, что какие-то люди, вроде Горбачёва, секретарей ЦК компартий национальных республик, предали. Дело заключалось в том, что ранний социализм стал обнаруживать свои **объективные** противоречия. Их надо было серьезно изучать и так же серьезно разрешать. Но они не были изучены и не были разрешены. И, в конечном счёте, всё завершилось реставрацией капитализма. Катиться с горы гораздо легче, чем взбираться на неё.

Советская философия и почти все отрасли гуманитарного знания к этому времени были догматизированы. Прорыв намечался только в области изучения «Капитала». Несколько советских философов решили рассмотреть фундаментальные основы марксизма. А где находятся эти основы? Самые глубокие основания марксизма находятся в «Капитале» К. Маркса. Первоначально вопрос ставился так: **понять** логику, методологию «Капитала». Не развить «Капитал», а **понять** «Капитал». Такой талантливый исследователь, как Эвальд Васильевич Ильенков, по сути дела так и подходил. Ильенков является самым крупным исследователем, который только **начинал подходить** к проблеме творческого развития «Капитала». Остальные были далеки от этого.

Теперь я хочу дать некоторое представление о том, что у К. Маркса надо изменить. Те, кто специально занимался марксистской философией, знают классическое высказывание К. Маркса в послесловии ко 2-му изданию 1-го тома «Капитала» о своем методе и о том, что сделал Гегель. Здесь я скажу о своем отношении к великим, гениальным открытиям К. Маркса.

Первое – о методе (хотя, может быть, и сейчас ещё время не пришло, чтобы это систематически излагать). Маркс говорит: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург² действительно, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»³. Для Гегеля идея является демиургом действительности, Маркс же ставит всё, по известному метафорическому выражению, с головы на ноги. Если вдуматься, Маркс действительно перевернул гегелевский метод. Он создал **материалистический** диалектический метод. Ещё в те годы, когда он начал критиковать гегелевскую философию права, он заметил, что Гегель исходит из некой изначально данной идеи. Эта идея, понимаемая как изначально данная, **накладывается** на разные сферы действительности, и разные сферы действительности **подгоняются** под эту идею. К. Маркс заметил по этому поводу, что Гегеля интересует **дело логики**, а нужна **логика дела**. То есть необходим такой метод, который позволяет вскрывать реальные специфические отношения, реальную суть предмета. Гегель, по существу, перевел религиозные идеи на язык философии. Действительно, в таком случае материалистический метод Маркса прямо противоположен идеалистическому методу Гегеля. Но в действительности, дело обстоит не совсем так просто. Ведь что такое прямая противоположность? Что такое вообще противоположность? Противоположные стороны

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. – С. 22.

² – творец, создатель.

³ Там же. – С. 21.

– это стороны, которые **исключают** друг друга и **едины** во взаимоисключении. Материализм и идеализм так и относятся друг к другу – они исключают друг друга, и вместе с тем материализма без идеализма не может быть. И также идеализма, если нет материализма, нет и быть не может. Они друг друга взаимопредполагают, и это их единство состоит в их взаимоисключении. Так вот такого отношения к диалектике Гегеля и к материализму в настоящее время недостаточно. Необходимо переходить к более глубокому пониманию взаимоотношения этих мировоззрений, пониманию не только как противоположности, но и как противоречия. Если мы рассматриваем отношение противоположности, то это отношение выступает именно как простое отрицание одной стороны противоположности другой стороной противоположности. В самом деле, одна противоположность только исключает и предполагает другую лишь вследствие **исключения** этой другой стороны. Следовательно, сама эта другая сторона – только исключается, как, скажем, если мы стоим на позиции простого отрицания капитализма, то наша позиция заключается в том, что мы его только отбрасываем, исключаем, отрицаем и не более того.

С точки зрения противоречия, не достаточно просто отвергнуть капитализм. Его надо преобразовать и, выявив его достижения, сохранить их в преобразованном виде. С точки зрения прямой противоположности, если быть логически последовательным, – капитализм просто отрицается, что, в методологическом аспекте, проявляется во взаимоисключающем противопоставлении **дела логики логике дела**. Здесь делается акцент на первом отрицании. И этот же акцент проявляется в том, что К. Маркс характеризует свой метод как **прямую противоположность** методу Гегеля. Это же сказывается и в том, как К. Маркс характеризует достижение Гегеля в области логики, в области исследования диалектики. В том же Послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» К. Маркс пишет: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение её всеобщих форм движения»¹. Под мистификацией понимается не что иное, как идеалистический метод Гегеля, который **прямо противоположен** материалистическому методу К. Маркса (и о котором К. Маркс пишет несколько выше). Таким образом, получается, что изображение всеобщих основных форм диалектики не зависит от того, является ли метод идеалистическим или материалистическим. Идеалистический метод Гегеля исходит из идеи, как чего-то первоначального, исходного, абсолютно ни от чего не зависящего. И эта идея является неким всеобщим первоначалом, проявляется в особенном и единичном, в конкретных вещах, процессах, явлениях, которые по своей сущности служат лишь её воплощением. Таким образом, единичное, особенное и конкретное, вещи, процессы и явления, со своей стороны, не воздействуют на изначально данную всеобщую идею. Или, говоря в более чистом, категориальном плане, изначально данное всеобщее лишь подчиняет себе особенное и отдельное. Всеобщее лишь воплощается в них. Но отдельное и частное не могут изменить изначально данное всеобщее. Следовательно, тут не существует внутренней связи ни всеобщего с единичным, ни, тем более, единичного, частного, отдельного со всеобщим.

Повторю ещё раз. Всеобщее только проявляется в частном, отдельном, единичном, но существенным обра-

зом не зависит от частного и единичного. Такое понимание всеобщего с одной стороны, и отдельного, частного, единичного – с другой, существенно характеризует гегелевское понимание диалектики. Всеобщие основные формы диалектики как раз и предстают в таком случае как не зависящие от логики дела, от специфики отдельных, частных, единичных вещей, процессов, явлений.

С точки зрения материалистической, с позиции материалистического метода нет и не может быть изначально данного всеобщего, независимого от логики дела, от специфики отдельных, частных, единичных явлений, процессов, вещей. Это же относится к всеобщим основным формам диалектики. Иначе мы с неизбежностью переходим к идеалистическому пониманию метода, к идеалистическому пониманию диалектики.

Между тем у К. Маркса в приведённых цитатах как раз и проявляется такой отрыв всеобщих форм диалектики от логики дела, от специфики отдельных, частных, единичных явлений, вещей.

Почему это произошло у такого великого мыслителя и такого великого диалектика, как К. Маркс? На мой взгляд, это ни в коем случае не говорит о его индивидуальной ограниченности. Ведь вышеприведённые высказывания К. Маркса читали если не миллионы людей, то уж по меньшей мере сотни тысяч. Но почему-то никто не заметил того, о чём сказано выше. Почему? – Прежде всего, противоречивость во взглядах К. Маркса не была обнаружена потому, что не были поняты ни характер современной эпохи, ни его отличие от характера эпохи, современной К. Марксу и Ф. Энгельсу.

В чём же заключается это отличие, которое повлияло на характер трактовки К. Марксом всеобщих основных форм диалектики. В эпоху К. Маркса и Ф. Энгельса основной задачей коммунистического движения было **отрицание** капитализма. Но если коммунистическое движение главной задачей, в соответствии с характером эпохи, ставит **отрицание капитализма**, то оно становится в позицию противоположности капитализму. А эта позиция – позиция простого отрицания, при котором происходит отбрасывание отрицаемого без достаточно глубокого его переосмысления, без полного преобразования отрицаемого. Когда отрицание необходимо предполагает существование отрицаемого, подобно тому как атеизм предполагает существование религии, то есть он существует на стадии, когда не произошло полного преобразования религии.

Главным содержанием эпохи, оцениваемой с позиций революционных сил, было **отрицание** капитализма. Нового общества не было. Поэтому Марксом, Энгельсом, а потом Лениным акцент делался, и правильно делался, на отрицании. **Не на отрицании отрицания, а на первом отрицании**. А что значит отрицание? Если мы рассмотрим это как категорию, то всякое отрицание предполагает отрицаемое. Например, атеизм предполагает существование религии. Нет религии – не нужен атеизм. Атеизма нет без религии. В ту эпоху неизбежно было акцентирование, пусть несознательное, даже для такого гениального человека как К. Маркс, первоклассного гения, на отрицании. Не на противоречии в собственном смысле слова, а на противоположности.

У В.И. Ленина это выражено более явно – в «Философских тетрадях» диалектика понимается преимущественно на уровне **отрицания**, а не на уровне **отрицания отрицания**. Это можно было бы показать по тексту.

К. Маркс дальше пишет, что та мистификация, которой подверглась диалектика в трудах Гегеля, не помешала Гегелю всеобъемлюще и сознательно описать основные

¹ Там же. – С. 22.

формы диалектики. Значит, мистификация, идеализм Гегеля не помещали ему всеобъемлюще и сознательно понять основные формы диалектики. Получается, что идеализм к этому не имеет отношения: можно быть идеалистом или материалистом и всё равно «дать всеобъемлющее и сознательное изображение её [диалектики — В.В.] всеобщих форм движения». Отсюда дальше следует, что всеобщее понимается как оторванное в той или иной степени от единичного и особенного. Получается, что всеобщие законы диалектики тут подсознательно интерпретируются как оторванные от реальных процессов. Несмотря на упомянутое классическое высказывание К. Маркса, несмотря на противопоставление и именно вследствие особого рода противопоставления — как прямой противоположности, — К. Маркс, страшно сказать, ещё не вполне преодолевает гегелевский идеализм. И это было неизбежно при подходе к действительности преимущественно с точки зрения отрицания, а не отрицания отрицания. Маркс сделал большой, огромный шаг вперёд в понимании диалектики, в понимании метода. Но этот шаг вперёд был ограничен исторической эпохой. Любой гений полностью выйти за рамки эпохи не может. Эпоха так или иначе, в той или иной степени оказывает на него влияние. Человек не всегда и не полностью это осознаёт и не может полностью осознать. Надо материалистически подходить к таким вещам.

Таким образом, как вытекает из приведённых цитат, противоположность между материализмом и идеализмом к пониманию всеобщих форм диалектики, с точки зрения К. Маркса, не имеет отношения. По крайней мере, в какой-то степени не имеет отношения.

В связи с этим хотелось бы сказать о понимании диалектического метода в советской науке. В экономической науке учёные, так или иначе, опирались на метод Маркса, пытаясь, в частности, построить систему категорий социалистической политэкономии (коллектив под руководством Н.А. Цаголова, МГУ). Метод К. Маркса в советской философской науке понимался и излагался по-гегелевски. Да, говорилось о материалистическом понимании истории, о материалистическом диалектическом методе, но где вы видели хотя бы одну науку, которая была бы построена с сознательным применением материалистического диалектического метода, кроме «Капитала» К. Маркса? Сколько времени прошло с возникновения социализма в СССР, но ни в одной науке не был повторён опыт гениального прорыва в политэкономии капитализма, осуществлённого К. Марксом. Это значит, что диалектический материализм понимался как некая идея, оторванная от конкретных реальных исследований. Это значит, что диалектический метод **не был реализован** в конкретных исследованиях, он оставался оторванным от них.

В Советском Союзе будто бы процветал марксизм, а на самом деле, в немалой степени это была буржуазная идеология. Так, у нас были кафедры атеизма. Что такое атеизм? Атеизм был выдвинут как одна из основных идей поднимавшейся буржуазии в борьбе против феодализма. Атеизм ведь отнюдь не собственно марксистский подход к религии. Это был подход, сохранявший ещё революционный антифеодальный потенциал буржуазии, — отрицание религиозного господства, отрицание господства духовенства в политической и духовной жизни. Марксистский подход к религии существенно иной. Его наметил К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе»: недостаточно свести «небесную семью» к её земной основе, как это сделал Фейербах. **Надо показать, — писал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», — «саморазорванность**

земной основы» и вывести из нее «небесную семью». Саму основу надо показать, саму основу надо преобразовывать. Из земной основы выводить религиозные представления, религиозные убеждения, чувства и т.д. Кафедры атеизма если и изучали, то совершенно не достаточно эту «саморазорванную земную основу», «самопротиворечивость земной основы религии», возможность её преодоления. Атеизм, скорее, сводился к просветительству.

По сути, **ранний социализм, как первое отрицание капитализма**, в немалой степени воспроизводил буржуазные формы сознания, буржуазные подходы и т.п. Идеальный исток этого в известном смысле был уже у К. Маркса. Отмеченные выше идеи К. Маркса, высказанные им в «Тезисах о Фейербахе», не получили достаточного развития в его трудах. В конечном счёте, это произошло под влиянием эпохи преимущественно отрицания капитализма.

После того как мы имели (СССР и социалистические страны) и имеем дело (Китай, Куба, Вьетнам, Северная Корея) с ранним социализмом, есть возможность сделать в этом отношении шаг вперёд. Можно посмотреть на новое общество не только с точки зрения отрицания старого общества, но и с точки зрения утверждения нового, пусть очень неразвитого, подобно, метафорически говоря, двухнедельному зародышу ребёнка, у которого ещё есть жаберные щели. И этот «ребёнок» противостоит «горилле капитализма». Пусть это социализм «с жаберными щелями», и противостоит он взрослой «горилле капитализма», но это уже человек, а не горилла, **это уже начало подлинной истории, а не предыстория общества.** Точка зрения утверждения нового общества позволяет встать на более высокий уровень понимания и метода, и общественных процессов, и многих других проблем, даже в естествознании.

Но вернемся к методу К. Маркса. Мне представляется, что К. Маркс несколько оторвал логику дела от дела логики. На самом деле, понимание всеобщих форм диалектики не может быть безразлично материализму и идеализму. Необходимо было бы К. Марксу вернуться на основании логики дела к делу логики и рассмотреть их не просто как прямые, а как внутренне взаимосвязанные противоположности, как противоречие. Ибо всеобщие законы диалектики не абсолютны. Те, кто обучался в советской высшей школе, помнят, что законы диалектики понимались как совершенно неизменные, как абсолютные. **Между тем законы диалектики, даже основные, сами изменяются в соответствии со спецификой предметов, процессов, вещей, в соответствии с их изменениями во времени и в пространстве. В связи с этим следует иметь в виду, что меняется не только понимание всеобщих, основных форм диалектики, меняются и всеобщие, основные формы диалектики. Всеобщие формы диалектики меняются потому, что они внутренне едины с особенными, единичными вещами, процессами, явлениями.** И понимание меняется потому, что изменяются сами предметы исследования, изменяется общество. Поэтому понимание законов диалектики у Гегеля одно, а у К. Маркса — другое.

Без понимания исторической ограниченности интерпретации диалектического метода классиками марксизма¹ нельзя найти выход из нынешнего тупика развития

¹ Можно показать подробно, какие есть исторические ограниченности понимания диалектического метода не только у классиков буржуазной философии, но и у классиков марксизма. Но это предмет специальной работы.

общества. Всякое понимание нового конкретного предмета требует развития метода, требует развития логики. Со старым методом, со старой логикой нечего пытаться понять новый этап развития общества.

Теперь о другом великом открытии К. Маркса – материалистическом понимании истории. Это было действительно величайшее открытие, начавшее новую эпоху в понимании общества. К. Маркс открыл суть человеческого общества – диалектику производительных сил и производственных отношений, а также, в той или иной степени, понял «клеточку» человеческого общества. Он понял тот исходный факт, который надо иметь в виду при рассмотрении всех явлений человеческого общества. Это неоспоримая заслуга Маркса. Это открытие будет иметь значение всегда, пока существует человеческое общество, а отнюдь не только для XIX века.

Если мы более конкретно рассмотрим, что сделал К. Маркс, то увидим, что К. Маркс в период, предшествовавший открытию материалистического понимания истории, шёл от «поверхности» общества, от сфер, наиболее удаленных от экономического базиса, к экономической основе, к открытию сущности человеческого общества. Он не сразу пришёл к рассмотрению экономики. Он критиковал религию, критиковал государство¹. Познание вообще всегда совершается в единстве истины и заблуждения. Нет такого познания, которое было бы чисто истинным.

К. Маркс шёл от чувственного хаотического представления о целом, от чувственно конкретного к абстрактному. Но он не прошёл путь в обратном направлении – от абстрактного к мысленному конкретному. Он попытался это сделать в 1-й главе «Немецкой идеологии». Это гениальная попытка представляет собой, скорее, эскиз, набросок к картине, чем саму картину.

Одним из первых упрёков Марксу было обвинение в экономическом материализме. Это были упрёки людей, либо просто не разбирающихся в предмете, либо намеренно искажающих процесс реального исследования К. Марксом человеческого общества. К. Маркс выбрал для дальнейшего исследования существенную сферу жизни общества – экономическую сферу. Причём выбрал именно ту стадию развития этой сферы, которую и надо было тогда исследовать, – капиталистическое общество. Правда, К. Маркс исследование экономической сферы капиталистического общества тоже не завершил. Одному человеку, даже такому, как К. Маркс, сделать всё практически невозможно.

Ход мысли от экономической сферы жизни к другим сферам К. Маркс не прошёл систематически. Он понимал, что другие сферы жизни общества надо выводить из экономической сферы. В «Капитале» он писал, что единственно правильный – это **не метод сведения, а метод выведения**. То есть он даже преувеличивал роль восхождения от абстрактного к конкретному. И, тем не менее, он его не прошёл. Какие черты в связи с этим и в связи с отрицанием, о котором говорилось выше, приобрело материалистическое понимание истории? Вольно или невольно, **эпоха капитализма послужила «образцом» для понимания общества вообще**. Поэтому-то взаимодействие различных сфер жизни общества, которое сложилось при капитализме, стало служить в известном смысле шаблоном для понимания других эпох. То

есть та структура общественных отношений, которая сложилась в капиталистическом обществе, была, так сказать, абсолютизирована и перенесена на другие эпохи. Если внимательно присмотреться к учению об общественно-экономических формациях, то можно заметить, что дух первого отрицания здесь тоже сказывается. Формации оказываются, в определённой степени, результатом наложения шаблона, и не в полной мере обнаруживается развитие при переходе от формации к формации. Вся история формаций не обнаруживается как **единый процесс развития**.

Если же мы подходим к материалистическому пониманию истории с точки зрения более развитой эпохи, то можно отметить, что, во-первых, материалистическое понимание истории не является **окончательным** представлением об обществе. Во-вторых, оказывается, что самые **общие категории**, отражающие развитие человеческого общества, **как и основные законы диалектики, изменяются**.

В советское время в научной и учебной литературе диалектика производительных сил и производственных отношений рассматривалась так, как будто она во всех докапиталистических обществах та же, по общему понятию, что и в капиталистическом. Между тем понятие производительных сил и производственных отношений в наиболее развитом (по сравнению с докапиталистическими обществами) виде сложилось именно при капитализме. Все понятия материалистического понимания истории изображены у К. Маркса в несколько застывшем виде (тогда так необходимо и представлялось), на самом деле эти понятия исторически изменяются. Изменяется взаимоотношение разных сфер жизни общества. Оно развивается. Это обстоятельство становится понятным не только если мы подходим с точки зрения общества, более развитого, чем капитализм, но и если мы начинаем понимать историю с точки зрения этого развитого общества, то есть с точки зрения отрицания отрицания капитализма. Тогда самые общие представления, самые общие категории оказываются **развивающимися**. Иначе их просто по-настоящему не понять. Иначе, с точки зрения полузастывших категорий, будущее общество достаточно глубоко понять нельзя. Тогда мы не используем те возможности, которые предоставляют нашей эпохой. Тогда мы останемся в эпохе Маркса, Энгельса и Ленина. Если кто захочет отнести к этому Сталина, и Сталина.

То же самое можно сказать и обо всех категориях экономической науки, так же как и обо всех категориях всех других общественных наук.

Если же говорить о буржуазных науках об обществе, то буржуазная наука, как, впрочем, и философия, с тех пор как буржуазия почувствовала угрозу своему господству – с момента первых выступлений рабочего класса, – отказалась от понимания сущности общества и от понимания сущности экономических процессов. Сейчас, по сути дела, политэкономии не преподают в нашей стране. Преподают главным образом нечто эмпирическое и инструментальное. И вся наука, подверженная буржуазному воздействию, по сути своей, стала разлагаться. Вплоть до того, что воспевается отрицание разума. И авторов этих «идей» возносят на пьедестал. То же самое и в области искусства. Например, «Черный квадрат» Малевича – это же блеф. Одежда голого короля. И если бы только Малевич... По сути дела, для буржуазной идеологии, пронизывающей все сферы жизни общества, сущность, категория сущности есть что-то неприемлемое и опасное. Я приводил слова К. Маркса, что диалектика в её рациональном виде внушает буржуазии злобу и ужас.

¹ На эту тему я написал книгу «О становлении метода научного исследования К. Маркса», где шла речь о закономерном развитии познания по этому пути и о закономерных заблуждениях в процессе познания.

Буржуазия не всегда сознательно, чаще инстинктивно, отказывается от понимания сущности вещей. Понимание сущности вещей и общественных процессов невозможно без овладения диалектическим методом мышления. Понимание сущности внутренне связано с диалектикой.

Один из известных буржуазных философов, Бертран Рассел сказал, что сущность — это псевдокатегория, обобщил, так сказать, отношение буржуазии к сущности. Буржуазия отказывается от понимания сущности вещей, ибо это угрожает её существованию.

Вопрос: Основная идея «Логике истории» — познание всей истории человеческого общества с точки зрения движения к коммунизму. Есть ли другие концепции в современном мире, которые позволят понять логику истории без идеи движения к коммунизму?

Ответ: Первое, что хотелось бы сказать. Я рассматриваю всемирную историю не с точки зрения коммунизма, а с точки зрения реальных законов развития человеческого общества. Эти реальные законы развития человеческого общества с неизбежностью ведут к коммунизму. Вся история человечества, от её начала вплоть до настоящего времени представляет собой ещё не завершившийся виток спирали. И завершается этот виток спирали коммунизмом.

И если люди в той или иной степени отрицают, что этот виток спирали завершается коммунизмом, то это означает, что они не понимают закономерного общего хода истории. В таком случае эти люди могут выражать какие-то частные закономерности. И это в лучшем случае. И, кроме того, логику истории можно понять только на основе понимания диалектического метода, которое в настоящее время практически отсутствует.

Вопрос: Есть ли в марксизме какие-то сферы, не востребованные в нашей жизни, в науке, но необходимые?

Ответ: На мой взгляд, вопрос сформулирован несколько неопределённо. Целостность марксизма похожа на паутину: если её тронуть в каком-то месте, то колебания распространятся по всей паутине. Так и марксизм: если где-то что-то изменяется, это должно отразиться во всём марксизме. Так или иначе, в той или другой степени. Если бы части марксизма были отдельными друг от друга, совершенно самостоятельными, то тогда, может быть, можно было бы говорить о каких-то незадействованных сферах.

У Маркса есть идея, что наука будущего — это единая и единственная наука истории. Эта идея в таком общем виде вполне сохраняет своё значение. Конечно, это не та история, которая изучает только прошлое. Это совсем другая история. Эта история призвана изучать прошлое, настоящее и будущее в их органическом единстве.

Вопрос: Мы знаем, что домарксистский коммунизм отличался от марксистского коммунизма. Является ли коммунизм, о котором говорите Вы, тем же самым, что уже есть в марксизме?

Ответ: Если меняется общее представление о диалектике, понимание истории, то понятие коммунизма, с одной стороны, остается тем же, а с другой — становится другим. Тут нет «или — или». Так подходит метафизика. Диалектика подходит иначе: «и — и». У К. Маркса есть немало верных идей о коммунизме, которые необходимо воспринять, может быть, в несколько измененной интерпретации и несколько ином контексте. Например, представление о том, что человечество проходит виток спирали от доклассового общества к классовому и бесклассовому, с одной стороны верно, а с другой, — требует определенных изменений. В этой формулировке являет-

ся исходным для характеристики перечисленных стадий общества классовое общество. **Доклассовое** и **бесклассовое** общества характеризуются здесь с точки зрения отрицания. Единственная стадия общества, которая характеризуется здесь утвердительно, — это классовое общество. Позиция классового общества — это позиция, с которой оцениваются все другие стадии.

До тех пор пока не возникло общество более развитое, чем классовое, до тех пор пока мы не встали на точку зрения более высокую, чем точка зрения классового общества, такая формулировка сохраняет своё значение. Но, если уже появилось общество более развитое, чем капиталистическое, если мы встаём на позицию общества более развитого, чем классовое, то мы и формулировку эту признаём как **не вполне** достаточную. Главной становится позиция общества более совершенного, чем классовое. Эта позиция не может характеризоваться просто как позиция **бесклассового** общества. Эта позиция должна получить **позитивную** характеристику. И в таком случае вся история должна характеризоваться, главным образом, не только как история классов, а предшествующая история — как **доклассовая** и последующая — как **бесклассовая**. Это позитивное понимание общества, следующего за классовым, выходит на первый план. И тогда оно не может характеризоваться просто и только как бесклассовое, то есть только через «не», через отрицание, через отсутствие классов.

Этот взгляд, аналогично примеру с паутиной, позволяет иначе характеризовать историю доклассового и классового общества.

Вопрос: Если представить Вашу концепцию западному, даже подготовленному, читателю, то ему покажется, что речь идет о новом варианте телеологии. Что бы Вы ответили такому читателю?

Ответ: Телеология означает, как известно, что изначально была какая-то цель истории, цель, поставленная каким-то сверхъестественным субъектом.

Я же говорю о том, что направление истории определяется теми первоначальными условиями, в которых возникает определённый род живых организмов. И для того чтобы **выжить**, этот род организмов должен удовлетворять свои **необходимые биологические потребности**. Этот род организмов, чтобы выжить, постепенно переходит сначала к использованию, затем, всё в большей степени, к созданию средств, которые могут удовлетворять его биологические потребности, в этом процессе постепенно превращался в человека.

Люди трудились, и в связи с недостатком средств выживания боролись друг с другом, создавались какие-то группы, которые боролись за то, чтобы себе присвоить жизненные средства. Если разделить их поровну, то все испытывали бы нехватку жизненно необходимых средств к существованию. Если люди испытывают недостаток средств к существованию, то они начинают бороться за эти средства между собой.

Преодолеть это возможно только после того, как человек научается создавать такие по количеству и качеству жизненные средства, которые позволяют ему существовать биологически оптимально.

То есть история — это естественный процесс, который складывается независимо от чьего-либо сознания. Все законы истории проходят через сознание, но не складываются вследствие этого. Сознание влияет на них, но люди обычно не осознают эти законы как целое. Ведь человечество раздроблено. Если люди борются за необходимые средства к существованию, то общество необходимо раздроблено, и тогда не может не быть в качестве основ-

ной тенденции **отчуждение** людей друг от друга, отчуждение классов между собой, отчуждение людей и классов от общества и т. д. Поэтому единого представления, а тем более единого действия, направленного на изменение или сознательное использование законов истории, нет. В будущем обществе, когда человечество сможет объединиться, когда оно будет действовать как зрелое развитое целое, тогда оно в значительно большей степени сможет осознавать законы развития общества и воздействовать на них. А до тех пор всё происходит, главным образом, стихийно. Но, начиная с промышленного переворота, когда производство средств к существованию начинает производиться при посредстве машин, **начинают** образовываться предпосылки, возникают возможности для оптимального удовлетворения необходимых биологических потребностей людей. А значит, возникают и предпосылки выхода из такого состояния, когда люди в обществе борются за необходимые средства к биологическому существованию. Появляются и научные идеи о возможности перехода к подлинно человеческому обществу. Только с позиции устранения борьбы людей за биологическое выживание, с точки зрения образования предпосылок преодоления борьбы людей друг с другом за удовлетворение необходимых биологических потребностей стал возможен переход к подлинно научному пониманию общества как единого целого, к подлинно научному пониманию истории человечества, как единого процесса развития. В общем виде впервые подошёл к этому К. Маркс, и больше никто в мире. Ни Тойнби, ни кто другой до этого не дошли. Буржуазные идеологи к этому не придут никогда. Они ведут дело к разрушению науки.

Вопрос: Какое место занимает изучение ранних форм реального социализма в Вашей общей концепции с точки зрения перспектив её развития?

Ответ: Мы живем в период подготовки и осуществления перехода к принципиально новому типу развития

человечества. Меняются самые глубинные основы существования человечества. Этого люди не осознают, процесс происходит стихийно. Его можно, в большей или меньшей степени, осознать, если овладеть знанием законов развития человечества. Это должны сделать коммунистические партии, которые в настоящее время этим, к сожалению, не занимаются, этого не понимают.

Ранний социализм – это ранние стадии этого процесса. Мы пережили и продолжаем переживать период ранних социалистических революций и раннего социализма. Эпоха перехода к коммунизму будет продолжаться не одно столетие. Сейчас наступил период межвременья, когда ранние социалистические революции заканчиваются, а поздние социалистические революции ещё не наступили. С одной стороны, это плохо, а с другой стороны, этот период даёт возможность развиваться теории. Развитие теории требует длительного времени, особенно, в настоящее время при изучении очень сложных процессов.

Ранний социализм – **необходимый** этап в развитии человечества, какая бы судьба у него ни была. Он часто заканчивается гибелью социалистических революций и временным торжеством буржуазных контрреволюций. Но он, если рассматривать дело с точки зрения развития теории, даёт возможность более глубоко, более реально смотреть на будущие процессы. Изучение социализма в нашей стране имеет особое значение для развития теории ранних социалистических революций, раннего социализма и процесса перехода к последующим этапам движения человечества к коммунизму. В СССР с наибольшей яркостью проявились черты раннего социализма.

Изучение возникновения и развития социализма в СССР имеет исключительно важное значение для исследования социализма, подобно тому, как во времена К. Маркса для изучения капитализма особое значение имела Англия.

Логика истории взаимодействия морали и политики ¹

В.А. Вазюлин

Мораль и политика – сферы, стороны жизнеобщества.

Общество представляет собой развивающееся¹ «органическое» целое. «Органическое» целое отличается от механического агрегата тем, что в «органическом» целом преобладает внутренняя, а не внешняя связь, взаимодействие ее сторон, ее сфер и т.п.

Внутреннее взаимодействие в своем полном развитии есть такое взаимодействие, в котором стороны взаимодействия, не просто необходимо предполагают друг друга, но и порождают друг друга как нечто иное, отличное друг от друга.

Внешнее взаимодействие есть такое взаимодействие, при котором взаимодействующие стороны существенно не изменяют, не развивают друг друга.

Общество в своем протекшем и текущем состоянии как развивающееся целое проходит ряд стадий. Соответственно и в познании, осмыслении истории общества можно выделить ряд стадий.

Наиболее крупных эпох в методах познания, осмысления общества, всей прошедшей и текущей истории человечества всего три. Первая эпоха – это эпоха синкретического постижения общества (и не только общества, но и природы). Характернейшую черту этой эпохи выразил величайший мыслитель древности Гераклит: «Все течет, все изменяется».

Но в познании всеобщего движения, всеобщего изменения преобладал хаос, хотя в этом хаосе имелись «островки» нехаотических представлений и даже понятий.

Вторая наиболее крупная эпоха в постижении общества и в познании природы, в познании вообще всего была эпоха вычленения отдельных вещей, предметов, изучение их по отдельности.

Наступило преобладание в познании анализа.

Переход от преобладания синкретического и хаотического познания к преобладанию аналитического познания явился великим прогрессом в развитии познания вообще, в том числе мышления.

Однако в эту эпоху образовалась и великая историческая ограниченность познания, мышления: абсолютизация анализа.

Такая ограниченность была обусловлена ограниченностью развития общества (в том числе ограниченностью наук о природе), люди не могли определить будущее развитие общества и познания, мышления, рассматривали современное им состояние общества и познания, мышления в основном как непреходящее.

Эта эпоха с ее достижениями и историческими ограниченностями преобладает и ныне, хотя уже появились и развиваются предпосылки для перехода к третьей эпохе в развитии познания, мышления. Третья из наиболее крупных эпох в развитии познания, мышления, в том числе познания и осмысления общества, представляет собой как бы возврат к первой эпохе, но с учетом достижений второй, преимущественно аналитической эпохи.

Происходит «возврат» к пониманию, к постижению того, что «все изменяется», однако теперь уже на основе изучения отдельных вещей, отдельных предметов. Вместе с тем становится необходимым и преодоление исторических ограниченностей односторонне аналитического познания с сохранением достижений последнего.

Говоря другими словами, наступает и уже отчасти наступила, однако еще не преобладает, эпоха синтетического познания, мышления, опирающегося на совокупность отдельных конкретных наук, т.е. включающего в себя как свой необходимый «органический» момент анализ, анализ без его абсолютизации. Этот метод познания, мышления, есть не что иное, как метод сознательной современной диалектики. Тем самым на первый план выступает внутренняя связь, внутреннее взаимодействие в их единстве с внешней связью, с внешним взаимодействием.

Я подхожу к рассмотрению взаимодействия морали и политики с позиции сознательного метода мышления, характерного для третьей из названных выше эпох развития познания, мышления.

С такой позиции взаимодействие морали и политики проходит в протекшей и текущей истории человечества ряд стадий.

Причем изменяются, развиваются не только те или иные отдельные проявления морали, те или иные отдельные проявления политики, те или иные проявления взаимодействия морали и политики, но и сама мораль как таковая, само понятие морали как таковой, сама политика как таковая, само понятие политики как таковой, само взаимодействие морали и политики как таковое, само понятие взаимодействия морали и политики как таковое.

Конечно, это не означает, что во всем перечисленном нет всеобщих моментов, однако всеобщие моменты внутренне взаимосвязаны с особенным и единичным.

Так как мораль и политика являются сферами, сторонами жизни общества, то их понимание и понимание их взаимодействия зависит существенным образом от понимания общества в целом и его истории. Основопологающим обстоятельством, определяющим направление всей протекшей и текущей истории человечества, возникшего естественным путем из природы, была необходимость удовлетворения необходимых же для жизни биологических потребностей (в пище, защите от неблагоприятных или опасных условий, защите от нападения и т.д.). По мере выделения из остальной природы, из остального животного мира, люди все в большей степени научались использовать для удовлетворения биологически необходимых потребностей средства природы, данные природой в готовом виде, а затем все более переходили к обработанному, так сказать, искусственным средствам, к средствам собственно производства, хотя средства добычи отнюдь не исчезли, но в той или иной мере сохранились и сохраняются до сих пор.

С развитием средств добычи и средств производства люди могли и могут в возрастающей степени удовлетворять свои биологически необходимые потребности. Однако до сих пор человечество не достигло такой степени развития средств добычи и средств производства, чтобы стало возможным оптимальное удовлетворение биологически необходимых потребностей всех людей или даже большинства людей. А значит, между людьми на протяжении всей протекшей и текущей истории велась и ведется борьба за выживание, за биологическое существование.

Борьба за удовлетворение биологически необходимых потребностей неизбежно предполагает обособление людей друг от друга. В этой борьбе могут возникать различные объединения для защиты возможностей удов-

¹ Текст доклада на Всемирном философском конгрессе «Логика и политика». Май 2006 г. о. Крит (Греция).

летворения биологически необходимых потребностей или для роста таких возможностей за счет других людей.

И так как возможности удовлетворения биологически необходимых потребностей определяются, главным образом, средствами добычи и производства (в широком смысле сюда входят и условия добычи и производства), то главным, тем, что определяет возможности удовлетворения биологически необходимых потребностей, оказывается распоряжение средствами добычи и производства.

Распоряжение средствами добычи и производства есть главное, из-за чего борются отдельные люди или те или иные объединения людей для удовлетворения своих биологически необходимых потребностей.

Если средства добычи и средства производства общества не позволяют обеспечить его членов больше, чем необходимым для жизни минимумом, то в таком обществе присвоение одной частью общества части того, что удовлетворяет минимально необходимые биологические потребности, ведет просто к смерти этого общества.

Существование таких групп, объединений части общества, которые живут частично или полностью за счет присвоения части предметов потребления других людей, становится возможным тогда, когда средства добычи и производства позволяют получать предметы потребления сверх совершенно необходимого для жизни минимума.

Период в истории человечества от того времени, когда средства производства и добычи начинают позволять иметь предметы потребления сверх совершенно необходимого для жизни минимума, до того времени, когда средства добычи и производства позволяют получать предметов потребления достаточно для оптимального удовлетворения биологически необходимых потребностей каждого члена общества, рассматривается как период, когда биологически необходимые потребности удовлетворяются, но удовлетворяются не оптимально. Это период необходимого существования не только борьбы отдельных индивидов друг с другом, но и борьбы групп, объединений за необходимые предметы потребления. В этот период необходимо существование отдельных людей, групп, объединений, которые сосредоточивают в своих руках распоряжение средствами добычи и производства, лишая такой возможности других людей, другие группы и объединения, и таким образом живут за счет этих других людей, групп и иных объединений.

Политика как относительно самостоятельная сфера начинает выделяться тогда, когда возникают средства производства и добычи, достаточные для того, чтобы получать предметы потребления сверх совершенно необходимого для жизни минимума. И она продолжает существовать как относительно самостоятельная сфера, как собственно политика, до тех пор, пока общество не придет к такому устройству, при котором каждый член общества или, по крайней мере, подавляющее большинство членов общества будет иметь реальную возможность оптимально удовлетворять свои биологически необходимые потребности.

До тех же пор будет существовать собственно политика, и ее главным, основным, решающим вопросом будет вопрос о том, кто и как распоряжается средствами добычи и производства при необходимо неравном (а с точки зрения права, формально равном, реально неравном) отношении к средствам добычи и производства различных людей, групп и других объединений. Иначе говоря, основ-

ной вопрос собственно политики как относительно самостоятельной сферы – это вопрос о частной собственности на средства добычи и производства, необходимо предполагающий неравное отношение всех членов общества к распоряжению средствами добычи и производства, а значит и предметами потребления.

Так как политика есть концентрированное выражение борьбы людей за реальные возможности, за реальные средства удовлетворения животных, биологически необходимых потребностей, то соображения, мысли, чувства и т.д. и т.п. общественного, собственно человеческого плана не являются главными. Поэтому в случае нужды в собственно политике цель достигается любыми средствами. Это есть политика своекорыстия. И при прочих равных условиях, чем жестче борьба за человеческое выживание, тем чаще и легче, более или менее осознанно, политические цели достигаются любыми средствами.

Но все сказанное перестает в полной мере относиться к периоду перехода общества на такую ступень, когда складываются возможности для перехода к оптимальному удовлетворению биологически необходимых потребностей каждого члена общества.

Всю историю человечества можно разделить на две эры: на предысторию подлинной истории человечества и на подлинную историю человечества.

Для эры предыстории подлинной истории человечества как раз и характерна борьба за биологическое выживание, невозможность добычи и производства такого количества и качества условий и предметов потребления, которое необходимо для оптимального удовлетворения биологических потребностей всех членов общества. Развитие добычи, а главным образом, производства, создает со временем возможности перехода к подлинной истории человечества. И в этот переходный период политика соответственно изменяется как таковая. На первый план выходит постепенно, в отличие от предыдущей истории, не столкновение интересов, коренных, жизненно важных интересов, а достижение их внутреннего единства. Политика как таковая, как относительно обособленная сфера жизни общества, начинает исчезать.

Конечно, в настоящее время доминирует политика, соответствующая предыстории подлинной истории человечества.

Необходимость единства люди ощущали или даже в той или иной степени осознавали на протяжении всей человеческой истории.

На протяжении всей предыстории подлинной человеческой истории доминирующей тенденцией является объединение людей ради удовлетворения своих биологических потребностей. Это либо более или менее окультуренная животная связь (например, секс), либо связь своекорыстных индивидов, желающих в объединении достигнуть своих своекорыстных интересов.

В общем виде принцип поведения людей как изолированных друг от друга и объединяющихся друг с другом ради удовлетворения своекорыстных интересов сформулирован в максиме: «Поступай так, как ты хочешь, чтобы по отношению к тебе поступали другие».

Если вдуматься в смысл этой максимы, то можно увидеть, что в ней выражено отношение эквивалентного обмена. И если эта максима выдвигается как всеобщий принцип поведения, то это есть не что иное, как отражение господства в обществе товарно-денежных отношений.

В товарно-денежном обмене люди вступают в связи, отношения, образуют единство. Но какое единство? Какое отношение? Какую связь? Участники товарно-денежного обмена до обмена изолированы друг от друга, и после

обмена тоже. Каждого интересует только его потребность, а контрагент интересен не сам по себе, не как человек, а только с точки зрения того, может ли он удовлетворить потребность того, кто с этим контрагентом вступает в отношения обмена.

Итак, это есть объединение, связь людей, но объединение, связь, внешние для людей, связанных друг с другом своекорыстием. Если контрагент не может своим товаром, деньгами удовлетворить потребность другого контрагента, то оказывается безразличным, совершенно не нужным ему.

* * *

Наряду с господствующей в предыстории человечества, с самого начала существования человечества существовала и существует иная, можно в какой-то мере сказать, противоположная тенденция. Это есть тенденция существования и развития внутренних связей, внутренних отношений людей как единого целого.

Предпосылки ее имеются уже в животном мире. Это – «альтруизм». Например, выкармливание беспомощных первоначально детенышей, защита их от нападения вплоть до того, что родительские особи идут на смертельную опасность и даже гибнут, защищая свое молодое потомство. Здесь на первый план выступает не жизнь данной особи, но ***жизнь вида как внутренняя нужда отдельной животной особи***. В последних случаях можно отчетливо увидеть, что главную роль в поведении особи играет не ее собственное выживание как отдельной особи, а проявляющаяся в ее поведении и через ее поведение необходимость поддержания жизни вида (рода) как целого.

С достижением производством (и добычей) той ступени, когда становится возможным регулярное удовлетворение потребностей сверх совершенно необходимого минимума жизненных средств, происходит разделение внешних и внутренних взаимосвязей людей, выделяются вместе с тем в качестве относительно самостоятельных сфер жизни общества политика (как специфическая сфера преимущественно внешних связей людей (как преимущественно внешнего сходства людей как людей и как преимущественно внешнего единства людей как людей) и мораль (как специфическая сфера выражения преимущественно внутренних связей людей).

Мораль в качестве относительно самостоятельной сферы, в частности по отношению к политике, естественно, может существовать до тех пор, пока сфера политики относительно самостоятельна.

С образованием человечества необходимость поддержания жизни человечества, человеческого рода как целого отнюдь не исчезает. Более того, такая связь представляет собой собственно внутреннюю связь человечества как целого.

Объединения людей друг с другом для обеспечения своих необходимых индивидуальных и частных, биологически необходимых потребностей тоже есть единство людей, но через внешнюю связь, через обособление. Это объединение отчужденных, не устраняющее отчужденности.

Внутренняя связь, внутреннее единство человеческого рода как целого не только возникает первоначально в своей специфически человеческой исторической форме вместе с возникновением человечества, но и продолжает развиваться вместе с человечеством, образуя одну из необходимых сторон этого развития. В той или иной степени, в том или ином виде осознание человечества со

стороны его внутреннего единства происходит в морали, со временем выделяющейся в относительно самостоятельную сферу.

Мораль как относительно самостоятельная сфера возникла, существует и будет существовать до тех пор, пока будет существовать борьба между людьми за жизненно необходимые, за биологически необходимые потребности, борьба за биологическое выживание. И пока борьба за выживание будет господствовать над потребностью жизни человеческого рода как внутренне единого целого, будет преобладать тенденция подчинения морали политике, обслуживания политики моралью, двойственность, лицемерие морали, навязывание морали господствующих в обществе слоев, групп, классов другим слоям, группам, классам.

В период борьбы людей друг с другом за выживание они необходимо обособлены, отчуждены друг от друга и не могут действовать (и осознавать общество) как внутренне единое целое, подвластное им. Силы, созданные обществом, выступают по отношению к ним как непознаваемые, чуждые и нередко как ужасающие, грозные и разрушительные силы. Общество, существующее как единое, внутренне связанное целое, рисуется людям в качестве чуждого, неизвестного и т.п.

Соответствующая такому обществу мораль представляется как не имеющая внутри себя и в обществе в целом реальных оснований, выступает как нечто данное человечеству извне и – при достаточном абстрагировании – как нечто абсолютное. Соответственно, все моральные принципы представляются тоже как абсолютные, независимые от реальной истории человечества. На самом деле все принципы морали историчны, они содержат в себе и исторически всеобщее, и особенное, и единичное во внутреннем единстве.

Возьмем, например, такой принцип или такую заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя». Казалось бы, куда дальше идти по пути установления внутренней связи людей друг с другом!

Однако вдумаясь в эту формулировку. Здесь исходным является любовь к себе, т.е. исходным является индивид. Следовательно, тут предполагается, что изначально, первоначально индивид не един внутренне с другими людьми. Это – во-первых. Во-вторых, пусть и посредством любви, человек вступает с другим человеком в отношении эквивалентности. На каких весах можно взвесить свою любовь к себе и равную ей любовь к ближнему? Разве не слышен здесь отзвук мира обмена товарных эквивалентов?

Мораль только тогда вполне реализуется как мораль (в отличие от современной морали, в значительной мере подчиненной политике, лицемерной и т.д. и т.п.), когда в обществе будет безраздельно доминировать внутреннее единство, или, иначе говоря, когда общество в полной мере станет внутренне единым целым, когда из жизни общества будет исключена борьба за выживание. Но тогда мораль (а не только политика) исчезнет. Мораль станет своего рода свежим воздухом для людей будущего, который не замечают, пока он есть, им дышат непрерывно, а не выделяют для дыхания в отдельные сферы.

При нынешнем уровне развития производства становится все более очевидным, что, если человечество не придет в полной мере к своему существованию в качестве внутренне единого целого, не перейдет к подлинной истории, то оно неизбежно погибнет.

ДОПОЛНЕНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ГРЕЧЕСКИХ КРУЖКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ¹

Я хочу сказать членам кружков, что ваши кружки имеют особое значение. Дело в том, что они собственно являются предвестниками нового этапа движения к социализму. Речь идет о том, что в настоящее время образуются предпосылки для перехода к этапу позднего социализма.

Мне представляется, что движение к социализму имеет два основных этапа: существующий уже этап ранних социалистических революций и раннего социализма и этап поздних социалистических революций и позднего социализма, который сейчас начинает возникать. Основным объективным условием возникновения раннего социализма был переход в развитии мирового хозяйства к машинному производству. Основным объективным условием возникновения позднего социализма является переход к автоматизированному производству. Машинное производство было и остается (здесь имеется в виду не автоматизированное машинное производство) адекватной материальной базой зрелого капиталистического общества. В скобках хочу заметить, что созревание капиталистического общества занимает довольно длительное время, и до сегодняшнего времени полностью не завершено. Но тем не менее, в основном, капитализм находится на стадии зрелости, и зрелость началась с того периода, когда победили промышленные революции. Тогда же одновременно победа этих промышленных революций оказалась материальной основой для возникновения раннего социализма. Конечно, ранний социализм возник не везде, и не во всех капиталистических странах, где победила промышленная революция.

¹ Текст подготовлен греческими товарищами на основе аудиоматериалов интернет-конференции В. А. Вазюлина, состоявшейся 22.08.2007.

В Англии, где победила самая ранняя промышленная революция, никакой победы ранней социалистической революции не было, и естественно не было и раннего социализма. То есть это одна объективная предпосылка, одно из условий, но этого недостаточно ни для победы самой социалистической революции, ни для возникновения раннего социализма. Должны образоваться еще дополнительные условия. Для позднего социализма объективным условием являются достаточно развитые стадии автоматизированного производства.

Соответственно, если главной революционной силой периода ранних социалистических революций мог быть промышленный пролетариат (пролетариат, который трудился в условиях машинного доавтоматизированного производства), то адекватной революционной силой, если говорить о процессе в чистом виде, если иметь ввиду только объективные условия образования позднего социализма, – такой революционной силой могут стать работники автоматизированного производства.

Но, поскольку здесь речь идет только о социализме в чистом виде, мы говорим об одном объективном условии возникновения и развития позднего социализма. В настоящее время в мировом промышленном производстве при всех уже имеющихся процессах развития автоматизации производства, в общем и целом решающую роль еще играет доавтоматизированное производство и осуществляется процесс автоматизации, не дошедший до зрелой стадии. Мы переживаем период, когда ранние социалистические революции и ранний социализм еще полностью не изжили себя. В настоящее время еще продолжают развиваться процессы, которые либо приводят к ранним социалистическим революциям, либо могут быть охарактеризованы как начальные стадии новых ранних социалистических революций.

Я имею в виду Латинскую Америку, в частности Венесуэлу и ряд стран Южной Америки. Ранний социализм, хотя он и обладает рядом существенных недостатков по сравнению с последующими стадиями развития, но, тем не менее, ранний социализм в настоящее время еще полностью не изжил себя. Еще некоторое время будут происходить и побеждать в некоторых странах такого типа революции, хотя в этом раннем социализме по мере развития производства, все больше будут выражаться ограниченности, недостатки этого раннего социализма.

В Советском Союзе ранняя социалистическая революция и ранний социализм, можно сказать, победили в классической форме, подобно тому, как в свое время во Франции победила Великая Французская буржуазная революция. Поэтому, в частности, в Советском Союзе раньше всего обнаружили ограниченности раннего социализма. Эти ограниченности проявляются и в других странах раннего социализма. Но, тем не менее, одно-

временно с теми процессами, которые сейчас доминируют в движении к социализму, в социалистическом движении в целом, существуют и развиваются предпосылки для более развитых социалистических революций и для более развитого социалистического общества. Из всего сказанного, само собой разумеется, что это, прежде всего, подготовка для формирования материальной основы позднего социализма в виде автоматизированного производства. Постараюсь, по мере возможности, всесторонне исследовать этот процесс. Пока обращаюсь только к одному, чрезвычайно важному фактору, не занимаясь сейчас анализом всего комплекса предпосылок. Для того чтобы этот переход мог осуществляться необходима разработка теории. Дело в том, что чем больше общество приближается к социализму и к коммунизму, тем больше возрастает и роль сознательного фактора, тем больше возрастает роль сознания.

Если капиталистические революции и коренные преобразования, предшествующие капитализму, переход к феодализму, переходы от докласового общества к классовому, — если они происходили стихийно, то переход к коммунистическому обществу, в большей мере и в принципе должен происходить сознательно. И поскольку этот процесс происходит достаточно сознательно, необходима теория, необходимо распространение этой теории, необходима уверенность, убеждение широких слоев населения. Конечно, сегодня мы находимся в начале этого пути. Еще много предстоит сделать, как на теоретическом, так и еще больше — на практическом уровне.

Но, тем не менее, в настоящее время уже существуют перспективы этого движения, и поскольку мы находимся в переходном периоде, изучать эту перспективу не просто. Еще труднее дойти до сознания определенных слоев населения, которые теоретически не подготовлены. Вижу поэтому деятельность ваших кружков, как шаг в этом направлении, как переход к теоретической и практической подготовке. Это, конечно же, первые шаги движения к новому этапу развития по пути к социализму. Для того чтобы теоретически подготовиться к этой стадии, мы должны понять, что прежний уровень развития марксизма, те достижения, которые достигнуты в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина важны, нужны, еще полностью не использованы, но необходима теория нового уровня, соответствующая современной эпохе. Я могу сказать, например, что у К. Маркса было различие между ранними и поздними буржуазными революциями, но различия ранних и поздних социалистических революций не было. В «Капитале», например, говорится о машинном производстве, о производстве машин машинами и описывается полностью доавтоматизированное производство. Однако К. Маркс не видит и не может различить в это время в силу объективных причин, насколько длителен будет этот этап,

насколько длительным будет весь этот процесс, пока машинное производство станет полностью автоматизированным производством. Поскольку автоматы во времена К. Маркса были только в зародышевом виде, он не мог выделить переход от машинного к автоматизированному производству. Он не мог выделить два разных этапа, имеющих существенное значение для периодизации движения к социализму. В настоящее время это уже можно сделать. Могу привести один пример. Во времена К. Маркса, Ф. Энгельса и даже В. И. Ленина не было того положения, при котором человечество имело возможность самоуничтожения. В настоящее время эта возможность появилась. Что означает возможность самоуничтожения человечества? Это значит, что человечество имеет возможность отрицательно, негативно распоряжаться всеми земными условиями своего существования. Только это проявляется в отрицательном плане. Со стороны возможности самоуничтожения человечества, истребления жизни на планете, на Земле. Но все же, хотя и в отрицательной форме, человечество имеет уже возможность, это видно, к переходу к господству над условиями своего земного существования. Хотя до позитивного обладания этими возможностями нужно пройти еще долгий путь. Требуются очень большие усилия и много времени. Человечество не только начинает овладевать объективными условиями своего существования, а переходит и к совершенно новой эре, переходит, можно сказать, к космической эре. От земного существования человечество переходит к космической эре. Этого во времена К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина не было и не могло быть. Однако эти черты перехода человечества к космической эре уже начали появляться в ряде фундаментальных теоретических представлений о человеке, об обществе, о законах природы, о законах биологии. Короче говоря, возникают предпосылки для нового рассмотрения всего мира, для перехода к принципиально новой теоретической «парадигме».

ОТВЕТЫ В. А. ВАЗЮЛИНА НА ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КРУЖКОВ

- *Вопрос:* Вы говорили о диалектическом отношении между революцией и контрреволюцией, различая при этом период ранних и поздних революций и раннего и позднего социализма. Вы еще говорили о Венесуэле...
- *В. А. Вазюлин:* В Венесуэле нет еще социалистической революции. Если произойдет при имеющихся условиях революция, тогда она будет ранняя социалистическая революция.

● *Вопрос:* Учитывая, что теперь уже мы имеем возможность быстрее, чем в прошлом, придать мировой характер революционным процессам, может ли возможное распределение функций революционной деятельности и воздействие на рабочий класс в развитых капиталистических странах способствовать таким попыткам как в Венесуэле? То-есть сделать возможным вооружение теоретическим оружием, а также использовать интернациональную солидарность. Я имею ввиду в основном два вопроса...

● *В. А. Вазюлин:* Позвольте небольшую реплику на то, что уже сказали.

Предпосылки поздних социалистических революций сейчас находятся в зародышевом состоянии, но дело в том, что это начальный период их развития, где главная задача – в теоретическом осмыслении новых процессов, определенная теоретическая и идеологическая подготовка. Было бы забеганием вперед, если бы мы считали, что сейчас можем, исходя из представлений о поздних социалистических революциях и о позднем социализме, занять доминирующее положение в этом движении к социализму. Необходима еще длительная и большая работа в этом направлении...

● *Вопрос:* Я говорил в основном о двух способах взаимодействия между странами и соответствующих рабочих классах машинного капитализма и автоматизированного капитализма. Теперь уже возникают возможности технологической помощи и активной солидарности, активного интернационализма – с помощью развитой технологии в странах развитого капитализма помощи трудящимся в странах, где господствует машинное производство. Будут ли, в конце концов, эти попытки, которые находятся в дореволюционном периоде, иметь ранние признаки, если выражаться по сути, находиться в процессе образования поздних революций или мы должны ожидать поздние революции на периферии?

● *В. А. Вазюлин:* Мне кажется, что уже сейчас необходимо всякими способами и всеми силами, которые имеются, если они имеются, поддерживать ранние социалистические революции и те возможности раннего социализма, который снова возникнет, если возникнет. Всеми нашими силами. Потому что через эти революции, через ранний социализм сможем перейти к позднему социализму. Мы не можем обойти ранний социализм, не можем обойти ранние социалистические революции и перейти непосредственно к новому, более развитому этапу. С этой точки зрения процесс закономерный, объективный. И необходимо пройти через этот этап, что означает всячески способствовать, чтобы этот этап прошел как можно быстрее.

● *Вопрос:* Вопрос в том, возможно ли определить во временном отношении период, в котором мы сейчас находимся, характеризующий господ-

ством капиталистической системы и поражением ранних социалистических революций. Более конкретно, на основании «Логике истории» возможно ли определить во временном отношении, сколько потребуется человечеству времени, чтобы проанализировать данные прошлого и настоящего и определить путь к будущему.

● *В. А. Вазюлин:* Что касается сроков перехода к позднему социализму... можем приблизительно сказать, что потребуются десятилетия как минимум. Но с качественной точки зрения это произойдет в достаточно широком масштабе, по мере того как будут исчерпываться возможности ранних социалистических революций и раннего социализма. В большей степени и в этих условиях, если иметь в виду действительный объективный исторический процесс, сегодня мы продвинулись далеко вперед в понимании перехода к поздним социалистическим революциям и позднему социализму. Дальнейшее движение вперед абсолютно необходимо, потому что уже сегодня мы должны попытаться по мере возможности оказать воздействие на процесс осуществления ранних социалистических революций и раннего социализма. Мы должны, в частности, уже сейчас это сделать, ибо теория образуется не в один день, и не в один год. Подготовка людей не происходит в течение года, и даже одного десятилетия. Это также длительный, многолетний процесс, и более того, было бы желательно, если бы уже сегодня учитывали отдаленные последствия, чтобы люди не ограничивались только ближайшим будущим, а чтобы учитывали отдаленную перспективу. А в связи с этой перспективой – строить свою ближайшую деятельность, направленную на достижение ближайших целей. Именно в этом заключается различие человека, видящего перспективу, отдаленную перспективу, от человека, не видящего отдаленную перспективу, и расстояние между этими точками зрения будет, со временем, увеличиваться.

● *Вопрос:* Сегодня имеются некоторые достижения капитализма в области производства и технологии. Можно ли использовать такие достижения в новом обществе? И в каких рамках?

● *В. А. Вазюлин:* Я бы ответил так. Об этом в частности написал и К. Маркс в «Капитале». Когда капитализм переходит к производству относительной прибавочной стоимости, которую превращает в средство получения прибыли через усовершенствование технологии производства, он развивается быстрыми темпами. Но с такой скоростью он направляется к своей гибели, так как это развитие противоречиво. Развитие производительных сил при капитализме подчиняется прибыли и поэтому односто-

ронне и противоречиво, что проявляется среди прочего и в экологической ситуации, которая не далека от катастрофы...

Развитие капитализма становится все более неустойчивым. Возникают экологические катастрофы и опасности для существования человека как биологического вида. Это выражается, между прочим, в генной инженерии, в употреблении генетически модифицированных продуктов без изучения последствий их воздействия на биологию людей.

С этой точки зрения, с одной стороны имеется процесс развития, процесс, в котором человек становится хозяином своей биологии, ибо имеет возможность воздействия на геном самого человека, на биологию человека в целом, с другой же стороны этот процесс противоречив, так как с самого начала подчинен погоне за прибылью. И никто не заботится о человеке как о человеке. Развитие производительных сил, развитие науки как производительной силы полностью подчиняется максимизации прибыли. И это развитие производительных сил, в конечном счете, ставит под угрозу само биологическое существование человечества.

Но если происходит социалистическая революция, и мы переходим к более зрелым стадиям развития общества, в таком случае как мы должны относиться к этим генетически модифицированным продуктам? Мы не должны были бы пускать их в обращение, пока научные исследования не достигли бы достаточного уровня. Ученые должны были бы полностью или по крайней мере основательно учесть дальнейшие последствия воздействия генетически модифицированных продуктов на человека.

Однако сегодня исследуют отдельные гены, а в целом биологический организм, организм человека с биологической точки зрения, биологическая наука изучила явно недостаточно, если подходить с позиций диалектического метода. То, что делает сегодня биология, – это первые шаги, первоначальные подходы к организму человека как целого, используя в основном не диалектику, исследующую целое, а метафизический метод, сводимый к сугубо эмпирическим методам исследования.

Для того чтобы человек осуществил переход к новому обществу, он обязан создать переход и в области производительных сил, и в области метода исследования. В первую очередь он не должен вводить в обращение, в производственную практику недостаточно исследованные результаты, с другой стороны, должен использовать диалектический метод мышления, который сегодня из-за идеологических факторов не используется. Идеологические условия сегодня имеют огромное значение. С точки зрения идеологов капитализма и капиталистической практики использование диалектики исключено, недопустимо, так как это выявит сущность капитализма. И если сущность капитализма обнаружится, то это значит, что капитализм

рассматривается уже со стороны развития, со стороны способа, которым мы его (т. е. капитализм) преодолеем. Поэтому не случаен тот факт, что вся буржуазная политическая экономия со времен возникновения на политической арене рабочего класса отвергала исследование сущности экономических процессов. То, что происходит в капиталистической экономике и то, что выявляется экономистами, обслуживающими капитализм, рассматривается сугубо инструментально. Только условно это можно назвать теорией, ибо в действительности это не теория... Буржуазная наука в целом, даже естественные науки, не могут овладеть диалектическим методом, именно в силу идеологической атмосферы, из-за такого отношения к диалектике, социализму и марксизму и т. д. Куда они ведут? Они ведут к религии, эмпиризму, но они больше всего боятся диалектики.

Ф. Энгельс писал в «Диалектике природы», что наука не может сразу перейти от опыта к теории, и поэтому возникает кризис, который должен быть преодолен. Но этот кризис не был преодолен ни в эпоху Энгельса, ни в эпоху Ленина. Ленин обнаружил кризис в математике, физике и других науках. В настоящую эпоху мы имеем наступление религии на науку, которое углубило кризис в тысячи раз. При таком отношении к К. Марксу и Ф. Энгельсу, о каком освоении диалектического метода может идти речь? Каждый учёный занимается своим узким вопросом, мелочами, что ведёт к кризису не только науки, но это будет иметь последствия и в самой промышленности, в промышленном производстве. Уже сегодня мы видим, что в так называемой «Силиконовой долине» есть много учёных с высшим образованием, полученным в Советском Союзе. И не только в этой области исследований, а также в НАСА, в биологических исследованиях. И не только из Советского Союза, но и из Китая, Индии. Таким образом стараются избежать кризиса. Они были достаточно последовательны на пути, по которому следуют уже давно, это путь, в который нас ведёт Болонский процесс. Это приведёт к углублению кризиса науки, и не только науки, это приведёт к задержке развития производительных сил самого капитализма. Если конечно не случится что-то иное.

Не случайно мобилизовали столько учёных, выпускников высших учебных заведений Советского Союза. Это совсем не случайно. Тем самым, стараются в какой-то степени ослабить процессы деградации науки. Посмотрите, что происходит с Нобелевской премией. Вы заметили, за что ее дают? За мелочи. Я не говорю о таких Нобелевских лауреатах, как Горбачёв и Рейган, а о людях науки, естественных наук. Таким образом, при переходе к социализму, особенно к позднему социализму и коммунизму, изменяется отношение к методу мышления, меняется и сам способ осмысления производительных сил, а также использование производительных сил, и тогда

действительно сможем обнаружить в принципе совсем другие возможности среди прочих и в биологии. Тогда, например, сможем не только генетический механизм, но и весь организм исследовать с точки зрения диалектики в тысячу раз глубже, чем сегодня это делает международная медицинская наука. И я полагаю, что открываются огромные возможности в этой области, в лечении человека, в продлении продолжительности его жизни. По-настоящему огромные возможности, которые немислимы, и которые не может нам дать капитализм. Конечно, что-то, мы воспримем (из капиталистического общества. – *Ред.*) и будем использовать в социалистическом обществе, но в принципе произойдут радикальные изменения.

По сути уже началась космическая эра, несмотря на то, что мы делаем первые шаги, и настоящее освоение космоса возможно только для объединённого человечества. Сможет ли капитализм посредством своей глобализации освоить космос? В принципе не сможет этого сделать, так как разделяет человечество, разделяет людей, дробит государства, регионы, религии. Хотя и здесь проявляется противоречивость процесса. Он одновременно выступает как процесс объединения производства. В широком масштабе капитализм не может полностью избежать катастрофических последствий воздействия человека на природу. Поэтому необходимо в достаточной степени объединение человечества и огромные средства для преодоления этих проблем.

- *Вопрос:* Возможно ли сегодня осуществление поздних социалистических революций?
- *В. А. Вазюлин:* В ближайшем будущем осуществление поздних социалистических революций, скорее всего, невероятно. Пока ещё не завершён процесс ранних социалистических революций. Существуют, конечно, определённые объективные предпосылки, объективные условия, как например, автоматизация производства, которая, несмотря на все её удачи, находится в незрелом состоянии. И та сила, которая может осуществить именно поздние социалистические революции, поздний социализм, находится в переходном состоянии. И только люди достаточно развитые могут стать той силой, которая осуществит эти процессы. Их, к сожалению, немного, и производятся они не в массовом масштабе. Пока этих сил недостаточно. К сожалению, это – факт, но мы должны реалистично смотреть на эти вещи. Я думаю, что это не причина для разочарования, ибо сегодня мы живём в очень интересное время. Может показаться, что мы находимся в межвременьи и не можем поставить никакой цели. Но это только видимость, ибо разворачиваются невидимые на поверхности фундаментальные процессы в жизни человеческого общества, которые должны стать предметом осмысления. Это сложный и

длительный процесс. Если не начнём сейчас осмысливать эти процессы, если будем ждать, когда созреют в достаточной степени условия для поздних социалистических революций, тогда что произойдёт? Тогда наступит такая ситуация, что ничего не сможем сделать сознательно. Необходимо интенсивно работать уже сейчас, ибо эти процессы сложнейшие и перед нами встает множество проблем, которые необходимо решать.

● *Вопрос:* Возможно, ли предвидеть сосуществование ранних и поздних социалистических революций?

● *В. А. Вазюлин:* Это возможно, но в том случае, когда ранние социалистические революции окажутся настолько сильными, что приведут к разрыву «золотого миллиарда» мировой системы. Тогда может быть, в этих странах возникнут условия для более быстрого прогресса общества. В этом случае возможно параллельное сосуществование ранних и поздних социалистических революций. Но это будет зависеть и от того, сколько времени займёт этот процесс, какого уровня развития достигнут страны будущего раннего социализма. Если это произойдёт достаточно быстрыми темпами, то приведет и к разрушению основ паразитизма развитых капиталистических стран. Это произойдёт при условии, что в неразвитых капиталистических странах совершатся ранние социалистические революции. Разрушение капитализма сейчас уже налицо и в Латинской Америке, и в какой-то степени в Азии. Т. е. разрушение идет не в странах развитого капитализма, а в странах так называемого третьего мира, в странах менее развитых. В первую очередь, где сегодня имеет место слабое развитие или средний уровень развития капитализма. Но не в тех странах Африки, которые находятся на уровне родоплеменных отношений. Там не будут иметь место ранние социалистические революции. Ранние социалистические революции имеют место в странах, где существует средний или около среднего уровень развития капитализма. Это, например, уровень Латинской Америки. Т. е. сегодня Латинская Америка является центром революционного изменения мира, но в пределах этих ранних социальных преобразований, с их какими-то первобытными чертами.

● *Вопрос:* Учитывая, что глобализация производства никогда не достигнет зрелости в условиях капитализма по причине существования антагонистических классов, как это может привести к тому, что возникнут развитые люди, которые станут субъектом поздних социалистических революций, а не наоборот слой высоко специализированных людей, как это происходит сегодня, при настоящем уровне автоматизации, вроде мелкобуржуазного класса, рабочей аристократии, при параллельном существо-

вании пролетариата машинного производства и даже ручного труда. Вкратце, возможно ли существование поздней социалистической революции без предшествующей в какой-то точке планеты ранней социалистической революции, чтобы стиснуть кольцо окружения империализма.

● *В. А. Вазюлин:* Поздние социалистические революции, поздний социализм закономерно могут возникнуть только на базе ранних социалистических революций, раннего социализма. Закономерно должен существовать этот период. Иначе не возникнет другой период. Поэтому я говорил, что необходимо всяческим способом способствовать этому процессу, ибо конечно в той мере, в какой ранние социалистические революции, ранний социализм не подготовили почву, не смогут победить поздние социалистические революции, не сможет победить поздний социализм.

Что касается рабочей аристократии, конечно, Вы правы. Мы знаем, во-первых, что она возникает как небольшой слой населения, и во-вторых, главное, тот факт, что рабочая аристократия образуется, когда капиталисты, как, например, в свое время в Англии могли подкупить часть рабочих посредством эксплуатации своих колоний, своих полукolonий. Это продолжается и по сей день, несмотря на то, что сегодня формально не существует колониальной системы, но предшествующие связи продолжают существовать в метрополиях. Продолжает существовать старое распределение труда в большой степени, поэтому не исчезли полностью черты колониальной и полуколониальной системы. Итак, они имеют возможность подкупать рабочий класс до настоящего времени. Например, в Швеции они кормят всю страну именно благодаря транснациональным корпорациям. Эти ТНК, расположенные в Швеции, эксплуатируют разные страны мира. И, конечно, там, где они расположены, они кормят и кормят достаточно хорошо. На этой основе существует так называемый «шведский социализм». В действительности, это никакой не социализм. Это люди, которые, в конечном счёте, живут посредством эксплуатации других народов и стран. Это не социализм.

Еще я хочу отметить, что если имеется достаточно развитый, зрелый уровень автоматизации производства, работающие в автоматизированном производстве становятся работниками массового масштаба, это уже не какие-то частные специалисты, которые различаются значительно, в том числе количественно, от остальных и которых можно подкупить. Только если труд в автоматизированном производстве обретет массовые масштабы, положение изменится. Когда определенная форма производства становится массовой, тогда оплата рабочей силы в ней станет ниже.

Но самое главное – это то, что поздний социализм – закономерный этап, который следует за ранним социализмом, а не предшествует. Невоз-

можно перепрыгнуть на высший исторический этап, ибо это чревато многими отрицательными последствиями. Попытка прибегнуть к такому скачку приведёт к навязыванию определенных мер, принуждению и насилью в широких масштабах, как это произошло, например, в Кампучии и в других странах. Социализм должен развиваться на основе своей закономерности. Мы не можем отвергнуть законы истории. Мы можем ускорить их осуществление, если сможем. Равно как и можем замедлить их темпы. Но не сможем отменить законы истории. Некоторые говорят о предопределённости в истории. Никакой предопределённости не существует, но вся история идет в определённом направлении, которое не предопределяется ни богом, ни какой-то предварительно поставленной целью. Всё это было бы формой религиозного представления. История определяется теми исходными условиями, в которых находился организм наших предков и теми первоначальными условиями, из которых возникли наши предки. Вот эти условия определили, по сути, весь путь предыстории. Что касается действительной истории, – возникают в принципе совершенно иные закономерности ее развития, предпосылки которых уже сегодня в той или иной степени существуют. И это только предпосылки, которые уже сегодня могут быть выявлены, могут быть поняты и это совсем другие закономерности в принципе другой истории. Но вся предыстория предопределена изначальными условиями, в которых находились наши предки, земные условия и структура организма, перешедшего к прямохождению, освобождению верхних конечностей и т. д. Человек становится действительно человеком с точки зрения законов истории только тогда, когда мы переходим к подлинной истории человечества. Тогда человек и освобождает себя от зависимости, тогда он овладевает земными условиями своего существования и становится способным удовлетворить свои разумные потребности.

Говорят, что человек сможет это сделать уже сегодня, но, к сожалению, по-моему, не может этого сделать в полной мере. Поэтому продолжается борьба между людьми за существование. Самые передовые люди не занимаются этой борьбой. Эти зрелые люди руководствуются другими принципами поведения, отличными от находящихся на уровне предпосылок своего развития.

Я хочу подчеркнуть ещё раз, что космическая эра, переход к действительной истории человечества означает, что произойдут существенные изменения и по отношению к законам развития истории.

● *Вопрос:* Вы говорили о необходимости развития теории и необходимости заниматься развитием этой теории. Во время Вашего предварительного слова Вы фокусировали внимание на вопросах, касающихся труда, автоматиза-

ции труда, автоматизированного производства, ранних революций и поздних революций и т. д. Я хочу спросить, можете ли Вы зафиксировать некоторые предметы, необходимые для исследования. Что касается развития, прежде всего диалектического метода, учитывая и Ваш вклад в этом отношении, это может придать новый импульс разным исследовательским деятельности.

● *В. А. Вазюлин:* Я бы сказал, что это очень конкретный вопрос, и поэтому мы должны запастись терпением и передвинуть его чуть-чуть в будущее. Может быть, по этому вопросу нужно провести конференцию. Если коснуться этого вопроса сейчас, мы должны пройти через общие вопросы, по которым уже говорили, конкретизируя каждый из них. Если не по всем, так по ряду вопросов, которых мы уже коснулись. Поэтому я бы хотел с Вашего позволения не отвечать сейчас на этот вопрос.

● *Вопрос:* Вы говорили, что есть возможность разрушения науки и разрушительных процессов вследствие технологического применения некоторых односторонних направлений в развитии научной деятельности сегодня, при капитализме. Что бы Вы могли отметить по поводу этих разрушительных процессов в связи со степенью фрагментарности, односторонности научной деятельности?

● *В. А. Вазюлин:* Во-первых, то, что я хочу отметить, это опять противоречие с диалектикой. Противоположность диалектики, метафизический подход и все особенности метафизического метода господствуют в нашу эпоху в мышлении людей, в мышлении учёных. Во-вторых, метафизический метод, не диалектический метод с необходимостью связан с религиозным подходом, ибо, поскольку наука находится на уровне метафизики, он не может освободиться от религии. И поскольку капиталистическое государство предрасположено к религии и люди этого общества предрасположены к религии, я бы сказал, что имеет место клерикализация сознания и переход к всё более грубым формам религиозности. Религиозное сознание в таких случаях не исчезает, а наоборот, усиливается. Это отрицательно влияет на развитие науки. Что касается метафизики, то направляемся к чистому ползучему эмпиризму, который господствует сегодня в науке, во всех ее областях. Главный фактор, который ведет науку к гибели, это погоня за прибылью, погоня за деньгами. Это есть основные разрушительные силы науки. В конечном счете, это основные процессы, ведущие к разрушению науки. Конечно, при капитализме невозможно полное разрушение науки, так как невозможно получение прибыли без науки. В какой-то степени каким-то способом сохраняют науку. Сегодня, например, чтобы сохранить науку, технологию, стараются решить какие-то свои проблемы

утечкой мозгов из бывшего Советского Союза и не только из него, а из любой страны, где имеется основательный, фундаментальный подход к вопросам науки, к изучению познания вообще, к познавательному процессу.

То, как капиталистический процесс ведёт к подрыву науки, рельефно проявляется в Болонском процессе. Очень хорошо, что в Греции студенты борются против этих процессов, и я обязан сказать, что Греция – это единственная страна в мире, в которой таким образом происходит сознательно борьба против Болонского процесса.

● *Н. Папуляс*: Было большой радостью и честью иметь непосредственное общение с частью логико-исторической школы из бывшего Советского Союза и прежде всего с Вами. Позвольте передать товарищеский привет от всех членов кружков из г. Ханья и г. Салоники, которые не смогли сегодня присутствовать здесь, учитывая, что сейчас идет экзаменационная сессия. Есть очень многие вещи, которые нас объединяют. Прежде всего, нас объединяют люди. Я испытываю такую потребность говорить об этом, потому что такие чувства испытываю к Вам, тов. Максимуму, Светлане. Очень приятно, что Ваши ученики, друзья и товарищи стали исключительными преподавателями. Это говорю не в качестве комплимента, а хочу разделить эти мысли с Вами, потому, что мы в свою очередь в качестве учеников имеем возможность это оценить и прокомментировать. Самокритично говоря, имеется, к сожалению, теоретическая незрелость, связанная возможно и с возрастом, и нам не удалось пока перейти от уровня частных наук к философскому ядру проблем нашего общества и оказать помощь в этом отношении. Единственно, что можем сказать исходя из нашей науки, с точки зрения компьютерной техники – это выразить наш оптимизм по поводу реальных возможностей, имеющихся уже сегодня, но проявляющихся в извращенной форме, которые, однако, предоставят возможность построить новое общество. Позвольте афористично выразиться. Зачатки нового способа производства находятся в рамках капитализма, но они не являются полностью капиталистическими. Я имею в виду возможность с помощью международной сети Интернет уже в относительном изобилии производить блага, такие как произведения искусства и научные произведения познания. Благодарим, Виктор Алексеевич.

● *В. А. Вазюлин*: В таком случае позвольте мне передать присутствующим и Вам лично, и всем отсутствующим, что Ваши кружки представляют собой исключительно новое явление. И надеюсь, что это явление не ослабеет, а наоборот, усилится и будет развиваться, ибо это имеет очень большое значение. И поскольку я занимаюсь логикой истории, это позволяет мне видеть в данном явлении всемирно-историческую перспективу.

В. А. ВАЗЮЛИН

СТАТЬИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

(источник: машинописные тексты и фотокопия рукописи)

v. 1.0 (08.01.2019)

Электронная Библиотека
Международной Логико-Исторической Школы (МЛИШ)

ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ "НАШИХ" "РАДИКАЛОВ"

Критиковать К. Маркса и марксизм стало модой. Само имя К. Маркса вызывает у наших "радикалов" аллергическую реакцию, явную или неявную.

Необходимая предпосылка плодотворной критики – знание и понимание критикуемого предмета. Без соблюдения такого условия критика оказывается пустой, не имеющей отношения к этому предмету, претензии преодолеть взгляды К. Маркса – или малосодержательными, или бессодержательными.

Знакомство с творчеством духовных лидеров современного "радикализма", в особенности с их амбициозным наступлением на К. Маркса и марксизм порождает сомнение: А не голы ли короли?

Вот это сомнение мы и пытались разрешить в предлагаемых заметках.

В. Л. ШЕЙНИС ПРОТИВ К. МАРКСА

"Мальбрук в поход собрался..."

Однажды Кювье решили напугать. Вечером в окне его спальни появилась голова чудовища с рогами, и чудовище произнесло: "Я тебя съем!". "Не съешь" — отвечал Кювье. "У тебя рога. Значит, ты — травоядное животное и мяса не ешь".

В. Л. Шейнис и его единомышленники (например, Н. Шмелев) представляют социал-демократическое направление в нашей партии со всеми характерными для социал-демократов чертами. Ему хотелось бы «съесть» марксизм, но «рога» свидетельствуют о том, что он на это, как и все доморощенные социал-демократы, неспособен. Ныне можно отвергать марксизм, не очень заботясь о качестве критики и основательности аргументации, сложившаяся историческая ситуация этому способствует. Но полностью и навсегда лишить марксизм значения для осмысления развития, общества в настоящем и обозримом будущем не удастся¹.

В. Л. Шейнис, хотя и своеобразно, признает научную ценность марксизма, а именно только для XIX в. (Эта мысль была откровенно выражена им в докладе, в опубликованном же изложении доклада она присутствует в завуалированном виде). Но если докладчик признает научное содержание марксизма, пусть лишь для XIX в., он должен осуществлять его научную критику его. Элементарное необходимое требование к критике какой-либо теории — понять ее. А оно-то как раз и не соблюдено. Претензия преодолеть марксизм, не понимая его существа, — пустая претензия, в лучшем случае могут быть выявлены какие-то частные ограниченности марксизма. В данном случае, говоря о существовании марксизма, я подразумеваю его метод. Ниже будет идти речь о "рогах", наличие которых и свидетельствует о том, что поход В. Л. Шейниса и его единомышленников против марксизма — поход Мальбруков.

"Не оспаривая правомерности соотнесения перестройки с общими проблемами формационного развития, — пишет В. Л. Шейнис, — хотелось бы, однако, решительно возразить против прозвучавшего здесь разделения двух ракурсов анализа общественных процессов (на мой взгляд, совершенно равноправных и дополняющих друг друга),

¹ Наше понимание хода истории будущего человечества и отношение к марксизму см.: Вазюлин В. А. "Логика истории". М., 1988.

как будто речь идет о различиях между теоретическим и "обыденным, поверхностным сознанием" (В. А. Вазюлин)².

Вот и появляются "рога". Моя позиция совсем не в том, что я будто бы считаю: общие проблемы формационного развития – теоретическое сознание, а проблемы перестройки – проблемы обыденного, поверхностного сознания. Такой бессмыслицы я не говорил и не скажу. В чем в действительности заключается мое разногласие с В. Л. Шейнисом? Общие проблемы формационного процесса и проблемы перестройки взаимосвязаны. Весьма важную роль для интерпретации перестройки, для характеристики её хода и препятствий на её пути играет трактовка "общих проблем формационного процесса". И вот с трактовкой-то В. Л. Шейнисом этих общих проблем я в корне не согласен. На несогласии с этой трактовкой я сконцентрировал свое внимание, ибо, не выяснив позиции по общим проблемам, мало толку обсуждать более частные проблемы.

Очень кратко говоря, по моему мнению, в решении общих проблем формационного процесса В. Л. Шейнис стоит на позициях обыденного, поверхностного сознания, не доходит до собственно теоретического сознания, а потому его "преодоление" марксизма по существу не может быть состоятельным. Сам В. Л. Шейнис возможно будет отрицать это. Но такое отрицание положения реальную позицию не изменит.

В последнее время вообще будто бы объявлен своего рода поход наших Мальбруков, на этот раз против теоретического познания и под флагом борьбы за права обыденного сознания. Теоретическое сознание либо объявляется схоластикой, либо сводится к обыденному сознанию. Обыденное сознание *nes plus ultra**! А обыватель, мещанин – вот подлинный человек! Единомышленник В. Л. Шейниса Н. Шмелев предельно откровенен (в диалоге с Ю. Поляковым): Однако меня пугает третья проблема – наше экономическое состояние. Ю. Поляков: Тут я честно признаю свой непрофессионализм... Я отношусь к тем рядовым потребителям, которые, обсуждая проблемы экономики, пользуются не научной терминологией, а, скорее, крепким народным словом. Мой взгляд обывательский...

Н. Шмелев: Хочу заметить, что для меня взгляд обывателя – это самый здоровый взгляд...³. Затем Н.

² В поисках оптимальных путей перестройки. Вестник МГУ. Серия 12. Теория научного коммунизма. 6/1988. с. 35.

* 1) самый лучший, непревосходимый

2) до крайних пределов, донельзя

³ "Литературная газета". 26 июля 1989 г.

Шмелев честно признается: "От титула идеедателя я, пожалуй, отказался бы. И это не кокетничанье, это результат долгих размышлений над собственными возможностями, над тем, что я могу, чего не могу. Считаю себя человеком глубоко консервативным по убеждениям и не помню за свою жизнь ни одной новой идеи, которая возникла бы у меня в голове. Если мои суждения имеют элементы новизны, то только по принципу: новое — это всегда хорошо забытое старое"⁴.

Если бы другим советским социал-демократам такое мужество! Для полноты картины ещё одно высказывание: "Второй момент: на чём базируется социально-экономическая жизнь. Здесь мало будет загадочного, если опираться на обычный здравый смысл и считать жизнеспособным только то, что полезно, эффективно, вне зависимости от идеологической окраски"⁵.

Следовательно, очевидно, что Н. Шмелева нельзя заподозрить в понимании метода "Капитала", а значит, и сути развиваемых К. Марксом в "Капитале" идей.

В отличие от Н. Шмелева В. Л. Шейнис, видимо, претендует на роль идеедателя, ибо было бы нелепо, если бы человек, не имеющий существенно новых идей, взялся бы за критику основополагающих идей Маркса, которого он сам признает гениальным. В. Л. Шейнис же берется за такую критику. Насколько она существенна и плодотворна, нам представляется, можно судить по следующим его словам: "Не является ли претензия на монопольное положение марксизма в экономической науке, претензия, обосновываемая ссылками на брошенные в пылу идеологической борьбы высказывания классиков (одно из которых приводит Р. И. Косолапов и из которых исходит В. А. Вазюлин), рецидивом зашоренности, на которую сетует Р. И. Косолапов?"

Сегодня, когда стараниями издательства "Прогресс", труды Дж. Кейнса, А. Маршалла, А. Пигу, Дж. Робинсон, Й. Шумпетера и других выдающихся экономистов Запада стали доступны даже читателям, не владеющим иностранными языками, когда чрезвычайно интересное развитие, а не упадок немарксистской экономической мысли можно сопоставить с реальными процессами эволюции капиталистической экономики, отнюдь не во всем подтвердившей гипотезы "Капитала" (говорю это не в упрек его гениальному автору), полагать, что лишь марксисты приобщены к таинствам экономического знания, а все остальные "вульгарные", — это значит предаваться, мягко

⁴ Так же.

⁵ Так же.

говоря, (Какая мягкость! И какие тонкие намёки!), ребяческому чувству "первородного превосходства"⁶.

В. Л. Шейнис, видимо, даже не догадывается, какое *testimonium paupertatis** он себе выдал. Ведь он даже не понял, о чём идёт речь. Его высказывание обнаруживает потрясающее для претендента в ниспровергатели марксизма, прямо говоря, и незнание, и непонимание "Капитала", его метода (а без понимания метода нельзя понять и сущность политэкономических идей Маркса).

Выделение вульгарной политической экономии — это не моё изобретение. Сам К. Маркс различал классическую и вульгарную буржуазную политическую экономию. В его различении есть два основных момента. Первый момент имеет, так сказать, идеологический характер и не случаен для взглядов К. Маркса, а внутренне связан с его теорией классовой борьбы. В чём же заключается? Буду документально точен: "Буржуазия во Франции и Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает всё более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна та или другая теория, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой"⁷. (Чуть ниже он прямо называет эту политическую экономию вульгарной).

Отрицается ли тем самым К. Марксом возможность появления толковых и даже выдающихся специальных трудов по экономике капитализма? Отнюдь нет. "История современной политической экономии закапчивается Рикардо и Сисмонди — двумя антиподами, из которых один говорит по-английски, а другой по-французски, — подобно тому как начинается она в конце XVII века Петти и Буагильбером. Позднейшая экономическая литература сводится либо к эклектическим, синкретическим компендиям вроде произведения Дж. Ст. Милля, либо к более глубокой разработке отдельных отраслей (подчеркнуто нами — В.В.) как, например, "История цен" Тука"⁸.

⁶ В поисках оптимальных путей перестройки. Вестник МГУ. Серия 12. Теория научного коммунизма. 6/1988. с. 37.

* "свидетельство о бедности", мягко говоря.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, С. 17.

⁸ Там же, Т. 46, ч. I. С. 3.

Различение К. Марксом вульгарной и классической буржуазной политэкономии совсем не случайность, эти высказывания отнюдь представляют собой фразы, «брошенные в пылу идеологической борьбы» (В. Л. Шейнис). Конец классической буржуазной политической экономии наступает, по Марксу, с завоеванием буржуазией политической власти и появлением угрозы ей со стороны рабочего класса, тогда-то и происходит отказ не от специальных "отраслевых" экономических исследований, а от проникновения в глубинные основы и противоречия капитализма, от исследования возможностей их преодоления, а значит, преодоления капитализма. И если социал-демократы отказываются от признания антагонистических классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, если они отказываются от идеи возможности и необходимости краха капитализма (сроки такого краха — это другой вопрос, они могут быть короче или длиннее, даже намного длиннее, чем ожидают), то, будучи последовательными, они должны отказаться сознательно или инстинктивно от различия между классической и вульгарной политической экономией. И наиболее типичный удобный довод при этом: а разве вообще после классической политической экономии не было экономистов? Были, конечно, и есть (в том числе и среди социал-демократов). Даже выдающиеся. Но не об этом речь.

Вторая специфическая черта вульгарной политической экономии: "Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринёрски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они *prima facie** принимают нелепый характер и полны противоречий, — а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная политическая экономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыты в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными"⁹.

Дело в том, что вульгарная политическая экономия отказывается от постижения сущности, внутренних связей,

* прежде всего. Ред.

⁹ Там же. Т. 25, ч. II. С. 383—384.

скрытых за или под поверхностью, а остаётся на поверхности, на уровне обыденного сознания. Наука движется от обыденного сознания, исходит из него, но не сводится к нему, не равноправно с ним и не просто его дополняет, не просто сосуществует наряду, рядом с ним. Теоретическое сознание, более глубокая ступень, чем сознание обыденное, остающееся в основном на поверхности вещей и процессов, но теоретическое сознание, проникая от поверхности вглубь, в своём закономерном развитии вновь возвращается к поверхности, которая на этом пути предстаёт как "просвеченная" сущностью.

Наши, советские социал-демократы, как впрочем и все остальные, не доходят до действительного понимания сущности капитализма, фактически не различают достаточно последовательно обыденный здравый смысл и теоретическое сознание, явление и сущность, внешнее и внутреннее, остаются в соответствии с марксовой трактовкой слова, на позициях вульгарной политэкономии. Сталкиваясь же с теоретическим постижением предмета, они отвергают его как схоластику, не будучи в состоянии различить действительную теорию и действительную схоластику.

Весь "Капитал" написан для выявления внутренней сущности капитализма, невидимой обыденному сознанию связи. Ставить ли эклектически теоретическое сознание и обыденное сознание на одну доску как равноправные и взаимодополняющие или откровенно сводить теоретическое сознание к обыденному (как поступает Н. Шмелёв) — значит, применительно к "Капиталу" стоять перед ним как перед мощным закрытым замком, ключ от которого они не имеют, пытаются разрушить его, царапая ногтями каменные стены.

Может быть, в чьём-то столь же "глубоком" и не столь уж редком сознании это и представляется разрушением марксизма, может быть, оно даже найдёт признание как нечто фундаментально, новаторское. Это неудивительно, ибо наше время — время активного распространения старых, забытых или незнакомых у нас шаманов, время оживления социальных иллюзий (в том числе религии, мистических философских учений и т. п.) с определённой модификацией их применительно к сложным нынешним условиям.

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК
ПРОФЕССОР
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
В.А.ВАЗЮЛИН

**НЕВЕЖЕСТВО ИЛИ СОЗНАТЕЛЬНОЕ ИСКАЖЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ К. МАРКСА?
(Что сулит народу путь, предлагаемый народным депутатом СССР
А. Денисовым?)**

Народный депутат СССР А. Денисов в статье "Частная собственность при социализме? (см. "Известия" 11 октября 1989г.) обнаруживает искрящуюся фантазию и богатую изобретательность в деликатном изображении тех, чьи взгляды не совпадают с его собственными: ведь они (каков размах!) - догматики, начётчики, талмудисты, люди, до корней волос пронизанные тотальным бюрократизмом, не обладающие прозорливостью, и просто - предел вежливости и строгости ведения спора - дураки (лексика А. Денисова - В.В.) Вот и попробуйте возразить. В некие времена народ был неплохо знаком с террором физическим. Теперь нам начинают давать уроки террора морального.

Но оставим в стороне эмоции и попробуем спокойно разобраться в существе взглядов А. Денисова (он совсем не одинок) на частную собственность при социализме и последствиях, которые испытает страна, если в соответствии с ними будет преобразована жизнь нашего общества.

Прежде всего краткая справка. Марксизм на протяжении его истории подстерегали не одна опасность, а две главные опасности: не только догматизм, но и ревизионизм (ревизионизм в политике - оппортунизм). Догматизм сохраняет в марксизме то, что уме не соответствует новой ситуации, новым фактам, новому историческому этапу, консервирует марксизм, отгораживая его от изменяющейся жизни ревизионист, ссылаясь на новые факты, новый исторический этап и т. п., отвергает в марксизме то, что и в изменившихся условиях сохраняет своё значение. Это - крайности, родственные по своей природе, ибо догматик абсолютизирует неизменность, преемственность, а ревизионист - изменчивость, для первого марксизм - только абсолютная истина, для второго - только относительная. Оба абсолютизируют одну из сторон единства противоположностей. Следовательно, оба не стоят на позициях диалектики.

Поэтому критика догматизма может вестись как с позиции ревизионизма, так и с позиции творческого подхода к марксизму. Путать то и другое есть тьма охотников, мы не из их числа. Поэтому также можно высказывать критическое отношение ко взглядам А. Денисова, не будучи уже в силу этого догматиком.

Сначала о Марксе. А. Денисов обращается к Марксу, чтобы ответить на вопрос: стоит ли провозглашённое К. Марксом неприятие частной собственности непреодолимым препятствием на пути её включения в экономику социализма? Проще говоря,

противоречит или не противоречит сути взглядов К. Маркса представление о необходимости частной собственности при социализме?

Поиск ответа на этот вопрос заставляет его рассмотреть ряд положений, которые входят важнейшими частями в фундамент марксизма: что такое эксплуатация, каковы корни бед эксплуатации и, в связи с этим, что такое социальная справедливость и каков путь к ней.

А. Денисов совершенно уверен, что он пользуется действительно диалектическим методом, что, пользуясь последним, он прозорливо понимает мысли К. Маркса с экстраполяцией на нашу действительность. Авторитет К. Маркса ещё достаточно высок даже в нашей стране. И с этим пока приходится считаться прогрессисту Денисову и его единомышленникам. Вот как выглядит К. Маркс в истолковании А. Денисова: источник самодвижения современного К. Марксу капитализма он безошибочно идентифицировал "... с борьбой между трудом и капиталом" "чётко сформулировал суть этой борьбы как эксплуатацию частным собственником труда наёмных работников в форме чрезмерного отчуждения в свою пользу произведённого ими прибавочного продукта.

Здесь существенно подчеркнуть, что под эксплуатацией следует понимать именно и только чрезмерное отчуждение прибавочного продукта, ибо без умеренного справедливого его отчуждения ни одно общество просто не может существовать. В самом деле, разве не является справедливой компенсация расходов собственника средств производства на их амортизацию и обслуживание, на аренду земли под предприятие, его собственного труда по управлению, обеспечению сырьём, сбытом готовой продукции и т. д., т.е. всего того, от чего избавлен наёмный работник, но что является необходимым условием его продуктивной деятельности? Сам К. Маркс, по-видимому, прекрасно понимал это, ибо не отнёс к числу эксплуататоров владельцев предприятий, на которых было занято менее 8 работников".

Мы привели это чудо глубокомыслия полностью. Оно заслуживает увековечения. Из песни монополиста - "перестройщика" нельзя выкинуть и слова.

Но попробуем всё же спуститься с высот воспарившего духа на землю и перевести эту поэзию на язык прозы. Хотелось бы спросить как проф. А. Денисов читал "Капитал" К. Маркса? В соответствии с правилами быстрого чтения? По вертикали? По горизонтали? Или по диагонали?

Если последним способом, то почему не посоветовался со своими единомышленниками? Или, может быть, среди них тоже принят такой способ чтения?

Изумление, вызванное чудом, заставило немного

отвлечься.

По содержанию. К. Маркс, анализируя предмет исследования в "чистом виде", показывает и доказывает, что капиталист – собственник средств производства, рабочий не имея ничего, кроме способности к труду, т.е. рабочей силы, вынужден продавать её собственнику средств производства. Капиталист оплачивает стоимость рабочей силы, эквивалент того, что необходимо рабочему для воспроизводства его рабочей силы. Рабочий, продав свою рабочую силу, трудится на капиталиста и в этом процессе создаёт стоимость, превышающую стоимость его рабочей силы. ЭТО превышение созданной рабочим стоимости над стоимостью его рабочей силы и есть прибавочная стоимость, прибавочная стоимость воплощается в прибавочном продукте. Она создаётся рабочим, а не капиталистом. Если рабочий не создаёт прибавочную стоимость, то для капиталиста покупка рабочей силы теряет смысл, сделка – закономерная – не состоится. Следовательно, всякое отчуждение прибавочного продукта при этих условиях в пользу собственника средств производства есть эксплуатация, ибо прибавочная стоимость вновь создаётся в процессе производства и создаётся рабочим, а стоимость средств производства сохраняется, она лишь переносится на продукты производства. Эксплоатация по сути своей коренится не в том, как думает А. Денисов, сколько прибавочного продукта отчуждает собственник средств производства, а в том, что он отчуждает прибавочный продукт. А как же быть со "справедливой компенсацией расходов собственника средств производства на их амортизацию.." и т. д. и с тем, что "К. Маркс, ...прекрасно понимая" это, а потому не отнёс к числу "эксплоататоров владельцев предприятия, па которых было занято менее 8 работников"?

Так как стоимость средств производства без изменений переносится на продукт, а стоимость прибавочного продукта создаётся живым трудом, трудом рабочего, то – при простом воспроизводстве – стоимость, нужная для компенсации средств производства черпается не из стоимости прибавочного продукта. Если же капиталист расходует и часть стоимости прибавочного продукта на расширенное воспроизводство, то стоимость этих дополнительных средств производства оказывается уже результатом труда рабочего, эксплуатация рабочего.

И никакой тут эквивалентности нет, нет социальной справедливости, ведь то, что произвёл рабочий, принадлежит капиталисту. Если капиталист сам не работает, – а при достаточной величине капитала, ему это совсем не обязательно, – то он постепенно проедает" первоначально вложенную в дело сумму денег и весь капитал становится

результатом присвоенного им без эквивалента труда рабочего. Если же он сам работает и первоначально капитализированная сумма денег была результатом его собственного труда, то всё равно весь первоначальный труд (и прибавочный продукт) присваивается им безвозмездно, даром.

Само утверждение, будто К. Маркс не отнёс к числу эксплуататоров владельцев предприятий, "на которых было занято менее 8 работкибыло ков", демонстрирует столь дремучую девственность представлений, что не знаешь, принимать ли его всерьёз или нет. 8 работников - число произвольное. Эксплоатировать капиталистически можно и одного работника, если он доставляет прибавочную стоимость, прибавочный продукт. Но, предположим, что производительность одного работника такова, что лишь предприятие с числом не менее 8 работников способно дать такое количество прибавочной стоимости, ко-торое достаточно для того, чтобы капиталист, не участвуя, скажем для простоты, в управлении, не прилагая трудовых усилий, имел достаточно присвоенного чужого труда для покупки средств производства и средств к своему существованию, хотя бы на уровне своего работника. (Отсюда, между прочим, видно, что нельзя определять капиталист или не капиталист данный человек только по уровню рас-ходов на удовлетворение его потребностей.) Речь идёт, следовательно, о капиталисте, который становится вполне законченным капиталистом. Если, скажем, производительность труда повышается, то он того не самого может достигнуть и с меньшим, чем 8, числом работников.

Итак, А. Денисов не понимает сути эксплуатации, а всё сводит только к количеству. Тогда-то и получается, будто, если капиталист присваивает умеренную часть прибавочного продукта, то эксплуатации нет. Это ничто иное, как вольное или невольное стремление утвердить эксплуатацию, устраняя её крайности. А. Денисов, по существу, не против капиталистической эксплуатации, он только против чрезмерной капиталистической эксплуатации. Поэтому он и воюет на самом деле не против капиталистической собственности как таковой, а исключительно против монополизма частной собственности, смешивая её с капиталистической (этого смешения при его понимании эксплуатации избегать нельзя), за свободу выбора, который, якобы, "снизит норму прибыли до объективно необходимых размеров, т.е. приведёт к исчезновению всякой эксплуатации".

В действительности устранение монополизма капиталистической частной собственности не устранит немонапольную капиталистическую эксплуатацию.

А. Денисов против монополизма любой формы собственности, ибо именно в монополизме он усматривает корень всякой эксплуатации. В том числе и прежде всего он против монополизма государственной собственности. Опять-таки существо дела (в чём суть государственной собственности при социализме, когда и почему она возникает и существует) он совершенно обходит и опять-таки сводит всё к количеству. Следовательно, опять-таки не докапывается до корней. Смешивая государственную собственность с непосредственно общественным (в масштабах всего общества) он тем самым исключает перспективу перехода от формального обобществления, когда общественная собственность существует в форме государственной, к реальному обобществлению в масштабах всего общества. Тем самым он отказывается искать пути и средства такого перехода, а значит, фактически для него может существовать лишь такая альтернатива: либо увековечивание государственной формы собственности, либо увековечивание частной собственности.

И он выбирает частную собственность. Между тем сама альтернатива эта ложная.

Единственный путь к социальной справедливости, "истинно социалистическая политика" ему видится в плюрализме форм собственности, в многоукладной без всяких ограничений экономике.

Но подобно тому, как общеизвестной истиной стала та истина, что монополия ведёт к загниванию, так не общеизвестно: свободная конкуренция ведёт к монополии. Сохранение равных условий в экономике для ранних форм собственности либо утопия, либо прикрытие для достижения посторонних целей, о которых нельзя сказать открыто. Какая-то из форм собственности через некоторое время с необходимостью станет главной.

Какие же перспективы нарушения свободной конкуренции разных форм собственности выступают из высказываний А. Денисова?

В частных предприятиях - пишет А. Денисов - более высокая оплата, но и большая степень социального риска, в них сосредоточивается наиболее способная, наиболее квалифицированная часть населения, преимущественно в наиболее дееспособном возрасте. Государственные предприятия менее, по его мнению, доходные оказываются своего рода убежищами социального призрения для неспособных, неквалифицированных бездумных исполнителей, резервуар для избыточной рабочей силы, для инвалидов, престарелых и правонарушителей.

Может ли быть сомнение в том, куда склоняет читателя, здорового, полного сил, квалифицированного, уверенного в

себе и т. д. и т. п. А. Денисов?

И не таится ли тут надежда на победу частного предпринимательства над государственным сектором, т.е. надежда на достижение монополизма частной собственности?

В то же время им признаётся большая эффективность госсектора в тяжёлой промышленности, в транспортных и космических системах. Но ведь большая эффективность должна сопровождаться и более высокими доходами, более высокой оплатой работников, эти отрасли должны сосредоточивать способных, квалифицированных и т. д. людей. Кроме того, отрасли, в которых более эффективен государственный сектор (а к ним, помимо названных, можно добавить и другие) играют ныне решающую роль в развитии народного хозяйства, в развитии нашего общества. И в этом смысле монополизм государственного сектора есть необходимость и при установлении многообразия форм собственности.

Утопией является надежда на то, что длительное время может сохраняться "равновесие" разных форм собственности, на то, что это "равновесие" – единственный путь к социальной справедливости.

Такой исторический компромисс возможен лишь на короткое время, с точки зрения диалектического метода это не что иное, как попытка примирить в конце концов непримиримое. Магистральный путь в основном альтернативен – это либо господство монополизированной капиталистической частной собственности, либо господство, в конечном счёте, общественной собственности с переходом в перспективе от государственной формы к непосредственно общественной в масштабе всего общества. Другие формы собственности допустимы и могут сохраняться (и в определённые периоды даже оживляться), но играть лишь подчинённую роль.

Попытки отрицать это в статье А. Денисова в теоретическом аспекте вульгарно-комичны, а в социально-экономическом они означают оправдание эксплуатации (при желании избежать её крайностей). Это утопическое представление о пути устранения социальной несправедливости, реализация которого (представления) в действительности приведёт к широкому распространению эксплуатации и всех связанных с этим "прелестей": массовой нищетой, безработицей, анархией и т.п.

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК
ПРОФЕССОР
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
В.А.ВАЗЮЛИН

РАЗДУМЬЯ О НЫНЕШНЕМ, ПЕРЕЛОМНОМ МОМЕНТЕ В ЖИЗНИ СТРАНЫ И ВЗГЛЯДАХ "РАДИКАЛОВ".

За перестройку ныне все. Благо слово неопределенное. Все формальные и неформальные объединения и группы. Тут и социал-демократы, социалисты всех оттенков, и эсеры, и анархисты, и монархисты, националисты всех мастей, тут и «Московская трибуна», куда входит ряд московских депутатов и т.д. и т.п. Спектр весьма разнообразный. На митингах собравшиеся слушают только своих. Чужим в большинстве случаев не дают говорить. Аргументы интересуют главным образом в той степени, в какой они подтверждают позицию своих, что не мешает упрекать друг друга в недемократичности. Царствует эмоция! Страсти накалены. Средства массовой информации ежедневно ратуют за гласность, за демократию, свободу. Но опять-таки преимущественно за свободу слова для тех, кому симпатизируют сотрудники того или иного органа печати, радио, телевидения. Если же они предоставляют возможность выступить своему оппоненту, то сразу или спустя какое-то время его могут высмеять, представить в нелепом виде, далеко не всегда задумываясь о содержании взглядов критикуемого, бывает достаточно просто бросить ничего не значащий, но презрительный саркастический намек. И накаленная страстями часть публики принимает его за вполне достаточное доказательство.

Раскаленные страсти предрасполагают к массовому гипнозу. «Эффект Кашпировского» уже давно открыли и используют и ораторы на митингах, и средства массовой информации.

Массовый гипноз дает и уже дал массовые результаты. Тем более что немало людей было уже расположено к этому всем известными трудностями нашей жизни.

Уже внедрено на место старых социальных иллюзий немало новых. Новых для нашей читающей, слушающей, смотрящей публики. Н. Шмелев как-то в «Литературной газете» признался в таком роде, что ему за всю жизнь не пришла ни одна новая идея. Действительно, он в основном пересказывает давно известные (не у нас, а за рубежом) идеи.

Нынешние «властители дум» нашего времени, относящие себя к радикальному крылу, какими-то новыми основополагающими идеями не блещут. Да и зачем? Наивных поклонников, готовых признать их представления высоким взлетом мысли, достаточно.

Но оставим страсти в покое. Попробуем с позиций «холодного» разума посмотреть на эти кого-то шокирующие, кого-то восторгающие представления. К вождям радикалов,

без риска ошибиться, можно отнести историка Ю. Афанасьева, народного депутата СССР.

В последние месяцы борьба различных сил в стране вступила, пожалуй, в решающую фазу. Связано это с подготовкой к обсуждению и обсуждением проектов ряда фундаментальных законов, и в первую очередь проекта закона о собственности. Закон о собственности – это закон о самой глубокой основе нашего общества. От того, каким он будет, зависит судьба страны на многие годы и, возможно, на многие десятилетия.

По какому пути мы пойдем? Это существенно касается судьбы каждого человека.

Какой путь предлагает народный депутат СССР Ю. Афанасьев?

Он откровенно признал на собрании межрегиональной группы народных депутатов СССР 29 июля 1989г.: «Сейчас у нас ведутся споры и дискуссии, многие себя спрашивают: что и во что мы перестраиваем?

Давайте честно признаем: у нас (не «у них»), у нас до сих пор нет концепции перестройки. Есть отдельные положения, некий набор целей в экономике, политике, правопорядке и т.д. Но как из ста образцовых, откормленных и ухоженных кроликов нельзя сложить лошадь, так и здесь – забастовка показала разрозненные меры, формируемые вразброс цели никуда нас не приведут. Есть первоочередные вещи, которые необходимо решать немедленно. Но только лишь исходя из чего-то, чему они могли бы быть началом в качестве минимума, чтобы каждая из мер неслась в себе зерно развернутости.»

Любой человек знает в повседневной жизни: прежде чем что-то делать, надо знать, что будешь делать. Любую вещь нельзя создать, не зная заранее, что хочешь и можешь получить. Нельзя строить дом, зная только детали, фрагменты и не имея проекта дома в целом. Ведь может оказаться, что материалом для стен будет солома, а для потолка железобетон. Опять, как не раз случалось в нашей истории мы имеем дело со способом проб и ошибок. При таком способе люди идут на ощупь, натываются на стены, набивают шишки и только тогда пытаются стену обойти. Но ведь так и в пропасть недолго упасть. Итак, что же нас зовут «туда, не знаю куда, искать то, не знаю что»?

Поиск целостной концепции, «поиск подлинного предмета перестройки – иных оснований жизни нашего общества» народный депутат СССР Ю. Афанасьев все же ведет.

И в каком же направлении?

Пора, по его мнению, отказаться от дилеммы капитализм – или социализм, как изжившей себя, ушедшей в прошлое. Причем под социализмом, как моментом дилеммы:

«капитализм – или социализм» он понимает только «казарменный социализм» и приписывает ему неразрывную необходимую связь с марксистско-ленинскими взглядами, даже, как он выражается, в их девственности. Это для него «очевидно», как впрочем и для всех «радикальных» и «умеренно-радикальных» перестройщиков. Там, где не хватает доводов, он нередко употребляет любимое, видимо, им слово «очевидно».

Между тем К. Маркс вполне определенно выразил свое отношение к «казарменному коммунизму». Называя его «грубым коммунизмом», К. Маркс писал (пусть читатель хотя бы на одном характерном примере сам судит, насколько К. Маркс канул в реку прошлого): «...Первое положительное упразднение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности, желающей утвердиться в качестве положительной общности». «Беря отношение частной собственности в его всеобщности, коммунизм

1) в его первой форме является лишь обобщением и завершением этого отношения (т.е. отношения частной собственности – В.В.). Как таковой он имеет двойкий вид: во-первых, господство вещественной собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить все то, чем, на началах частной собственности, не могут обладать все; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т.д. Непосредственное физическое обладание представляется ему единственной целью жизни и существования; категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей...

Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть зависть представляет собой ту скрытую форму, которую принимает стяжательство и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает – по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности – зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из представления о некоем минимуме. У него – определенная ограниченная мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека,

который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общинной как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень представляемой всеобщности: труд - как предназначение каждого, а капитал - как признанная всеобщность и сила всего общества».

(Я опустил здесь мысли К. Маркса об отношении к женщине, ибо это - особый, хотя и весьма важный вопрос).

Там же К. Маркс замечает: «2) Коммунизм а) еще политического характера, демократический или деспотический...».

Как видим, критикуемый и упраздняемый ныне «нашими радикалами» и «умеренными радикалами» К. Маркс не так прост. Чтобы идти дальше К. Маркса (или В.И. Ленина), пользуясь известным образным выражением, надо стоять на плечах этих гигантов, а не у их подошв, даже если «критический радикал» стоит и несколько впереди. Их надо, как минимум знать и понять.

За то, что наши критики просто-напросто не понимают К. Маркса, я могу поручиться и постараться доказать.

Вернемся, как говорится, к нашим баранам. Ю. Афанасьев хочет найти нечто третье, то, что выходит за пределы противопоставления: капитализм или социализм. Причем он в то же время желает сохранить как путеводную социалистическую идею. «Но только не в русской, большевистской, плебейско-революционалистской ее сущности, а если мы на эту социалистическую идею посмотрим более широко: начиная с идеи Иисуса Христа о братстве и справедливости, через ленинские предсмертные муки, когда он пытался найти ход из кризисного положения, и до самых новейших штудий современной социал-демократии. Вот так на нее и нужно смотреть».

Вот оно, тайное стало явным. Эти как все другие основные идеи Ю. Афанасьева не есть действительная деидеологизация, а есть давным-давно известная идеология социал-демократии. Ю. Афанасьев отнюдь не оригинален. Он подхватил или подхватывает идеи европейской социал-демократии, в свою очередь заимствованные социал-демократами из буржуазной идеологии и приспособленные в таком духе, чтобы можно было, провозгласив третий, якобы некапиталистический и несоциалистический путь, путь «демократического социализма», сохранить капитализм, наложив на него социально-экономическую косметику.

На пути завоевания обнаружившимися у нас социал-демократами общественного мнения стоит авторитет В.И.

Ленина. И Ю. Афанасьев пытается привлечь В.И. Ленина на свою сторону. (В отличие от более прямолинейного депутата Карякина, который предложил – под соусом борьбы со сталинизмом – снести Мавзолей В.И. Ленина.). Почитайте работы В.И. Ленина, в том числе и последние, и вы убедитесь сколь кощунственно В.И. Ленина, непримиримого борца против капитализма, изображать соглашателем с капитализмом. Естественно, что в качестве идеалов с социал-демократических позиций изображаются либо развитые капиталистические страны, либо, в первую очередь, те, в которых у власти стояли или стоят партии Социнтерна, в том числе Швеция.

В действительности нас зовут к капитализму, капитализм изображается как рай земной. Фактически так представляют капитализм и большинство средств массовой информации. И они уже оказали довольно значительное воздействие на умы и сердца многих людей, большинство из которых не представляет реально, ощутимо, что их ожидает.

Что элита интеллигенции, которая по своим доходам и образу жизни, скажем так, близка к доходам и образу жизни буржуазии, выступает за капиталистический рай – это понятно. Понятно и почему коррумпированная и т.д. бюрократия встает или встала на социал-демократические позиции и скрыто ведет дело к реставрации капитализма. Она уже к нему близка по своему положению. Понятно, что ветреная богема в своем разудалом стремлении к «свободе» во что бы то ни стало, содействует этому. Ясно, что такой путь и итог на-руку дельцам теневой экономики.

Мне непонятен восторг от капитализма у широких слоев интеллигенции, и совсем уже неясно, заявление одного рабочего М.С. Горбачеву, во время одной из его встреч с рабочими, что ему безразлично, на кого работать, пусть хоть и на капиталиста, лишь бы хорошо платил.

Чем грозит нам капитализм? После односторонней, искажающей реальность обработки массового сознания многими средствами массовой информации об этом трудно даже заговорить, – тем более кратко. Тем не менее, рискуя прослыть, в глазах «радикалов» разного толка ретроградом, скажу.

Переход к капитализму, пусть и замаскированный под «демократический социализм» (этот термин давно используется социал-демократами) означает вступление нашей промышленности и сельского хозяйства в конкурентную борьбу, в том числе с промышленностью и сельским хозяйством развитых капиталистических стран. Следует отдавать себе отчет в том, что эта конкуренция – борьба не на жизнь, а на смерть, и побеждает в ней

сильный. (Скажут, а как же Финляндия например? Хочу задать контрольный вопрос: а что будет со странами такого рода, если в социалистических странах будет в том или ином виде реставрирован капитализм? Не начнется ли наступление и на них? Не «перекроют ли и им воздух?»).

Может ли наше хозяйство, тем более если его полностью отделить от государства, как требует Ю. Афанасьев, выдержать такую борьбу при преобладающей у нас технике, технологии, производительности труда...? Вероятнее всего, нет. В таком случае что нас ожидает? Положение не Швеции, не Швейцарии, ни Дании, ни Франции, вообще никакой из развитых капиталистических стран. Нас вероятнее всего ожидает положение страны, опутанной неокOLONиализмом.

Преставления, будто к нам придут бескорыстные добрые дяди-капиталисты и принесут нам в качестве подарка – деньги, технику, технологию наивно и утопично.

Почему же эти «дяди» не облагодетельствовали «третий мир», в который нам вероятнее всего придется влиться, если мы пойдем по открыто капиталистическому, или скрыто капиталистическому, то есть социал-демократическому пути? Почему сохраняется неокOLONиальная зависимость стран «третьего мира» от развитых капиталистических стран?

Нам говорят «радикалы»: лучше богатство в неравенстве, чем равенство в бедности. Традиционный лозунг контрреволюции стал лозунгом «революции».

Кому лучше? Тому, кто будет богатым. А какое «богатство» и «процветание» ожидает большинство населения страны, если она пойдет по пути неокOLONиальной зависимости, можно предвидеть: «... Даже выживание и мир имеют различный смысл для одних стран и для других, есть две разновидности выживания и мира: выживание богатых и выживание бедных» (Ф. Кастро, 07.12.88). Далее Ф. Кастро приводит поразительные цифры, которые у нас почему-то не распространяются: «Каждые 3 дня только детей моложе 5 лет умирает столько же, сколько погибло от каждой из бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. А те, кто умирает позже или страдает от тяжелых последствий недоедания и голода, не только сокращающих жизнь, но и пагубно влияющих на умственное и физическое развитие десятков миллионов людей, – эти последствия хуже, чем те, которые были вызваны радиацией в Хиросиме и Нагасаки». И затем: «Можно сказать больше: ежегодно в «третьем мире» умирает вследствие колониального грабежа, которому подвергались наши народы, вследствие неравноправного обмена, вследствие бедности, вследствие существования в мире

несправедливых отношений, вследствие империалистической политики столько же людей, сколько погибло во второй мировой войне».

Почему же капиталисты из развитых стран, сохраняя, поддерживая неоколониальные отношения, при которых гибнут от голода, нищеты десятки миллионов людей ежегодно, выберут именно нашу страну, чтобы принести ей «воскресные подарки» например, в виде благоустроенной для нас, именно для нас, лучшей части территории Крыма?

Чем это мы им так понравимся?

Не лучше ли уже сейчас, не дожидаясь, пока наша страна, (если она пойдет по капиталистическому пути) залезет в неоплатные долги (по рекомендации, скажем, радикала Н. Шмелева или какого-либо другого радикала, а то и просто будет вынуждена это сделать), станет свалкой радиоактивных отходов, распродаст в той или иной форме значительную часть наших недр, лесов и других национальных богатств, короче достигнет положения «нормального» неоколониального государства, не лучше ли уже сейчас дать себе трезвый отчет в том, куда нас могут завести (а вернее, заведут, если будут иметь власть и влияние) красноречивые «радикалы»?

Благими намерениями вымощена дорога в ад. История нашей страны доказывала это не один раз. Соответствуют ли интересы большинства трудящихся нашей страны конечным интересам «радикалов»? Ведь даже умеренные радикалы, расходящиеся с собственно «радикалами», только в понимании тактических задач, совершенно справедливо упрекают последних в том, что при их тактике «не исключен (только-то!) длительный застой в экономике при серьезных социально-политических потрясениях...». И далее, верно, на мой взгляд, предсказывают что, при попытках осуществления этого варианта экономического преобразования страны – длительную галопирующую инфляцию, увеличение доходов за счет роста цен, массовую безработицу, снижение жизненного уровня, сильную дифференциацию доходов разных групп населения (см. материалы к конференции по проблемам радикальной экономической реформы, опубликованные в «Экономической газете» в октябре 1989г.).

Может быть стоит, хотя бы на время и хотя бы немного, приглушить эмоции? Не стоит ли всерьез задуматься над взглядами «радикалов»?

Кому верим? За кем идем? И дело не в том, лично это люди честные или нет. Важен конечный результат деятельности.

ИСТОРИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

"Призрак коммунизма рассеялся на рассвете" - так перефразировал один из выступавших на последней Московской городской партийной конференции (1989 г.) знаменитое высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса: "Призрак бродит по Европе - призрак коммунизма"¹.

И, судя по телетрансляции, ему либо не возразили, либо возражали вяло. Мнение о несбыточности коммунистического идеала², конечной цели коммунистического движения довольно широко распространено и среди коммунистов тоже.

В этой статье я не буду касаться причин того, почему даже среди членов партии немало таких, которые относятся к коммунизму подобно Б.Н. Ельцину, как к заоблачной мечте, или говоря жёстче, как к маниловщине. Для исследования причин потребовалась бы специальная работа. По-моему, ныне при наличии и укорененности множества социальных иллюзий и тому подобного, во внедрении которых не малая "заслуга" принадлежит средствам массовой информации, о причинах сложившейся ситуации целесообразно либо совсем не говорит либо говорить достаточно подробно.

Здесь же мне хотелось бы кратко обсудить вопрос: правы ли те кто сомневается в достижимости конечной цели коммунистического движения или нет?³

В последнее время входят в моду среди некоторых кругов взгляды Э. Бернштейна, других деятелей II Интернационала, взгляды социал-демократии. И если крайние в среде этих кругов категорически утверждают историческую правоту Э. Бернштейна и др., то умеренные сомневаются: а может они действительно оказались правы?

Позиция В.И. Ленина по отношению к Э. Бернштейну и его единомышленникам известна, он не раз высказывался о том, что они ревизуют⁴ составные части марксизма и марксизм в целом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 4. с. 423.

² Слово "идеал" употребляется в смысле "высшая цель стремления".

³ Более подробно см. в книге: В.А. Вазюлин "Логика истории". МГУ. 1988.

⁴ Что же подразумевается под словом "ревизия". Если догматик и стремится сохранить устаревшие положения марксизма, то ревизионист отвергает те положения марксизма, которые не устарели, а продолжают сохранять значение и для современности. Следовательно, как догматик, так и ревизионист (поскольку таковыми остаются) оказываются неспособными творчески отнестись к марксизму.

Уже в конце XIX в. ревизионисты подвергли не просто сомнению а прямому категорическому отрицанию конечную цель коммунистического движения: "естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. "Конечная цель - ничто, движение - всё", это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять своё поведение, приспосабливаться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, - такова ревизионистская политика"⁵.2

Коммунистическое движение, потерявшее коммунистическую цель, коммунистическую перспективу, разве это коммунистическое движение? Без конечной цели это или разваливающееся или развалившееся движение и уже ни о какой его действительной революционности речи быть не может.

О значении перспективы в жизни отдельного человека хорошо сказал А.С. Макаренко: "Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость... Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, - это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий своё поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей, хотя бы и далёкой, он может представляться сильным, но не вызывает у нас ощущения красоты личности и её настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека - значит воспитать у него перспективные пути"⁶.

Не только отдельный человек, но и общество, теряющее или потерявшее отдалённую перспективу своего развития, - общество, которое перепивает разложение. И разве монет служить истинным стимулом человеческой жизни, например, лозунг, выдвигаемый Г. Поповым и другими "радикалами", его единомышленниками: "Лучше неравенство в богатстве, чем равенство в бедности". Чему бы ни

⁵ В.И. Ленин. ПСС. т. 17. с. 24.

⁶ А.С. Макаренко "С воспитании молодёжи". М. 1951. с. 199.

противопоставлялось социальное неравенство, оно никогда не способно быть действительно перспективным лозунгом прогрессивного общества. В обществе, потерявшем или теряющем перспективу пусть и на исторически короткое время, с неизбежностью разрастаются социальные пороки: рост бедности одних при обогащении других, рост преступности, проституции, алкоголизма, наркомании и пр. и пр. Никакие крохи фондов милосердия исправить положение коренным образом не в состоянии.

Общество, теряющее или потерявшее отделённую перспективу развития, слепо в видении отделенного будущего, и продвижение вперёд - если оно ещё происходит - осуществляется путём проб и ошибок.

Целостная концепция перестройки, если теряется коммунистическая перспектива, невозможна. Целостной в таком случае может быть лишь концепция реставрации капитализма. Или - или. Попытки метаться туда - сюда без коммунистической перспективы в конечном итоге - путь назад, к капитализму.

X X X

Реальна ли коммунистическая перспектива?

Коммунистическую перспективу нельзя достаточно глубоко понять если замкнуться только на трудностях, которые перевивает наша страна или другие социалистические страны в последние десятилетия, недостаточно и осмыслить историю за последние семьдесят два года, недостаточно даже исследовать в целом отношение капитализма и социализма, помимо всего этого следует принять во внимание весь ход истории человечества. Ибо коммунизм образуется как результат всей предшествующей истории человечества. Результат же можно в полной мере понять лишь в связи с процессом, который к нему привел или приведёт.

Коммунизм предполагает полное преобразование не только того, что имело и имеет корни в капиталистическом обществе, но и тех условий, отношений, традиций, привычек а т. д. и т. п., которые ведут свою родословную ещё из докапиталистических обществ.

Господствующее ныне среди марксистов убеждение ориентирует почти исключительно на изучение перехода от одной формации к другой. Отсутствует чёткое понимание того, что переход к коммунизму - переход от предыстории, от всей предшествующей истории к подлинной истории человечества. А значит, этот переход несравним по глубине и длительности с простым переходом от одной формации к другой, например, от феодализма к капитализму. Переход к коммунизму в таком случае более продолжителен и сложнее, чем переход, в частности, от

феодализма к капитализму. И сам коммунизм предстаёт не просто как формация в ряду других формаций, а как принципиально новый тип развития общества.

Протекшая человеческая история, если принимать во внимание случайности, зигзаги, перерывы, разные линии развития... , можно сравнить с деревом, его стволом, ветвями и листьями; но если выделить закономерный, основной ход протекшей истории, то есть, если обратить внимание на "ствол дерева", то он имеет вид как бы витка спирали, и человечество в настоящее время находится где-то ближе к концу этого витка. Обычно этот виток - в тех случаях, когда его характеризует, - рассматривается в плане: доклассовое общество → классовое общество → бесклассовое общество. Акцент при таком подходе - который, кстати говоря, более или менее развёрнуто нигде не реализован - делается на классовом обществе, оно служит точкой отсчёта, а остальные определяются с точки зрения отрицания: неклассовые (до-, и послеклассовые) общества.

Мне думается исторически созрели (или созревают) условия для более глубокого понимания этого витка спирали человеческой истории.

Рассмотрим этот виток и начнём с характеристики отношения людей к природе.

Исходное отношение - естественно возникшее. Происходит использование средств воздействия, данных природой в готовом виде. На этом отрезке спирали истории природа действует сама, самодействует, осуществляется преимущественно потребление результатов самодействия природы. Такое отношение к природе доминирует тогда и до тех пор, пока доминирует добывающее хозяйство, добыча есть использование готовых предметов природы, пусть и при помощи произведённых средств воздействия.

Произведённые средства воздействия возникают, разумеется, с возникновением человека как биологического существа (образуя важнейшую "сторону" антропосоциогенеза), но впервые они овладевают материальной жизнью общества с переходом от присваивающего хозяйства к производящему. Но ещё много и много веков происходит процесс нормирования решающей роли искусственных, созданных людьми средств воздействия. Я сейчас не буду называть и характеризовать стадии этого процесса. Скажу лишь, что вплоть до капитализма основным средством производства оставалась земля, т.е. средство производства преимущественно в готовом виде. Господствующую здесь роль играли животноводство и растениеводство. Опять-таки, хотя люди и перешли от добычи к выращиванию растений и животных, к

их, так сказать, "обработке", но они продолжали иметь дело с тем, что по своей сути им всё же досталось как дар природы. "Обработка" предметов природы в общем и делом остаётся поверхностной. Человечество пока, следовательно, в общем и целом внешне преобразует природу.

С образованием крупной промышленности начинается доминирование на производстве искусственных средств производства. А это означает, что в преобразующем отношении людей к природе всё более важное, решающее значение для их жизни приобретает проникновение в сущность, во внутренние связи природных процессов, природных образований.

С переходом от обезьяноподобного предка к человеку возникающие люди стали использовать предметы природы в качестве средств для удовлетворения своих потребностей, добывание материала для производства средств труда и само производство средств труда было в основном делом тяжёлым. Это ясно. Недаром, слово "труд" имело один корень со словом "трудно". И естественно всегда существовала тенденция к облегчению труда. (Я пока отвлекаюсь от результативности труда).

Постепенно происходил переход от средств производительного воздействия на природу, данных природой в готовом виде, к производительным средствам воздействия, требовавшим непосредственных усилий человека для их производства и использования, к самодействующим средствам. Это как бы возвращение к исходному пункту: к самодействию (в исходном пункте "самодействует" девственная природа), но уже к самодействию искусственной природы.

Притом со временем самодействующие, автоматически действующие средства сами начинают производить себя, автоматы начинают создавать автоматы, осуществляется самовоспроизводство самодействующих средств воздействия на природу.

Как бы возвращение к исходному пункту заключается в том, что человек опять начинает иметь дело с такими процессами создания предметов, способных удовлетворить его потребности, которые (процессы) совершаются в немалой степени сами собой, без непосредственного труда. Однако это есть всего лишь как бы возвращение, ибо, во-первых, последние процессы ведут свою родословную от труда, во-вторых, и в каждое данное время автоматизированное производство в конечном счёте направляется трудом людей в соответствии с их потребностями, т.е. автоматизированное производство остаётся подчинённым труду, людям, сохраняется на

положении средства производительного воздействия людей на природу. Это – не естественно возникшее, а искусственное, сознанное людьми средство, ставшее в немалой степени самодействующим, а постольку и независимым от людей, точнее, всё большую относительную самостоятельность приобретают части автоматизированного производства, хотя в целом оно остаётся подчинённым людям. Люди приобретают возможность всё более гибко использовать в своих целях всё производство в целом и как целое.

Нечто аналогичное, хотя и не вполне то же самое, происходит с материалом, на который осуществляется воздействие. Сначала используется материал, данный природой в готовом виде, затем такой материал, который предварительно обрабатывается в процессе труда, но при этом сохраняет свои основные природные свойства, имевшиеся у него до обработки. Заключительный отрезок этого витка – создание искусственных материалов с заранее заданными свойствами.

Следовательно, с одной стороны, человек имеет данный природой материал, использует природные закономерности. Но, с другой стороны, он не просто приспосабливается к природному материалу, а сознательно ставит задачу – создать материал с нужными человеку свойствами – и производит такой материал.

Изменение отношения к материалу определяется развитием средства труда прежде всего.

Вся протекшая история человечества – это история преобладания механического производства, история использования главным образом (но отнюдь не исключительно) механической формы движения, хотя уже на ранних стадиях начинают использоваться и другие формы движения материи (например, об этом свидетельствует применение огня). Преобладание использования механического производства – это печать происхождения человека из животного мира (рука – орган механического перемещения), труд со всеми его компонентами образовался при использовании преимущественно механической формы движения, и по сути своей ручной труд приспособлен к механической деятельности. Уже на основании существующих ныне тенденций можно сказать, что в будущем всё большую роль будет приобретать преобразование процессов (в механическом производстве в основном преобразуются предмету), что всё большее значение будут приобретать производства, базирующиеся на использовании более развитых, чем механическая, форм движения. В конечном счёте производство, по нашему мнению, станет преимущественно биологическим. Биотехнология уже ныне

одна из самых перспективных отраслей науки и производства. Но переход к биопроизводству означает овладение людьми сущности всего живого и человека как биологического существа. Вместе с этим возникают и развиваются две противоположные возможности: возможность овладения биологическими закономерностями (если иметь в виду человека) для устранения болезней, продления жизни человека, гармонизации его как биологического существа и вместе с тем возможность повредить человека, всё человечество в качестве совокупности биологических существ. Опасность вмешательства в биологическую природу человека приобретает возможность стать - в пределе - самоубийственной для человечества. Здесь тоже наблюдается виток стирали: от "создания" человека (в качестве биологического существа) природой к биологическому самосозиданию (в единстве со способностью к саморазрушению) человеком самого себя.

Существенно меняется на протяжении того витка спирали истории взаимоотношение человечества с природой и в других аспектах. Исходным, животным взаимодействием с природой является по преимуществу приспособление к природе. С образованием людей возникает как устойчивый процесс, процесс преобразования природы, когда природа выступает как средство для удовлетворения потребностей человека. Пока человечество возникает, человек борется за биологическое выживание, сначала в общем и целом эффективность деятельности людей по обеспечению своей жизни колеблется где-то около минимума, т.е. колебание происходит около того, что минимально необходимо для поддержания жизни человеческого рода. Это между прочим проявляется в том, что население земли на этом отрезке истории растёт чрезвычайно медленно (об этом не говорит и низкая продолжительность жизни).

Весь период формирования человечества в этом отношении (возможности удовлетворения потребностей) это период, начинающийся того времени, когда человеческий род приобрёл способность добывать и производить средства к существованию, несколько превышающее упомянутый минимум, но ещё не достиг такого производства, когда становится возможным удовлетворять оптимум биологических потребностей (в пище, одежде, обуви, жилье, в биологически оптимальных условиях труда и т. д.).

Весь этот период формирования человечества сохраняется (хотя и в разной степени) борьба людей за существование как между собой так и с природой, остановлюсь пока на последнем. Отношение к природе, преобразующее воздействие на неё выступает в период формирования человечества преимущественно как борьба с

неумолимым грозным противником. Поэтому на первый план выступает подчинение природы человеком, господство человека над природой, хищническое отношение к природе (урвать во что бы то ни стало). Но сначала воздействие человечества на природу сравнимо по своим масштабам и глубине воздействия с воздействием животных на окружающую среду. Правда, с самого начала люди, в отличие от животных, воздействуют на природу главным образом при помощи производительных органов. И в самом начале - примерно в тот период, когда удовлетворение потребностей человеческого рода колеблется около минимума - люди ещё в основном приспосабливаются к ней, - люди не представляют ни естественных, ни общественных последствий своего воздействия (как человечества, человеческого рода) на природу. Это же сохраняется, хотя и в меньшей степени, и в период формирования человечества.

Таким образом, отношение людей к природе и в период возникновения и в период формирования человечества, с одной стороны, противостоит животному (как преобразующее), а с другой стороны, остаётся животным (хищническим, без учёта последствий воздействия на природу).

По мере углубления и расширения преобразующего воздействия масштаб и глубина воздействия людей на природу начинает всё более и более отличаться от воздействия животных, постепенно люди научаются предвидеть всё более глубокие и всё более отдалённые последствия своего воздействия на природу. И вместе с тем углубляется и расширяется хищническое отношение к природе, подчинение природы человеку, масштабы и глубина этого воздействия в конце концов становятся столь значительными, что охватывают всё лоно, в котором образовалось человечество, т.е. всю Землю, всю её поверхность и все её недра, охватывают столь глубоко, что искусственно создаваемая среда начинает пронизывать всю среду обитания, а шире и глубже говоря, хищническим путём созданная "искусственная природа" начинает пронизывать всю "естественную природу".

Человечество приобретает две противоположные возможности: с одной стороны, возможность в соответствии со своими потребностями преобразовать все земные условия своего существования, а с другой стороны, возможность разрушить всю землю или военным или мирным путём. Эти колоссальные созидательные и самоубийственно разрушительные возможности человечества ставят его перед дилеммой либо сознательно овладеть своими могучими

возможностями и использовать их во благо человечества как целого, либо погибнуть.

В настоящее время разъединённое человечество способно нейтрализовать в лучшем случае те или иные непосредственные или лишь в незначительной мере общие последствия своей хищнической производительной деятельности. Но по мере образования мировых производственных связей и углубления производительного воздействия разрушительное действие на нашу Землю становится всё более глубоким целостным, всесторонним.

Лишь объединение человечества и сознательное объединённое общечеловеческое, планомерное в масштабах человечества развитие откроет принципиально новые перспективы в устранении негативных последствий человеческой деятельности. Ход истории под угрозой смерти человечества вынуждает к новому отношению к природе - отношению, представляющему собой как бы возвращение к исходному пункту: такое преобразование природы, которое было бы как бы приспособлением, как бы сохранением в девственном виде природы, т.е. преобразованием, учитывающем отдалённые последствия воздействия на природу в их совокупности.

Тем не менее это производство столь значительно и глубоко, что оно при самом полном использовании разума, науки постепенно приводит к преобразованию всей Земли (её поверхности и недр), а значит, к созданию уже в основном не естественной, а искусственной окружающей человечество среды. Рост возможностей человечества по созданию искусственной окружающей среды, рост возможностей автоматизации и создания искусственных материалов означают образование предпосылок выхода человечества за рамки его природного лона, за пределы сугубо земной цивилизации и перехода к космической цивилизации.

Необходимость к космической цивилизации диктуется, в частности, ограниченностью запасов сырья для производства, места для размещения производства и населения (по нашему мнению, создание избытка материальных благ повлечёт за собой новый демографический взрыв).

Итак, прошедшая и продолжающаяся в настоящем цивилизация - это виток спирали земной цивилизации, на смену которой уже идёт, становится необходимостью цивилизация космическая. Одним из необходимых условий перехода к ней - объединение человечества.

Без объединения человечества не сможет ни выжить, ни сосредоточить силы, необходимые для широкого прорыва в космос (уже сейчас достаточно крупные космические

программы могут осуществлять либо самые могущественные государства, либо несколько государств объединивших свои усилия).

Развиваются не только средства производительного воздействия на природу и используемые в производстве материалы, но и сам человек. С самого начала труд - определяющий фактор возникновения и дальнейшего развития человечества. Но в первобытном обществе преобладает не производство, а добыча. Соответственно люди - с точки зрения преобладающей деятельности - не производители, а "добытчики". Соответственно их умения, навыки есть преимущественно умения, навыки применения средств воздействия (созданных или найденных в природе в готовом виде) в процессе добычи, а знание - преимущественно непосредственное наблюдение. Так как добыча при помощи средств воздействия, данных природой в готовом виде или созданных трудом, есть снятое животное отношение к природе, то в сознании людей преобладает осознание животного отношения к природе, сознание живой конкретной связи со всем, что их окружает, и друг с другом. С переходом к преобладанию производства, к производящему хозяйству люди становятся преимущественно производителями. Но в производстве длительное время основными средствами производства остаются естественно возникшие средства производства - земля и скот. Отсюда и длительное преобладание непосредственного отношения к природе - сам производитель выступает непосредственно или в значительной мере как природное тело, как данное природой средство производства, т.е. сам производитель ещё в той или иной степени не отделён от средств производства, является средством производства. Разделение средств производства и производителей, выделение производителей из средств производства происходит по мере развития и распространения произведённых, созданных трудом средств производства. Среди созданных трудом средств производства вначале преобладают средства труда, приводимые в действие индивидуальным ручным трудом.

Распространение ручного труда (с разделением или без деления труда) соответствует начинающееся проникновение в сущность процессов, явлений, однако осознаваемой в форме единичности или особенности, т.е. в противоречащем сущности виде. Поскольку не предпринимается попытки познать сущность в чистом виде, постольку это познание существует как догадка, одобренная изрядной дозой фантазии. На основе развития ручного труда в конечном итоге развивается разрыв между физическим и умственным трудом, а также между опытным и

теоретическим знанием, причём производственное значение имеет опытное знание, а не теоретическое.

С развитием машинного производства и превращением его в решающий вид производства преобладающим становится механический, физический труд по применению машин. Вместе с тем совершенствование, а тем более создание машин во всё большей степени требует не только опытных, но и теоретических знаний (сам опыт во всё большей степени направляется и превращается в эксперимент). Теоретическое и экспериментальное знание приобретает непосредственное производственное значение. Машинное производство готовит почву для устранения разрыва между физическим и умственным трудом, доведя его до предела, между опытным и теоретическим знанием и познанием. Однако вполне эта почва подготавливается развитой автоматизацией, когда труд по развитию автоматизированного производства и общее управление этим производством начинают преобладать над простым применением машин.

С развитием простого машинного, а затем автоматизированного производства развивается и общественный характер труда.

Историческое развитие характера труда происходило спиралевидно. Начальный пункт - труд, имеющий естественно возникший коллективный характер. Он был обусловлен необходимостью выживания человеческого рода в суровых природных условиях, невозможностью выжить в одиночку. Изгнание из коллектива, если невозможно было влиться в какой-либо другой коллектив, в большинстве случаев означало смерть.

Затем развивается всё более и более индивидуальный ручной труд. Капиталистические производственные отношения и возникли первоначально на основе ручного труда, и привели к его кооперации.

В процессе кооперации и разделения, или разделения и кооперации ручного труда осуществляется переход к машинному труду, именно переход к машинному труду и был переходом к собственно общественному характеру труда, т.е. происходит как бы возвращение к исходному пункту - к объединённому труду.

Развитие шла от процесса получения предметов потребления. при котором преимущественно осуществляется непосредственное наблюдение, к проникновению в сущность используемых процессов, выделению сущности в чистом виде, к теории и опыту, основанному на использовании теории (эксперименту), к науке как производительной силе. Применение науки как производительной силы - это уже применение теории и эксперимента как общественного

целого к практике, к производству, движение от теории к практике как общественного явления, т.е. науке, к практике общества.

От деятельности по использованию (при помощи органа тела) главным образом данных природой средств производства к преобладанию труда по применению созданных средств производства и от него к преобладанию труда по созданию и использованию самодействующих средств производства.

Спиралевидно развивались такие отношения людей друг к другу. Развитие шло от естественно возникших коллективных связей к разрушению этих связей, выделению людей из таких коллективов и образованию связей обособленных индивидов, объединённых тем, что все остальные выступают для индивида лишь средством для поддержания собственного существования, и от этих связей к подлинно общественным связям как личностей. При этом исходные коллективы малочисленные и обособлены друг от друга, в конце же этого витка спирали коллектив – это всё объединённое человечество. Что служит основой этого развития? Развитие производительного взаимоотношения с природой. Несколько огрубляя, можно сказать, что при господстве в производительном взаимоотношении с природой естественно возникших средств производства и в отношениях между людьми господствует естественно возникшие связи людей.

При господстве в производительном взаимоотношении с природой созданных средств производства господствуют собственно общественные связи между людьми. Созданные средства производства в общем и целом развиваются от индивидуальных, приводимых в действие ручным трудом к средствам производства, имеющим собственно общественный характер. Собственно общественный характер с возникновением и развитием машинного производства становится даже технической необходимостью. Общественный характер производства и обуславливает объединение людей, общественная собственность на средства производства. Степень его развития обуславливает в конечном счете и степень реального обобществления.

Развитие производственных отношений на базе и в единстве с развитием производительных сил идёт: от родоплеменной и общинной собственности к частной собственности (кстати, частная собственность вполне соответствует именно ручным средствам труда) и от неё к общественной собственности на средства производства.

Очень важно иметь в виду, что вначале производительные силы и производственные отношения непосредственно тождественны друг с другом, конечно, это

не абсолютное тождество, различие между ними существует с самого возникновения человека. Затем, в период формирования человеческого общества, на первый план всё более выходит существенное различие между производительными силами и производственными отношениями. Однако, полностью их непосредственное тождество в этот период не исчезает.

В докапиталистических антагонистических формациях, по нашему мнению, это дано явно: раб и отчасти феодально зависимый крестьянин тождественны средствам производства. При капитализме непосредственное тождество производительных сил и производственных отношений почти исчезло, однако в неявном виде оно всё же отчасти сохранилось: рабочая сила есть вещь, подлежащая продаже, т.е. она приравнивается в этом отношении к любому товару, любой вещи, а как купленная капиталистом для производительного использования вещь рабочая сила приравнивается в этом отношении к средствам производства.

Следующий этап - установление тождества производительных сил и производственных отношений, однако на новой основе и это иное тождество: человек постепенно освобождается от непосредственного труда по применению автоматизированных средств производительного воздействия на природу.

На начальных этапах происходит передача искусственным средствам производительного воздействия на природу физических усилий человека, а затем и всё более сложных интеллектуальных усилий. Направление этой тенденции заключается в том, что человек всё более вытесняется самодействующими средствами производительного воздействия на природу из сферы труда. Объём живого труда, в котором нуждается общество в конечном счёте имеет тенденцию к уменьшению. Сохраняющийся труд всё более опосредованно связывается с конечным продуктом и в труде сохраняются наиболее сложные его функции, ещё сохраняющиеся под натиском "наступающих на труд машин". Конечно, эта тенденция осуществляется и не в чистом виде и не по прямой восходящей линии. Например, известно, что автоматизация на определённых начальных стадиях ведёт к росту малоквалифицированного труда.

Самодействующие средства производительного воздействия на природу создают, в конечном счёте, предпосылки для сокращения рабочего времени (необходимое для воспроизводства данного индивида, его семьи, для общественных нужд), уменьшения продолжительности рабочего дня, облегчения условий труда, открывают

перспективу для того, чтобы усилия, затрачиваемые индивидами, в течение общего необходимого рабочего времени составили меньшую часть тех производительных усилий, на какие способен человек. Это открыло бы возможность большую часть этих усилий осуществлять свободно и целиком (или главным образом) в соответствии с интересами индивидов.

Передача машинам физических функций человека вызвала потребность в развитии физической культуры. Если труд преимущественно направлен на внешний человеку предмет, то физическая культура имеет человека в качестве самоцели. По мере передачи машинам интеллектуальных функций будет расти потребность индивидов в интеллектуальной культуре. Само развитие средств производства создаёт возможность, а природа человека как социально-природного существа требует, если человек хочет в условиях передачи машинам физических и интеллектуальных функций не болеть, жить полной жизнью, то физическая и интеллектуальная культура оказывается необходимостью, т.е. необходимостью становится физическое и интеллектуальное развитие индивидов как самоцель. И в этой необходимости даёт себя знать и другая тенденция. Сама биологическая жизнь как единство и противоположность жизни и смерти - требует постоянной борьбы за жизнь со смертью. Труд, возникший как средство поддержания физического существования, сформировал биологический вид человека и тем самым оказался не только тем, от чего стремятся избавиться, но и тем, без чего человек не может существовать не только специфически человечески (в отличие от животных), но и даже как биологическое существо особого рода.

Иначе говоря, труд не только тяжесть, но труд и потребность.

И потребность в труде, будучи, по моему, социально-природной, с одной стороны, воспитывается, с другой стороны, это - потребность здорового человеческого организма в трудовом напряжении. И по мере устранения чрезмерной интенсивности и продолжительности труда, облегчения условий труда на первый план выходит потребность в труде (по сравнению с потребностью избегания труда).

Коммунизм как итог развития есть отрицание отрицания предшествующей истории. Коммунизм - это новый тип развития человечества, который, став зрелым, сам, видимо, будет иметь различные стадии развития. Только коммунистически, подлинно объединившееся человечество будет в силах окончательно устранить угрозу своего военного истребления и вымирания от побочного действия

производства разумно направлять развитие индивидов (в том числе усовершенствовать их биологическую природу), общества, преобразовывать в соответствии со своими потребностями всю Землю и околоземное пространство, окончательно расселиться за пределы Земли, вполне перейти к космической цивилизации, сохранив Землю как Мекку космического туризма.

Альтернатива, вытекающая из закономерного хода истории, по-моему, такова: либо гибель человечества, либо, в конечном счёте, подлинное объединение человечества и сознательное управление социальными силами, достигшими или достигающими убийственной мощи.

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК
ПРОФЕССОР
В. А. ВАЗЮЛИН

СОДЕРЖАНИЕ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ

- За исторический подход к проблеме исторического и логического//Философские науки. 1963. N 2. (Научн. доклады высш. школы), с. 139-149. 2
- К вопросу о "механизме" развития теоретического познания//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, Экономика, философия. 1964. N 2. с. 48-59. 13
- Противоречие и его отображение в "Капитале" Карла Маркса//Философские проблемы "Капитала" Карла Маркса.- М.: Изд-во МГУ, 1968, с. 41-81. 25
- Проблема исследования противоречия в "Капитале" К. Маркса//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, Философия. 1968. N2.С.32-40. 66
- Философские проблемы "Капитала" К. Маркса и их разработка в нашу эпоху//Философские науки. 1969. N 4. с. 158-162. (Научн. доклады высш. школы). Рец. на кн.: "Капитал" К. Маркса. Философия и современность,- М.: Наука, 1968. 75
- Методологическая роль проблемы исторического и логического в конкретных науках//Методологические проблемы современной науки. М.: Изд-во МГУ, 1970, с. 100-126. 80
- Материалистическое переосмысление К. Марксом гегелевской концепции отчуждения (по "Экономическо-философским рукописям 1844 года")//Проблемы диалектического материализма,- М.: Изд-во МГУ, 1971. с. 218-229. - (Материалы научно-теоретической конференции). - (В соавт. с Макаревич Г.А.). 107
- Марксов анализ "механизма" социальной обусловленности логики Гегеля//Философские науки. 1971. N 2. с. 122-129. (Научн. доклады высш. школы). 119

- Система диалектической логики в "Капитале" К. Маркса//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, Философия. 1971. N 3. с. 19-27. 127
- Вопросы теории общественно-экономических формаций в трудах К. Маркса: исторический аспект//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1983. N 2. с. 14-24. 136
- Развитие В. И. Лениным теории общественно-экономической формации//Теория общественно-экономической формации. М. 1983. с. 44-57. 147
- Современное методологическое значение "Капитала" К. Маркса//Теоретическое наследие Карла Маркса и современность. Калининский гос. университет, Калинин, 1984. с. 98-106. (Материалы конференции). 161
- Рассудочное и разумное мышление в развитии познания//Марксистско-ленинская диалектика: В восьми книгах,- М.: Изд-во МГУ, 1985. Книга 3: Диалектика процесса познания. с. 173-197. 170
- Проблемы материалистического понимания истории в работе Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства"//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, философия. 1985. N 2. с. 41-44. 195
- Система логики Гегеля и система логики в "Капитале" К. Маркса//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1985. N 6. с. 14-24. 204
- Восхождение от абстрактного к конкретному//Марксистско-ленинская диалектика: В восьми книгах.- М.: Изд-во МГУ, 1986. Книга 2: Диалектическая логика. с. 190-199. 215
- Неизбежность коммунизма//Экономические науки. 1990. N 9. С. 123-128. 225
- Не рано ли сдавать Маркса в музей древностей?//Яснополянский вестник. 1993. N 5. с. 3. 231
- Проблема достоинства человека в трудах К. Маркса и ее парадоксы//Этика прав человека: Материалы международной конференции/МГУ им. М.В. Ломоносова. – 232

Тула, 1994. с. 60-64.

- Наш человек мертв. Он кукла.//Газета «Трудовая Россия» №11, 1995. с. 2. 237
- "Большой проект" Г.А. Зюганова с точки зрения марксиста. (О "Манифесте НПСР")//Марксизм и современность. N 1-2 (13-14) 1999, с. 67-71 [и Марксизм и современность. N 1-2 (51-52) 2013]. 238
- Об основной направленности исторического процесса//Марксизм и современность. N 1 (75) 2000 & Труды СГУ, Спец. Выпуск 30, История и личность, М. 2001, 27-44. 243
- Еще раз о "большом проекте" Г.А. Зюганова (с точки зрения марксиста)//Марксизм и современность. N 3-4 (20-21) 2001, с. 87-98. 261
- Предисловие и Введение ко 2-му изданию «Логика «Капитала» Карла Маркса»//Марксизм и современность. N 1-2 (24-25) 2003, с. 37-47. 273
- Ответ С.И. Рудакову//Актуальность методологии марксизма и перспективы ее развития, Материалы Международной научной конференции, приуроченной к выходу в свет монографии В. А. Вазюлина «Логика «Капитала» Карла Маркса», 28 декабря 2002 г., М. 2003, с. 103-110. 284
- Ответы на вопросы//Актуальность методологии марксизма и перспективы ее развития, Материалы Международной научной конференции, приуроченной к выходу в свет монографии В. А. Вазюлина «Логика «Капитала» Карла Маркса», 28 декабря 2002 г., М. 2003, с. 113-126. 292
- Об альтернативности истории//Марксизм и современность. N 1 (26-27) 2004. 306
- О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма//Марксизм и современность. N 1-2 (31-32) 2005, с. 99-107. 309
- Еще раз о диалектическом снятии марксизма//Марксизм и современность. N 1-2 (35-36) 2006, с. 17-23. 318

Логика истории взаимодействия морали и политики//Марксизм и современность. N 4 (38) 2006, с. 35-37. 325

Обращение к представителям греческих кружков по изучению революционной теории. (22.08.2007)//Дополнение к 3-му изд. "Логике Истории" 2015, с. 351-364. 328

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ (источник: машинописные тексты и фотокопия рукописи) 342

1. Штрихи к социальному портрету "наших" "радикалов" 343

[а] В. Л. Шейнис против К. Маркса (с небольшими изменениями опубликованном под названием "Наши социал-демократы" и К. Маркс). 344

[б] Невежество или сознательное искажение взглядов К. Маркса? (Что сулит народу путь, предлагаемый депутатом СССР А. Денисовым?). 350

[в] Раздумья о нынешнем, переломном моменте в жизни страны и взглядах "радикалов". 356

2. История и коммунистический идеал (сокращенный вариант текста опубликован под названием Неизбежность коммунизма). 363

[Все статьи В.А. Вазюлина на официальном веб-сайте Международной Логико-Исторической Школы \(МЛИШ\).](#)